

ВИЛСЛАЦИС
СЫН РЫБАКА

Annotation

Роман "Сын рыбака" написан в 1932–1934 годах. В романе достоверно показана жизнь в рыбацком селе: события, происходящие в нем, судьбы рыбаков в досоветской Латвии.

- [Вилис Лацис](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [Глава первая ЗИМА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [Глава вторая ВЕСНА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава третья БОЛЬШОЙ УЛОВ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Глава четвертая ЗНОЙНЫЙ ШТИЛЬ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [Глава пятая В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [Глава шестая ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ](#)
 - [1](#)

- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- Глава седьмая ДОМ РАСКАЯВШИХСЯ ГРЕШНИКОВ
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
 - 8
 - 9
- Глава восьмая АМЕРИКАНЕЦ
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
- Глава девятая ЗА РАБОТОЙ
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
 - 7
- Глава десятая ПОСЛЕДНЯЯ ГРОЗА
 - 1
 - 2
 - 3
 - 4
 - 5
 - 6
- ЧАСТЬ ВТОРАЯ
 - Глава первая ЧЕЛОВЕК С ПАТЕФОНОМ И КИНОАППАРАТОМ

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [Глава вторая ФРЕД СНАРЯЖАЕТСЯ...](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [Глава третья ДОБРОЕ СУДЕНЬШКО «ТИТАНИЯ»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава четвертая РАЗНЫЕ СУДЬБЫ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
- [Глава пятая БУРЯ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
- [Глава шестая ДНИ ОДИНОЧЕСТВА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)

- [5](#)
- [Глава седьмая КУРЗЕМЕ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
- [Глава восьмая «ВИЛЛА ФРЕДИ»](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
- [Глава девятая ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ АМЕРИКАНЦА](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
- [Глава десятая ПИСЬМА И ЛЮДИ](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)

- [Глава одиннадцатая ВОЗВРАЩЕНИЕ](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Вилис Лацис
СЫН РЫБАКА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава первая ЗИМА

1

На видземском побережье Рижского залива, возле речушки Зальупе, стоит рыбацкий поселок Чешуи, защищенный грядой дюн от свирепых морских ветров. Узкая развилка дорога вьется меж двадцатью четырьмя дворами, отделяя их друг от друга. Дома крыты замшелым тростником или черепицей, среди них лишь один кичится красной железной крышей. Дом этот строен в полтора этажа, с верандой и балконом; голубая вывеска, на которой намалеваны сахарная голова и разрезанный каравай, украшает вход в лавку Бангера, самого зажиточного человека в поселке. Здесь можно купить смолу, пряжу для сетей, пробку, мыло, конфеты, табак и кое-что из гастрономии. Мужчины здесь всегда найдут чем промочить горло, а женщины могут вволю посудачить. Лавка Бангера — сердце рыбацкого поселка: сюда стекаются все свежие новости и слухи, а отсюда они с поразительной быстротой разносятся по всем дворам.

Дальше всех от моря, на самом краю поселка, одиноко стоит дом старого Дуниса. Он похож на остальные здешние дома — такой же низкий, длинный, с прогнувшейся тростниковой крышей и небольшими оконцами. С северной стороны к нему пристроен крытый двор для скота, чуть поодаль — клеть для хранения рыболовных снастей и баня с рыбокоптильней.

Ближе всех к дюнам — дом рыбака Клявы, такой же ветхий, как и у Дуниса. Просторный двор обнесен со стороны дороги ивовым плетнем, позади дома тянется обмелевший лиман. Лет тридцать тому назад здесь была бухточка, сейчас ее отделяет от моря гряда дюн. Только осенней порой, когда западные ветры нагоняют в залив громадные массы воды, лиман вновь сливается с морем. Вдоль него растет несколько кустов сирени и жидких березок, но ни одного фруктового дерева в Чешуях не увидишь.

Севернее, на пригорке, откуда открывается вид на весь поселок, стоит маленький домик без каких-либо хозяйственных построек. Здесь когда-то жила вдова Залита с дочерью Зентой...

В этом тихом уголке обитает сильное, закаленное рыбацкое племя. Несколько лет тому назад здесь произошли события, нарушившие мирное

течение обыденной жизни, и молва о них разнеслась далеко за пределы поселка.

В первый воскресный день после крещения Оскар Клява запряг лошадь и повез младшего брата Роберта, студента экономического факультета Рижского университета, в соседнее местечко, откуда начиналось автобусное сообщение с Ригой. С ними поехала и дочь лавочника Бангера — Анита; ей тоже пора было возвращаться в столицу, где она училась в последнем классе средней школы. Всю дорогу Оскар молча прислушивался к оживленным разговорам брата с Анитой. Они заранее радовались развлечениям, которые ждали их в городе, — театральным премьерам, выставкам картин и давно обещанным концертам Анри Марто^[1]. После двухнедельного отдыха молодые люди жадно стремились окунуться в многоцветный поток городской жизни.

Оскар не любил город. Он быстро утомлял его своими крайностями, угнетал избытком шума, движения, происшествий, всевозможных удовольствий и многообразием человеческих страданий. Даже во время деловых поездок он не мог высиживать там больше двух-трех дней. Смутно становилось у него на сердце, и он спешил обратно, в тихое царство дюн, где люди день и ночь дышат соленым запахом моря и засыпают под убаюкивающий гул прибоя. Здесь его ничто не угнетало. Бодро принимался он за повседневную работу — забрасывал сети, чинил невод, помогал отцу и сестре в рыбокопильне.

Оскар у исполнилось двадцать пять лет. Несмотря на то что он выделялся среди других парней тихим, молчаливым нравом, голову он держал высоко и ни перед кем ее не склонял. Когда Оскар шел по поселку, его большие красные руки тяжело свисали вдоль тела, словно обремененные собственной силой, и даже в толпе рыбаков его еще издали можно было заметить по гигантскому росту. Широкоплечий, с загоревшим от солнца, обвеянным морскими ветрами лицом, в облепленной рыбьей чешуей, запачканной смолой одежде и высоких сапогах с отогнутыми голенищами, он напоминал сказочного великана.

В местечке Оскар задержался ненадолго. Помог брату и Аните донести до автобуса вещи и стал прощаться. Подавая руку Аните, он посмотрел ей в глаза, покраснел, и в груди у него вдруг защемило. Это было незнакомое, впервые изведенное захватывающее волнение, но оно могло означать и

боль, и грусть, и тревогу. Оно имело множество названий, и только одного, подлинного, которое охватило бы все эти чувства, Оскар еще не знал... И так, он посмотрел на Аниту, покраснел и отвернулся.

Не оглянувшись ни разу, поехал он тихой улицей местечка и всю дорогу думал о девушке. На долгие месяцы исчезнет она среди каменных казарм большого города... Счастливым Роберт!.. При воспоминании о том, как брат и Анита сидели рядом в старых санях, Оскар вдруг почувствовал странное беспокойство. Всюду они будут вместе — в автобусе, в театре, на улице и в маленькой комнатке студента. И снова перед глазами возникало улыбающееся лицо брата возле раскрасневшейся от мороза девушки... Оскар потянул вожжи, лошадь пошла рысцой. Скоро завиднелись крыши поселка Чешуи. Оскару он показался вымершим. На улице не было ни души, даже не залаяла ни одна собака. Старые дома беспомощно и грустно глядели на него оконцами в полусгнивших рамах. Вид чахлого леса, песчаных холмов и замерзшего лимана почему-то взволновал Оскара, словно вокруг высились тюремные стены. Только заметив во дворе сестру Лидию, Оскар немного пришел в себя. Распрягая лошадь, он смотрел, как сестра носит воду. Приятно было глядеть на ее гибкий стан, который, казалось, не чувствовал тяжести полных ведер. Лидия шла легким шагом ловко оберегая новенькие туфли и синее платье от воды, переплескивавшейся через края ведер. Она взглянула в глаза брату, слегка улыбнулась и, ничего не сказав, прошла мимо. Улыбка, показавшаяся было на лице Оскара, медленно угасла. Он распряг лошадь, отвел в конюшню и пошел к морю.

Кучка мужчин в вязаных шерстяных фуфайках собралась у опрокинутого карбаса. Стоя со скрещенными на груди руками или облокотившись на карбас, они посасывали прокуренные, изгрызенные трубки. Лица у всех были медно-коричневые; у стариков их обрамляли окладистые бороды, а щеки молодых покрывала отросшая щетина. Рыбаки наблюдали море, ветер и тучи, и время от времени то один, то другой сплевывал коричневую слюну. Движения их были медлительны, такой же медлительной и обдуманной была речь — казалось, каждое слово произносится через силу. Среди рыбаков стоял старый Клява. Он все еще отличался статной осанкой, хотя голова его давно побелела, как яблоня в цвету. Набивая табак трубку, Клява глядел не на кисет, а вдаль, в открытое море. При этом он покачивал головой и словно приносившимся к доносившимся оттуда запахам.

— У юго-западного берега показалась сырть, — пробурчал он, не отрывая взгляда от морского простора. — Надо сдвинуть карбас в море и

поставить сети. Если оттепель подержится, будет славный улов.

Подошедший в этот момент Оскар услышал слова отца.

— Стоит ли овчинка выделки? — заметил он вполголоса.

— Ты что думаешь, рыба сама к тебе придет? — полушутливо, полусердито ответил Клява. — На это не надейся. Ты бы лучше достал новые сыртьевые сети: надо взять по меньшей мере штук восемь. С пустяками и выходить не стоит.

— Так-то оно так... — неуверенно сказал Оскар. — Но ты посмотри, что творится на севере. Надо ждать мороза и перемены ветра.

— Боишься отморозить пальцы? — подтрунил старый Клява.

Оскар пожал плечами и ничего не ответил.

— Ну, так приготовь якоря и буи, — сказал отец. — Вечером столкнем карбас в море.

— Как знаешь, — ответил сын. — Я бы не решился на это.

Оскар отошел к большой рыбацкой посудине и стал ее осматривать. Доски одной слани разошлись — он покрепче прибил их. Буи и клячи были покрыты снегом и занесены песком, концы тросов спутались. Приведя все в порядок, Оскар вернулся домой. До позднего вечера он разбирал сети, подвязывал оборвавшиеся поплавки и починил несколько мешочков с камнями, служивших грузилами.

Отец все еще продолжал болтать с рыбаками — он ведь числился помощником волостного старшины и всегда был готов поделиться новостями. Лидия расхаживала по дому, распространяя вокруг себя запах духов и пудры.

— Шел бы ты лучше с сетями в кухню, — бросила она брату. — Замусорил всю комнату.

Когда мать вернулась из хлева, ей тоже на каждом шагу попадались под ноги то скамейка Оскара, то игличка, то связка сетей.

— Словно нельзя было заняться этим в кухне, — ворчала она. — Расселся здесь, а другим хоть из дому беги.

Оскар не обращал внимания на упреки женщин. Поздно вечером, снарядившись как следует к выходу в море, он ушел в свою маленькую, смежную с хлевом комнатку и растянулся на кровати. Во всем теле чувствовалась легкая усталость, но сон не шел. Множество мыслей теснилось в голове Оскара. Закинув руки за голову, он лежал с открытыми глазами.

— Еще год, самое большее два, — шептал он, — окончит Роберт университет, тогда я и о себе могу подумать.

Со двора до него долетели тихие голоса, приглушенный девичий смех

и мужской шепот.

«Лидия и Эдгар Бангер... Анитин брат, — подумал Оскар. — Анита сейчас уже в Риге... Что-то она делает? Наверно, сидит в театре... ну, и Роберт, конечно, с ней. Эх!..»

Он ворочался с боку на бок, стараясь ни о чем не думать, а сон все не приходил. Вокруг стояла тьма, но у нее были глаза — глаза Аниты. Они глядели на него с такой же глубокой грустью, какая в этот час царила в его душе.

Долго еще слышался за стеной тихий смех, заглушаемый однообразным шумом леса и гулом волнующегося моря.

3

На востоке уже занималась заря, когда рыбацья лодка отчалила от берега. Чуть колыхался бескрайний морской простор. Теплый зимний ветер щекотал голые шеи рыбаков. От напряженной работы лица их покрылись каплями пота, а они все гребли и гребли.

Уже отчетливо обозначились вдали полоса леса за дюнами и строения поселка Гнилуши. На море было тихо. С берега доносились лай собак, пение петуха, ржание лошади. Скоро послышались и людские голоса, можно было различить даже отдельные слова. Восточный берег был полон звуков.

Оскар озабоченно прислушивался к подозрительно громким звукам: они предвещали перемену ветра.

— Вот-вот задует утренник и подморозит, — сказал он тихо, почти про себя.

Остальные посмотрели вокруг, как бы ожидая немедленного подтверждения его слов.

— Через несколько дней — пожалуй, — заметил Эдгар Бангер, который сидел на веслах возле Оскара.

Они молча продолжали грести, пока не показалось солнце и лодка не вышла на траверс поселка Гнилуши. Тогда стали выбрасывать ставные сыртьевые сети — сеть за сетью, порядок за порядком. Тихо покачивались на воде буйки с черными флажками. И чем выше поднималось солнце над дюнами и верхушками деревьев, тем холоднее становился воздух. По морю пробежала легкая, словно судорожная, дрожь, поверхность воды зарябила, по ней метались темные пятна теней. Только у берега, на отмелях, вода была совершенно спокойна — ветер дул с суши. Оскар становился все

угрюмее, но больше ничего не говорил — в лодке ведь были рыбаки постарше его. Молча они подошли к самому берегу, выволокли из воды лодку и разошлись.

— Ты чем-то расстроен? — спросил дорогой Эдгар Оскара. — Вид у тебя такой, словно зубы разболелись.

— Будь мы поумнее — сейчас же следовало бы вернуться в море и выбрать сети, — ответил Оскар. — Вот ударит мороз с ветром, тогда к ним не подступиться.

Эдгар пожал плечами:

— Нет, это никуда не годится... Нас же подымут на смех...

Эдгар еще издали стал посматривать на дом Клявы. Как только они поравнялись с воротами, во двор вышла Лидия с ведрами в руках. Она ни разу не взглянула на молодых людей, но когда Эдгар приподнял шляпу, Лидия покраснела и кивнула головой. Эдгар подошел к ней.

4

Ночью ветер изменил направление, задул с северо-востока. Жгучий мороз разрисовал узорами оконные стекла. Утром снег звучно скрипел под ногами. Оголенный песок на дюнах смерзся в камень.

Оскар поднялся рано и вышел на берег, никого не встретив по дороге. Пронзительный ветер рвал полы его куртки, щипал уши и пальцы. Вдоль всего берега, насколько можно было разглядеть в предутренней тьме, море сплошь затянулось ледяной коркой, по которой с шипением скользили, уносясь вдаль, струйки песка и мелкой снежной пыли.

Оскар запахнул плотнее куртку и тяжелыми, усталыми шагами двинулся обратно. Во дворе он столкнулся с отцом. Они остановились и молча обменялись выразительными взглядами. Старый Клява только закашлялся и опустил глаза, а сын, не оборачиваясь, вошел в дом.

Ветер не унимался, не спадал и мороз. Весь залив покрылся толстым слоем льда. Чешуяне так больше и не увидели своих сетей.

Несколько дней старый Клява ходил насупившись и не разговаривал с Оскаром, словно сети пропали по вине сына. Другие рыбаки тоже некоторое время отплевывались особенно энергично и из-за всякой малости ворчали на жен. Оскар уже не слышал по ночам голосов Лидии и Эдгара. Но когда лед достиг двухфутовой толщины, рыбаки примирились с невозвратимой утратой и перестали сердиться на самих себя и на весь белый свет. Они опять собрались у опрокинутого карбаса и сговорились

сшить артельный невод для салаки, — пришло время выходить на подледный лов. Обсудив все подробности, они разошлись по дворам, переворошили в клетях снасти, выбирая подходящие куски сетей и подвязывая грузила, точили пешни и чинили зюзги для вычерпывания битого льда. Все снасти свезли на двор к Бангеру и там до самого вечера вымеряли и сшивали куски невода. Эдгар за это время успел запрячь лошадь и съездить в местечко за водкой. Иначе и быть не могло. Всякое артельное дело, будь то сшивка или расшивка невода, спуск карбаса на воду, требует выпивки — так уж повелось от отцов и дедов, и даже посреди зимы, когда карманы у рыбаков были пусты, как выпотрошенная салака, на это всегда набиралось несколько латов.

Бутылка опорожнялась за бутылкой. Лица багровели, языки теряли гибкость, дух гордыни уже витал над рыбаками. Старики утверждали, что нынешняя молодежь никуда не годится, вот в прежние времена, когда они сами были молоды... И чего только они не вытворяли!

— Спроси, если не веришь... — И они призывали в свидетели не только присутствующих товарищей по давнишним приключениям, но и покойников.

Оскар пил наравне с остальными, потому что в Чешуях не было мужчины, который бы не выпивал. Он был здесь моложе всех и ближе всех принимал к сердцу насмешки стариков над младшим поколением. Однако Оскар долго сдерживал себя и не мешал старикам Дунису и Осису честить наперебой молодежь. Но когда рыжебородый Осис стал бахвалиться способностью предсказывать погоду, Оскар оборвал хвастливую речь:

— Чего же вы на прошлой неделе ни словом не обмолвились, а вместе с другими дуралеями забросили сети в море? Хвалиться да других высмеивать вы все мастера! А что вы такого сделали на своем веку? Придумали что-нибудь новое? Ничего. Гордиться гордитесь, а сами вычерпываете море ложкой да еще жалуетесь, что мало рыбы!

— А сам-то ты что нового придумал? — спросил рассерженный Осис. Раздался смех. Рыбаки перемигнулись, старый Клява пренебрежительно сплюнул.

— А верно, раз ты у нас такой мудрец, что ж ты изобрел? — спросил он.

Оскар поднялся из-за стола. Комната была полна табачного дыма, за которым никто не мог разглядеть его лица, но голос Оскара звучал твердо, уверенно:

— Мне думается, я кое-что нашел. Может, я и не первый, может, в других местах люди уже испытали мою находку, но это сути дела не

меняет.

— О чем тут разговор идет? — спросил лавочник Бангер. Он подошел к Оскару и наполнил его стаканчик водкой.

— Пей, Оскар, твой черед. Ну, расскажи, что это за выдумка, поделись с нами; вдруг из нее что-нибудь получится?

Оскар выпил и утер рукавом губы.

— Вы все видели мережи, какие ставят в реках, озерах и вообще в спокойных водах. Вот такую мережу, только гораздо больше и крепче, можно было бы поставить на якорях в море. Это все равно что неводом ловить, только мережа может простоять, сколько тебе захочется. Остается каждое утро поднимать мотню и смотреть, что в нее попало.

— Ах ты, умная голова! — задыхаясь от смеха, закричал старый Клява. — Пощупай лоб, Оскар, нет ли у тебя жара. Ставить в море мережу! Господи боже мой, ну что за голова! Ха-ха-ха!

Остальные, за исключением Бангера, присоединились к хохочущему Кляве.

— Ты, видно, полагаешь, что море всегда будет тихое, как пруд? — орал через весь стол Осис. — Что станет с твоей ловушкой, когда задует юго-западный или северяк? Он ее мигом развалит по швам и все канаты порвет!..

— Ничего не развалит и не порвет! — перебил его разгорячившийся Оскар. — Там будут стальные тросы.

— Ну, а сеть? Что станет с сетью, когда волны начнут бушевать?

— Сеть будет из прочной хребтины.

— Какая же это рыба полезет тебе в такое толстое одеяло?

— Да всякая, какая только в море водится.

— Может, скажешь, и лосось?

— Ну, конечно, и лосось, о нем-то я больше всего и думал.

— Знаешь что, парень, — сказал старый Дунис, — если уж ты изобретаешь такие штуки, нечего подымать на смех стариков. Еще никто не построил такой снасти, чтобы море не могло с ней справиться.

— А я вот построю!

В комнате снова раздался смех.

— Не давать ему больше водки! — сердито крикнул старый Клява. — У него уже голова кругом пошла.

Оскар скомкал шапку, пожал плечами и вышел. И сейчас же за его спиной словно потревоженный рой загудел.

— Да у него не все дома! — услышал Оскар голос отца.

— Ну посмотрим!.. — проворчал он.

На дворе сгущались сумерки. Холодный ветер хлестал ему в лицо, но Оскар так разгорячился, что ничего не чувствовал. Тяжелые сапоги гулко стучали по смерзшемуся песку. Поселковые собаки провожали его несмолкаемым лаем.

«Мы еще посмотрим, — думал Оскар. — Дайте мне только немного времени...»

Впереди раздался звук приближавшихся шагов. Навстречу шла молоденькая девушка, при виде которой Оскара будто обдало теплой водой. Два блестящих глаза лукаво взглянули на него из-под зеленого платка.

— Добрый вечер, Зента, — сказал он, остановившись.

— Добрый вечер! — ответила, улыбаясь, девушка. Она тоже остановилась, метнула по сторонам пугливый взгляд и опустила глаза.

Парень глядел, неловко улыбаясь, то на Зенту, то на носки сапог.

— Погода такая холодная... — сказал он наконец.

— Да.

— Ты что, домой идешь?

— Домой.

— Тогда пойдем вместе. Хоть и не по дороге... ну, ничего...

Зента шла впереди, Оскар — отставая на шаг. Время от времени Зента оглядывалась на него, и тогда Оскар отворачивался в сторону. Взглянув на руки, он быстро спрятал их в карманы и подумал, что от его одежды несет запахом лежалых сетей. Они старались держаться ближе к заборам — там дорожка была ровнее. Иногда Оскар ускорял шаг, чтобы идти рядом с девушкой. Зента выжидательно глядела на него, но он продолжал молчать.

Наконец они остановились у дома Зенты.

— Так ты очень спешишь? — спросил Оскар вполголоса.

— У меня еще есть немного времени...

Зента нагнулась, подняла ивовый прут и стала бить им по земле.

— Тогда поговорим.

Сковывающее обоих чувство неловкости постепенно рассеивалось. Они заговорили о повседневных делах — о завтрашней ловле, о сетях, которые Зента с матерью вязали для какого-то рижского магазина. У Зенты отец умер, брат пропал без вести еще в мировую войну, и женщины зарабатывали себе на хлеб то вязаньем сетей или низкой салаки в рыбокоптильнях, то на полевых работах у волостных богатеев.

— Почему ты больше не заходишь к Лидии? — спросил Оскар.

— Просто так, не всегда же есть время.

— Мне думается, у вас там что-то другое.

— Что же еще может быть? Да оно и лучше так... По крайней мере

люди будут меньше болтать. Они вечно бог знает что выдумывают.

— А ты очень их боишься?

— Если их не бояться — проходу не дадут.

— Пусть их... Если я не знаю за собой ничего плохого, до других мне дела нет. Да и что они могут выдумать, если ты будешь встречаться с Лидией?

— Твоей матери кажется, будто я к вам только ради тебя и бегаю... Мне Вильма Осис сказала.

Оскар вздохнул. Губы его растянулись в горькой усмешке.

— И тебе это кажется настолько унижительным, что ты готова издала обходить меня. Ну, взгляни на меня, Зента, разве я на самом деле такой страшный? Я, правда, немного под хмельком, немного не в себе, как сейчас отец заявил, но, верно же, никому не опасен.

— Ты не так меня понял, — прошептала Зента, схватив Оскара за руку и придвинувшись к нему так близко, что оба почувствовали на своих лицах дыхание друг друга. — Тебе-то ничего, ты — мужчина, можешь и не обращать внимания на сплетни, а кто заступится за меня, если люди осмеют? Мне приходится жить со всеми в ладу, меня-то ведь никто не побоится.

— Ну, а что плохого, если нас будут считать друзьями?

— Они вечно думают самое скверное. Если бы ты бывал у нас, это бы еще ничего, так уж принято. А когда я прихожу к вам, получается, словно я сама навязываюсь... бросаюсь тебе на шею.

Зента вспыхнула, окончательно смутилась и убежала. В воротах она еще раз оглянулась и помахала рукой.

Какую-то болезненную пустоту почувствовал в груди Оскар. Подождав, пока затихли шаги девушки и скрипнула дверь, он побрел домой.

Дорогой он задумался о родном поселке. Предки чешуян проживали здесь и пятьдесят и сто лет тому назад, и в будущем столетии здесь, вероятно, будут еще жить их потомки. Все семьи давно перероднились. Так, из двадцати четырех дворов три принадлежали Клявам, пять — Осисам, а Лиепниеков насчитывалось с полдюжины. Чешуяне обычно выбирали жен и мужей между своими же посельчанами, часто у жениха и невесты были одинаковые фамилии. Старики неохотно отпускали детей на сторону и пришлых людей не любили.

Правда, молодежь стремилась вырваться из родного поселка, освободиться от власти его обычаев и устоев. Роберт Клява изучал экономические науки, Анита Бангер перешла в последний класс гимназии,

средний сын Осиса окончил мореходное училище и служил штурманом дальнего плавания. Вырастало новое поколение, которому поселок казался слишком тесным, и оно стремилось пожить в иных условиях, среди иных людей. Но и между теми, кто в силу обстоятельств оставался дома, находились не удовлетворенные жизнью, не желавшие больше идти по отцовским стопам. К числу последних принадлежал и Оскар.

...Когда он пришел домой, отца еще не было. Мать подала на ужин жареную треску с вареным картофелем.

— Значит, завтра выходите с неводом... — начала она. — Дай только бог хорошего улова, Роберту давно пора справиться новый костюм. Ему постоянно приходится бывать среди господ, нельзя же допускать, чтобы над ним смеялись.

Оскар посмотрел на запачканные смолой штаны и утвердительно кивнул головой.

— Да, костюм Роберту нужен, — сказал он. — Если бы только рыба пошла...

Поев, он ушел в свою комнатку, разделся и лег — в два часа ночи надо было уже выходить в море. Но ему долго не давали заснуть думы о встреченной на улице девушке. Да он и не избегал этих дум; ему хотелось, чтобы они помогли ему забыть другую, о которой он не смел вспоминать... Возле той было место только Роберту, он-то мог надеяться. Оскар курил папиросу за папиросой. Перед ним вставал образ тихой и робкой Зенты, но его тут же вытесняло милое, жизнерадостное лицо Аниты. Ему никак не удавалось разобраться в своих чувствах.

Мысли его были прерваны пьяными криками отца, когда тот поздней ночью вернулся от Бангеров.

— Эй, ты изобретатель! — закричал он, колотя в дверь к Оскару. — Не построил ты еще свою вечную ловушку? Давай завтра заякорим ее в море!

Оскар стиснул зубы, но ничего не ответил и натянул одеяло на голову. Немного пошумев, Клява ушел на свою половину. А за стеной скрипел снег, и тихий девичий смех сливался с мужским шепотом. Над дюнами завывал северо-восточный ветер — предвестник голодных дней.

Всю неделю Оскар провел в море, вырубая лед, крутя бочку неводного ворота и вытаскивая один пустой невод за другим. Работа была тяжелая и однообразная. Колючий ветер леденил багровевшие, покрывавшиеся

иссиня-белыми пятнами лица рыбаков; вскоре они становились нечувствительными и неподвижными, как маски. Приходилось то и дело крепко растирать их руками, иначе нельзя было ни пошевелить губами, ни сморщить носа. Мокрый трос рывками наматывался на бочку, разбрызгивая во все стороны воду, так что одежда и сапоги быстро покрывались толстой коркой льда. Когда невод вытаскивали из проруби, мокрые руки горели на ветру, и рыбаки хлопали ими по бокам до тех пор, пока не начинали ныть пальцы.

Каждая тоня продолжалась примерно часа четыре. Замерзшие, измученные рыбаки с надеждой глядели в широкую прорубь, когда к ней приближалась мотня. Пустая, легкая, подымалась она из морских глубин. Хмурясь, не глядя друг на друга, словно кто-то из них был виноват в неудаче, рыбаки собирали снасти и ехали дальше, в другом направлении, прорубали новые проруби, сизнова начинали ту же тяжелую и безуспешную работу. Яростно бесновался вокруг них наскაკивающий порывами северо-восточный ветер, холодное солнце катилось вниз по бледному зимнему небу, а рыбаки не отступали. День за днем они вытаскивали пустые или полупустые сети, но не переставали надеяться. Они только и жили надеждами.

— Будет!.. В конце концов должна быть салака!..

И действительно, иногда она появлялась.

Испробовав лов на юго-западном и северном побережьях, изодрав сети, погноив одежду, чешуяне дождались наконец первого богатого улова — сорок ящичков прекрасной крупной салаки! Поселок ожил. Даже походка у людей стала живей и выправка бодрой. Снова по вечерам на улице слышался оживленный говор, рыбаки за бутылкой с похвалой вспоминали старину и осуждали молодое поколение. В субботу в доме Дуниса всю ночь напролет звучала гармоника и веселый гомон молодежи. Позже затеяли драку.

Старый Клява целыми днями шатался пьяный без дела по двору или по поселку. Часто он уезжал в волостное правление и оставался там до ночи. Дома он поучал Оскара, о чем следует и о чем не следует рассуждать в обществе старших, а на людях больше всего любил поговорить про ученого сына Роберта.

— У парня ума и ловкости на все хватит, — заверял он. — Вот увидите, я из него важного барина сделаю. Почему он не может стать баринoм? Ума — палата, на здоровье, слава богу, жаловаться не приходится — можно пожелать каждому такого. Этот со временем выйдет в люди.

Из богатого улова на долю Оскара досталось столько, что хватило на

костюм Роберту и Лидия получила модный, в полоску, джемпер. В воскресенье, собираясь в церковь, она надела его, и все признали, что он ей очень к лицу.

Оскар тоже порадовался, глядя на обновку сестры. Сам он — тяжелый, как глыба льда, как-то огрубел за эти дни. С обветренным лицом и потрескавшимися губами возвращался он домой. Зенту он не встречал уже целую неделю. К Лидии она не заходила, а Оскар слишком уставал к вечеру, чтобы собраться к ней самому. К тому же по поселку ходили разные сплетни...

6

Прошла еще неделя. Рыбаки ежедневно вытаскивали по десяти — пятнадцати ящиков салаки и, воспрянув духом, снова принимались за работу. Оскару казалось, что он доволен всем на свете. Какое-то светлое, легкое чувство зрело у него в груди, оно помимо его воли передавалось и окружающим. Он не думал больше о жизненных неурядицах. Образ Аниты постепенно улетучивался, и вместе с ним исчезала угнетавшая его сумятица чувств. Ему казалось, что больше никакие сомнения не будут тревожить его, и одна эта мысль делала его счастливым. Но он вырос в семье, где не признавали нежности и ласки, где стыдились проявления этих чувств. Отец с матерью не ладили между собой, их вечные свары тяжело сказывались на остальных членах семьи. Дети росли замкнутыми и стеснялись делиться друг с другом радостями и горестями. Поэтому Оскар, приходя домой по вечерам, никогда не решался обратиться к Лидии с сердечным словом, готовым сорваться с губ. Он или тихо здоровался с ней, или молча проходил мимо с нахмуренным лбом. Ни о чем не спросив, ничего не рассказав, он умывался, съедал остывший ужин и исчезал в своей комнатке.

С родными Оскар стыдился откровенничать, но среди чужих, где не чувствовалось угрюмого духа Клявов, он иногда преображался до неузнаваемости.

В субботу вечером Оскар, никому не сказавшись, вышел из дому. Перед этим он побрился и надел праздничный костюм. Полная луна поднималась над горизонтом, ярко освещая дорогу. Было около двадцати градусов мороза, и сухой снег громко скрипел под ногами. Дойдя до дома Зенты, Оскар остановился возле куста сирени и стал ждать. Войти в дом он не решился, потому что ни разу еще там не был.

Вскоре вышла Зента. Они поздоровались и стали прогуливаться возле дома.

— Ты, наверное, идешь к Дунисам? — спросила Зента.

— Разве там опять что-нибудь устраивают?

— Как будто сам не знаешь...

— Да нет же, откуда мне знать, я всю неделю провел в море.

— Ты только послушай, как играют, — сказала Зента, останавливаясь, чтобы лучше расслышать звуки гармоники, долетавшие с конца улицы. — Сейчас еще рано, только начинается. Потом будет слышнее.

Дети Дунисов давно разбрелись по всему свету. Старший сын уехал в Америку, второй ушел с латышскими стрелками в Россию, младший утонул во время лова на глазах у родных, а дочь жила в Риге. По субботам одинокая чета с удовольствием уступала большую комнату молодежи, которая собиралась повеселиться после тяжелой рабочей недели.

Оскар пристально посмотрел на Зенту.

— А может быть... Тебе не хочется пойти туда?

— Ну, куда мне, разве можно, — ответила девушка. — Я ведь еще не конфирмована. Мать будет браниться...

— По правде сказать, мне тоже не хочется идти, — сказал Оскар. — Без потасовки и на этот раз не обойдется, так уж у нас заведено.

Зента поняла, что промахнулась, и опустила глаза.

— А там, наверно все-таки весело?

— У Дунисов? Да на чей вкус. Играет гармоника, танцуют, поют, девушки сплетничают друг про дружку...

Зента молчала. Оскар заглянул ей в глаза и улыбнулся.

— Тебе не холодно, Зента?

— Нет, так разве — чуть-чуть...

— Ну, сходим тогда. Там тепло, ты погреешься. А если не понравится, уйдем.

Зента беспокойно оглянулась, как будто кто-нибудь мог подслушать их разговор.

— Я, право, не знаю... Мать еще рассердится. Разве на одну минуточку...

— Ну понятно, на одну минутку, пока ты согреешься.

Они пошли вниз по улице. На дворе у Дунисов весело лаяли собаки. За освещенными окнами двигались головы и плечи танцующих.

У самых дверей Зента замешкалась. Шум голосов, доносившийся изнутри, испугал ее. Одна мысль о том, что ей придется войти в комнату и на какой-то момент привлечь все взгляды, привела девушку в

замешательство.

— Не знаю как... Стоит ли заходить... — шептала она, пятась в тень. Но Оскар уже открыл дверь — отступить было поздно. С чувством смущения и в то же время любопытства она переступила порог.

7

Танцы были в самом разгаре. В углу, на маленьком столике, стоял патефон. Под резкий скрип тупой иголки заигранная пластинка оглашала комнату звуками старомодного фокстрота. Голос певца заглушали шарканье ног и говор танцующих. На полу, рядом с патефонным столиком, стояла гармоника. Ее владелец, Екаб Аболтынь, вышел в соседнюю комнату, где старики играли в карты и подкреплялись водкой.

На вошедших никто не обратил внимания. Оскар помог Зенте снять пальто и, заметив у окна свободное место, повел туда девушку, маневрируя между танцующими парами.

— Ну как, нравится тебе здесь? — спросил он ее. — Правда весело?

Зента улыбнулась, и ничего не ответила.

Большинство парней уже успело выпить. Усталые, с покрасневшими потными лицами, они вызывающе, с выражением собственного превосходства поглядывали по сторонам. Стоило одному слегка задеть во время танца другого, как тот вспыхивал от гнева и угрожающе тряс головой вслед настороженному приятелю. Девушки успокаивали партнеров, стараясь развести их в разные стороны, но это еще сильнее разжигало боевой задор.

Из соседней комнаты доносились хлопанье пробок, звон бутылок и стаканов, громкие хвастливые речи, временами прерываемые взрывами смеха и возгласами картежников. Оскар расслышал и голос отца.

Фокстрот кончился. Охмелевшие танцоры, вытирая потные лбы, разошлись по углам. Некоторые вышли во двор. Но танцевальный зуд уже не давал ногам покоя, перерыв казался слишком долгим, и парни бросились разыскивать Екаба Аболтыня.

— Польку, Екаб, рвани-ка польку! — выкрикивал Эдгар Бангер, таща под руку из задней комнаты гармониста. Оскар тут только вспомнил про Лидию и стал искать ее глазами, но сестры еще не было.

Проходя мимо, Эдгар удивленно посмотрел на Оскара и улыбнулся хмельными глазами. Усадив изрядно напившегося Екаба Аболтыня, он снова обернулся к Оскару. Не переставая улыбаться, он долго разглядывал

Зенту, а когда заиграла гармоника, подошел к ней и пригласил танцевать.

Девушка вся порозовела и неуверенно посмотрела на Оскара; тот улыбнулся и кивнул ей в знак согласия.

Зента ушла танцевать.

И снова в комнате почувствовалось всеобщее возбуждение. Парни старались задевать друг друга локтями, слабым наступали на ноги и насмешливо оглядывали их. Скользя мимо Оскара в танце, сын лавочника с победоносным видом наклонялся к Зенте. Он несколько раз приподнимал ее в воздух и быстро кружил, крепко сжимая в объятиях. Двусмысленная улыбка, которой Эдгар обменялся с Индриком Осисом, встревожила Оскара, он покраснел и нахмурился. Пальцы Эдгара вцепились в платье Зенты, будто нечаянно он стал подбирать его все выше, пока не показались голые колени и нижняя юбка. Другие девушки хихикали, склоняя головы на грудь кавалерам, а парни разглядывали оголенные ноги Зенты.

Опьяненная танцем, разгоряченная и взволнованная непривычными ощущениями, сама Зента ничего не замечала. Видя вокруг себя улыбающиеся лица, она отвечала простодушной улыбкой.

Оскар поднялся со стула. Наморщив лоб, смотрел он через головы танцующих в самую гущу толчеи, где Эдгар продолжал свою бесстыдную шутку. В это время Екаб кончил играть. Все парочки тотчас же разошлись, посреди комнаты остался только Эдгар, продолжая держать в объятиях свою партнершу. Из углов стал доноситься сдержанный смех. Вдруг все замолчали и с любопытством уставились на Оскара, который размеренным шагом подошел к Эдгару и сбросил его руку с плеча Зенты.

— Одерни платье, — прошептал он девушке, но в наступившей тишине эти слова были услышаны многими.

Снова раздался смех, на этот раз звонкий, откровенный. Лицо Эдгара приняло обиженное выражение...

— Оскар, что это значит? Как ты смеешь... — крикнул он, загородив ему дорогу. Тот оттолкнул его, взял Зенту за руку и, как ребенка, повел в угол, где была сложена верхняя одежда.

— Уйдем отсюда, — сказал он тихо, не глядя на девушку, и, не дожидаясь ответа, подал ей пальто.

Эдгар не на шутку рассердился. Подумать только: Оскар толкнул его, сына лавочника, словно мальчишку, и все это видели! Ну, даром это ему не пройдет. Он подошел к Зенте, которая, несмело улыбаясь, застегивала пальто.

— Вы ведь еще не идете домой, Зента? А если ему здесь не нравится, пусть идет один.

Он услужливо взялся за рукава ее пальто.

— Дорогу! — повелительным тоном сказал Оскар, взглянув на Эдгара.

— Пожалуйста, здесь, кажется, места достаточно. Кто тебе мешает обойти?

Зента пыталась высвободить руку из пальцев Эдгара.

— Пустите, я иду домой!.. — просила она.

— Почему так рано? Мы еще с вами...

Эдгар не успел закончить. Как стальные клещи, рука Оскара вцепилась ему в плечо. Коротким рывком Оскар вплотную притянул его к себе, затем отбросил.

Размахивая руками, чтобы не упасть, Эдгар пролетел через всю комнату и повалился на колени дружкам.

Тем временем Оскар и Зента вышли на улицу. Они шли молча до самого дома Зенты.

— Опять пойдут сплетни, — промолвила наконец Зента. — Теперь весь поселок будет говорить. И зачем это ты?.. Что он тебе сделал плохого? Ничего особенного ведь не случилось.

— Мне-то ничего, а вот тебя он выставил на посмешище, чтобы позабавить пьяных дружков. Что же мне было делать — смотреть, как они потешаются над тобой?

Зента вся сжалась в комок.

— Что теперь скажет мать? — шептала она дрожащими губами. — Теперь все будут надо мной смеяться... Господи!

Оскар участливо смотрел на девушку. Правда, он не находил ничего ужасного в случившемся и больше жалел ее потому, что она была так беспомощна. Ему казался недостойным этот унижительный страх. Оскару больше нравились люди, которые, даже сознавая вину, не опускают головы.

Больше говорить было не о чем, и они расстались...

На следующее утро Оскар опять был в море на льду. Ухватившись за концы толстого шеста Оскар с Эдгаром ходили вокруг неводного ворота. Весь день они старались не глядеть друг на друга. Но на обратном пути Эдгар подсел в сани к Оскару.

— Все еще сердишься? — начал он смущенно. — Я так налился, что сам не соображал, что делаю. Ты не представляешь, до чего мне стыдно за вчерашнее...

— Ладно уж, — пробурчал в ответ Оскар, силясь сохранить неприветливый вид. Но злость уже испарилась, и, встретив заискивающий взгляд Эдгара, он невольно улыбнулся. — Ладно, обойдется... Мало ли что случается...

Заметно повеселевший Эдгар схватил Оскара за руку.

— Ты ведь не скажешь Лидии об этом?

— Нет же, нет, — обещал Оскар, улыбнувшись его опасениям.

В тот вечер домашние встретили Оскара сдержанным шипением. Мать подала ему ужин и с надменным видом вышла из кухни. Старый Клява даже не спросил об улове, а Лидия, повернувшись к брату спиной, мыла посуду.

— Что с вами всеми сегодня случилось? — спросил наконец Оскар.

— Тебе лучше знать! — сухо ответила Лидия.

Отец, накупившись, раскладывал на плите для просушки свои рыбацьи сапоги.

Оскар пожал плечами и собирался уже идти в свою комнатку, когда в кухню вошла мать.

— Чего вы все надулись? — обратился он к ней.

— Постыдился бы уж и спрашивать-то! — сердито ответила она. — Нечего сказать, хорошее дело — ходить по чужим домам, драться с будущими родственниками! Что Бангеры теперь про нас подумают? Да стоит ли, скажут, пускать детей в такую разбойничью берлогу! Тебе, конечно, и горя мало, а ведь ты губишь и сестру и брата.

— Брата? — удивленно протянул Оскар, но вдруг осекся. Он побледнел, поняв, что хотела сказать мать, растерянно улыбнулся и ушел в свою комнатку.

— Роберт... и Анита... — шептал он сквозь стиснутые зубы.

Ероша всей пятерней волосы, он сидел у столика и оцепеневшим взглядом смотрел в окно, за которым пылила метель. Над замерзшим лиманом кружился хоровод белых снежинок.

Анита... Далеким, болезненно-милым звуком жило в его душе это имя. Оно напоминало детство, счастливую пору, когда Оскар смело, с надеждой глядел навстречу будущему. В те времена Оскар и маленькая Анита были добрыми друзьями. В те времена Роберт еще не много значил, и Оскар сам думал о Риге, об учении. Но отцу нужен был помощник, а учить обоих сыновей не хватало пороку. И так как Роберт всегда был любимчиком родителей, Оскару пришлось впрячься в тяжелую рыбацкую работу, добывать для всей семьи хлеб насущный, сестре — наряды, брату — на образование. Год от году руки его становились грубей, походка — тяжелей, взгляд — озабоченнее.

Анита большую часть года жила в Риге, училась и из маленькой девочки постепенно превращалась в красивую, образованную барышню. Летом она появлялась на два месяца в Чешуях, с каждым разом все более

изменившаяся, еще более чужая и далекая, чем год назад.

И вот теперь мать заговорила о будущем Роберта и... Аниты.

Да, родные имели все основания сердиться на Оскара. Его необдуманый шаг мог расстроить планы брата и сестры. Ведь Бангеры были такие зажиточные, такие уважаемые люди...

Глава вторая ВЕСНА

1

Март подходил к концу. Дни становились все теплее. Перестал дуть северо-восточный ветер, и во всей природе уже чувствовались значительные перемены. В открытом море ревели иные ветры, направляя в залив другие, теплые течения, и под их напором пришел в движение ледяной покров. На берегу громоздились целые ледяные горы. Высокие валы льда росли на отмелях, со всех сторон слышался хруст и треск ломающихся ледяных глыб. Море выбрасывало на землю свою зимнюю ношу, забивало льдом ложбины между дюнами и двигало громадные обломки его к прибрежному лесу. Поверхность залива напоминала только что вспаханную целину.

Нагромождение льдом служило предвестником бури, которая следовала за ними по пятам. Три дня сосны на дюнах гнулись под наскоками ветра. К лиману прорвались морские воды. Заструились на солнце ручейки по ветхим тростниковым крышам, быстро растаял снег, скот в хлевах беспокойно мычал, просясь на пастбище.

В поселке готовились к весенней путине. В каждом дворе спешили управиться с починкой сетей. Рыбаки привозили из Риги большие связки пробок, сетное и неводное полотно, мотки пряжи и бечеву. Во дворах и на берегу были разложены небольшие костры — там растапливали смолу, конопатили и смолили лодки. Все побережье было окутано легкой дымкой, всюду чувствовался запах смолы. Эдгар Бангер выкрасил большую моторную лодку отца в зеленый цвет, и, когда краска высохла, рыбаки дружно столкнули ее в море. Старик Клява привел в порядок рыбокоптильню, а лавочник напомнил покупателям, сколько кто набрал в долг за зиму. Из города приходили извещения о сроках векселей: торговцы снастями и скупщики-рыбопромышленники давали знать, что они не забыли о должниках.

Но и это не могло испортить светлого весеннего настроения,

охватившего рыбацкий люд. Впереди было долгое лето и богатая осень — казалось, что нескольких богатых уловов хватит на все: можно будет и векселя погасить и кое-чем обзавестись заново.

Как только исчезли дрейфующие ледяные поля, рыбаки вышли в открытое море ставить сети. Товарищами Оскара по лодке были старый Дунис и работник Бангера по прозвищу Джим Косоглазый. Ночи они проводили в море, не отходя от сетей, которым все еще угрожало появление последних, случайных льдин. Кроме того, вешние воды выносили в залив вывороченные с корнями деревья и кусты; они уже не держались на поверхности, а плыли под водою и, пока очередная буря не выбрасывала их на берег, часто запутывались в сетях и рвали их.

В рыбокопильне у Клявы по вечерам, а иногда целыми ночами жены и дочери рыбаков низали салаку.

Вот уж где можно было всласть посудачить и посплетничать!

Вместе с другими девушками приходила и Зента. Иногда по вечерам Оскар тоже помогал отцу и Лидии, но ему редко удавалось поговорить с Зентой — за каждым его движением наблюдала дюжина чужих глаз, ни одного слова не пропускали уши любопытных женщин.

Когда окончательно очистились от льда места, где обычно брали хороший улов, рыбаки стали готовить неводы для салаки. Путину открыл Осис со своей артелью, но при первой же тоне он потерял полневода: сильное течение занесло его на затонувший парусник, лежавший на третьей банке, против северного конца поселка. Это был давнишний враг рыбаков, засевший между двух главных участков лова и постоянно угрожающий их неводам. Ключья сетей во множестве висели на мачтах и бугшприте, и каждый год грозные останки парусника требовали все новых и новых жертв. Но Оскар решил, что это будет самое подходящее место для того, чтобы поставить на якорях будущую морскую мережу; здесь она никому не помешает.

Однажды в воскресенье к поселку подошла большая зеленовато-серая моторная лодка с палубой и каюткой в носовой части.

— Гароза прибыл! — молниеносно разнеслось по поселку. — «Нырок» бросил якорь у берега!

На поселковую улочку высыпали рыбаки, застегиваясь на ходу, чтобы в благопристойном виде предстать перед одним из крупнейших рижских

рыбников. Гароза сошел на берег. Он был так неправдоподобно тучен, что его коротенькая фигура напоминала громадное яйцо. Как пчелиный рой матку, окружили его рыбаки в ожидании роскошной выпивки — они знали, что Гароза никогда не появляется с пустыми руками. В толпе виднелась и горделиво-статная фигура Клявы, хотя в этот раз на лице у него блуждала заискивающая улыбка, а спина сутулилась сама собой, как только Гароза обращался к нему с вопросом. Прибыл и Бангер с несколько более независимым, чем у других, видом. Дунис в предвкушении выпивки уже заранее жадно чмокал губами и силился соорудить на своем старом темно-коричневом лице приветливую улыбку. Были тут и Лиепниек и Осис с сыновьями. Только Оскара Клявы не было видно, хотя Гарозу он, как кормщик неводной артели, интересовал больше, чем многие самостоятельные хозяева. Оскар отлично знал о цели прибытия рыбака и не спешил, подобно другим, присоединиться к числу тех, кого он одурачивал. Гароза уже давно почуял непримиримого противника в молодом рыбаке, но он был слишком опытным дельцом, чтобы показывать это.

— Ну, вы тут, наверно, за зиму здорово повысохли? — снисходительно обратился Гароза к рыбакам.

— Да, несколько хороших глотков не повредило бы здоровью, — тихо промурлыкал Дунис.

— Тогда прошу ко мне! — пригласил, показав рукой на лодку, Гароза. — Пропустим по маленькой за успех предстоящей путины. Когда думаете готовить сети для лосося?

— Еще рановато. Пусть сперва хоть один покажется, — ответил Клява.

— Смотрите, как бы не проспять. Лосось сейчас в цене — четыре лата за фунт. Одна такая штучка и то много значит. Так ведь? Кое-где их уже приметили по одному. Ну, пойдем, пойдем, поболтаем.

Рыбаки поднялись на «Нырок». В каюте было несколько ящичков с напитками. Весь день с треском вылетали из бутылок пробки, звенели стаканчики и громогласно выхвалялись друг перед другом рыбаки. Пьяный рыбак умнее всех на свете: он все понимает, все знает, все может... И если бы он захотел... Только ему ничего не хочется, пьяному ему и так неплохо. Ни один рыбак в тот день не пожаловался на то, что долги хватают его за горло, что вексель опротестован и нет денег на новые сети. Они наперебой хвастались своим благополучием, снастями и сказочными уловами, стараясь набить себе цену.

Гароза сперва завел разговор о посторонних вещах, то и дело подливая в стаканчики разбавленного спирта, потчует и задавая вопросы о том, о сем.

Хозяева, колотя себя в грудь кулаками, обещали весь улов лосося и всякой другой рыбы сдавать одному Гарозе. Когда все заметно охмелели, скупщик предложил одно дельце. Ему хотелось бы пристроить несколько сетей и рабочих в местные артели. Тотчас же встали несколько кормщиков и пригласили его заполнить свободные места в их карбасах. Гароза откупорил новую бутылку. Рыбаки пили, шумели, некоторые даже плакали от счастливого возбуждения.

Никто не замечал, как ловко Гароза опутывал весь поселок. Это ведь повторялось из года в год. Он всех умел обработать: одних ссужал деньгами, других брал лестью, появляясь запросто на свадьбе или крестинах, а большинство переманивал на свою сторону небольшим угощением. Расходы на выпивку возмещались десятикратной прибылью, поскольку Гароза был законодателем цен на рыбу и мог изменять их не только каждый день, но и каждый час. Подымались или падали цены, но он никогда не рисковал, он всегда выручал свою долю, а от колебания цен приходилось страдать только рыбаку. В тех артелях, где Гароза имел пай, ни одной рыбины нельзя было подать другому скупщику, в особенности он следил за тем, чтобы ни один лосось не миновал его базарных весов.

Покончив с чешуянами, Гароза ушел вечером на своей моторке в Гнилуши и к другим рыбацким поселкам. Присмиривший от нехваток рыбацкий люд всюду стал податлив. Некоторые даже считали скупщика благодетелем за то, что в тяжелую минуту он ссужал им деньги... под хорошие проценты.

3

Наконец и в артели Оскара был готов невод. Все чаще задувал западный ветер. В соседнем поселке был пойман первый лосось, что послужило верным признаком начала большой весенней путины.

В субботу утром члены новой артели собрались у карбаса. За исключением старого Дуниса, который выполнял обязанности берегового, и самого Оскара, все остальные работали по найму. Обычно лето они проводили в рыбацких поселках, а осень и зиму — в Риге, кто слоняясь в поисках работы, кто отсиживая в тюрьме, а кто, стоя с ручной тележкой около базарных навесов, предлагал желающим свои услуги. Оборванные и голодные, эти люмпен-пролетарии в начале лета снова являлись к старым хозяевам. Проработав у них несколько месяцев, ничего не нажив, они без сантима в кармане, без перспектив на заработок, но и без особых забот

осенью снова возвращались в город. Их настоящих имен никто не знал, но у каждого была какая-нибудь кличка, под которой он становился известным всему побережью и в соответствующих районах Риги. Кривой Янка, Черный Том, Баночка, Джим Косоглазый были самыми любопытными типами в артели Оскара. На первый взгляд эти люди, с загорелыми, неизменно сохранявшими угрюмое выражение лицами, всклокоченными волосами, грубыми, хриплыми голосами, могли внушить серьезные опасения, но Оскар отлично справлялся с артелью. Ни одного распоряжения не приходилось повторять дважды: за Оскаром все готовы были идти хоть в огонь. Он никогда не кричал на людей, как это часто делали Осис и кормщики других артелей, но в трудный момент, когда трос скрипел на лебедке, Оскар не прохаживался по берегу, подгоняя парней окриками, а, положив тяжелую руку на рукоятку, помогал крутить ее.

Юго-западный ветер гнал над заливом густые облака, когда Оскар забросил первый невод. Шестивесельный карбас, подпрыгнув, проскочил через банку. Обметав невод, поставили карбас поперек ветра и направили вдоль берега. Иногда сквозь серые облака пробивался солнечный луч, и море отвечало ему мерцанием пены и яркой зеленью вод.

Вдруг послышался стук мотора. Это была лодка Бангеров, ее можно было узнать еще издали по форме и зеленой окраске. Легко подпрыгивая на волнах, она стала приближаться к карбасу, огибая невод.

Оскар стоял на корме, выпрямившись во весь рост, и не спускал глаз с моторки. В ней было несколько человек. Какой-то мужчина еще издали стал махать фуражкой. Радостные морщинки заиграли вокруг глаз Оскара. Улыбаясь, он замахал навстречу лодке. В этот момент рядом с мужчиной появилась женская фигура, и белый носовой платочек затрепетал на ветру.

Улыбка исчезла с губ Оскара. Тихо опустил он руку, задумчиво глядя перед собой. Чем ближе подходила зеленая моторка, тем яснее обрисовывались лица находившихся в ней людей, тем спокойнее и серьезнее становилось его лицо.

Роберт и Анита возвращались домой.

— Здравствуй, брат! — крикнул Роберт. Губы Оскара слегка зашевелились, он тихо ответил на приветствие и, нагнувшись, вытянул вперед руки, чтобы предохранить карбас от толчка.

Роберт с улыбкой подал Оскару руку через борт лодки.

— Каковы успехи? Ну-ка, дай взглянуть на лососей, нечего их прятать! — начал он скороговоркой, несколько в нос и прищелкивая языком: вероятно, на него повлияло изучение французского и английского языков. Но Роберту шло легкое пришепетывание, он это делал так искусно,

что слушатель даже не замечал его странного выговора. — Что подельывает отец? Ревматизмом не страдает? Я привез ему одно лекарство, прекрасно помогает... Да, что я слышал, — говорят, ты упустил зимой все новые сети. Как это случилось?

Роберт был на полголовы ниже Оскара, уже в плечах, и черты лица у него были тоньше. Верхнюю губу украшала темная полоска подстриженных по моде усов. Он стоял без фуражки, подняв воротник серого летнего пальто. Старший брат рядом с ним выглядел дикарем.

Анита, подойдя к самому борту лодки, протянула Оскару руку.

— Ты как будто за это время еще больше вырос! — засмеялась она. Ее пышные волосы выбивались из-под синего берета, в глазах сверкали шаловливые огоньки. — В Чешуях скоро все потолки станут для тебя низкими.

Оскар покраснел и от застенчивости забыл даже, что пора отпустить руку Аниты. Ему доставляло невыразимое удовольствие смотреть, как ловко девушка удерживала равновесие, когда моторка становилась поперек волны.

— Ничего, мы будем строить новые дома повыше, — неловко улыбаясь, ответил Оскар. Он все еще держал в своей руке руку Аниты. Она попыталась незаметно высвободить ее, но это ей не удалось.

Роберт отвернулся, чтобы скрыть улыбку.

— Ну, пойдем, что ли! — подал голос сидевший за мотором Эдгар. — Поболтать можно будет и дома. Я проголодался.

Только сейчас Оскар заметил, что все еще держит руку Аниты. Он смутился и, отступив к корме, оттолкнул лодку. Затакал мотор, обдав запахом отработанного газа, гребни волн вокруг лодки спали, на воде замерцали радужные маслянистые пятна.

— Шикарная пара!.. — сказал Баночка, показав рукой на моторку. — Как ты считаешь, Оскар, подходит она твоему брату? Оба с образованием...

Оскар не ответил. Привстав на ноги, он спустил трос с уключины.

— Пойдем к берегу, — сказал он и взялся за рулевое весло.

— Могли бы повременить немного, — проворчал Кривой Янка. — Улов что надо!

И на этот раз Оскар остался в долгу с ответом. Но когда он снова услышал рассуждения парней об Аните и Роберте, лицо его исказилось, словно от еле подавляемой муки. Нервно сжимал он пальцами рулевое весло, какое-то беспричинное нетерпение все сильнее овладевало им. Он даже не следил за ходом карбаса, и тот шел, виляя из стороны в сторону. Оскар пришел в себя только на банках: разбивавшиеся на них волны

требовали усиленного внимания со стороны кормщика.

В тот день они притонили два невода, что составило двенадцать ящичков салаки. Вскоре после обеда Оскар поставил карбас на якорь и направился в поселок.

4

Услышав о прибытии Роберта, старый Клява поспешил к берегу. Он встретил сына на полдороге к поселку и не успокоился до тех пор, пока тот не позволил ему взять большой чемодан. Клява шагал, как заправский носильщик, немного забегая вперед, изредка перекидываясь с сыном словечком-другим. Они говорили о видах на улов и об Оскаре. До Роберта дошли слухи, будто Оскар решил с лета отделиться и начать самостоятельную жизнь. Оба рассмеялись над безосновательной сплетней.

— Только начни слушать, что люди мелют, они тебе голову забьют! — глубокомысленно заметил старый Клява.

Дома Роберту пришлось выдержать от матери и сестры длительную сцену нежности. Ему было как-то неловко, когда они поглаживали его по плечам и осматривали со всех сторон, чтобы убедиться, насколько он за это время изменился. Это были старомодные чувства, в них было что-то архаическое, первобытное, а ведь Роберт познакомился уже по книгам со взглядами современных эстетов...

— Какой он бледный, как исхудал! — печально приговаривала мать. — Еще кашлять начнет от этого ученья и вконец сгубит здоровье.

— Ничего, мы его откормим, — уверенно сказал Клява. — Здоровье у него хорошее, он не из рыхлых. Набивай только почаще ему желудок. Воздух у нас — первый сорт, к тому же тут и море и сосновый лес...

Отделавшись от женщин, Роберт пошел в свою комнатку. Лидия убирала ее все утро: вымыла окно, сменила постельное белье, привела в порядок письменные и туалетные принадлежности на столе. За зиму пауки развесили здесь паутину и все вещи покрылись пылью, но сейчас все блестело чистотой, на окне висела белая занавеска, на столе в кружке стояли свежие цветы.

Роберт снял дорожный костюм, переделся в светлые брюки, теннисную рубашку и вышел к остальным.

— Я стра-ашно проголодался! — заявил он, и Клявиене покраснела от удовольствия — она уже заранее позаботилась о том, чтобы как следует угостить любимца. Еще утром отрубили голову старому петуху, зажарили

трехфунтового тайменя, а в одной банке осталось еще немного вишневого варенья.

Роберт набросился на еду с несколько преувеличенным рвением: он старался жевать как можно громче, чавкая и двигая челюстями, словно плохой актер, изображающий человека из простонародья. Разумеется, он только хотел порадовать домашних здоровым аппетитом и в любой момент мог обрести хорошие манеры. Во время еды он начал рассказывать про свои дела. С занятиями все идет хорошо, и, если не случится чего-нибудь непредвиденного, будущей весной он окончит университет.

— У меня есть хорошие знакомые среди наших бывших корпорантов. Вообще работы долго ждать не придется, на экономистов сейчас большой спрос.

После обеда Роберт отправился погулять. И всюду, где бы он ни появлялся в своем ловко сшитом летнем костюме, его встречало усиленное внимание чешуян. Он издали здоровался со стариками и останавливался поговорить с парнями. Роберт читал кое-что о морских промыслах за границей и заводил речь о лове сельди и трески на Ньюфаундлендской отмели.

— Вот если бы нам построить такие рыбацьи шхуны, как у бретонцев, тогда бы и мы могли пуститься в океан! — сказал он Кристапу Лиепниеку. — Что ты на это скажешь?

— Не знаю, право. Там, наверное, требуются капиталы, — несмело возразил Кристап. — И потом, мы не знали бы даже с чего начать, ведь в каждом море ловят по-иному.

— Нет у нас предприимчивости, очень уж мы флегматичный народ. Размаха не хватает, вот что... Американцы, те умеют делать дела!

С сокрушенным видом покачав головой, Роберт шел дальше.

Хотя была суббота и женщинам хватало работы по дому, всюду, где ни появлялся Роберт, он видел нарядившихся, как в церковь, девушек. Ни одна не выходила на улицу в стоптанных туфлях, а многие разделись в лучшие платья. Сверкая на солнце белоснежными блузками и яркими джемперами, они носили коромыслами воду и пойло для скотины. Когда Роберт проходил мимо, они опускали ведра, охорашивались и, краснея, отвечали на приветствие. Роберту и в голову не приходило, что ради него затрепанные юбки были повешены на гвозди; не видел он ничего подозрительного и в том, что девушки то и дело выбегали на уличку высыпать золу из утюгов, тогда как для этого и во дворах места было достаточно.

На каждом шагу Роберт видел все новые и новые проявления жизни

природы: шумел лес, неустанное движение рождалось в морских глубинах, теплый ветер качал ветви старых ив. Здесь не приходилось опасаться, что из лесу выскочит вонючий автобус или раздадутся из-за дюн назойливые звонки трамвая, здесь не толкались на каждом шагу спешащие, вечно занятые чем-то люди. Здесь человек вырастал в собственных глазах, чувствовал себя личностью. Здесь Роберт Клява не казался самому себе ничтожным муравьем. Свободно и спокойно шагал по мягкому песку пляжа, его тело каждой порой вдыхало свежесть земли и влажность моря. Он шел все дальше по берегу, пока не стало прохладно, и тогда только повернул назад. Голова у него слегка кружилась, в висках стучало; Роберт почувствовал усталость и жажду. Проведенная в городе долгая зима, недостаток движения и умственное напряжение давали себя знать. Этот воздух слишком утомлял его.

«Пройдет, — успокаивал он себя. — Начну загорать и купаться в море, привыкну».

У Клявов уже дымила рыбокопильня, когда Роберт вернулся домой. Он подошел ближе и стал наблюдать женщин, которые низали ловкими пальцами первые сотни салаки. Лидия пересчитывала готовые связки, а Оскар помогал уносить их и развешивать в коптильне.

— Ты долго еще будешь здесь копать? — шутливо спросил Роберт брата. — Все небо задымил, скоро луны не видно будет.

Они остановились в дверях.

— Когда же ты спишь, если тебе всю ночь приходится возиться с этим копчением? Завтра ведь снова выходить с неводом.

— А много ли нужно летом сна? Часика два — и хватит, — ответил Оскар. — Зимой отоспались.

— Скажи, это не Зента Залит, вон та, которая нагибается за мочалой?

Оскар слегка покраснел, но Роберт не обратил на это внимания.

— Да, это она...

— Хм... Ну и красоткой стала, — сказал уже потише Роберт. — Никто еще не пытался к ней подъехать?

Он прищурил один глаз и усмехнулся. Оскару не понравился циничный тон брата; не ответив, он ушел в коптильное отделение. Роберт смотрел на Зенту. Философское настроение, овладевшее им за несколько часов одинокой прогулки, стало понемногу рассеиваться. Какие-то чертенята затанцевали в его мозгу, и он опять почувствовал себя городским человеком. Захотелось подурачиться, побаловаться с этими загорелыми рыбачками, у которых руки были облеплены чешуей, а одежда пропахла дымом и рыбой.

Легкими шагами Роберт подошел к длинному столу, за которым работали низальщицы.

— Зента! — окликнул он ее с улыбкой. — Какой барышней стала, прямо и не узнаешь!

Зента так и зарделась. Опустив глаза, она торопливо работала низальной иглой. Но Роберт не унялся, пока она не подала ему руки и не посмотрела в лицо. Поздоровавшись и с остальными низальщицами, — это были все старые знакомые — он начал болтать с ними, но в самом благопристойном тоне, а если девушки и краснели, то больше от собственных мыслей. Понемногу они осмелели и даже стали поддразнивать студента. Одна только Зента осталась молчаливой и замкнутой.

— Ну, подождите, — шутливо грозил девушкам Роберт, хватая то одну, то другую за подбородок или обнимая слегка за плечи. — Я вам покажу, какие бывают рижане.

Немного поболтав с ними, он ушел.

Оскар все время стоял в стороне, у двери в коптильное отделение. Теперь он подошел к низальщицам, но женщины почти не обращали на него внимания. Зента мечтательно глядела вслед уходившему студенту и не расслышала, когда Оскар спросил ее о чем-то. Но в конце концов она заметила его и, словно очнувшись от сна, принялась низать салаку.

Глава третья БОЛЬШОЙ УЛОВ

1

Вскоре после троицы Лидия стала ходить на занятия к пастору для подготовки к конфирмации. В поселке у нее была только одна подруга — Зента, и они вместе ходили в пасторскую усадьбу. Иногда Роберт, чтобы убить время, выходил встретить сестру на полдороге — приятно ведь пройти лесом несколько километров и поболтать с девушками. А Зента была такая хорошенькая!

В день конфирмации почти все прихожане собрались у церкви. Родственники и друзья с цветами, поздравительными открытками и подарками ждали у церковных дверей, выстроившись до самых ворот ограды в два ряда, между которыми оставался свободный проход.

Старый Клява с Робертом тоже причащались в этот день. Записали было и Оскара, но его еще не было видно — или он нарочно запаздывал,

или притонял невод. Ведь воскресенье в работу рыбака перемен не вносит.

Анита и Эдгар ждали Лидию. У Аниты в руках был роскошный букет роз. Богослужение затянулось, потому что причащающихся было много, и Анита ужасно устала, но ей не хотелось выходить из ряда, чтобы не потерять места возле дверей, и она только переминалась с ноги на ногу. Солнце пекло все сильнее, а густая толпа прихожан стояла с подветренной стороны. Платье из тонкого маркизета казалось Аните невероятно тесным, легкая ткань, как тискаами, сжимала ей грудь.

— Кончали бы уж скорей, — сказала она брату.

В этот момент она заметила протискивающегося сквозь толпу Оскара, потного от быстрой ходьбы. Он оглядывался по сторонам, словно кого-то разыскивая; в руках у него был маленький, перевязанный шелковой ленточкой пакетик. Оскар смотрел через головы людей и заметил Аниту, только когда подошел к ней почти вплотную.

— Доброе утро, — приветствовал он ее одним кивком, так как шел с непокрытой головой.

Анита протянула ему руку:

— Пришел все-таки поздравить Лидию?

Оскар снова беспокойно оглянулся.

— Да... Пришел. Скоро, наверно, начнут выходить?

Анита посмотрела на пакетик:

— Это для сестры, Оскар?

На колокольне зазвонили, и подтвержденные стали выходить из церкви. Оскар промолчал, наверное не расслышав вопроса Аниты. Вокруг них началась суматоха — поздравления, рукопожатия, подарки, слезы женщин.

Сопровождаемая отцом и Робертом, Лидия, в новом белом платье и белых туфлях, подошла к Аните. Подруги расцеловались. Эдгар, не отрывая взгляда от красивого лица любимой девушки, пожелал ей счастья и даже покраснел при этом. Лидия заметила Оскара; он пожал ей руку, торопливо прошептав свои пожелания. Заметив в руке брата пакетик, Лидия порозовела от удовольствия. Но Оскар не подносил подарка, взгляд его искал кого-то в толпе. Внезапно, никому ничего не сказав, он повернулся и ушел.

Лидия на мгновение побледнела, потом волна крови с новой силой прихлынула к ее щекам; она стала обмахивать лицо носовым платком — день был такой душный и жаркий... И все как-то смутились, всем стало неловко, один Роберт нашелся и предложил ехать домой.

Анита, сжав губы, глядела в толпу. Вдали виднелась непокрытая

голова Оскара; он везде был выше всех ростом. Отойдя в сторонку, чтобы толпа не мешала, она заметила девушку, у которой уже был в руках пакетик Оскара. Анита круто повернулась и пошла за братом к воротам.

Зента была очень обрадована. Подарок Оскара оказался для нее полной неожиданностью.

— Ну, теперь уж дай обещание навестить меня вечером, — сказала она, улыбаясь. — Мы будем только вдвоем с матерью, к нам никто не зайдет. Значит, правда, придешь, Оскар?

— Приду обязательно, — обещал он.

Оскар вернулся к своим. Клявы и Бангеры поехали домой все вместе. Лидия села с отцом и Робертом. Эдгар пригласил Оскара в свою бричку.

За кучера был Эдгар. Анита села между мужчинами. Расправив на коленях платье, она отвернулась от Оскара и задумалась. Солнце подымалось все выше. В лесу стояла невыносимая духота: уже две недели не было дождя.

Оскара угнетало долгое молчание.

— Когда же наконец станет немного прохладнее? — сказал он, вздохнув. — Весь вчерашний улов салаки пропадет к утру, нечего будет отправлять на рынок.

Анита еще дальше отодвинула плечо от Оскара.

— Вот как! — ответила она рассеянно.

— А завтра, скорее всего, вытащим не больше двух ящиков. Цены установятся хорошие, а товара не будет.

Анита ту же стянула вокруг шеи косынку.

— Да?

— Вот если бы у нас в поселке была консервная фабрика, — продолжал Оскар, — таких вещей не случалось бы.

— Разве?

— Ну да, тогда мы целиком пускали бы в дело каждый, хотя бы и самый крупный улов.

Анита кашлянула и прикрыла рот носовым платком; теперь можно было даже не отвечать Оскару. Он заметил сухость ее тона. Ну ладно, не такой уж он тупица, чтобы не понять значения односложных ответов. И Оскар замолчал, чтобы не показаться назойливым. Густое облако пыли окружало их, начищенная обувь уже не блестела. Оскар перебросил руку за спинку сидения и отодвинулся немного от Аниты — ей, должно быть, неловко сидеть зажатой между мужчинами. Теперь молчал и он, в грустном раздумье разглядывая росший вдоль дороги брусничник.

Анита пошевелилась, распрямила спину и поглядела искоса на Оскара.

— Значит, ты думаешь, что в поселке надо завести консервную фабрику? — спросила она, оборачиваясь к нему.

— Да, — ответил он, не подымая глаз.

— Возможно, что ты и прав. Я хоть и мало в этом смыслю, но мне кажется, что фабрика принесла бы пользу всему поселку.

— Да...

— А ты говорил с кем-нибудь об этом?

— Нет...

Анита, закусив нижнюю губу, с любопытством посмотрела на Оскара.

— Да расскажи же наконец, как ты жил, что делал за это время?.. Я слышала, будто зимой ты заблудился на море в тумане.

— Да.

Анита пристально посмотрела на него и отвернулась.

— Ну, если тебе так трудно разговаривать, не буду больше надоедать, — сказала она обиженно.

Оскар заерзал на месте и приоткрыл рот, собираясь что-то ответить, но лишь покачал головой и ничего не сказал.

Так они доехали до самого поселка.

2

В этот день у Клявов было семейное торжество. Кроме Бангеров, пришли и многие соседи. Из Гнилуш приехала старшая дочь Клявы Ольга с мужем Петером Менгелисом. Пришел с гармоникой Екаб Аболтынь, а Эдгар Бангер принес патефон.

Героем дня был Роберт. За столом он произнес речь. Внимание собравшихся его ничуть не смущало; наоборот, оно его подогрело, помогло ему затеять длинное рассуждение о борьбе за существование, о беззаботной поре, с которой Лидии придется теперь проститься навсегда.

Потом стулья были сдвинуты к стенкам, и начались танцы. За дверью мужчины резались в карты. Женщины ухитрялись появляться и в кухне, и возле мужей, и среди танцующей молодежи. Пока Роберт блистал в зальце, поддерживая праздничное настроение, дирижируя танцами и развлекая девушек, Оскар сидел среди пожилых мужчин, которые беседовали за бутылкой о видах на погоду и на улов. Чокнувшись и пригубив рюмку, он чаще всего оставлял ее недопитой. Он хотел сберечь себя к вечеру и все время поглядывал на окно, дожидаясь наступления сумерек. Наконец он встал, намереваясь незаметно выскользнуть из дому. Мужчины уже

подвыпили и не обращали на него внимания, а женщины наблюдали, кто с кем больше всего танцует. Там уже определилось несколько парочек. У Лидии на пальце было красивое кольцо — видно, подарок Эдгара, от кого же еще? Кристап Лиепниек не отходил ни на шаг от Вильмы Осис...

Несколько танцующих пар загородили Оскару дорогу, он обошел их и кое-как пробрался к двери. Но в тот момент, когда он переступил порог, гармонист кончил играть, танцующие стали расходиться, и кто-то торопливо вышел вслед за Оскаром; он не оглянулся, но почувствовал аромат духов.

Это была Анита. Она разгорячилась во время танцев и вышла немного освежиться.

— Почему ты не танцуешь? — спросила она Оскара.

Оскару поневоле пришлось остановиться.

— Да я все время сидел со стариками, — ответил он, словно оправдываясь.

Анита усмехнулась. Она стояла рядом с ним и, очевидно забывшись, положила руку на плечо Оскара. Это было до того сладостное ощущение, что он не смел пошевеливаться. А вдруг Анита подумает, что он отстраняется от нее?

— Ты куда-то собрался? — спросила она.

— Нет, я никуда... куда мне идти?

— А ты не обманываешь? — шутливо погрозила она Оскару пальцем.

Оскар стал глядеть куда-то в сторону.

— Нет, право, мне некуда идти.

Анита взглянула на него искоса, что-то обдумывая. Ее рука по-прежнему покоилась на плече Оскара.

— Знаешь что, Оскар, — сказала она, помолчав, — в доме становится жарко. Если у тебя есть время и охота, немного покатаемся по Зальупе. Что ты на это скажешь?

— Если тебе так хочется...

— Нет, если только и ты хочешь. Позовем и других, там ведь найдется несколько лодок. Сегодня должна быть чудная лунная ночь.

— Ну, это еще через несколько часов. А ты хочешь сейчас?

— Тебе разве надо куда-то идти?

Оскар замотал головой.

— На лов выйдем только утром.

Но тут же он взглянул в окно на стенные часы — было без четверти девять. Он забеспокоился; наступал уже вечер, на западе краснела полоса заката, и всюду легли длинные серые тени. Оскар не мог забыть, что его

ждут.

Из дому вышел Роберт, разыскивающий Аниту.

— Вы что тут, заговор готовите? — засмеялся он.

— Мы решили покататься на лодках по Зальупе, — ответила Анита. — Можно будет пригласить и остальных.

— Гм, это неплохая идея: пикник с катанием на лодках при луне. Не хватает только факелов.

— Может быть, взять у матери из хлева «летучую мышь», — заметил Оскар. — Только надо сначала почистить стекло.

— Что за шуточки? — обиженным тоном протянул Роберт.

— Тогда нечего медлить, нам еще надо достать весла и лодки.

Желающих кататься оказалось достаточно. Молодежь спешила избавиться от любопытных взглядов старух, а на воздухе было так хорошо... Подавляя все более усиливающееся чувство беспокойства, Оскар достал ключи от лодки и весла и повел шумную компанию к реке, все время думая о том, что его ждет Зента. Но другим нельзя было говорить об этом. «Может, им скоро надоест кататься? Или хоть бы дождь начался...»

До лодок было шагов четыреста. Веселые возгласы доносились из всех домов, хотя и не везде были в этот день подтвержденные.

Шумная компания стала рассаживаться по лодкам. С Оскаром сели Роберт, Анита и младшая сестренка Вильмы Осис, Гермина. Мать послала ее понаблюдать за старшей сестрой, но Вильма знала, как надо устраиваться.

— Ты садись к Оскару, у него лодка больше, — сказала она. Сама Вильма осталась наедине с Кристапом, так они и прокатались весь вечер.

Надвинулись сумерки. Вспугнутые утки поднимались в воздух и перелетали на заливные луга. Изредка слышался всплеск рыбы, ветер чуть заметно шелестел в тростниках.

Лодки быстро разъехались в разные стороны и пропали из виду; одни заходили в тихие заводи, другие заворачивали в боковые протоки.

Оскар сидел в носовой части за веслами. Анита кутала плечи в шаль и изредка обменивалась двумя-тремя словами с Робертом. Издали слышался голос Лидии; она пела. Роберт усмехнулся.

— Как романтично! Сюда бы еще кого-нибудь со скрипкой.

— Вот и надо было взять с собой Екаба Аболтыня, он бы тебе такое развел на гармошке! — сказал Оскар. Его лица не было видно, но по голосу чувствовалось, что он смеется. Анита внимательно наблюдала за братьями.

— Тебе лучше знать, что сейчас требуется, раз у тебя такое музыкальное чутье, — иронически ответил Роберт. — А кстати, почему ты

сам не научишься играть? Ты, кажется, и не поешь?

— Где уж мне играть... Ты сам знаешь, какие пальцы нужны музыканту. У меня они слишком грубы.

— Зато у вас, рыбаков, голоса зычные: когда вы разговариваете на берегу, в поселке слышно каждое слово.

— На море приходится говорить полным голосом.

— Плохая привычка. Если тебе придется шепнуть что-нибудь девушке на ухо, все сразу и узнают твои секреты.

— Мы не шептуны и подслушивать тоже не имеем привычки.

Роберт тщательно высморкался и замолчал. Некоторое время они плыли молча. Братья избегали смотреть друг на друга, тень отчужденности легла между ними.

— Ну и тяжела лодка, — начал опять Роберт.

— С чего ты взял? — спросил Оскар.

— Гребешь ты достаточно сильно, а она еле движется.

— Водоросли замедляют ход.

— Интересно, кто ее строил?

— Эту лодку? Я сам.

— Наверно, твой первый блин, Оскар? Она слишком узкая и сидит глубоко; должно быть, плохо берет волну. Почему в носовой части не дал кривую больше? Вот я одну в рижском яхт-клубе видел...

— Ну, это тебе не яхта.

— Нет, какую там один построил лодку! Если бы ты видел, что за красавица! Легкая, вместительная, а ход какой!

Роберт продолжал разбирать по всем статьям лодку Оскара, словно настоящий специалист. Нет, уж если строить лодку... Но лучшего и ожидать нельзя, раз это первая проба. Могло и хуже получиться.

Оскар не отвечал. Объехав большой, росший из воды куст, он повернул обратно к поселку. На сердце у него скребло, к тому же его так и подмывало задать Роберту один вопрос — тогда бы тот перестал над ним подсмеиваться. Но здесь была Анита, кроме того, у маленькой Гермины ушки были на макушке. Завтра каждое их слово будет известно всему поселку, и пойдут разговоры о том, что сыновья Клявы не ладят между собой.

Мало удовольствия получилось от этой прогулки под луной.

Другие лодки были уже причалены к берегу. Издали слышался веселый смех расходившейся молодежи. Со всех концов поселка неся собачий лай, во многих домах еще горел свет.

— Пора домой, — сказала Анита. — На сегодня хватит.

— Но почему же? — удивился Роберт. — Совсем еще рано.

— У тебя, наверно, часы с собой? — перебил его Оскар, замыкая лодочную цепь.

— Половина одиннадцатого, — ответил Роберт, посмотрев на ручные часы. — Что скажет Лидия, если ты не придешь?

— Ты сказал — половина одиннадцатого? — переспросил Оскар.

— Да. Ну, не надо капризничать, Анита.

Оскар взял весла и медленно прошел мимо.

Еще было не поздно выполнить обещание. Оскар даже не попрощался с Анитой, убежденный в том, что та не заметит его ухода. Но он ошибся.

— Оскар, ты меня не проводишь? — крикнула она ему вдогонку. — У Роберта нет времени.

Оскар вздохнул и остановился.

— Сегодня на улице не безопасно, — продолжала Анита, подходя к нему. — Слышишь, как пьяные орут?

Роберт, улыбаясь, смотрел на девушку.

— Тебе, верно, хочется позлить меня? — прошептал он, наклонясь к Аните. Она обернулась к нему, удивленно пожала плечами.

— Не выдумывай, пожалуйста. Какая мне надобность злить тебя?

— Ну, если ты это серьезно, то — извини. I beg your pardon^[2].

И, взяв у Оскара весла, он ушел, подчеркнуто вежливо поклонившись им обоим.

Беспокойство Оскара все возрастало. В своем нетерпении он даже забыл, что надо поддерживать разговор с Анитой. Ему казалось, что они идут слишком медленно. Но когда они поравнялись с ее домом, Анита не остановилась. То ли по рассеянности, то ли с целью, она продолжала идти дальше. Оскар не видел ее смеющихся глаз. Он кашлянул, не зная, что сказать.

— Сейчас, наверно, около одиннадцати, — нашелся он наконец.

— Возможно, — рассеянно согласилась Анита. — Какая теплая ночь! У тебя есть время?

— Н-да... Конечно...

— Пройдемся еще немного.

Они шли по направлению к морю, а дойдя до конца поселка, повернули обратно. Анита возвратилась к прерванному разговору о консервной фабрике. Оскара удивил такой живой интерес к этому предмету.

— Тебе следовало бы поговорить с другими, — сказала Анита. — Ты ведь не собираешься строить ее один?

— У меня нет денег. И потом, это еще не окончательно продумано...

Разве со временем... Надо будет хорошенько прикинуть.

Они снова были у дома Бангеров. Оскар уже заранее замедлил шаги, но Анита и не думала останавливаться. Миновали ворота и пошли дальше. Завязавшаяся беседа текла все легче и живее. Оскар еще не встречал человека, который так внимательно выслушивал бы его планы. Анита больше не смеялась, куда девалось и ее лукавство. Может быть, она и не все понимала в этих делах, поэтому и не могла возражать?

Оскар рассказал и про большую морскую мережу, которую он намеревался поставить возле затонувшего парусника, и затем про донимавшую его мысль о постройке большого ледника.

— Зачем тебе ледник? — спросила Анита.

— Мы бы там хранили свежую рыбу. Обычно после богатых уловов цены падают наполовину, а через несколько дней опять поднимаются до прежнего уровня. Подумай только, что значил бы для рыбаков такой ледник.

Голова у него была переполнена проектами, но Оскар не знал, с какого конца приняться за их осуществление. Сколько бы он ни заговаривал со старшими рыбаками, все они принимали их за несостоящую затею, за фантазию молокососа. Вот если бы у него были деньги, он рискнул бы сделать ледник.

— Поговори как-нибудь с моим отцом, — сказала Анита.

— Я уже говорил.

— Ну, и что он ответил?

— Он, правда, не смеялся, как другие, но и определенного ничего не сказал.

Они дошли до самого дома старого Дуниса и повернули обратно. Поселок постепенно затихал, на дворах умолкли голоса, в окнах погас свет. Только в одном маленьком домике еще не спали. Окна его были освещены, с улицы можно было разглядеть двух сидящих у стола женщин.

Увлечшись разговором, Оскар не заметил, куда они пришли, он не оглядывался по сторонам. Но Анита узнала девушку, которой Оскар сделал подарок.

— Кто живет в этом доме? — спросила она, пристально глядя на Оскара. Луна светила ему прямо в лицо, он никак не мог отвертеться.

— Это... Разве ты больше не помнишь здешних людей?

— Некоторые имена как-то вылетели из памяти.

— Женщина одна, вдова Залита...

— Нет ли у нее дочери?

— Да... Зента, кажется.

— Ты и сам толком не знаешь?

— Почему же не знаю. Она ходит к нам в коптильню низать салаку...

Оскар сам почувствовал, что краснеет; к счастью, они снова вошли в тень. Анита, улыбаясь, наблюдала за ним.

Они прохаживались по улице, никого не встречая. Время от времени Аните приходилось высыпать из туфель песок; при этом она держалась одной рукой за плечо Оскара, а другой снимала туфлю. Было так приятно чувствовать эту легкую руку на плече; ах, он ничего не имел бы против, если бы она задержалась там подольше. Постепенно остывало в нем чувство нетерпения. Теперь уже поздно идти к Зенте. Жаль девушку, она напрасно прождала его.

Удивительно, до чего незаметно пролетают короткие летние ночи — еще не стемнеет как следует, и уже занимается заря. Долго горел огонь в окнах маленького домика, и, пока его видно было издали, Анита не отпускала Оскара. Наконец там улеглись, и только тогда она остановилась у своих ворот и подала Оскару руку.

— Приятных сновидений, — сказала она со смехом.

Оскар мотнул головой.

— Я спать не собираюсь.

— Почему? — беспокойно спросила Анита.

— Мне надо сейчас же переодеться и отправиться на лов.

Анита облегченно вздохнула.

— Отчего ты раньше не сказал мне об этом? Я тебя совсем замучила.

Подойдя ближе, она еще раз крепко и нежно пожалала Оскару руку. Теперь они стояли совсем рядом, придвинувшись друг к другу.

— Ты ведь не сердишься на меня? Правда? — спросила Анита. — На этот раз ты простишь мне мой каприз?

Оскар задумчиво улыбнулся.

— Вечер был чудесный, Анита... Спасибо тебе.

Он улыбнулся, но на душе у него было грустно. Вновь всплывали в памяти давно минувшие дни, но он уже не смел ничему верить. Анита снова была с ним, еще более похорошевшая и женственно-нежная. Куда девались резвость подростка, шумная веселость девушки; молодая женщина держала его за руку, и он все еще чувствовал в кончиках пальцев легкие толчки крови.

— Нет, нет, — сказал он про себя. — Это никогда не сбудется.

Придя домой, Оскар сейчас же переоделся в рабочий костюм. Сапоги были теперь не нужны, вода стала теплой. Для удобства рыбаки засучивали брюки и перехватывали их бечевкой ниже колен, иначе они, намокая, сползали и путались в ногах.

У карбаса никого еще не было, хотя сегодня артели Оскара выпала очередь брать первый улов, и мешкать не годилось. На месте лова было уже несколько карбасов: по всей вероятности, Осис с артелью и кто-то из гнилушан, — их черед был сразу после Оскара.

Он влез в карбас и вычерпал просочившуюся воду, хотя это входило в обязанности подростка Франца, вставил уключины, привел в порядок весла и уложил ближе к корме развешанную для просушки мотню. После этого он сошел на берег. С моря дул еле заметный ветерок, настолько легкий, что даже на банках не подымал волны. Заря все разгоралась, и в предутреннем сумраке можно было разглядеть очертания человеческих фигур в карбасе Осиса.

Первым пришел Франц. Он, вероятно, не успел выспаться и, забравшись в карбас, сразу же прилег на тюк сетей.

— Разве у тебя все камни подвязаны как следует? — спросил Оскар.

— Ох, и правда... В широком куске два камня оторвались, — вспомнил Франц и, ворча, стал искать шкертики от камней.

Затем появился старый Дунис. Уже подошло время метать невод, и Оскар начал беспокоиться. Он нетерпеливо шагал по берегу, поглядывая в сторону поселка, и время от времени громко кричал, приложив ладони ко рту:

— Па-ар-ни, о-хой!

Но парни не откликались.

— Ну, разве это не безобразие! — сердился Оскар. — Чего доброго, еще прозеваем улов. Ведь день пропадет даром.

Он крикнул еще раз и, подождав немного, влез в карбас.

— Пошли, нечего их ждать. Попытаемся позвать кого-нибудь из людей Осиса — может, выручат.

В последний момент на дюнах показался Баночка. По всей вероятности, воскресенье он провел весело и теперь разговаривал сам с собой, размахивая на бегу руками.

— Как это вы думаете уйти без меня? — закричал он. — Что вы станете делать без Баночки?

С помощью Оскара он влез в карбас и сел за весла. В карбасе Осиса люди уже зашевелились, и, если бы не появление Оскара, Осис начал бы метать невод: первый улов, на восходе солнца, всегда самый удачный.

Оскар высадил Дуниса у неводного ворота, поставил карбас на место лова, а сам пошел переговорить с Осисом.

— Чего дожидаясь, Оскар? — крикнул тот еще издали. — Давно уже пора начинать! А то, смотри, мы займем твою очередь.

— Одолжи мне двоих, пока люди не собрались.

— А сколько у тебя сейчас?

— Четверо.

— Тогда ты сегодня не ловец! Нет, никого отпустить не могу... Как же я сам буду притонять невод?

— Мне бы хоть двоих, чтобы невод обметать. К тому времени у меня все будут на месте.

— Это еще как сказать! А мне метать сразу после тебя.

— До того времени обметка будет кончена, а там я обойдусь.

Но Осис не соглашался.

— Ну что ж, нет так нет, не надо, — сказал Оскар. Он дошел до карбаса гнилушан. Там было несколько знакомых: родственники зятя Менгелиса и двоюродный брат Оскара по матери, Мартын Крауклис. Они слышали весь разговор с Осисом.

— У тебя всего только четверо? — удивленно спросил Мартын Крауклис. — Чего же ты хорохоришься? Пусть сейчас бросает Осис, а ты после него будешь. Тогда и твои парни подойдут.

Оскар молча повернул к своему карбасу.

— Ну как, решено? — крикнул ему Осис.

Оскар, ничего не ответив, влез в карбас, подал Дунису конец троса, а сам ушел к носу и сел за весла. В это время в карбасе Осиса начали готовиться к замету невода.

— Потихе, сосед! — крикнул Оскар. — Куда торопишься? Я сам начинаю метать.

Там рассмеялись:

— Когда же это вчетвером метали невод?

— Становись к камням, Франц, — сказал Оскар подростку. — А ты, Баночка, на этот раз будешь выбрасывать верхнюю подбору. Пошли!

Он схватил тяжелые дубовые весла и всей тяжестью налег на них.

Тихо тронулся, заскользил по воде тяжелый карбас. Неводное полотно, стучаясь о борт камнями, переваливало в воду. Уключины трещали, готовые вот-вот сломаться, весла гнулись в руках Оскара. Приподнимаясь со скамьи, он изо всей мочи налегал на них. Это был сверхчеловеческий труд. Карбас еле двигался вперед, и Франц успевал вовремя хватать каждый камень и перебрасывать через борт. Баночка легко справлялся с верхней

подборой. Когда дело дошло до мотни, то стоявшим на берегу показалось, что карбас вот-вот остановится и Оскар не сможет уже сдвинуть его. Но он справился. Тяжелая мотня перевалила через борт и карбас сразу пошел легче. Тюк сетей постепенно таял, под ними можно было уже различить свернутый кругами бежной трос.

Лицо и шея Оскара покрылась потом, вены на лбу вздулись, он дышал тяжело, как загнанная лошадь. Когда наконец перевалил через борт кляч невода и карбас словно освободился от тянущей назад привязи, Оскар почувствовал звон в ушах, в голове у него гудело, — еще минута, и он бы не выдержал.

Немного передохнув, они пошли к берегу. Взялся за весла и Баночка; вдвоем вести пустой карбас было не тяжело. Франц установил лебедку, и они стали выбирать бежной конец.

Медленно-медленно подходил невод к берегу. Флажок кляча уже показался на третьей банке, когда явился вконец перепуганный Кривой Янка. Он молча взялся за работу, ожидая основательной проборки, но Оскар ничего не сказал. Подошли и Осис с Мартынем Крауклисом. Им стало стыдно, и они тоже решили приложить руку к лебедке. Оскар отодвинул руку Осиса и мрачно взглянул на незваных помощников.

— Не надо, обойдемся и одни.

Тогда они ушли на другой конец, к Дунису, — старику тяжело было в одиночку справляться с воротом.

Наконец на берег вышел и кляч; пора было брать на лямки крыло невода. Тут кстати подошел и Черный Том, — теперь вполне можно было справиться.

Когда взошло солнце, ветер совсем стих. В едином ритмичном движении, откидываясь назад всем корпусом, шаг за шагом подвигались рыбаки по скользкому песку. Потом отпускали поочередно лямки и заходили в воду, чтобы перехватить их заново. Было приятно брести по пояс в теплой воде, всем телом наваливаясь на лямку. Полукруг невода стал суживаться, над ним закружились чайки. С каждой минутой их появлялось все больше и больше, они слетались со всего побережья. Быстрые и крикливые, они камнем бросались вниз и снова подымались с добычей в клювах. От их голодных криков у людей заложило уши. Белая туча птиц кружилась над неводом.

Рыбаки знали, что это означает. Они бодро налегали на лямки, подтаскивая невод к берегу. Неводное полотно зарябило от салаки, мелкая рыбешка металась между ног, вся поверхность воды вздрагивала и пузырилась, словно при кипении. А до мотни еще было далеко.

Это было что-то сказочное. Целиком невод невозможно было и вытащить, рыба запрудила первую приглубину. Резкие крики птиц сливались с радостными возгласами людей.

Оскар устался первый крупный лов за путину.

Он даже не чувствовал усталости. Удачный улов поднял у рыбаков дух, придал сил и выносливости. Они не думали о завтраке, хотя никто еще не ел в этот день. Огородив шестами улов, Оскар послал Франца в поселок сзывать рыбаков с карбасами и лодками для салаки.

4

На сонный еще поселок эта новость подействовала, как взрыв бомбы. Больше всех взбудоражила она тех, кто запоздал на лов. Бледные, с опухшими от похмелья глазами прибежали парни из артели Оскара. Они не знали, за что приняться; их и стыд мучил и опасение, как бы Оскар не лишил их доли улова — это было бы для них большой потерей. Но Оскар ничего не сказал. В самом радужном настроении он ходил по берегу и наблюдал за погрузкой рыбы.

Хозяева пригнали пустые карбасы и лодки-неводники. Сначала наполнили три лодки, затем стали нагружать карбасы. Подошел с моторкой Эдгар и, взяв на буксир четыре наполненных до краев карбаса, отправился в Ригу. С ним ушли и Джим Косоглазый и двое хозяев. После этого нагрузили еще три карбаса, и все-таки осталась еще полная мотня салаки.

Повсюду была мертвая рыба, легкая волна прибывала ее к берегу, где уже разбойничали стаи чаек. Если бы Оскар распустил мотню, волны выбросили бы на берег остатки улова, и скоро чешуянам житья не стало бы от вони гниющей рыбы. Но они не могли рассчитывать на скорое возвращение лодок; так и пришлось закопать в песок оставшуюся салаку. Пропало по меньшей мере двадцать ящиков — улов, которому через несколько дней порадовалась бы любая артель.

Эдгар Бангер пришел с большими карбасами в Ригу и встал у пассажирской пристани. Услышав об изобилии салаки, начали сбегаться покупатели, по большей части рабочие и ремесленники. Они покупали ее для засолки впрок целыми корзинами, мешками и ведрами, чтобы зимой было чем заедать вареную картошку.

Косой Джим отмеривал рыбу, а Эдгар получал деньги. Так они трудились в поте лица весь день. В обед принесли водки и закуски. Джим не скупился, когда бывал под мухой. Каждую мерку накладывал верхом, к

каждой зюзьге добавлял еще пригоршню; но чем дешевле становилась салака, тем меньше появлялось покупателей. Они долго рылись руками в чешуйчатой массе и поводили носами:

— Лежалый товар! Вот, смотрите, как расползается! Куда такую девать. Цену спускали, и покупатели подходили снова.

За первый карбас выручили в среднем по лату за пуру^[3]. Это было смехотворно дешево — меньше пятой части того, что платили за салаку зимой. И то еще покупатели ворчали, что цена высока. Эдгар спускал цену несколько раз, под вечер он уже отдавал пуру за пятьдесят сантимов. Они пробыли в Риге до следующего вечера, продали еще часть рыбы, но больше половины карбаса пришлось выбросить за борт на середине Даугавы.

Потом принесли водки и колбасы, основательно заправились и пустились в обратный путь.

Остальные лодки разошлись по обширным пригородам Риги.

Некоторые причаливали возле пассажирских пристаней, одна лодка осталась в Милгрависе, другие завернули к Саркандаугаве и Кундзиньсале, а Дунис с большим карбасом пустился искать счастья по Киш-озеру. Часть рыбы он продал в Яунциеме, где жило много рабочих, а с остальной целый день носился вдоль другого берега.

Спустив несколько раз цену, продавцы в конце концов забывали, с чего начали продажу и сколько пур вообще было продано. Поднимать целый день полные зюзьги и ящики было утомительно, и они время от времени подкреплялись живительной влагой. Да нечего греха таить, выпить им довелось, и денежные расчеты отступали при этом на задний план. Перед возвращением домой сговорились, во избежание нареканий, какую цену объявить артели. Каждый захватил с собой по бутылке водки, чтобы попотчевать рыбаков, иначе они могли проявить излишнее любопытство и потребовать более обстоятельного отчета.

Другим артелям тоже досталась хорошая добыча. Залив кишел косяками рыбы. Рига и ее окрестности были наводнены дешевой салакой. Днем и ночью тарахтели моторки, таща к городу длинные караваны дешевого товара. Все труднее становилось находить покупателей. Некоторые рыбаки, без толку провозив свой улов, были вынуждены выбросить его в воду.

Косяки салаки исчезли так же внезапно, как и появились. Улов снова стал измеряться ящиками, а не карбасами. Скоро цена на салаку поднялась до обычного уровня, но выбрасывать на рынок уже было нечего, — хорошо еще, если было что сдавать в копильню.

В эти дни Оскар часто заводил разговор о консервной фабрике. Он

обращался и к своим товарищам по артели, и к работникам, и к другим кормщикам:

— Если бы у нас была консервная фабрика, мы бы теперь были с хлебом всю зиму. Тогда больше не пришлось бы шататься по окрестностям Риги, кланяться покупателям и за бесценку отдавать рыбу. Больше не стали бы зарывать ее в песок или пускать на удобрение.

Все соглашались с ним: да, это было бы хорошо! Никто не спорил, что рыбаки жили бы припеваючи, если бы это сбылось... Но откуда взять денег на постройку фабрики? Все сообща? Нет, из этого ничего не выйдет. У кого же это столько денег наберется?

В субботу вечером в доме Клявы делили недельную выручку артели. Пришли вернувшиеся из Риги люди. Они изъездили чуть ли не весь свет, гребли, мерили, трудились до седьмого пота. У них до сих пор болят руки от весел и от бесконечного поднимания полных ящиков с рыбой. Им всем без возражений уплатили поденный заработок. О том, что они в Риге выпивали и подкреплялись за счет артели, ни разу не упоминалось. Да и кто бы мог их в этом упрекнуть? Кто бы на их месте поступил иначе?

Выставил свои требования и Эдгар Бангер. Он израсходовал столько горючего, масло тоже все вышло, к тому же у него сломался насос. Ему тоже уплатили.

Некоторые хозяева давали лошадей, когда развешивали для просушки невода, другие развозили салаку по крестьянским хуторам; там платили так мало, что для артели ничего уж и не оставалось. Предъявлялись счета за починку мотни и за осмолку карбаса, за новый бежной трос и сетные садки. С хозяйками, которые во время поездок в Ригу выполняли кое-какие поручения артели, вроде покупки пряжи и пробок, пришлось рассчитываться, как с поденщицами, да, кроме того, следовало оплатить им дорогу. Казалось, списку расходов и конца не будет; то и дело предъявлялись новые, каждый раз обоснованные требования. Когда же начали подсчитывать выручку, оказалось, что ничего особенного в этом улове и не было: шесть карбасов и три совсем небольших неводника.

Для дележки между членами артели остались сущие пустяки, большая часть заработка ушла на покрытие расходов. Хозяева и их жены, которые во время лова палец о палец не ударили, заработали больше, чем сами рыбаки. Но это была давнишняя история, повторявшаяся из недели в неделю, из лета в лето. В других артелях происходило то же самое.

— Лучше бы таких уловов и не доставалось вовсе, — сказал Оскар, рассчитавшись со всеми. — Рыбакам от них мало пользы.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил старый Клява.

Оскар иронически улыбнулся и вышел. Что он хотел сказать, было ясно каждому, — недаром после его ухода оставшиеся хозяева долго еще не могли возобновить разговор.

Чешуян теперь нельзя было узнать. Всю зиму они довольствовались соленой салакой и печеной картошкой, а теперь, махнув на все рукой, предавались невиданному чревоугодию. Жены рыбаков, отвозившие рыбу в Ригу, возвращались с полными корзинами самых разнообразных лакомств. Мужчинам надоело сосать горький самосад, и сейчас они услаждались первосортными папиросами; у молодежи внезапно обнаружилась непреодолимая страсть к заграничным сигаретам. Колбасные шкурки и сырны корки, бутылки из-под вина и спирта, выброшенные под забор старые калоши свидетельствовали о наступлении счастливой поры в жизни поселка.

Старый Клява часто ездил в волостное правление, и не было дня, чтобы он оставался трезвым. Да и не он один, большая часть чешуян старалась вовсю, чтобы местные винные запасы иссякли как можно скорее. С нетерпением ждали прибытия эстонского парусника с дешевым спиртом или появления в водах залива моторных лодок данцигских контрабандистов, — тогда водка обойдется вполтину дешевле, можно будет оставить кое-что про запас и на воскресенье, чтобы не бегать в местечко к аптекарю Вимбе, отпускающему спирт для лечебных целей.

В то время как мужчины тратили деньги на водку, женщины спешили приобрести новые платья, туфли и шляпки.

Клявиене ездила в Ригу по несколько раз в неделю и каждый раз возвращалась с какой-нибудь обновой для Лидии. Купленный зимой джемпер уже вышел из моды, и Лидия носила его только дома. Таким же устаревшим оказалось синее крепдешинное платье: столичные дамы стали носить платья длиннее и с воланами. Почти каждый день Оскар видел на сестре что-нибудь новое: то светло-желтую трикотажную блузку, то красивую косынку, то модные чулки. Кошелек с деньгами находился у матери, и никто не спрашивал, куда она их тратит. Любопытство отца удовлетворялось бутылкой очищенной, а об Оскаре никто не беспокоился.

Еще перед троицей он заикнулся было о новом костюме, но мать тут же напомнила ему, что Лидии предстоит конфирмация. Неужели он допустит, чтобы она в этот день была одета кое-как, людям на посмешище?

Точно так же действовали и остальные женщины. С незапамятных времен, в силу какой-то непреложной традиции, держалась эта власть хозяйки над членами семьи. Не родился еще мужчина, который бы осмелился взять ее под сомнение или повести борьбу с этими

своеобразными пережитками матриархата. А если бы такой появился, ему все равно пришлось бы уйти отсюда, среди местных девушек он не нашел бы себе жены. Покорно, без всякого недовольства, шли отцы и сыновья на тяжелую работу, в то время как их жены наряжались и наряжали дочерей, непрерывно соревнуясь в этом с соседками. Если Осиене купит своей Вильме новое платье, то Клявиене обязательно приобретет для Лидии такое же, только из лучшего материала; если мадам Бангер появлялась в церкви в новой шляпке, то мамаше Лиепниек ее шелковый головной платок сразу же начинал казаться старомодным.

Это было беспечное племя, жившее по евангельскому завету — без забот о завтрашнем дне.

Во всем поселке, может быть, лишь один человек думал иначе, но он не смел высказать своих мыслей — ведь они были направлены против существующих порядков.

5

Низальщицы в рыбокоптильне подбирали последние сотни салаки. Лидия в этот день управлялась в коптильном отделении одна, отец был занят дележкой, а мать возилась по хозяйству.

Оскар прошелся мимо низальщиц и поздоровался с ними. Зента на его приветствие не ответила. После конфирмации они еще ни разу не встретились.

Оскар дошел до ворот и остановился. Вскоре женщины стали расходиться по домам. Он взял старый кол и принялся вбивать его в землю. Удивительно, как медленно входил он в мягкий грунт, а раньше Оскар вогнал бы его несколькими ударами. Пока он занимался им, низальщицы одна за другой прошли мимо. Осталась только Зента, она уходила последней. Теперь кол был вбит и закреплен как следует. Оскар попробовал его качнуть, но он стоял крепко.

Он вытер лоб, хотя на нем не выступило ни капли пота, и обернулся к Зенте.

— Зента? А я думал, ты уже ушла.

— Тебе, конечно, очень хотелось, чтобы меня здесь уже не было! — заносчиво ответила она, собираясь пройти в ворота. Оскар загородил ей дорогу. Сейчас он напоминал ей сказочного великана, которого нельзя ни обойти, ни объехать.

— Ты, наверно, думаешь, что я нарочно не пришел в тот вечер? —

прямо сказал он.

Зента покраснела и отвернулась.

— Мне-то какое дело — нарочно там или ненарочно. Если человек хочет, то приходит, чтобы у него ни случилось, а кому все равно...

Она остановилась в двух шагах от Оскара, дожидаясь, когда он освободит ей дорогу. Сумерки сгущались все больше. Никто здесь не мог их заметить, на улице ни души не было.

— Пусти, мне надо идти, — сказала она наконец.

— Ты ведь не сердишься на меня? — спросил Оскар. — Если бы ты знала, как было дело...

— Ну, отговорок у тебя всегда хватало!

— Разве что-нибудь такое уже случилось? — спросил Оскар. — Когда я тебе врал?

В его голосе зазвучала горечь, и Зента удивленно взглянула на него.

— Я не говорю, что врал. Но как ты думаешь, приятно мне было попусту ждать целый вечер?

Голос ее дрожал.

Оскар сейчас же дал ей дорогу и вышел за нею на улицу. Зента шла с сосредоточенным видом, крепко сжав губы. Она ничего не спрашивала, а на вопросы Оскара отвечала только пожиманием плеч.

«Хочет показать, что сердится», — подумал Оскар.

Пройдя немного, Зента остановилась и подала ему руку.

— Дальше не провожай меня. Матери уж бог знает что наболтали; если увидит, опять будет длинная проповедь...

Оскар даже не удивился тому, что она стала вдруг скрывать знакомство с ним и ему нельзя больше провожать девушку до ворот, тогда как несколько дней тому назад в доме Залитов его ждали в гости. Он пожал маленькую загрубевшую от работы ручку Зенты и посмотрел ей вслед.

У ворот Осисов стоял какой-то человек. Зента остановилась, человек подал ей руку, и они пошли дальше. Это был Роберт.

«Вот оно что, девчонка... — покачал головой Оскар. — Вот почему ты не желаешь, чтобы другие нас видели вместе. Да ты не так уж глупа».

Оживленные голоса приближались к нему из сумерек. Он повернулся и зашагал обратно. Но домой он не пошел, хотя было уже поздно и за всю неделю ему еще ни разу не пришлось выспаться как следует. Осаждаемый тревожными думами, бродил Оскар по дюнам у моря, пытаясь осмыслить свое положение. Была когда-то возле него Анита, потом появилась Зента — и между ними неизменно вставал Роберт, а недоумевающий Оскар отдавался течению событий.

Мелкие волны с шумом набегали на берег, в сумраке еле заметно мерцала пена, а дальше грозно темнел морской простор. По временам вспыхивали огни Даугавгривского маяка, на фарватере гудел плавучий буй. Вдоль реки над заливными лугами подымался легкий туман и белыми волнами перекатывался через кусты и тихие заводи.

Оскар не хотелось спать. Устав от ходьбы, он нашел карбас и прилег на переднюю скамью. Маленькое пушистое облачко заслонило луну, стало темнее. Полное звездных богатств небо глядело на человека. Но он чувствовал себя одиноким, и грустно становилось ему в этом прекрасном мире от собственных мыслей.

Глава четвертая ЗНОЙНЫЙ ШТИЛЬ

1

Роберт Клява отдыхал. За зиму он так похудел и извелся, что в первые дни после приезда не мог взять в руки ни одной книги. Вначале он собирался помочь по хозяйству. Ему как-то неловко было слоняться без дела, в то время как весь поселок кипел, как муравейник, где у каждого были будничные обязанности. Но когда он заикнулся об этом, вся семья единодушно воспротивилась, и Роберту волей-неволей пришлось сдаться.

— Не путайся ты под ногами! — сказал отец. — Делай свое дело, а мы будем делать свое.

— У меня ведь никаких дел нет.

— Тогда отдохни, наберись сил на зиму.

С утра Роберт занимался гимнастикой и плаванием. После завтрака бродил по лесу и дюнам и возвращался только к вечеру. Он сделал себе удочку и подолгу просиживал на берегу Зальупе. Загорать он начал с первых же дней, скоро стал похож на цыгана и опять почувствовал себя отлично.

Изредка он писал городским друзьям о прелестях житья в Чешуях и даже стал уговаривать однокурсника Рихарда Линде приехать недели на две в гости. Приглашение было сделано с ведома старого Клявы. Здесь действовал и расчет на будущее, потому что отец Рихарда был влиятельным человеком в правительственных кругах.

По вечерам Роберта можно было видеть у рыбокоптильни, в толпе низальщиц. Он шутил и смешил девушек не хуже иного рыбака, только от Зенты держался подальше, не желая давать пищи сплетням. Когда работа

подходила к концу, Роберт исчезал и поджидал девушку где-нибудь в сторонке, чаще всего у лимана, потому что там почти никто не бывал. Тогда для них начинались чудесные мгновения, которые могли повторяться без конца, никогда не приедаясь, как не приедаются волшебные звуки музыки, даже если слушаешь ее множество раз.

Роберт рассказывал о чужеземных обычаях. Он-то знал, как любят где-нибудь в Испании: там и гитары и серенады под окнами любимых женщин. Как смело отдаются там люди своим страстям и влечениям! А какие пылкие, какие удивительные женщины живут на юге! У Роберта нашлось несколько книг, которые он настоятельно рекомендовал прочесть Зенте. Во-первых, Ведекинд^[4]: к нему она должна отнестись с глубоким почтением, ведь это знаменитый и ученый человек, пол-Европы преклоняется перед его идеями. Ей, конечно, должны понравиться и пламенные романы д'Аннунцио^[5].

После он спрашивал, какое впечатление произвела на нее та или другая книга, и подробно объяснял замысел автора, доказывая справедливость самых удивительных парадоксов и находя убедительные оправдания для невероятной распущенности какого-нибудь героя. Неизвестно, много ли усвоила Зента из его мудрых поучений. Может быть, только самую крохотную, поверхностную частицу, может быть, и ничего. Да это и не имело значения, раз она делала вид, что все поняла и согласилась с новыми мыслями. В этом мудром, свободном учении не должно быть места лицемерию, говорил ей Роберт, но пока они продолжают жить в задыхающемся от предрассудков обществе, им волею-неволей придется скрывать свои убеждения. Зента хорошо поняла это и не обмолвилась никому ни полсловом о романе с Клявой-младшим.

Оскар обо всем этом знал очень мало, да у него просто и времени не было думать о таких вещах. Напавшая было на него хандра сейчас снова прошла. Зента стала такой же чужой и далекой, как и остальные поселковые девушки. Анита?.. Но с ее стороны то был, видимо, только случайный каприз.

Начался лов лосося. Сильный юго-западный ветер загнал в залив большие стаи этой поистине величественной рыбы, преследующей косяки салаки. Серебристый, округлый от жира лосось считается в это время года самым первосортным товаром.

На взморье началась шумливая, веселая и драчливая пора. Счастливые неожиданности сменялись горькими разочарованиями: рядом с богатым уловом вытаскивали пустые сети, от которых и не пахло рыбой.

К затонувшему паруснику сошлись карбасы почти со всех близлежащих поселков. Под вечер приезжали на моторке приказчики Гарозы. Они привозили водку и обрезки копченой лососины на закуску, принимали дневной улов и распределяли угощение между артелями. Каждая артель, было ли ей что сдавать или нет, все равно получала по бутылке. Тем, у кого улов был богаче, доставалось по две и даже по три бутылки. После выпитой водки рыбаки вспоминали давние обиды, отнятые или загубленные уловы и сводили между собой старые счета. Кривой Янка разделялся с Индриком, Джим Косоглазый искал врагов в карбасе гнилушан, а Баночка грозил старому Дунису, который якобы зря оклеветал его перед хозяйкой. Попытки восстановить попорченную справедливость возобновлялись каждый вечер. Многие потом разгуливали с синяками под глазами, в разодранных рубахах и с расцарапанными физиономиями. Иные грозились жаловаться.

— Это дело направится в суд, это тебе даром не пройдет! — угрожал Дунис, когда Баночка основательно прочесал ему бороду.

— Мы еще встретимся у красного стола! — дал понять Индрик Осис Кривому Янке, когда рижский босяк взял верх над хозяйским сыном.

Впрочем, на следующий день все уже забывали вчерашние угрозы.

Пока не было лосося, все жили мирно и в согласии, но как только показывались в заливе серебристые стаи, рыбаки словно голову теряли: друг не узнавал друга, брат желал неудачи брату, сосед завидовал соседу.

И среди этой голодной суеты продолжал жить Оскар. У него еще никто не отнял улова, и он сам не посягал на чужое. И все же в поселке никто не принимал его всерьез. В этом виноваты были его странные, сумасбродные проекты, которыми он огорошивал знакомых. Он каждому открывал свои мысли и совсем не замечал, что его поддразнивают, что над ним подсмеиваются. А может, и замечал...

Вскоре после Янова дня^[6] наступил знойный штиль. Жаркое солнце раскаляло дюны. Легкий южный ветерок веял над разогретыми водами, бессильный взволновать их. Рыба уходила в открытое море в поисках более прохладных вод. Артели притоняли один пустой невод за другим и наконец

вывесили их на просушку до окончания зноя. За это время рыбаки спешили управиться с другими хозяйственными работами: приводили в порядок постройки, чинили сети и уходили на сенокос. На заливных лугах на берегу Зальупе звенели косы, мелькали платочки и загорелые ноги. В эту пору в поселке царила мертвая тишина, и только под вечер во дворах снова показывались люди.

Оскар достал из клетки крючковые снасти для лова камбалы и бельдюги и целые дни проводил с Кривым Янкой в море. Камбала и бельдюга не боятся душной воды, и когда вся прочая живность уходит в глубины открытого моря, лишь они остаются на прибрежных банках.

Работа была тяжелая. Солнце пекло, на море не заметно было ни малейшего ветерка, и целый день приходилось бросать и вытаскивать бесконечные тросы крючковых снастей. Они набирали со дна голубую глину, которая потом въедалась в руки так, что кожа трескалась и покрывалась язвами. Одежда пропитывалась рыбьей слизью, и вонь от нее чувствовалась на расстоянии. Но Оскар нигде не бывал и не обращал внимания на свою внешность. По вечерам на несколько часов возвращался на берег, доставлял рыбу в копильню и, поужинав, вновь уходил на ночь в море — ставить яруса на угрей. Он так измотался, что ничего не замечал вокруг себя.

Иногда по вечерам, выходя в море, Оскар видел на пляже кучку молодежи. Там были Лидия, Роберт и Эдгар, иногда появлялась и стройная фигура Аниты; Оскар узнавал ее издали, и легкая боль сжимала сердце. После этого он не спал всю ночь; не находя покоя, греб от одного яруса к другому в ожидании утра. Но если, возвращаясь на заре к берегу, встречал Аниту, которая отдыхала на пляже после утреннего купанья, они снова разговаривали как друзья — пожалуй, еще сердечнее, чем друзья, — Оскар снова отвлекался от горьких и тревожных мыслей. И все же он не доверял сокровенным мечтам и каждое мгновение ждал внезапного пробуждения.

Знойный штиль затянулся. Южный ветер удерживался весь месяц. Небо было прозрачно-голубое, как на итальянских пейзажах, воды залива лежали подобно громадному зеркалу. Остановившиеся на полдороге парусники дрейфовали в открытом море с поникшими, обвисшими вокруг мачт парусами. Какая-то апатия охватила и природу и людей.

Это продолжительное затишье начало не на шутку тревожить поселковый люд. Местный союз рыбаков приобрел знамя, через неделю предполагалось отпраздновать его освящение большим банкетом, на который пригласили именитых лиц. Но до нового улова на банкет трудно было рассчитывать: многим не на что было приобрести входной билет,

некоторым следовало обзавестись новыми костюмами, чтобы не ударить лицом в грязь перед рижскими господами. Но ветра не было, а день торжества приближался...

В одну из последних ночей Оскар с Кривым Янкой опять ночевали в море. Выставив яруса на угрей, они вспомнили, что забыли взять плицу. Малая лодка сильно текла, слани уже покрылись водою. Ночь была еще впереди, поэтому они пристали к берегу и разошлись в разные стороны искать затерявшуюся плицу.

Пройдясь по берегу, Оскар ничего не нашел. Тогда он принялся искать возле опрокинутых лодок. Вдруг он услышал приглушенные голоса, доносившиеся из-за старого карбаса.

— Не думай, пожалуйста, что я хочу тебе внушить... — Оскар узнал бархатный баритон брата. — Мне незачем тебя обманывать. Если не веришь, спроси у любого человека, который меня знает.

— Это ты сейчас так говоришь, а вот наступит осень — и опять ты уедешь в Ригу, — ответил тихий голос Зенты.

— Тебе хорошо известно, что ехать мне необходимо, у меня впереди еще последний курс. Весной я сдам экзамены, а дипломная работа у меня уже начата... Зато тогда мы с тобой заживем!

Роберт привлек к себе девушку. Они целовались. Голова Зенты покоилась на плече друга, она задумчиво смотрела в темноту.

— Когда ты объявишь своим, что хочешь жениться? — спросила она робко, теребя оборку блузки.

— Этого им пока незачем знать, пусть потерпят зиму. Кончу университет, и тогда мы их удивим. Вот будет для них неожиданность! — Роберт тихо засмеялся.

Девушка была настроена не так весело.

— Для них это большая неприятность, — сказала она. — Они примут в семью кого угодно, только не меня. Особенно твоя сестра... Вот уж кто не обрадуется...

— Лидии до этого нет никакого дела. Вообще это никого не касается, кроме нас двоих.

— Что скажет Оскар?

— Оскару-то что? Как жил до сих пор, так и будет жить. У него шкура как у слона.

— А вдруг что-нибудь скажет...

— Ну и пускай говорит. Стоит ли из-за этого расстраиваться? Тебе же не придется больше жить в этом захолустье. Мы снимем прекрасную квартиру в четыре... нет, в шесть комнат, с кухней. Лето будем проводить

на Рижском взморье, прокатимся и за границу.

— Откуда ты возьмешь столько денег? — Зента засмеялась, ей снова стало весело.

— О, ты даже не представляешь себе, сколько я буду зарабатывать. Сразу же после университета мне гарантировано хорошее место на одном заводе. Я стану принимать участие в политической жизни. И не исключена возможность, что меня выберут в сейм. Говорить я умею.

— Это уж я знаю.

Они заговорили об устройстве квартиры, о мебели. Осенью Роберт приобретет породистого щенка. Цветов заводить не стоит, зато придется купить хорошие картины и рояль. На полу будут ковры, а перед камином они расстелят тигровую шкуру — как в квартире одного из друзей Роберта.

Размечтавшись, они стали шептать друг другу нежные, смешные слова, как все влюбленные. Вдруг Оскар заметил идущего прямо на него Янку. Упругим кошачьим шагом он поспешил навстречу недовольному работнику, чтобы остановить его дальше от опрокинутого карбаса.

— Не нашел? — прошептал Оскар.

— И черт ее знает, куда она девалась, — громко отозвался Янка. Но они уже были далеко от карбаса.

— Возьмем до утра из чьей-нибудь лодки, — сказал Оскар, быстро шагая по гладкому пляжу. — А утром положим на место.

Они взяли плиту из лодки Лиепниека и вернулись обратно. Оскару было холодно, и он сел на весла. Мощными рывками, подпрыгивая на волнах, уходила через банки маленькая лодка, словно затягиваемая в даль темного морского простора. Янка заснул на корме. Вода слегка плескалась под бортами лодки. Монотонный скрип уключин напоминал скрип детской люльки. Но Оскар не спал. Он греб и греб навстречу темной дали. Когда Янка спустя час приоткрыл глаза, Оскар еще не оставил весел. Работник удивленно осмотрелся.

— Разве мы еще не подошли к ярусам? — спросил он.

Оскар вздрогнул и перестал грести.

— Что ты сказал? — спросил он рассеянно. Теперь только он пришел в себя. Сердце его было полно тревоги и тягостных предчувствий. Перед глазами у него все время стояли замершие в объятии Роберт и Зента. Оскар простонал и оперся головой на руки.

«А если он ее обманывает?» — снова вспыхнула в его мозгу навязчивая мысль.

Он не почувствовал, как Янка вынул из его рук весла, не слышал, как тот окликнул его:

— Иди, кормщик, поспи немного. Ты, я вижу, устал.
— Мне надо предупредить ее, — прошептал Оскар, когда товарищ усадил его на носу лодки. — Я с ней поговорю...
Оскар заснул.

4

Подошла суббота — канун торжественного освящения знамени. Всех охватило лихорадочное волнение. Мужчины стриглись, брились и чистили ботинки; девушки были заняты утюгами и щипцами для завивки; хозяйки наводили в домах чистоту. Предпраздничное настроение, как порыв ветра, передавалось от двора ко двору, всюду поднимая веселую хлопотню.

Оскар был назначен знаменосцем, но он меньше всего думал об этом. Зато Роберт казался возбужденным — он получил из Риги письмо. Рихард Линде пообещал наконец приехать в гости. Лидия тоже второй день ходила сама не своя. Какие только замыслы не рождались в ее умной головке! Она ведь сестра Роберта, а этот друг некоторое время будет жить в их семье...

В тот вечер Оскар не пошел в море. Он побрился, сходил постричься к поселковому парикмахеру Екабу Аболтыню и с наступлением сумерек вышел из дому. Надо было поторопиться, пока Роберт одевался. Больше ни у кого не было времени следить за ним.

Оскар прошел мимо ворот Залитов и стал в тени сиреневого куста. Он было закурил, приготовившись к длительному ожиданию, но не прошло и десяти минут, как на улицу вышла Зента.

— Добрый вечер! — поздоровался он, отрезая девушке путь к отступлению.

Зента даже вздрогнула. Никогда еще он не видел ее такой нарядной. Вокруг шеи она повязала легкую шелковую косынку, белая блузка была сколота на груди золотой брошкой, — Оскар раньше не видел ее у Зенты. Резкий запах духов шел от блузки, от пудры, густым слоем покрывавшей лицо девушки. Зента накрашила брови и губы — видно было, что она основательно потрудилась над собой. Только про шею забыла: словно широкий медный обруч, она резкой чертой отделялась от накрашенного лица.

Оскар знал, что у Зенты сейчас же найдутся дела и она куда-нибудь заспешит, поэтому надо было немедленно начинать.

— Как ты здесь очутился? — удивилась Зента. — Давно тебя не было видно. Не от Дунисов ли?

— Нет, я так. Мне надо бы с тобой поговорить. Найдется у тебя свободная минутка?

Зента окинула его быстрым взглядом загнанного зверька.

— Со мной? Ну, говори, только не тяни. Мне сейчас к Осисам, сказать надо, что у матери вышла вся пряжа. Она вяжет для них сеть.

— Тогда нам по дороге. Можем вместе пойти.

Оскар не знал, с чего начать. Заметив, как тревожно она оглядывается по сторонам, он уже не мог решиться. Наконец у Зенты иссякло терпение:

— Так что ты хотел сказать? Случилось что-нибудь?

— Нет, пока ничего не случилось, пока мне ничего не известно... Но может случиться...

— С кем? Тебя сегодня что-то не поймешь.

— Это касается тебя, только тебя, Зента.

— Послушаем, что скажешь дальше...

Оскара удивило ее деланное спокойствие. Помолчав немного, он взял Зенту за руку и печально посмотрел на нее.

— Да, тебя. У тебя ненадежные друзья, — сказал он беззвучно.

Зента нахмурила брови:

— И не разберешь, о чем ты. Так непонятно говоришь...

От ее самоуверенности не осталось и следа, взгляд избегал глаз Оскара.

— Тебе наверно, что-нибудь насплетничали?

— Нет, Зента. Я не прислушиваюсь к чужой болтовне. Но я сам знаю... Эх, да я вовсе не хочу разубеждать тебя, ты не подумай. Каждый волен делать, что ему нравится, что он находит лучшим для себя. Но если ты веришь Роберту, принимаешь его слова за чистую монету, то ошибаешься. Он очень хитер, это он в Риге стал таким...

Зента залилась румянцем, даже пудра не могла скрыть смущения. Она зашагала быстрее и попыталась высвободить руку из медвежьей лапы Оскара. Но он крепко сжал ее и не выпускал. Тогда Зента остановилась и повернулась к нему лицом. Глаза ее блестели, она смотрела на него испуганным и в то же время вызывающим взглядом, точно кошка, загнанная в угол собакой.

— Ну чего тебе от меня нужно, что ты ко мне пристаешь? Раз тебе все уж известно — значит ты бегал за нами, выслеживал? Для чего ты это делаешь? Ты... ты просто ревнуешь, ты это из зависти.

Оскар молчал, но Зента была так возбуждена, что не могла успокоиться. Она наступала, ему приходилось отступать.

— Подумаешь, беда какая, если я с ним гуляю! Что, он хуже тебя

разве? Да кому какое дело?.. Я уже достаточно взрослая, сама могу понять, что мне годится, что нет. Зачем ты впутываешься в чужие дела, когда тебя об этом не просят? Пусти руку, мне нужно идти!

...Она уже была конфирмована и читала Ведекинда и д'Аннунцио.

— Ты думаешь, я опять стану с тобой водиться? — продолжала Зента. — Будто я не знаю, где ты пропадал в тот вечер, когда я тебя ждала! Нечего удивляться. Думаешь, один ты только всезнайка? У других тоже есть глаза, не у тебя одного!

— Ну, Роберт не из молчаливых...

— Он не такой скрытный, как ты!

Снова она попробовала вырвать руку, но он не отпускал.

— По мне, гуляй хоть с Робертом, — сказал Оскар, — хоть с кем угодно. Мне не жалко, я не завидую, поверь ты мне наконец. Я хотел лишь по-дружески предупредить, чтобы ты была осторожней и обдумывала свои шаги. Роберт может испортить тебе всю жизнь и нисколько не будет считать себя виноватым, совесть его не замучает. У него уж взгляды такие. Экая важность, какое-то там маленькое приключение, дачный роман, вроде тех, о которых городские господа болтают за стаканом вина. А то, что это летнее развлечение может сделать тебя несчастной на всю жизнь, что злые языки не дадут тебе покоя, его не печалит.

— Что ты хочешь сказать? — с вымученной улыбкой спросила Зента. Она хотела придать голосу насмешливый оттенок, но это не удалось ей.

Оскар нагнулся к ней поближе и тихо прошептал:

— Роберт никогда на тебе не женится. Это не входит в его расчеты... Больше я не стану тебя задерживать. Не сердись, что я так...

Он пожал Зенте руку и ушел, оставив ее у дома Осисов. Тяжело ступал он по вязкому песку. Навстречу ему кто-то шел по другой стороне. Оскар стал смотреть куда-то вбок, чтобы брат его не узнал; тот тоже отвернулся. Молча, как призраки, разминулись они друг с другом.

Оскар испытывал чувство стыда: ничего не вышло из благих намерений, только теперь, чего доброго, будут считать его ревнивым соперником.

— Эх, пусть ее делает, что хочет, — сказал он про себя.

Он ушел на дюны и долго просидел на песке, срывая и теребя стебли метлицы и осоки. Поселок светился вдали маленькими красными огоньками: Бангер привез на этот раз слишком плохой керосин. Анита, наверно, уже спит: по утрам она рано поднимается.

Стиснув зубы, Оскар потрянул головой, как конь, которого доняла надоедливая мошकारа.

— Хватит с тебя! Будь серьезней, Оскар!..

Он поднялся и зашагал. Бодрящий порыв ветра чуть не сшиб с него фуражку. Он дул с моря, свежий северный ветер. Оскар остановился и подставил лицо под его струю. Она была еще слаба, но на горизонте виднелись темные тучи — предвестники надвигающейся грозы.

«Конец знойному штилю», — радостно подумал Оскар.

Новые заботы обступили его: теперь надо подумать о неводе, а работники разошлись кто куда. Он вышел к берегу, убедился, что карбас хорошо стоит на якоре и развешенные тросы уже просохли. Если бы не этот праздник, можно хоть завтра выходить с неводом.

Глава пятая В ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ

1

В воскресное утро среди рыбаков царило сильное беспокойство: море было сплошь покрыто пеной, и северный ветер все крепчал. Рижские гости обещали приехать на моторных лодках, но неожиданная перемена погоды грозила лишить праздник всего великолепия. Однако организационный комитет не унывал и готовился не покладая рук. Главный вход украсили пышным венком, зал убрали цветами и зеленью. Через все помещение протянули крест-накрест гирлянды флажков, а с потолка свешивалась бахрома из разноцветной бумаги. Помещение общества рыбаков в доме волостного правления приняло парадный вид.

Все было заботливо предусмотрено. Приготовлением блюд и закусок распорядилась хозяйка, окончившая в свое время специальную школу домоводства; винами и напитками занялся опытный буфетчик. Хозяйские дочери и особы из дамского комитета с утра накрывали столы и расставляли посуду; им помогали Лидия, Анита и Зента вместе с другими девушками. Столпы поселка — Бангер, старый Клява и Осис — приняли на себя обязанности распорядителей. Роберту поручили встречать гостей.

Первыми явились из местечка музыканты духового оркестра. Приглашенные начали съезжаться около полудня. Из почетных гостей раньше всех, невзирая на тяжелые условия путешествия, явился Гароза: истинный делец всюду должен поспевать вовремя. Гароза был во фраке и брюках в полоску. Казалось, толстяк не идет, а катится, захватывая по пути толпы рыбаков, подобно тому как судно в своем движении увлекает за собой мелкую щепу. Один за другим подъезжали на дрожках и в рессорных

тележках делегаты от соседних обществ, некоторые даже со знаменами. Подходили старшины, члены волостных правлений и делопроизводители; появлялись члены церковного совета, церковные старосты и учителя; потом стали прибывать официальные представители власти, полицейские надзиратели, офицеры из отряда пограничной стражи и айзсарги^[7]. К берегу одна за другой подходили моторные лодки. Приехали скупщики со своими семьями и другие видные лица, вроде торговцев сетями, а также врач и нотариус. Потом показалась мелкая сошка: продавцы рыбы, владельцы ручных тележек, и, наконец, пошли непрерывным потоком рыбаки, кормицки артелей, испольщики и работники.

Роберт Клява все время был на ногах. То его видели беседующим с учителями, то он спешил навстречу уездному врачу, то жал руку офицеру пограничной стражи. Он поминутно утирал со лба пот, кланялся во все стороны, справлялся, какова была дорога, знакомил гостей друг с другом.

На дороге послышались автомобильные гудки. Приехали товарищ министра и еще какой-то важный чиновник. Собравшихся охватило легкое волнение, все стали одергивать на себе костюмы и смахивать с них пылинки, женщины открыли сумочки, чтобы еще раз взглянуть в зеркальце. Зал сотрясали звуки торжественного марша. Видные граждане протиснулись вперед. Важный чиновник оказался старым знакомым провизора Вимбы, они сразу увидели друг друга и отошли в сторонку. Чиновник приложился к ручке мадам Вимбы; польщенная женщина покраснела и оглянулась: заметили ли остальные, какая ей оказана честь.

Началась предлинная, утомительная церемония. Священнику хорошо заплатили, и он говорил с воодушевлением; проповедь получилась превосходная, но помыслы присутствующих больше всего занимал предстоящий банкет, и мало кто вдумывался в многозначительные аналогии из жизни евангельских рыбаков. После этого произнес речь товарищ министра, оценивая сегодняшнее событие с государственной точки зрения.

Наклонялись знамена гостей, отдавая честь новому товарищу; в душном воздухе раздавались удары молотка: гости по обычаю забивали серебряные гвоздики в древко знамени.

Когда наконец длинная вереница приветствующих выполнила долг, гости двинулись в другой конец дома. В поте лица потрудились распорядители, рассаживая гостей. Это была ответственная и неприятная обязанность: не всякий оставался доволен отведенным ему местом, мелкое самолюбие и тщеславие проявлялись на каждом шагу. Гости собралось слишком много, поэтому столы накрыли в двух смежных комнатах. Задняя комната была поменьше, ее предназначили почетным гостям:

представителям правительства и местных властей, семьям скупщиков, членам волостных правлений, местной интеллигенции и кое-кому из хозяев. Рыбаки с семьями, мелкие торговцы рыбой, возчики и рядовые делегаты заполнили большую комнату.

Организаторы проявили поразительное чувство такта, но не все это признавали. Первый и самый громкий протест прозвучал в самом начале банкета из уст обыкновенной рыбацки. Это была вдова Катэ Милтынъ из поселка Гнилуши, женщина бойкая и решительная.

— Куда это годится? — звонко закричала она Осису, когда тот указал ей место между двумя рыбаками из Чешуй. — Почему здесь нет никого из больших чинов? Разве другие больше заплатили, что их сажают рядом с министром?

— Т-сс, т-сс, Катынъ! Нельзя же всех уместить за одним столом, — успокаивал ее Осис.

— Почему же это я не могу сидеть с важными господами? Здесь, видно, различают по носам. Нет, я так не согласна! Устраивай мне место за тем столом или пускай кто-нибудь из них садится сюда! Иначе отдавай деньги обратно!

Она так раскричалась, что ее было слышно в обеих комнатах. Остальные гости примолкли. Увидев, что она стала центром всеобщего внимания, Катэ ничуть не смутилась и заорала еще пуще:

— Это еще что за фокусы? Выходит, каждый знай свое корыто! А если я хочу сидеть рядом с Гарозой! Да кто он такой? Что вы на это скажете, ваше преподобие? — обратилась она к проходящему мимо пастору, которого Клява провожал в заднюю комнату.

Пастор уже чем-то подкрепился, щеки так и пылали. Он взглянул с улыбкой на расходившуюся женщину:

— Вспомните евангельские слова: «Ибо всякий, возвышающий сам себя, унижен будет; а унижающий себя возвысится».

Это было ловко сказано, и всем пришлось по душе, только Катэ Милтынъ еще не сдавалась. Она продолжала что-то ворчать себе под нос, а немного погодя, когда выпивка уже шла полным ходом, стремительно прорвалась к главному столу. Ну что с такой поделаешь — пришлось освободить ей место между Гарозой и врачом, напротив госпожи Вимбы. Скоро все о ней забыли. Напрасно заговаривала она с соседями, придав своему лицу самое сладкое выражение, — никто ей не отвечал. Тогда она замолчала, но сердце ее переполнилось обидой на всеобщую несправедливость. Больше она уже не могла сдерживаться, это было свыше ее сил. И что этот доктор о себе думает: все время разговаривает только с

господином министром или как его там! Или Гароза... У того как будто вовсе память отшибло, а ведь столько раз она ему возила рыбу в Ригу! А офицер, а эти старые карги в сережках и ожерельях!.. Да и все это чванливое сборище!..

Катэ вскочила со стула и, схватив блюдо с пирожными, швырнула им об стену.

— Раз не бывает на свете справедливости, так пропадай все пропадом! — крикнула она.

За блюдом с пирожными последовал поднос с закусками. В воздухе летали бутерброды, ломтик колбасы упал на плечо важному чиновнику, кусок селедки под сметаной нашел приют в шевелюре врача. А Катэ уже собиралась приняться за бутылки, что угрожало более серьезными последствиями.

Силой тут ничего нельзя было поделаться. Роль миротворца взял на себя пастор. Подогретый очищенной и коньяком, он с елейно-грустным видом положил руку на плечо разъяренной женщины:

— Успокойся, дочь моя! Вспомни слова господни: «Будьте кроткими, братья и сестры, до пришествия господня. Взгляни: вот земледелец ждет драгоценного плода от земли и для него терпит долго, пока получит дождь ранний и поздний. Долго терпите и вы, укрепите сердца ваши, потому что пришествие господне приближается».

Он говорил-говорил, путая евангельские тексты с изречениями из старых сборников проповедей и поглаживая Катэ по плечу. Женщина успокоилась и скоро раскаялась в содеянном. Поднявшись из-за стола, она убрала с пола осколки посуды и остатки угощения.

За столом наступило неловкое молчание. Почетные гости только побрякивали и никак не могли начать разговор. Председатель общества Грубе несколько раз извинялся за «достойный сожаления инцидент» и выразил надежду, что больше ничего подобного не повторится. Он позаботился, чтобы у дверей дежурил распорядитель, которому вменили в обязанность не впускать больше Катэ Милтынь.

Банкет шел своим чередом.

Пили, говорили, произносили тосты, снова пили, заключая дружеские союзы. В углу большой комнаты играл духовой оркестр. Молчаливые становились разговорчивыми, тихие кому-то угрожали, застенчивые бахвалились. То и дело запевали хором здравицу с пожеланиями счастья, но кому — в точности никто не знал. Здесь все кипело, как в котле. Кулаки стучали по столу, звенела посуда, расплескивалось содержимое стаканов. Все шло как по-писаному.

В дальней комнате тоже царило хорошее настроение. Часть гостей старалась осадить товарища министра, который, не переставая, рассказывал про охоту на уток и изменения в конституции. Другие все еще закусывали и пропускали «по единой». Оскар проводил сестру и ее мужа, Петера Менгелиса, к моторной лодке — им, как сектантам, нельзя было участвовать в банкете. Когда он вернулся, внимание гостей было сосредоточено на словесной дуэли, завязавшейся между Гарозой и Бангером. Каждый старался показать другому, какую пользу приносит рыбакам его собственная деятельность. В пылу спора они перешли на «ты» и сделали друг другу несколько неприятных признаний.

— Нужен ты рыбаку, как собаке — клещ! — заверял Бангер. — Ты думаешь, они без тебя-не знали бы, куда девать уловы? Не беспокойся, уж мы бы нашли.

— Я облегчаю жизнь рыбакам, — хвалился Гароза. — Со мной им не надо тратить лишнего времени на поездки в Ригу. А кто поддерживает цены, как не я?

— Ах, вот оно что! Да какой тебе интерес в этом? Свое ты всегда получишь, сколько бы ни осталось на долю рыбака. Тебе ведь что нужно? Скорее сбыть с рук товар ради лишнего оборота. А цену ты сбавляешь с легким сердцем — лишь бы скорее опростать от рыбы свои бадьи.

— А сам-то ты что делаешь? — кричал Гароза. — Закупаешь в Риге смолу, а на побережье продаешь ее по двойной цене. Вот и вся твоя работа! Думаешь, я про это не знаю? Так, конечно, можно и новые дома строить и давать образование детям. Кто может заработать на товаре сто процентов, тому живется неплохо...

Бангера это упоминание о смоле задело за живое.

— Ты моих детей лучше оставь в покое! — крикнул он хрипло. — Я им даю образование, потому что они того стоят, а ты можешь давиться своими капиталами, мне до этого никакого дела нет. Лучше расскажи, чем сам занимаешься, помойная ты бочка! Сколько процентов зарабатываешь ты на лососине! Думаешь, мы этого не знаем? У нас забираешь по пятьдесят сантимов за фунт, а сам продаешь по четыре лата — в восемь раз дороже! Подумайте только, где это видано? Сейчас мы отдаем ему летний улов за чечевичную похлебку, а зимой молим его бога ради одолжить несколько латов. И он еще имеет нахальство корчить из себя благодетеля, диктует условия, не дает продавать на сторону ни одного лосося! Как тебе не совестно так говорить!

Ожидая поддержки, Бангер повернулся к остальным рыбакам. Но за парадным столом не подобало вести такие речи, хотя все были заметно

навеселе и не слишком строго соблюдали приличия. Рыбаки-хозяева помалкивали: у многих подошли к концу сроки векселей — как тут схватишься с Гарозой? Получилось так, что призыв Бангера остался гласом вопиющего в пустыне. Такого малодушия он не ожидал от соседей.

— Ну, все равно, вы там как знаете, — сказал он угрюмо, — но от меня Гароза не получит больше ни единого лосося, пусть он это зарубит себе на носу...

В это время с другого конца стола на Гарозу напал новый противник — Крауклис из Гнилуш. У него с Гарозой были давнишние счеты: в прошлом году скупщик выжил его из неводной артели, лишил пая, а на его место поставил своего человека.

— Куда же мне теперь деваться? — крикнул Крауклис. — Я здесь вырос, весь свой век жил этой работой, двадцать лет у меня был пай в этой артели... И вдруг в один прекрасный день является эта помойная бочка, как совершенно правильно обозвал его Бангер, и выбрасывает меня из карбаса. Ступай, мол, откуда пришел! Ну, справедливо ли это? Разве так должен поступать честный торговец, который хочет ужиться с рыбаками? Тьфу, срам один!

От волнения у Крауклиса чуть не навернулись слезы на глаза. Гароза сидел в углу, как загнанный кабан. Со всех сторон на него сыпались попреки и укоры, но он только лениво бурчал в ответ:

— А кто тебе мешает вступить в другую артель? Построил бы себе карбас и рыбачил со своими работниками. Я ведь никому не навязываюсь. А если твой кормщик Румбайнис сам предлагает мне пай, чего ради я буду отказываться?

— А сколько он тебе должен? — уколол его Крауклис.

— Здесь долги значения не имеют...

— Сказал тоже! На эти-то дела ты мастак! Прилипнешь, как улитка к грибу!..

Они долго переругивались, — один горячо, возмущенно, другой словно нехотя.

Оскар все слышал. Он уже давно задумывался над рыбацкими делами. Житья от Гарозы никому не было. На всем побережье, в каждом поселке сказывалась тяжесть его засилья. И сейчас Оскару показалось, что стоит только одному сказать первое слово, начать — и все сразу пойдут за ним, сметут с пути Гарозу и других таких же господинчиков. Но тут же он увидел, как Лиепниек увивался вокруг Гарозы, упрашивая его отсрочить вексель на один месяц. И Гароза дал себя уговорить — ведь предстояла еще осенняя путина.

Да, слишком крепко опутал этих людей Гароза своими паучьими сетями. Долги связали их по рукам и ногам, они уже не могли шевельнуться, если бы даже захотели. Один только Бангер еще огрызался, потому что не зависел от рыботорговца.

Под вечер отбыл товарищ министра: он не мог оставаться дольше, его ждали в другом месте. Важный чиновник остался. Он находился в отпуску, к тому же Гароза обещал отвезти его на «Нырке». Этот чиновник сам когда-то был жителем взморья, и все рыбаки считали его своим заступником. Он пользовался влиянием среди депутатов сейма и в правительственных кругах и в свое время выступал против обложения пошлиной ввозимых из-за границы сетей. Сегодня он решил показаться народу. Только что закончив спор с врачом и учителем Акментынем, у которых были несколько иные взгляды на государственную политику, заткнув им рты, — конечно, самым благородным манером, — важный чиновник вышел в большую комнату к простым рыбакам. Но там уже не было никакого порядка.

Индрик Осис успел повздорить с кормщиком из Гнилуш и усиленно приглашал его во двор, чтобы рассчитаться там по-свойски; то в одном, то в другом углу слышалась перебранка. Кое-кто из мужчин, выпив все вино, подсаживался к женщинам, которые не успели еще справиться со своей долей. Распорядители стали слишком решительно пользоваться полномочиями, так что их самих пришлось призвать к порядку.

В комнате становилось все темнее; многие отцы семейств, намучившись за неделю в море, уснули, положив головы на колени женам. Начались танцы. Важный чиновник и госпожа Вимба открыли их полонезом, а затем к удовольствию старших, была объявлена кадрили.

Гости-рижане стали собираться домой. Музыканты проводили их маршем, а устроители праздника довели до самого берега. Ветер еще больше усилился, волны высоко вздымались — выходить в такую погоду в море было небезопасно. Роберт Клява уговаривал важного чиновника остаться на ночь: может, к утру буря утихнет.

— У меня хороший желудок, морской болезнью я не страдаю, — ответил чиновник.

«Нырок» стоял за первой банкой. С шумом разбивались на ней волны, клочья пены разлетались во все стороны.

— Как же мы доберемся до моторки? — спросил чиновник.

— Мы вас донесем! — с готовностью откликнулся старый Клява, который тоже находился среди провожающих. Он проворно разулся и засучил брюки, не думая о том, что на нем праздничный костюм.

То же самое сделал Осис. Оба были пьяны и нетвердо держались на ногах. Нагнувшись, они попросили господ влезть к ним на закорки. Осис взял чиновника, а рослый Клява принял на себя Гарозу, звучно крикнув под семипудовой тяжестью. Медленно, пошатываясь, вошли они в воду, гордые оказанной им высокой честью.

На первой же банке разбившаяся волна окатила носильщикам штаны. Испугавшись очередного всплеска, чиновник резким движением откинулся назад. Осис потерял равновесие и опрокинулся вместе со своей ношей. На мгновение волна накрыла их с головами, и оба наглотались соленой воды. Не успели они подняться на ноги, как рядом раздался громкий всплеск: это упал Клява с Гарозой. Падение их сопровождалось большим шумом, потому что оба были весьма тяжеловесны. Чиновник страшно обозлился и грозил не забыть подобного свинства.

— Да в состоянии ли вы заплатить мне за испорченную визитку! — кричал он. — Ведь она стоит четыреста латов! Что от нее теперь останется? И какого черта берется такой нести других, когда сам еле на ногах стоит!

Ворча и ругаясь, они брели по воде. Оба рыбака повесив головы плелись за господами и помогли им взобраться на «Нырок».

— Не обижайтесь, — успокаивал чиновника Осис. — Это ведь нечаянно получилось.

— Еще не хватало, чтобы нарочно! — обрезал его чиновник. Он озяб и все время дрожал, пока работник Гарозы разогревал мотор. Потом оба промокших господина забрались в моторную кабину, поближе к теплу.

После этого неудачного опыта остальные рижские гости уже не рискнули взбираться на плечи рыбакам, и их доставили к моторкам на лодках.

Роберт рассердился на отца.

— Нечего сказать, прославились! — прошептал он ему на ухо. — Будет теперь людям над чем посмеяться!

Моторные лодки ушли. Им надо было достичь устья Даугавы до наступления темноты. Оставшиеся смотрели, как они прыгали по волнам, то вздыбливаясь, то скатываясь вперед и временами пропадая из глаз. Рваные облака неслись над морем, все небо было покрыто ими.

Печально переглянулись Клява и Осис, чувствовавшие себя козлами отпущения.

— Придется дома обсушиться...

— Да, бал для нас кончился...

Босиком, в засученных брюках и с ленточками распорядителей на

пиджачках зашагали они вдоль берега по направлению к Чешуям. Ветер доносил до них изредка обрывки духовой музыки.

— У буфетчика наверняка припрятано несколько бутылок очищенной, — сказал Клява.

— Гнилушане все вылакают, — мрачно ответил Осис. — Крауклис и Румбайнис весь вечер шныряли возле кухни.

Печально кончился для них праздник, от которого они ждали так много.

2

Бал кончился только после полуночи. Напоследок завязалась потасовка между парнями — чешуянами и гнилушанами. Они сводили счеты за отнятый когда-то улов, а кроме того, Вильма Осис весь вечер танцевала с сыном какого-то хозяина из Гнилуш, и Кристапу Лиепниеку надо было сказать здесь свое слово. Бой из танцевального зала перенесли на свежий воздух: там было просторнее и к тому же всегда могли оказаться под рукой какие-нибудь колы или жерди. В ночной тишине слышались крики, свистки и треск ломаемых заборов. Встревоженные собаки лаяли на соседних дворах, громкие ругательства сливались со стонами потерпевших. Владельцы нового знамени лупили приехавших с приветствиями почетных гостей, а те, в свою очередь, ругали на все корки организаторов праздника — словом, началась полная неразбериха. Развязавшись со своими обязанностями, Оскар не стал задерживаться в мужской компании, хотя там получили от буфетчика несколько бутылок очищенной и пива. И без того за день было выпито достаточно.

За весь вечер ему ни разу не удалось поговорить с Анитой, она тоже все время была занята. Правда, позже она появилась в зале, но у Оскара не хватило решимости подойти к ней в такой толпе.

Оскар вышел на воздух. Была самая темная пора ночи. Вдали слышались ругань и крики — драка еще не улеглась. Неужели Анита уже ушла? Оскар прошелся мимо окон. В раздевалке он увидел Лидию и Вильму Осис, Эдгар помогал им надеть пальто. Поодаль стоял Кристап Лиепниек и прикладывал к левой брови лезвие ножа: над ней красовался здоровенный синяк.

Куда же делась Анита?

Оскар встал недалеко от подъезда, в тусклом свете фонаря. Изредка кто-нибудь проходил мимо него. Увлеченные тихим разговором, парочки,

ничего не замечая вокруг, одна за другой переступали через его тень. Лидия с Эдгаром даже не взглянули в его сторону. За ними вышла Вильма Осис с Кристапом.

— Ты, видно, совсем спятил, — пробирала она его. — Мне уж и поговорить ни с одним человеком нельзя, сейчас же вообразишь бог знает что.

— Да ты весь вечер танцевала с этим шутом гороховым...

— А если он не отстаёт!

— Разве нельзя было от него отделаться?

— Ах, вот как! И ты бы тогда не побежал драться?

Когда Вильма с Кристапом скрылись из виду, в дверях показался учитель Акментынь. Он сразу заметил Оскара и подошел к нему.

— Как понравился вам вечер? — спросил Акментынь. Учитель был почти одних лет с Оскаром. Познакомились они еще прошлой зимой.

— Что тут скажешь... — ответил Оскар, пожав плечами. — Хвалиться нечем. По-моему, весь этот праздник провалился, мы показали всю мелкоту и узость нашей жизни. Бутылка водки и кулачное право — для мужчин, сплетни, модные тряпки — для женщин — вот наш кругозор.

— Это не будет продолжаться вечно, — сказал Акментынь. — Вот вам этот кругозор уже узок сегодня. Но если внимательно присмотреться, окажется, что многие думают так же. Я убежден в этом. Одному это, может, не под силу, но если бы захотели построить жизнь по-новому многие, им бы это удалось — в этом я ничуть не сомневаюсь.

— Возможно... — согласился Оскар. — Надо лишь захотеть.

— Захотеть и бороться, — добавил Акментынь. — И кто-то должен начать. Почему бы вам не стать зачинателем? Я слышал, что вы давно вынашиваете какие-то планы улучшения жизни рыбаков. Понятно, при настоящих условиях в нашей стране это будет только заплатой, полумерой, чем-то начальным, а потому несовершенным, но все же шагом вперед. Вам все-таки надо попытаться осуществить свои намерения. Если вы докажете свою правоту в этих хозяйственных начинаниях, люди последуют за вами и в других, более значительных делах.

— Ну, а что следует предпринять дальше? — спросил Оскар.

Акментынь пристально взглянул на него, осмотрелся кругом и тихо ответил:

— Перестроить всю основу нашей жизни... как это сделали русские.

За спиной послышались шаги. К ним подходила Анита.

— Вот хорошо-то, теперь мне есть с кем идти домой! — воскликнула она. — Ты кого-нибудь ждешь, Оскар?

— Да... То есть мне показалось, что наши еще не ушли, — сказал он растерянно.

Анита улыбнулась.

— Вам, кажется, направо, господин учитель? — спросила она.

— Да, — ответил он. — Спокойной ночи!

Прощаясь, Оскар крепко пожал руку Акментыня. Выглянула луна. На лице учителя, в выражении его глаз, Оскар заметил что-то вроде поощрения.

Вначале они шли молча. Анита взяла Оскара под руку, так как дорога была неровная и ноги поминутно задевали за камни и корни деревьев.

— Ну, как тебе понравился Акментынь? — спросила Анита.

— Я его мало знаю, трудно сразу определить, — отговорился Оскар.

— Прекрасной, чистой души человек, настоящий идеалист, только очень плохо знает жизнь, — сказала Анита. — Он думает, что за несколько лет можно совершенно изменить здешние нравы, внести в жизнь общества что-то новое, сделать его более культурным и тому подобное. Он вроде тебя, Оскар, голова у него тоже полна проектами. Только ты думаешь о практических вещах, поэтому больше можешь надеяться на их осуществление, а он мечтает об идеалах, к которым здесь относятся довольно равнодушно. Вам бы надо познакомиться поближе, вы бы отлично дополнили друг друга.

Они пошли медленнее и стали рассказывать друг другу о происшествиях минувшего дня. У одной барышни из местечка сползли во время танцев панталоны, аптекарь уронил в сметану пенсне, а пастору подлили в сладкое водки, и он так захмелел, что наговорил разной чепухи. Выйдя к берегу, они направились вдоль лимана к поселку.

— Присядем, — сказала Анита. — Мы слишком быстро идем, я устала. Ведь не так еще поздно.

Они сидели на оголенном склоне дюны. Ветер дул прямо в лицо, и им пришлось повернуться боком, чтобы мелкий песок не попадал в глаза. Аните было холодно, и она прижалась к Оскару. Тогда он снял пиджак и набросил ей на плечи, но она не успокоилась до тех пор, пока и сам Оскар не подsunул под него голову. Теперь они сидели в темноте, плечом к плечу, сблизив головы.

— Ты ничего еще не сделал? — спросила Анита.

— А что? — спросил, в свою очередь, Оскар.

— Помнишь, ты говорил мне о морской мереже и о консервной фабрике.

— Нет, я еще не начинал. Этим летом все равно ничего не выйдет.

Сейчас совсем нет времени думать о таких вещах.

— Почему ты до сих пор не поговорил с отцом? Он сказал, что ты к нему ни разу не обращался.

— Значит, ты его спрашивала?

— Нет, это так, к слову пришлось. Он слышал от других, а я хотела узнать его мнение. Он говорит, что можно кое-что предпринять, если удастся убедить и других.

— Ну, это сделать не так легко. У этих людей прямо ослиное упрямство, они ни за что не хотят расставаться со старыми обычаями и способами хозяйничанья. Они не доверяют никаким переменам, все новое их отпугивает. Вроде того, как было с моторными лодками: в них тоже сначала не верили, а сейчас их везде можно увидеть... Когда Роберт кончит учебу, может быть, и мы купим. А ты осенью опять поедешь в Ригу?

— Не знаю, там видно будет. Мать хочет, чтобы я готовилась в университет, но я сама еще не решила. А что ты на этот счет думаешь?

— Образование еще никому вреда не приносило. Я бы и сам с удовольствием стал учиться, но ведь ты знаешь, что обоим нам нельзя, а из Роберта навряд ли получится помощник отцу.

— А ты слышал, что в Риге основали общество безработных интеллигентов? Это ведь что-нибудь да значит! Человек столько лет изнуряет мозги, пока проходит лучшее время жизни, висит тяжелым камнем на шее у родных — и все это для того, чтобы потом получить туберкулез и стать безработным интеллигентом, который только изредка получает возможность применить свои знания. Нет, этого я вовсе не хочу... Ты сегодня пил, Оскар?

— Да... Там все пили.

Они поднялись и пошли по улице. Ветер завывал с такой силой, что им с трудом удавалось расслышать друг друга. Оскар все время боролся с желанием сделать что-нибудь из ряда вон выходящее: обнять и поцеловать девушку, наговорить глупостей... Может быть, это заговорил в нем хмель... Но когда он повторял мысленно слова Аниты... Если бы она в самом деле осталась дома, то... Разве это так неправдоподобно? Эти мысли опьяняли его сильнее, чем крепкое вино; было так сладко верить и сомневаться, отрицать и снова искать подтверждений.

Он попрощался с Анитой, полный радостного и тревожного чувства, и направился домой.

Открыла ему мать. Он вернулся последним, остальные давно уже спали.

— Разбуди меня в четыре часа, — сказал он, — мы выходим с

неводом.

— Говори потише, — шепотом одернула его мать. — Кричит так, что весь дом трясется. К Роберту гость приехал, студент из Риги. Они оба спят в горенке.

Оскар осекся. Он ведь никого не хотел будить, но в груди у него бушевало такое ликование, что он и сам не заметил, как сильно зазвучал его голос.

Оскар на цыпочках вошел в каморку и лег.

Никто не проснулся.

Глава шестая ТУЧИ СОБИРАЮТСЯ

1

Теперь у Роберта появился товарищ, с которым он мог заниматься гимнастикой, плавать и ловить рыбу спиннингом. Рихард Линде привез много пластинок и патефон, который они брали с собой, когда Роберт водил приятеля знакомиться с окрестными достопримечательностями. Правда, для Рихарда здесь не нашлось ничего нового, даже рыбокоптильни и живых лососей он уже видел на Рижском взморье, где у отца была прекрасная дача. Он не привык к длительным идилиям, и, прожив с неделю в скромной рыбацкой обители, уже не мог подавить чувства скуки. Все чаще стал задумываться Рихард о курортных прелестях. Там были концерты, асфальтированные улицы, автомобили, теннисные площадки и яхты; в кафе играл джаз... Дома у него тоже постоянно собиралось самое изысканное общество: художники, ученые, промышленники и государственные деятели — друзья и знакомые старого Линде. Но, как человек воспитанный, он понимал, до какой степени огорчил бы гостеприимных людей внезапным отъездом, и остался еще на неделю.

За это время выяснилось, что в Чешуях были весьма недурные собой девушки. Лидия все время ходила напудренная, в праздничных платьях, мать не разрешала ей даже приближаться к хлеву, чтобы Линде не принял ее, чего доброго, за работницу. Госпожа Бангер пригласила на чай обоих студентов и для приличия нескольких гостей из поселковой молодежи. Словом, кому было чем блеснуть, тот своих возможностей не скрывал.

С Анитой Рихард был знаком еще по Риге, но здесь он не собирался искать приключений, Лидия — та приходилась сестрой другу, и Линде стал закидывать взгляды в чужие дворы и, по всей вероятности, кое-что нашел,

потому что вдруг пристрастился к одиноким прогулкам. Жизнь в Чешуях заметно стала ему нравиться.

Так шла неделя за неделей. Иногда друзьям приходила охота выпить пива. Деньги у Рихарда водились — старый Линде занимал несколько хороших должностей, и его отпрыск в любой момент мог послать в местечко лошадь за ящиком пива. Но и Роберт был не из тех, которые пьют за чужой счет. Он обратился к отцу.

— Сколько тебе нужно? — спокойно спросил Клява.

— Совсем немного... Скажем, десять латов.

У старого Клявы не дрогнул в лице ни один мускул. Он вынул записную книжку и протянул сыну десятку. Из-за десяти латов не стоило еще расстраиваться. Оскар пока рыбачил удачно, рыбокопильня тоже приносила свое.

Клява сам запряг лошадь и съездил в местечко за пивом. Молодые люди пригласили его в свою компанию, и он остался весьма признателен им за это.

Одна за другой покидали кредитки записную книжку старого Клявы, выпивки повторялись все чаще. А по вечерам Рихард уходил куда-то гулять.

— Одиночество — лучший отдых для души, — утверждал он.

При этом он не забывал прихватить конфет и шоколаду. Бумажные обертки от них можно было обнаружить потом на дюнах и на опушке леса; наверно, кто-то помогал ему справляться со сладостями, кто-то, носивший туфли на высоких каблуках, о чем свидетельствовали оставшиеся на песке следы. Но никто не следил за Рихардом, у каждого были свои заботы.

С приходом друга Роберт перестал видеться с Зентой. Она по-прежнему работала в рыбокопильне и после работы уходила домой, но никто ее больше не встречал возле дома Осиса. У Роберта не хватало времени, он не мог оставить гостя одного, и Зента сама должна была понимать это. Кроме того, перед Рихардом он старался проявить больше вкуса. А кто такая Зента? Какое представление имеет она об искусстве и хороших манерах? Она даже не знает модных танцев. Только и есть у нее, что смазливое личико. Пусть она потерпит до отъезда Рихарда.

Рихард основательно втянулся в жизнь тихого поселка и со дня на день откладывал свой отъезд. Эдгару Бангеру эта отсрочка не особенно

нравилась, он по этому поводу имел даже разговор с Лидией.

— И чего ему тут столько времени околачиваться? — удивлялся Эдгар. — Он и на гостя-то не похож, живет и живет, как свой человек.

— А что же прикажешь делать! — возразила Лидия. — Ведь он друг Роберту, и потом — не выгонять же его.

— Ну, ты уж совсем не похожа на выгоняльщицу! — смеялся Эдгар. — Мне, конечно, все равно, но если ты воображаешь, что я ничего не замечаю, то ошибаешься.

Он загадочно улыбнулся, как будто в самом деле что-то знал. И все же Эдгар тревожился зря: если кому и следовало в это вмешиваться, то скорее Кристапу Лиепниеку. Но тот целыми неделями пропадал в море и ничего не знал, а Вильма Осис была достаточно осторожна и повода для сплетен не подавала.

Как-то под вечер Роберта послали отнести в коптильню соль, которой пересыпали копченую салаку. Ему пришлось немного подождать сестру. Он остановился у двери, закурил. В эту минуту из-за стола низальщиц вышла Зента. Она тоже искала Лидию, надо было сказать ей, что не хватило мочалы.

— Ах, это ты! — вскрикнула она, покраснев до корней волос, но тут же спохватилась, так как Роберт испуганно покосился на остальных женщин. Она подошла к нему поближе и прошептала:

— Ты не придешь вечером к лиману? Мне надо тебе кое-что сказать.

— Не знаю, удастся ли... — неуверенно начал Роберт.

— Один-то раз мог бы...

— Ах, ты совсем не представляешь, в каком я сейчас положении. Думаешь, мне самому не хочется встречаться с тобой каждый вечер? Как еще хочется, а я вот ничего не могу поделать.

— Ну, так придешь?

К счастью, подошла Лидия. Не дождавшись ответа, Зента вернулась к низальщицам, а Роберт, передав сестре соль, поспешил уйти.

В тот вечер он не выходил из дому, а про себя решил держаться подальше от рыбокоптильни.

Поздно вечером Оскар возвращался домой в самом невеселом настроении: за день лова ему не попалось ничего порядочного. Проходя мимо лимана, он заметил какую-то девушку. Она прохаживалась вдоль

берега, и, когда Оскар подошел ближе, повернула в сторону и пропала в темноте. Оскар все же узнал ее по косынке. Но когда он пришел домой, оказалось, что Роберт весь вечер сидел у патефона. Недоумевающий Оскар не знал что и думать.

На следующий вечер он опять заметил Зенту у лимана. А брат снова музицировал... Это стало повторяться изо дня в день.

Роберту последнее время приходилось нелегко. Ему казалось, что вокруг него на каждом шагу расставлены западни. Даже выходя на улицу днем, он то и дело встречал Зенту: она поджидала его, как собачонка, бегала по его следам.

Ее назойливость не на шутку раздражала Роберта.

— Ну чего она так торопится! Неужели ей нельзя подождать отъезда Рихарда!

Однажды Роберт пошел к Бангерам, захватив с собой «Кодак»: он давно обещал госпоже лавочнице сфотографировать ее в нескольких позах. Почти у самого порога он увидел выходящую из лавки Зенту с пакетами сахара и крупы в руках.

— Как хорошо, что мы встретились! — улыбнулась она ему. — Нам надо наконец поговорить.

Роберт топтался, как на горячих углях. Господи, хоть бы этот Бангер не торчал в дверях, словно труба! Положение отчаянное...

— Ах, да вы, наверное, нижите у нас салаку! — быстро забормотал он. — Да, сегодня опять будут коптить. Приходите в обычное время.

Он хотел ускользнуть, но Зента не отступала. С храбростью отчаяния она загородила ему дорогу и смотрела прямо в глаза неотступным, требовательным взглядом. От нее сейчас можно было ожидать чего угодно.

Они прошли несколько шагов, чтобы не стоять под открытыми окнами у Бангеров.

— Чего тебе нужно? — сердито зашептал Роберт. — Ну и обнаглела же ты, просто всякую осторожность забываешь. Кричит так, что на всю улицу слышно.

— Мне обязательно надо поговорить с тобой, — ответила Зента. — Буду ждать вечером у лимана.

— Я, право, не знаю...

— Нет, на этот раз ты придешь. Иначе, смотри, завтра я заговорю по-другому. Я приду к тебе домой.

Не попрощавшись, она быстро зашагала по дороге. Роберт хотел ее догнать, но, вспомнив, где находится, остался на месте, один на один со своими страхами и волнениями. Случилось что-то серьезное, если девица

заговорила таким тоном.

После этой сцены улетучилось все его хорошее послеобеденное настроение, а тут еще Анита подбавила своими насмешливыми замечаниями. Госпожа Бангер не умела улыбаться так, чтобы были видны зубы, и несколько раз шевельнулась перед аппаратом, испортив Роберту несколько кадров.

С наступлением сумерек он вышел из дому. Пришлось немного подождать, пока Зента кончит работу, и эти полчаса стоили ему изрядных треволнений. То он мучил себя разными мрачными предположениями, то старался набраться храбрости.

— Пусть лучше она не покушается на мою свободу, я ей ни за что не поддамся.

Он заранее поспешил принять холодный, неприступный вид. С деликатничаньем пора покончить, он уже убедился, к чему это приводит. Подумать только, наглость-то какая! Приставать на глазах у посторонних людей, обращаться на «ты»! Нет, такие выходки больше не повторятся!

Но когда рядом появилась сама Зента, Роберт сразу стушевался. Он машинально достал из кармана кулечек конфет и протянул его девушке:

— Пожалуйста, угощайся.

Зента замотала головой:

— Ох, не надо. Меня тошнит...

Отвернувшись в сторону, она сплюнула.

— С чего это ты? — спросил Роберт.

— Не могу видеть сладкого...

— Как странно! Ты больна?

— Да... Не догадываешься?..

Но Роберт не понял сразу, и Зента рассказала ему. Уже второй месяц все шло не так, как следовало бы... Еда ей опротивела, все ей было не по вкусу, только постоянно хотелось чего-нибудь кислого. Сомневаться больше нельзя...

Мать уже подозревает... Вот-вот начнутся расспросы...

Роберт закусил губу.

— Что нам теперь делать? — спросила Зента. — Долго скрывать не удастся. Как мне быть?

Затаив дыхание, она ждала ответа.

— Что-нибудь придется сделать... — выдавил наконец из себя Роберт. — Что-нибудь уж я придумаю. Дай мне несколько дней сроку... Как глупо... Как это глупо...

Зента виновато улыбнулась.

Молча ходили они по безлюдному берегу лимана. В воздухе слышалось хорканье вальдшнепов, с лугов подымался туман.

— Приходи послезавтра, — сказал Роберт. — Я пока подумаю, как нам лучше устроиться. Только никому, пожалуйста, не говори.

Зента обещала молчать. Роберт проводил ее немного. Новое состояние еще не успело отразиться на ее внешности.

Возобновленная близость успокоила девушку. Роберт и сейчас, узнав о последствиях, остался таким, каким был, — значит он смотрит на это серьезно, и все будет хорошо...

— Вот так та-ак... — протянул Роберт, оставшись один. Вот чего он дождался. Его свобода, вся его будущность в опасности, вся карьера висит на волоске! Эта девчонка, наверно, ждет, что он узаконит их отношения. За несколько каких-то безумных мгновений он должен пожертвовать уважением общества, мечтами о будущем, карьерой политического деятеля. Ну, уж этого он не допустит, как-нибудь вывернется из этого дурацкого положения. Во-первых, он не связан с поселком, — может уехать и не вернуться... Никто, ни один человек не видел их вместе. Кто станет подтверждать слова Девушки? Она только осрамится. И кроме того, у него самого тоже найдется что сказать. Он тоже кое-что знает.

Но в Чешуях оставаться больше нельзя.

4

В назначенное время Зента была у лимана. Дул юго-западный ветер, накрапывал мелкий дождик. Она нетерпеливо прохаживалась взад-вперед. Время шло. Все затихло в поселке, лиман подернулся темнотой.

Роберт все не шел.

«У него опять, наверно, дела, но он все равно придет», — успокаивала себя Зента. Она ждала. Часики — подарок Оскара — были при ней. Прошел час, еще полчаса... Было уже около десяти. «Почему он не приходит? — тревожно повторяла она один и тот же вопрос. — Роберт сам ведь хотел встретиться».

Зента повернулась и тихо пошла к берегу. В густом мраке ничего нельзя было разобрать даже за несколько шагов. Свинцовые тучи закрыли звезды.

Навстречу кто-то шел, тяжело топя рыбацкими сапогами, и рядом с Зентой вынырнула громадная фигура. И прохожий и Зента вздрогнули от неожиданности.

— Добрый вечер! — поздоровался с ней Оскар.

Зенте уже некуда было деться.

— Как ты испугал меня, — быстро заговорила она. — Нам сегодня пришлось низать лежалую салаку... Совсем мягкая, все внутренности вываливаются. Пришлось вот выполоскать передник.

— Да, иногда это случается, — согласился Оскар. — Ты, что же, полоскала тут передник?

— Не пойдешь же с таким домой.

Зря она рассказывала ему эти сказки. Оскар чувствовал запах пудры. И одета она была совсем не так: в рыбокопильне не работали в праздничных платьях.

— Ты еще не уходишь? — спросил Оскар.

— Говорю же, выполоскать передник надо.

— Так ты его еще не полоскала?

— Я только что пришла.

— Чего же вы так задержались в коптильне?

— Ты же сам знаешь... Пока приберешь, пока что, а время летит...

— Да, да, случается. Редко же тебя приходится видеть. Ты стала такой гордой... Ну, когда так, покойной ночи. Не сердись, что я задержал тебя.

Оскар услышал тихий вздох, но никто ему не ответил. Незачем было стоять тут дольше. Тяжело шагая он удалился, исчез в темноте.

«Все-таки придется поговорить с Робертом, — думал он. Что-то темное и мрачное зрело в его груди, недобрый предчувствием ложилось на сердце. — Но сейчас он уже спит. Придется мне подождать до утра».

Залаяла собака, вдали блеснул из растворенной двери свет, и снова все погрузилось в темноту. Только одна девушка прохаживалась по берегу лимана. Иногда она останавливалась, вглядывалась в часики и прислушивалась. Дождь все усиливался, она промокла до костей.

Зента сдерживалась, кусала губы... Но у нее уже не стало сил — и она разрыдалась. В такой поздний час никто не выходит из дому. Она могла сколько угодно плакать и безумствовать, некому было ее услышать.

Роберт не спал. У него сидела Анита и Рихард, они болтали о достопримечательностях прошлого сезона в столице. Все согласились на том, что маловато было гастролей иностранных артистов. Не приехал Крейслер^[8], Шаляпин пел в Париже, а Галли Курчи^[9] не могла расстаться с Америкой. Рига от этого очень проиграла.

Лидия мало понимала в этих разговорах и больше молчала, а когда пришел Оскар, она вышла в кухню и спросила, что за крики слышались под вечер с моря.

— Там какая-то моторка врезалась в невод, — ответил Оскар. — Наверное, первый раз в наших краях.

Он присел у плиты и начал снимать сапоги.

— Совсем никуда не годятся, текут, как сито, — обратился он к отцу, который сидел тут же у окна и читал газету. — Весь день ходишь с мокрыми ногами.

Старый Клява что-то пробормотал, не поднимая глаз от газеты. Оскар перевернул один сапог вниз голенищем — вода струей полилась на пол.

— Ну взгляни, разве это сапоги? А вода становится все холоднее.

Отец нехотя оглянулся.

— Да, сапоги неважные, — сказал он. — Давно пора справиться новые. Да вот откуда денег взять! Ты сам знаешь, что сейчас Роберту надо будет вносить за учење. Пятнадцатого срок по векселю за сети — опять подавай. Волость тоже требует налог. Прямо ума не приложишь, откуда взять.

Оскар согласился. С сапогами можно подождать до холодов.

— Почему ты сегодня так поздно? — спросила Лидия. — Ваши давно уже вернулись. Я была на дворе и слышала, как Дунис разговаривал с Баночкой.

— Дела немного задержали, — ответил Оскар, не глядя на сестру, но Лидия не сводила с него глаз. Вдруг она рассмеялась:

— Не знаю, правда это или нет, но говорят, будто тебя встречают с девушками.

— Кто же это говорит?

— Да все. Тебя видели на том конце улицы. Вильма Осис у своих ворот замечала. Ох, и умеете вы представляться! Ты-то уж всегда был такой, но чтобы Зента...

И Лидия снова засмеялась.

— И будто бы ты подарил ей часики на конфирмацию.

Оскар покраснел. Старый Клява сразу же отложил в сторону газету.

— Часики? Какие еще часики? — переспросил он Лидию.

— Ну, дамские часики, с цепочкой, чтобы на шее носить.

Клява взглянул на Оскара.

— Вот как, ты уж начал часы раздаривать. Смотри, как бы тебе тоже не сделали подарка.

Лидия покраснела и ускользнула в комнату к Роберту. Но Клява уже разошелся:

— Это что за новая мода — дарить часы! В мое время таких штучек не выкидывали. Сколько же они тебе стоили?

— Что? — спросил Оскар.

— Эти самые часы, которые ты подарил девчонке.

— Да уж я точно не помню.

— Может, двадцать латов?

— Может и двадцать...

— А то и все тридцать?

Оскар не стал отвечать. Он повесил над плитой мокрые сапоги, снял куртку и тогда только обернулся к отцу. Старый Клява раздраженно ворчал:

— Деньги в доме нужны до зарезу... У самого сапоги проносились... Что она, не могла обойтись без этих часов?

— Откуда взялись тут бутылки? — спросил Оскар, показывая на ящик с пивными бутылками. — Праздник здесь какой-нибудь справляли?

— А, бутылки? Да это все выдумки Рихарда. Привязался ко мне, дал денег, вот и пришлось съездить.

— И он все это выпил один?

— Разве он оставит в покое! Пришлось и нам с Робертом за компанию...

Оскар прекратил расспросы, но и отец больше не старался узнать стоимость часов. В душе он рассердился на женщин — не могли убрать ящик подальше... И надо же было Оскару его увидеть!

Пожинав, Оскар остался сидеть за столом, благо никто его больше не допрашивал. Из-за двери он слышал голос Аниты. Можно бы зайти к ним, но что-то мешало ему подходить к Аните, когда возле нее был Рихард, — этот человек не нравился Оскару, он не понимал, как Анита могла болтать с таким.

Он просидел до тех пор, пока в комнатке не задвигали стульями и не открылась дверь. Анита попрощалась и пошла домой. Роберт хотел ее проводить, но она отказалась.

— Далеко ли здесь идти! Да и собаки меня знают.

Проходя мимо Оскара, она протянула ему руку:

— Тебя уж совсем не видать. Стал, наверное, настоящим властителем моря.

И, улыбнувшись, она вышла, прежде чем Оскар успел что-нибудь ответить. Но ему стало так хорошо от этих мимоходом сказанных слов, от ее теплой улыбки и прикосновения руки... Это было предназначено ему, только ему, она Роберту никогда так не улыбалась.

Роберт на минуту подошел к Оскару. Справившись об улове и вечерней выручке за лососей, он таинственно усмехнулся и похлопал Оскара по плечу:

— Ты прямо-таки стал заправским дон Жуаном! Вот уже о ком нельзя

было этого подумать.

— Что ты этим хочешь сказать? — спросил Оскар.

— Я-то что! Люди, люди болтают. У тебя, говорят, свидания каждый вечер, тебя часто видят в обществе какой-то блондинки. Ну, ну, не корчи, пожалуйста, свирепой физиономии, что я такого сказал? Да так и следует, для этого и на свете живут. Мне теперь ясно, что тебе тоже больше нравятся блондинки, чем брюнетки.

Еще раз похлопав по плечу Оскара, Роберт улыбнулся и ушел в свою комнату.

«Что все это значит? — спрашивал самого себя Оскар, лежа в постели. — Что опять здесь затевается?»

Двусмысленные намеки на какие-то похождения, давешняя болтовня Лидии, благожелательный интерес брата к какой-то несуществующей тайне встревожили его. У него самого возникли кое-какие подозрения, но до того странные и горькие, что он боялся о них думать. Как дым, предупреждающий об отдаленном пожаре, они могли и рассеяться, но могли угрожать и подлинной опасностью.

5

Во всех дворах обсуждали связь Оскара и Зенты. Как вылитое в воду масло, новый слух быстро распространился по округе. В коптильне женщины пытались выведать что-нибудь у Лидии, но та только краснела, опускала глаза и ничего не отвечала. Оскару не давали покоя любопытные товарищи. А поселковые девушки не переставая говорили об ожидаемых последствиях: кое-что уже стало заметно, да и глаза Зенты выдавали ее.

Как это ни странно, родные Оскара сами распространяли эти сплетни как только могли. Роберт всюду отпускал шуточки по поводу ночных походов брата, Лидия каждый вечер сообщала Оскару о новых слухах, которые занимали в это время помыслы чешуян. Все приходило к выводу, что у Оскара сейчас появились обязанности по отношению к Зенте, раз уж они оба зашли так далеко. Он понимал, что это все означало, но ничего не говорил.

В один из ближайших дней Роберту принесли записку:

«Буду ждать тебя сегодня вечером в том же месте. Если не придешь, тогда кое-что случится. Я больше не выдержу».

Роберт задумался.

— Вот что, дружок, — обратился он к мальчику, который принес

записку. — Скажи тому человеку, который тебя прислал, что я не понимаю, чего ему от меня надо. И больше чтобы меня не беспокоили.

Мальчик ушел.

— Просто понять не могу, что за фиглярничанье, — разговаривал сам с собой Роберт. — Какие-то записочки, угрозы... Нет уж, пусть лучше она оставит меня в покое.

Он никуда не пошел. Он все обдумал и теперь чувствовал себя в безопасности: против него не было ни одной улики. Вот что значит действовать с умом! Весьма кстати пришла и пущенная им сказка о связи Оскара с Зентой. Все приняли это за чистую правду. Да и как же иначе: разве они не встречались раньше, разве зимой Оскар не подрался с Эдгаром из-за девчонки? Лидия уже гладила белье Роберту; еще несколько дней, и он — в столице. Будущим летом он получит должность и совсем сюда не приедет. А там, со временем, все успокоится.

Итак, он не пошел. Весь вечер он пел и насвистывал в своей комнатке, словно на него налетел приступ безудержной веселости. Но когда хлопала наружная дверь, он на минутку затихал и прислушивался.

На следующий день Роберт вышел из дому прогуляться. Он больше не боялся, что с ним кто-нибудь заговорит на улице. Пусть только попробует!

Вечером Роберт услышал от сестры, что Зента не пришла в коптильню, и вздохнул свободнее: ну, теперь по крайней мере все упорядочится.

Зента не пришла и на следующий вечер. А на третий день вдова Залита обходила все дворы, спрашивая, не видел ли кто-нибудь ее дочери: накануне она ушла в коптильню и до сего времени не вернулась.

Никто ее не видел. Люди начали справляться друг у друга, доискиваться следов.

Эта весть не удивила Роберта, он как будто пропустил ее мимо ушей, тем более что сейчас был занят другим: перед отъездом он решил устроить прощальную вечеринку. Рихард еще раз послал за выпивкой, и вечером в доме Клявы началось веселье. Пришли Эдгар с Анитой, Вильма Осис и Кристап Лиепниек. Сдвинули к стене стулья, завели патефон, и начались танцы.

Роберт пил больше других. Никогда еще не видели его в таком ударе. Он весь вечер вертелся, как бес, откалывал разные коленца, во время танцев нашептывал девушкам двусмысленные остроты, хохоча над их смущением.

Оскар вернулся домой раньше обыкновенного.

— Здорово, брат, — поспешил ему навстречу Роберт. — Вот, выпей кружку пива и приглашай скорей нас на свадьбу! Когда же ты ее справишь?

Не заставляй ждать так долго.

Оскар даже не взглянул ни на брата, ни на гостей. Все с любопытством следили за ним в открытую дверь комнаты. Когда он нечаянно поднял глаза, то встретил пристальный, тревожный взгляд Аниты. Она смотрела на него не то вопросительно, не то грустно.

Роберт напрасно ждал, что Оскар примет от него поднесенную кружку пива. Но упрямство брата его не обескуражило — наоборот, он еще больше раззадорился.

— Ну, уж если тебе так не хочется, не пей, я приставать не буду, — сказал он. — Но ты все же счастливчик, тебе можно позавидовать. У твоей невесты сундук полон приданого. Да и какого приданого! Я здесь кое от кого слышал...

Девушки отворачивались, чтобы скрыть улыбки, парни задыхались от хохота. Только Анита не смеялась. Побледнев, она отошла в сторону и стала смотреть в окно.

Оскар привел себя в порядок, поужинал и вышел из дому, чтобы избавиться от шуток Роберта.

Почему он не заставил замолчать брата? Стоило сказать одно только слово, и у Роберта пропала бы всякая охота зубоскалить. Но он не сказал. Почему? Чего он еще ждал? Ведь там была Анита, она все слышала — сейчас она бог знает что думает о нем...

«С Робертом поговорю позже, когда гости разойдутся», — решил Оскар.

А как же Анита? Что же в конце концов творилось у нее в сердце? Мог ли он надеяться на невероятное? Об их отношениях еще не было сказано ни слова; да и были они до того неопределенными, что Оскар все время жил в состоянии мучительной неизвестности. Она всегда дружила с ним, всегда была приветлива и не стыдилась его ни в чьем обществе. Однажды они сидели на дюнах, укрывшись пиджаком Оскара, близко-близко друг к другу... И все же это могло оказаться ошибкой. Анита могла уехать, скрыться с его глаз, раствориться в толпе чужих людей. Появится у нее кто-нибудь, и тогда некому будет вспоминать об одиноком парне-рыбаке.

Было еще светло. То и дело навстречу ему попадались люди, но Оскар нуждался в одиночестве. Так невыносимо тяжело было время его дум, что он больше не владел собой.

«Я не могу потерять ее... Что тогда станет со мной? Буду по-прежнему работать, есть, одеваться. Потом начну стареть — зубы выпадут, поредеют волосы. Но всю жизнь во мне будет говорить чувство чего-то несбывшегося, на всю жизнь останется какая-то пустота».

Потрясенный до глубины души, полный отчаяния и жажды борьбы, он бродил, не находя себе покоя; то присаживался, то снова вскакивал и бежал дальше, При воспоминании о бесстыдной выходке Роберта он невольно сжал кулаки.

— Это он нарочно так говорил при Аните. Он хотел меня унижить в ее глазах, хуже того — выставить каким-то соблазнителем! Анита сейчас думает обо мне самое дурное.

И вдруг ему все стало ясно, собственная судьба предстала в ином, новом свете. Какое место занимал он в отцовской семье? Вся семья жила трудом Оскара. День-деньской работал он не покладая рук, уходил рано, возвращался поздно; то он был в море, то ставил мережи на Зальупе. Как бы он ни отмывал руки, сколько бы ни старался, они все равно оставались жесткими, как береста. А брат изучал науки и проводил время в корпорациях, вкусно ел и хорошо одевался; сестра не знала, каким нарядом удивить подруг на очередной вечеринке; отец — мудрый с виду старик, на деле порядочный хвостун и лентяй — постоянно пропадал в волостном правлении и ежедневно напивался; в доме гостил лодырь, который сам слонялся без дела и Роберта сбивал с пути... Ведь он вовсе не жаловался, что ему ничего не достается; он с радостью помогал брату, без малейшего чувства горечи отказывался от своей доли, лишь бы у Роберта было всего вдоволь, лишь бы он не утруждал себя занятиями, не зачах бы. Но когда тот, приехав на отдых, пользуется этим временем, чтобы соблазнить девушку, а потом взваливает на брата последствия подлого поступка, как это можно стерпеть?

Какая-то неведомая, новая сила росла в нем и искала выхода. Самолюбие проснулось в бесправном работнике, заставило его выпрямиться во весь рост. Мало того, теперь он сам был готов нападать!

Оскар обошел поселок со стороны леса и очутился у реки. Начинало темнеть, от близости воды стало свежее.

— Поглядим, где поглубже, а потом спустимся по течению... — услышал Оскар чей-то голос. Какие-то два человека забрасывали небольшой неводок и втаскивали его в лодку.

— Нет, здесь мы ничего не найдем, — сказал один из них.

— Тогда спустимся пониже, но все-таки должно быть где-то возле этого места...

Они снова забросили невод и, видимо, ничего почти не вытащив, выкинули за борт водоросли и мелкую рыбешку. Заинтересовавшись, Оскар подошел ближе. Это был Екаб Аболтынь и Индрик Осис. Он поздоровался с ними и удивленно спросил, что они здесь делают.

— Если вы на щуку рассчитываете, то подавайтесь ближе к кустам. Здесь ничего путного не найдете.

Оба парня переглянулись. Потом Индрик сказал угрюмо:

— Может, кое-что и найдем.

— Ты бы лучше ушел отсюда. Тебе здесь не место, — добавил Екаб.

Они отвернулись и больше не обращали внимания на Оскара.

Ничего не понимая, он продолжал стоять на берегу. Что это значит, почему они так разговаривают с ним? Парни еще раз забросили невод и осторожно, полегоньку подтягивали его к лодке. Вдруг они тревожно переглянулись и кивнули друг другу.

— Тащи легче, чтобы не упустить! — крикнул Индрик.

— Я тоже чувствую по тяге, что достал, — ответил Екаб.

Невод тихо подходил к лодке; парни уперлись ногами в борт и потащили изо всей силы. Тогда Индрик нагнулся, опустил руку в воду и, что-то нащупав, снова кивнул Екабу. Тот сел на весла и подвел лодку к берегу, где стоял Оскар.

— Ты еще не ушел? — крикнул Индрик. — Не ожидал я от тебя такого бесстыдства.

— Да в чем дело? — удивился Оскар.

— Ну, когда так — подойди и взгляни, что мы вытащили!

Невод был уже на берегу. Оскар нагнулся. В тине и водорослях, облипшее личинками пиявок и ракушками, лежало тело Зенты. Пряди мокрых волос закрывали лицо, часики — подарок Оскара — висели на шее. Окоченевшие руки сжимали пучки водорослей.

Все молчали. Оба рыбака исподлобья наблюдали за Оскаром. Ужасная, неотвратимая тяжесть легла на него: его считали виновником...

— Уйди отсюда! — приказал ему Индрик, и он послушался, как ребенок. Смущенно взглянул на мертвое лицо Зенты и ушел. Отойдя от берега, он остановился и вдруг застонал от муки.

— Это не может остаться безнаказанным! — задыхаясь, крикнул он. Жалость к девушке сливалась в его сердце с безумной злобой на брата. Страшный в своей решимости, направился Оскар к дому. Он шел крупными шагами, не оглядываясь по сторонам. Было уже поздно. На улице его никто не остановил. Окна дома были раскрыты, оттуда вырывался хаос звуков: смех, звон посуды, дребезжание патефона и шарканье ног. И из этого хаоса раздался воинственный возглас Рихарда Линде:

— Дорогу молодежи! Она несет на своих плечах будущее человечества!

Молодые люди танцевали. По очереди то один, то другой заводил пружину и менял пластинки, пока остальные кружились и шагали по просторной комнате. Время от времени танцующие отдыхали, вытирали пот и охлаждали разгоряченные лица у открытого окна.

Во время одного такого перерыва и пришел Оскар. Анита чуть вздрогнула, но тут же отвернулась с безразличным видом и что-то спросила у Рихарда. Они начали оживленный разговор; Анита часто смеялась; но в ее смехе не было веселости.

Оскар даже и не заметил ее. Ни на кого не глядя, он подошел к Роберту и положил руку ему на плечо.

— Выйдем на минутку, — сказал он тихо. — Мне надо с тобой поговорить.

Роберт стряхнул его руку, продолжая рассказывать Вильме о частной жизни какого-то поэта:

— Вот так живет современный свободный человек, не признающий предрассудков и прогнивших традиций!

— Выйдем, — сказал еще раз Оскар и потянул брата за плечо.

— Перестань! — нетерпеливо проворчал в ответ Роберт. — Ты же видишь, что я занят разговором. Мадемуазель Вильма, а вы какого мнения на этот счет?

— Не знаю даже, это так странно, — пролепетала девушка, покраснев и от поразившего ее воображение рассказа, и от оказанного ей внимания. — Конечно, им так можно, потому что это они, но если бы кто из нас позволил себе...

Вдруг все затихли, удивленно уставившись на братьев. Оскар взял брата за локоть, коротким железным рывком поднял его на ноги и, как мальчишку, повел к двери. Побледнев, хотя все еще продолжая улыбаться, Роберт пытался высвободить свой локоть, но пальцы Оскара вцепились в него, как клещи.

— Смотрите, я, кажется, стал жертвой какого-то фокуса! — пробормотал все с той же вымученной улыбкой Роберт. — Интересно, куда он меня ведет?

Но никто не засмеялся в ответ — слишком мало походило это на шутку.

Не отпуская Роберта, Оскар тщательно прикрыл за собой дверь, потом без всяких объяснений схватил брата за грудь и начал трясти. Молча, не

спуская взгляда с Роберта, он бросал его из стороны в сторону, как собака схваченную зубами змею.

— Пусти, пусти, костюм разорвешь! — задыхаясь, шептал Роберт. — Что ты, взбесился?

Оскар не отвечал. Когда у него уставала одна рука, он брал его за грудь другой и в конце концов прижал Роберта в угол к печке.

— Ты рехнулся! — шипел Роберт. — Как тебе не стыдно? Отпусти меня!.. Ты с ума сошел!..

— Закрой пасть, пес! — приказал ему Оскар. — Что ты сделал с Зентой, негодяй?

Роберт, пытаясь освободиться, снова, как щенок, забарахтался в руках Оскара.

— С Зентой? О какой Зенте ты говоришь?

Еще плотнее прижал его Оскар к печке. Он уже еле дышал.

— Здесь была только одна Зента, ты знаешь, о ком я говорю.

— Говори же тише, Оскар. Кричит как сумасшедший. Что подумают гости?.. И отпусти меня...

Оскар бросил его на пол.

— Что ты сделал с Зентой?

— Ты помешался... Я позову на помощь!..

— Зови. Пусть все узнают, что ты за человек.

— Ума не приложу, с чего ты это вообразил... Я и не знал толком никакой Зенты. Если ты ревнуешь, то привязывайся к кому-нибудь другому.

— Молчать! Ты обманул ее!

— Ничего подобного! Я не имею обыкновения сходиться с невестами рыбаков... Кто это видел?

— Что ты говорил ей летом у старого карбаса?

— У карбаса? Какой карбас, что ты фантазируешь? Тебе кто-то наплел черт знает чего...

— Я сам слышал своими ушами. Ты обещал жениться на ней.

Теперь наступило молчание. Из соседней комнаты тоже не доносилось ни звука — там, наверное, прислушивались. Роберт оправил измятую теннисную рубашку. Крупные капли пота скатывались с его лба и носа. Вдруг он с презрительным видом повернулся к Оскару.

— Значит, ты шпионил? Нечего сказать — достойное занятие!

— Никогда не мешает присмотреть за негодяем...

— А какое тебе дело до этого? Ты ведь не запретишь мне сходиться, с кем я захочу?

— Да знаешь ли ты, что произошло? Из-за твоей подлости она нашла

свой конец на дне Зальупе. Ты виноват в ее смерти, ты — убийца!

Безумная ярость снова овладела Оскаром. Он снова встряхнул брата и изо всей силы швырнул через всю кухню к двери. Она открывалась внутрь и поэтому не распахнулась, но тяжелый удар заставил затрястись стены; на полках зазвенела посуда, а кот испуганно юркнул на печку.

Встревоженные шумом, в кухню выскочил старый Клява, мать и Лидия. Женщины сразу подняли крик:

— Уймись, уймись, сумасшедший! Что ты делаешь!

— Отпусти его, Оскар! — крикнул отец. — Сию же минуту отпусти, я приказываю.

По лицу Роберта текла кровь.

Дверь в комнату так и осталась открытой, и гости очутились в неловком положении, им пришлось стать свидетелями семейного скандала. Рихард пытался занять остальных каким-то анекдотом, но никто его не слушал, да и сам он больше следил за происходящим, чем за нитью рассказа.

Анита, повернувшись спиной к остальным гостям, смотрела в окно. Но и она чутко прислушивалась к каждому слову, ни одного не пропустила.

— Ты окончательно потерял рассудок! — кричал отец. — Отпусти же мальчишку, ты его задушишь! Не видишь, как он посинел?

— Беды большой не было бы, — выпалил Оскар и оттолкнул брата.

— С чего это ты разбушевался! — продолжал кричать отец. — Ну, чего ты на него напал? Думаешь, я это тебе так оставляю?

Оскар стоял со сжатыми кулаками, подавшись вперед всем телом; казалось, он вот-вот бросится на отца. Вдруг он нервно засмеялся:

— Не оставишь? Ха-ха-ха! Как будто это в твоих силах!

— Да что здесь такое творится? — спросил Клява. — Если у тебя нет больше уважения к родителям, изволь объяснить хоть, с чего ты так неистовствуешь?

— С чего? Просто я проучил негодяя, ядовитую гадину, замызганную грязную тряпку, которая брызжет на всех помоями... И еще вот что я скажу. Пусть этот человечиска, называемый моим братом, сейчас же убирается вон отсюда! Чтобы до утра он был как можно дальше от этого дома... И на мою помощь пусть он больше не рассчитывает!

— Да образумься же наконец, чего ты кричишь? — вмешалась мать. — Ну, повздорили между собой, — разве это впервые случается... Нельзя же сразу так... Если Роберт и сделал что плохое, можно еще исправить...

— А может он вернуть человеку жизнь? — выкрикнул Оскар, глядя в упор на мать.

— Ты уж начинаешь шутки шутить, — растерянно пробормотал старый Клява.

— Спросите Роберта, он не хуже меня знает, в чем дело...

Все замолчали.

— Я еще раз говорю: пусть Роберт собирает пожитки и отправляется в путь. И чем скорей, тем лучше...

— Мало ли что ты скажешь, — выпрямившись во весь рост, перебил его отец. — А я говорю, что Роберт останется здесь до последнего дня каникул.

— И этот господинчик... — продолжал Оскар, кивнув на дверь комнаты, — он здесь достаточно болтался, а теперь пусть собирает вещи и отправляется домой. Это ему не пансион для бездельников, здесь живут работяги. Здесь все должны работать.

Старый Клява от ярости чуть не потерял дар речи.

— Ну, это уж... Это уж чересчур! — побагровев, выкрикнул он. — Он говорит так, как будто всем домом заправляет! Так этому не бывать! Не бывать, пока я здесь хозяин! Господин Линде — наш гость, он может здесь жить, сколько ему заблагорассудится.

Оскар спокойно посмотрел на отца.

— Ты напрасно думаешь, отец, что и впредь будешь распоряжаться мною. Теперь начнутся другие времена! Я буду жить по-своему, своим умом. Кем я был для вас всю жизнь? Сыном? Нет, не сыном, а рабочей скотиной, даровым батраком! Больше этого не будет!

— Ты бы получил в наследство дом, — сказала мать.

Оскар засмеялся.

— Дом? Со всеми долгами в придачу? Нет уж, не надо мне никакого наследства. Я хочу жить, как другие люди. Мне двадцать шесть лет, а что я видел за свою молодость? Э, да что там, говорить только не хочется!

— Роберт останется здесь, — изрек отец, не обращая внимания на слова Оскара.

— Тогда, может быть, мне уйти? — спросил Оскар.

— Да будет так! — выкрикнул, задыхаясь от гнева, отец. — Если тебе здесь не нравится, можешь искать себе дом в другом месте! Но Роберт останется, раз я так сказал.

Наступила тишина. Мать и Лидия суетились возле Роберта, успокаивая и оглаживая его. Выпрямившись во весь рост, посреди кухни стоял отец, крепкий, складный старик, такой величавый и — ленивый. Оскар на мгновение словно окаменел. Потом что-то дрогнуло в его побледневшем лице, точно по нему пробежал отблеск какой-то решительной мысли. Он

поднял голову и твердо посмотрел в глаза отцу.

— Хорошо, тогда я ухожу, — сказал он и медленными шагами прошел в свою комнату.

Пока он одевался и собирал документы, гости Роберта один за другим незаметно выскользнули из дому.

Не взглянув ни на кого и не попрощавшись, Оскар открыл дверь и исчез в ночной тьме. И вдруг словно что-то оборвалось — мать с Лидией заплакали, а отец подошел к двери и крикнул вслед:

— Если ты уходишь, навсегда забудь, что у тебя был отчий дом!

— Постараюсь! — донеслось в ответ.

Роберт угрюмо молчал, Рихард с оскробленным видом укладывал чемодан, женщины плакали, только старый Клява не сдавался. Раз он — глава семьи, патриарх, пусть никто не вздумает восставать против его власти, мятежникам здесь нет места!..

— Чего воете! — прикрикнул он на женщин. — Никуда он не денется, некуда ему бежать! Прогуляется по свежему воздуху, пока голова не остынет, и опять станет искать дорогу к дому.

Неизвестно, верил ли он своим словам...

7

Темнота свежей сентябрьской ночи обступила Оскара. Редкие дождевые капли падали на его разгоряченное лицо. Он снял фуражку. Еще не освободившись от власти пережитого волнения, он уже думал гордую думу о дальнейшей борьбе.

— Ладно, я сейчас уйду, но это не окончательно. Мы еще посчитаемся! — обернувшись лицом к темному поселку, он погрозил ему. — Тогда вы не будете смеяться надо мной.

Он вздрогнул. В темноте послышались торопливые шаги. Чей-то голос, чей-то бесконечно милый голос звал его:

— Оскар, это ты?

— Да, — откликнулся он и остановился.

Анита нагнала его. Тяжело дыша от быстрого бега, она схватила Оскара за руку:

— Оскар, куда ты хочешь уйти?

— Куда глаза глядят, куда угодно, только бы не оставаться здесь!

— Ты ведь не надолго? Не на целые годы? — спросила Анита охрипшим вдруг голосом.

— Нет, не очень надолго.

— С чего же ты хочешь начать?

— С борьбы. Словами здесь ничего не достигнешь. Когда я говорил, они смеялись, но теперь я начну действовать.

Анита все время держала руку Оскара. Когда-то, давно, он сам так же вот задержал ее руку. Он чувствовал, как дрожала девушка.

— Да, тут ничего не поделаешь. Мне надо уйти отсюда.

Очень тихим голосом, отвернувшись в сторону, Анита спросила:

— А если бы кто-нибудь пошел с тобой? Тогда тебе стало бы легче?

Он задрожал. Какое это счастье, уйти рука об руку с любимым человеком, никому ничего не сказав, и начать жизнь где-нибудь далеко отсюда! Неужели это ее слова?

Оскар ждал, что Анита скажет еще что-нибудь, но она молчала.

— Я еще не знаю... — начал он тогда. — Это будет трудное время. Может случиться, что меня совсем заключут. Меня ведь никто жалеть не будет.

— Да; да... — согласилась она. — Я только так сказала... может, ты что-нибудь особенное подумал?

Она отпустила руку Оскара и туже стянула на груди платок.

— Что-то я хотела сказать, — начала она опять. — Да, так куда же ты сейчас пойдешь?

— Пока недалеко, только в Гнилуши. На первых порах, может, примет зять. Позже... Ну, тогда будет видно.

— Значит, тебя можно будет иногда встретить и на нашем берегу?

— Возможно. Но если меня там примут не очень охотно, то...

Анита круто повернулась к нему.

— Что тогда?

— Мне не раз приходило на ум поискать работы на пароходах. У меня есть несколько знакомых штурманов. Можно бы на несколько лет уйти в море.

— Конечно... Ты бы мог... — прошептала Анита, у нее снова перехватило голос. — Но что тогда будет с твоими проектами? У тебя столько задумано.

— Да, придется немного подождать, пока я не вернусь.

Они замолчали.

— Я не понимаю, почему ты до сих пор не поговорил с отцом, — снова заговорила Анита. — Он бы тебе помог, я в этом уверена.

Оскар закусил губу.

— Возможно...

— Ты что-нибудь имеешь против него?

— Нет, что мне против него иметь?

— Тогда кто же мешает тебе обратиться к нему? Я знаю, тебе понадобятся средства, без денег ведь в наше время ничего нельзя начать. Может быть, тебе стыдно просить?

— Я не стыжусь, но... это неудобно. — Оскар пристально взглянул на девушку. — Если бы это был кто другой, я бы давно поговорил. Но это — твой отец. Тогда обо мне всякое могут подумать.

Анита взволнованно засмеялась:

— Он еще выдает себя за борца, а сам боится, что его станут подозревать, — и уже потише добавила: — А тебя разве пугают эти подозрения? Ты боишься?.. Меня?..

Оскар становился все сумрачнее.

— Боюсь, как бы меня не испугались...

Внезапно, будто рассердившись, он шагнул к девушке — она очутилась у него в объятиях. Крепко обхватив ее плечи своими лапами, он сердито глядел на нее.

— Какого черта ты меня морочишь, Анита?

— Я вовсе не морочу, — спокойно ответила она.

— Смотри, я ведь могу что угодно подумать!

— Кто тебе не велит? Я вижу, ты не особенно высокого о себе мнения. Иначе бы ты не сомневался и не умничал столько времени. Нагнись-ка немного, у тебя там что-то на виске.

Он наклонил голову. В следующий миг что-то обожгло его лоб. Торопливый поцелуй — и Аниты уже не было возле него. В темноте прозвучал ее голос.

— Не ходи за мной! — крикнула она. — Теперь ты мой должник, должником и уйдешь отсюда. Теперь я спокойна — ты скоро вернешься!

— Подожди немного! — звал он ее. — Нам надо рассчитаться сейчас.

— Ничего, подождешь до следующего раза.

— Тогда я уйду на пароходе в море!

— Никуда ты не уйдешь! Теперь ты никуда не уйдешь, я знаю!

Она была права. Теперь Оскар не пошел бы туда, где ее не было. Он знал, чем она для него стала...

Залаяли встревоженные собаки. За дюнами ревело море, моросил мелкий дождик, кругом было темно. Но уходящему из родного поселка Оскару эта темень совсем не казалась мрачной. В груди он нес факел нового счастья.

Ольга, старшая сестра Оскара, была женой зажиточного гнилушанина Петера Менгелиса. Ему принадлежал в поселке самый лучший полутораэтажный дом; он состоял пайщиком в нескольких рыбацких артелях, и клеть у него была полным-полна рыболовных снастей. В Гнилушах Петер Менгелис первым из рыбаков приобрел моторную лодку и начал строить дачу в ближнем курортном поселке.

Поздним вечером усталый Оскар подошел к дому зятя и постучался. Менгелисы еще не ложились: в окнах горел свет, доносился хор голосов, певших что-то церковное. Немного подождав, Оскар постучался сильнее и выразительно кашлянул, но никто не откликнулся. Пение продолжалось.

Оскар вошел в кухню. Там никого не было. Керосиновая лампа горела слабым красноватым пламенем, не освещая темных углов.

За стеной пели хорал. Теперь Оскар сообразил, что там собрались для богослужения сектанты со всего поселка. Петер Менгелис считался у них за главного.

Оскар присел к большому кухонному столу и стал прислушиваться. Среди мужских и женских голосов можно было различить и детское щебетание. Послушать проповедь пришли целыми семьями, так как из Риги прибыл один из лучших сектантских проповедников — брат Теодор.

Сейчас же после хорала брат Теодор произнес проповедь. У него был мягкий, юношеский голос. Собравшиеся не спускали глаз с круглого, в красных прожилках, лица проповедника. Это был довольно приятный мужчина лет тридцати пяти, с полным ртом золотых зубов, несколько пухловатый, но очень подвижной.

Брат Теодор прочел вслух текст из евангелия от Луки, закончив следующими словами: «Смотрите же за собою, чтобы сердца ваши не отягчались объядением, и пьянством, и заботами житейскими и чтобы день тот не постиг вас внезапно; ибо он, как сеть, найдет на всех живущих по всему лицу земному...»

После этого началось толкование. Собравшиеся узнали, что согласно пророчествам и совершившимся знамениям Судный день уже не за горами. Пусть каждый будет наготове... И если у кого есть прегрешения, тот может их испустить — вернувшиеся на путь праведный не будут отвержены.

Долго и пространно говорил брат Теодор. После проповеди

последовало пение, а затем гнилушане начали громко каяться в грехах. Сначала Оскар услышал голос зятя. Дрожащим голосом, почти со слезами, Петер Менгелис рассказывал:

— Дорогие братья и сестры! Все вы знаете, каким я был раньше последним лодырем и пьяницей. Я не пропускал ни одной корчмы, чтобы не зайти в нее, я спустил все, что у меня было, и часто проводил ночь под забором. Люди, проходя мимо, насмехались надо мной. Я сокрушался лишь о мирских благах, никогда я не был доволен тем, что имел. Но вот с глаз моих спала пелена, я прозрел и постиг, сколь неразумна была такая жизнь. Я переборол свои вожделения, и победил их, я стал обращенным. Сейчас я не пью, всего мне хватает, и труд мой всегда осенен благословением господним. До конца дней моих я буду хвалить господа!

За Петером последовали другие. Некоторые каялись публично в первый раз, эти рассказывали со смущенным видом: о своих грехах они предпочли бы промолчать. Но вот вышла старая Аболтиене; задыхаясь от рыданий, осуждала она свою прошлую жизнь. Ее смирение всех растрогало, примеру ее последовали другие женщины. Одна за другой выходили они вперед, говорили все громче, каялись все откровеннее. Экстаз самобичевания овладел людьми. Комната наполнилась истерическими всхлипываниями, дети плакали, взрослые вздыхали.

Оскару стало невтерпеж слушать их.

Затем опять все утихло. Голос проповедника журчал спокойно и ласково. Он призывал жертвовать на миссионерскую работу. В далеких южных странах живут народы, которые никогда еще не слышали слова божия. Несчастные чернокожие! Пребывая в греховном неведении, они поклоняются животным, силам природы и солнцу; деревянные идолы окружают их жилища, они почитают обезьян и змей. Бедные чернокожие!

Петер Менгелис обходил собравшихся с подносом и собирал пожертвования. После этого брат Теодор стал рассказывать, как трудно приходится миссионерам и в своей стране: на все нужны деньги, большие деньги, без денег ничего нельзя начать. И еще раз Петер Менгелис обошел собравшихся с подносом. Но брат Теодор дал понять, что это еще не все. Только на днях вышло несколько новых книг, где ясно и понятно рассказано, что произойдет в Судный день и по каким знамениям можно будет вычислить срок его наступления. Это «Ключи тысячелетнего царства мира», хороший перевод сборника проповедей Сперджена и другие полезные издания...

Развернулась бойкая торговля. Казалось, что за стеной разложил товары коробейник.

Оскар больше не слушал. Усталый и безразличный ко всему, он ждал, когда появится кто-нибудь из хозяев, хотя трудно было рассчитывать, что собрание кончится скоро. Снова раздалось песнопение. Тогда в кухню вошел шестилетний первенец хозяев — Янит. Он хотел пить и искал ведро. Напившись, он заметил Оскара и, немного дичась, подошел к нему.

— Дядя Оскар, ты тоже пришел петь? — спросил мальчик. — А мы скоро кончим, тебе надо было прийти пораньше.

— А мама тоже поет? — поинтересовался Оскар.

— Да, мама и меня научила, я знаю уже два стишка. Я тоже сейчас пел.

— Какой ты молодец. Жалко, что у меня нет с собой конфет.

Янит с любопытством разглядывал дядю.

— Ты не можешь позвать сюда маму? — спросил Оскар. — Скажи ей, что дядя Оскар пришел. Только тихо скажи, чтобы другие не слышали.

— И папа чтобы не слышал?

— Папу тоже позови.

Мальчик выскользнул за дверь. Не прошло и минуты, как в кухню торопливо вошла Ольга.

— В чем дело, Оскар? — спросила она, не поздоровавшись. — Не случилось ли какого несчастья?

Появление брата в такой поздний час ее сильно встревожило.

— Нет, ничего особенного не случилось.

Сестра успокоилась, но теперь в ней заговорило любопытство.

— Ты ведь неспроста пришел?

— Я пришел, чтобы остаться здесь. Конечно, если только вы меня примете.

Ольга удивленно посмотрела на брата.

— Переночевать?

— Нет, думаю побыть подольше. Несколько месяцев, а может стать и всю зиму.

— Как же так? А кто же будет управляться дома, если ты перейдешь к нам?

— Мне неизвестно, кто теперь там возьмется за хозяйство. Меня это не интересует.

— У вас там размолвка какая-нибудь вышла?

— Нет, другое. Мы с Робертом не могли там остаться оба. Одному из нас надо было уйти. Отец выбрал Роберта. Мне больше ничего не остается, как искать себе другое пристанище.

— Что-то непонятно. Наверно, натворил чего-нибудь?

Оскар тяжело вздохнул. Рассказать ей или лучше пусть обо всем

узнает от людей? Все равно в их глазах виноватым окажется он, раз некому свидетельствовать в его пользу.

Оскар посмотрел на сестру долгим, пристальным взглядом.

— Если я тебя стесняю или твоему мужу это не по вкусу... В таком случае прошу прощения, что побеспокоил. Может, у Крауклисов мне не откажут.

Сестра замахала на него руками.

— Чего ты губы надуваешь, как маленький? Ни о чем и спросить его нельзя... Разве тебя кто гонит? Подумай сам, каково это слышать: брат ушел из дому! Ведь ни с того ни с сего не могло же это случиться... Ну, раз тебе не хочется, не рассказывай.

Пение прекратилось, и в кухню торопливыми шагами вошел Петер Менгелис.

— Скажи, какой гость, и в такой поздний час! — приветствовал он Оскара. — Что-нибудь стряслось, заболел кто-нибудь?

«До чего они на все смотрят одинаковыми глазами...» — подумал Оскар. Ольга и Петер увидели в нем прежде всего вестника несчастья. Не вдаваясь в объяснения, Оскар напрямик спросил зятя:

— согласишься принять меня к себе до весны?

Менгелис опешил.

— Разве в своем доме для тебя нет места?

— У меня больше нет дома. Я дал слово забыть о нем.

Опять начались те же расспросы, которыми донимала его Ольга. Оскар понял, что они не успокоятся до тех пор, пока не выведают что-нибудь о случившемся. В нескольких словах он объяснил им, как обстояли дела, не упомянув о своих планах на будущее и совсем умолчав о Зенте.

Менгелис не мог долго задерживаться, так как ему надо было еще раз обойти с кружкой собравшихся.

— Обсудим это позже, когда разойдется народ, — сказал он и ушел к молящимся.

Ольге тоже надо было находиться там, но она боялась, как бы Оскар из-за своей гордости не натворил глупостей: еще убежит, пожалуй, к Крауклисам, а потом про Менгелисов пойдет дурная слава.

Она осталась с братом и попыталась уговорить его.

— Разве кто так делает? — сказала она. — Как же раньше-то мы могли ужиться? Чего нам не доставало в родительском доме? Каждый знал свое дело, всего нам хватало. Кошелек был у матери, а она лучше всех видела, кому что требуется.

— Да, раньше действительно было так. Кошелек был у матери — один

на всю семью. А сейчас их два — один у матери, другой у отца, и каждый старается друг перед другом побольше урвать себе. Когда общий заработок шел на общие нужды, я и не прекословил, ну, а что ты скажешь, если на всех работает один человек и про его-то нужды как раз всегда забывают? Больше я не желаю у них выпрашивать, мне такая жизнь надоела!

— Ну, допустим, они тебя и обижали. Все равно ты должен простить им. Главная христианская добродетель...

— Ладно, Ольга, я прощаю им прошлое, и на этом хватит, но пусть никто не думает, что я опять стану бессловесной тварью, какой был все эти годы.

С ним, конечно, не стоило и заводить спор. Впрочем, Менгелис тоже попытался умиротворить его. Он сыпал цитатами из евангелия, но все его красноречие пропало даром, как семя, брошенное на каменистую почву. Оскар терпеливо выслушал все изречения и притчи о прощении врагам, о мире, который приносит благодать, о губительном духе вражды и о блудном сыне, который обошел все земли, ел вместе со свиньями и, претерпев всяческие унижения, снова попал в объятия отца, — но в конце концов прервал зятя решительным вопросом.

— Скажи прямо, могу ли я пожить у вас некоторое время?

И в знак того, что он готов принять немедленный отказ, Оскар поднялся и взял шапку. Он и сам почувствовал, что перехватил через край, но в этот момент действительно готов был уйти, не подумав о том, как это отозвалось бы на его будущем.

Менгелис вздохнул:

— Ну что же, пусть будет по-твоему... Для нас ты всегда желанный гость, живи сколько хочешь.

При этих словах Ольга заплакала.

Оскар уехали место наверху. Там было несколько комнаток и плита; с балкона открывался вид на море. Весь этот этаж предназначался для дачников.

В доме все замолкло, молецыики разошлись, только брат Теодор остался — он согласился погостить несколько дней у Менгелисов. За окнами моросил дождик, осень вступила в свои права.

Поселок Гнилуши стоял немного севернее Чешуй, но место здесь было оживленнее: рядом проходило шоссе, а в прекрасном сосновом бору,

который начинался тут же за поселком, настроили много новых дач. Рыбаки извлекали из этого кое-какие выгоды. У кого была корова, тот мог не заботиться о сбыте молока, свежую рыбу дачники тоже брали с удовольствием.

Уже третий год какая-то секта устраивала в Гнилушах собрания, дабы спасти грешные души. Из Риги приезжали то в одиночку, то целыми толпами, женщины и мужчины, которые оказывались ясновидящими, проповедниками и даже певцами и музыкантами, ибо улавливание душ начиналось обычно с устройства концертов. Прежде всех на эти собрания пошли жены и дочери рыбаков, а Ольга первая открыто приняла новую веру. В то время ее муж сильно запил, к стыду и огорчению всей семьи, у него уже начались припадки белой горячки. В надежде излечить Петера с помощью новой веры от этого недуга Ольга уговорила его посещать собрания секты. Позже он сам предоставил дом для душеспасительных собраний и вслед за Ольгой обратился в новую веру. И действительно, Менгелис круто изменил нрав: он больше не сквернословил и совсем перестал пить. Жены рыбаков начали ставить его в пример другим; теперь и они старались обратить мужей в сектантов. Из-за их пьянства женщинам приходилось терпеть много горя, и некоторые усматривали в новой вере единственное спасение.

Петер Менгелис и до того, как запил, не знал, что такое лень, а после своего обращения стал на редкость работающим. Чтобы везде поспеть, он трудился день и ночь. Начатая постройка дачи требовала средств, моторная лодка не была еще выкуплена, кроме того, содержание многочисленных рижских гостей, остававшихся у него по целым неделям, тоже чего-нибудь стоило. Значительная часть его заработка уходила на угощение разных проповедников, певцов, музыкантов, сестер и братьев по секте. Тут ведь нельзя было отделаться нечищенной картошкой и соленой салакой, эти гости не отказывались ни от тайменя, ни от жареного петуха, ни от варенья. Это был самый гостеприимный дом, зато Менгелисов высоко ценили в сектантском центре.

Во время своих миссионерских поездок брат Теодор уже второй год аккуратно навещал Гнилуши, где его цитаделью был дом Менгелисов. В нижнем этаже для него была отведена отдельная комната. Здесь он постоянно останавливался, отсюда совершал наезды на ближние и дальние волости. Собеседования он заканчивал поздно вечером и часто возвращался усталым. В таких случаях брат Теодор спал до девяти утра и его сон охранялся всей семьей, как святыня: взрослые унимали расшумевшихся детей и сами ходили на цыпочках, собака не смела лаять.

Первые дни Оскара поразило то благоговейное внимание, которое сестра и зять оказывали проповеднику. Сами они вставали с петухами, целыми днями трудились, как муравьи. Но как только просыпался гость, Ольга бросалась со всех ног из кухни или из хлева прислуживать брату Теодору. То она несла ему теплую воду, то подавала чистое полотенце, то спешила напечь оладьев. Благословенный дом!

Расчесав реденькие волосы, чтобы прикрыть плешь, брат Теодор садился за трапезу. После завтрака он обходил поселок и беседовал с каждым, кто готов был внимать его словам. Ведь, как и всякий человек, он был убежден, что занимается нужным и полезным делом. Он же знал наизусть апокалипсис, а там были открыты все тайны будущего — сроки прихода антихриста и наступления Судного дня. И разве не благоразумно поступал тот, кто заблаговременно старался застраховаться?

Оскар на первых порах обходил его, не желая вмешиваться в чужие дела. Он только не мог смотреть без раздражения на руки брата Теодора. Это были не знавшие работы белые женские ручки, с нежной мягкой кожей.

Уже с первой недели Оскар стал исполщиком в рыбацкой лодке зятя. В ожидании бури они выходили со ставными сетями; если бы юго-западный ветер за несколько дней основательно продрал море, то появились бы и сырть и таймень. Пока же не попадалось ни того, ни другого.

Однажды вечером Оскар завел с зятем разговор о своих делах.

— Если бы у меня были деньги, я бы стал мастерить себе снасти, — сказал он.

— Да ты можешь пока рыбачить с моими снастями! — ответил Менгелис. — Когда разживешься — сочтемся!

— Ну, а если я порву их или пропадут? Ведь ты знаешь, какие осенью бури. Нет, Петер, из этого ничего не выйдет. Вот если бы ты поручился за меня перед торговцами... Я все-таки хочу обзавестись собственной снастью.

Менгелис не особенно обрадовался просьбе Оскара.

— Разве тебе к спеху? У меня в клети полно сетей — рыбаць, с какими только пожелаешь. Мы ведь не чужие.

Кроме того он не был уверен в силе своего поручительства. Самому еще надо и за моторку выплачивать, и погашать заем, сделанный перед постройкой дачи, и выкупить несколько векселей у Гарозы. Но Оскар продолжал настаивать на своем, и, лишь когда он намекнул, что готов обратиться к другим поручителям, зять согласился поговорить с

торговцами.

Однажды Оскар, приводя на берегу в порядок сети, хватился двух якорей. Пришлось возвращаться домой. Клеть, в которой хранились снасти, была под замком, и Оскар пошел искать Ольгу.

На дворе ее нигде не оказалось. Оскар пошел к дому. Одно окно было приоткрыто, и ветер трепал гардины, концы которых вытянуло наружу. Кисточка бахромы зацепилась за пуговицу куртки Оскара. Он остановился, чтобы высвободить пуговицу, и его взгляд невольно скользнул в окно и дальше, в открытую дверь. Посреди комнаты стоял проповедник, держа в объятиях хозяйку дома, — ничего не подозревая, они безмятежно целовались.

Оскар отвернулся.

«Ну, погодите, голубчики!» — подумал он.

Оскар с грохотом раскрыл и захлопнул за собой дверь и постарался произвести как можно больше шума своими сапогами. К тому же на него напал кашель, долгий, ужасающий кашель, — черт знает, где он его схватил.

В кухню вошла раскрасневшаяся Ольга. Оскар сказал, что ему нужно, и, получив ключи, тотчас же повернулся к двери.

Ольге он ничего не сказал, зять тоже ни о чем не узнал, но в тот же вечер Оскар улучил минуту, когда проповедник остался один, и пригласил его выйти с ним во двор.

— Какую добродетель велит почитать христианская вера? — спросил он проповедника.

Брат Теодор даже опешил.

— Существует много добродетелей, в которых следует преуспевать каждому христианину, — пробормотал он наконец. — Если вы хотите, чтобы я их перечислил, пойдемте лучше ко мне в комнату, у меня там есть кое-какие книги по этому вопросу.

— Нет, меня интересует только одно: нужно ли уважать гостеприимство, оказанное нам хозяином дома, или это только устарелый обычай?

Тут уж и вовсе подозрительно взглянул брат Теодор в глаза Оскару.

— Гостеприимство, вы говорите? Да, это прекрасный обычай. Благословен тот дом...

— ...где поганят эти прекрасные чувства, где лодырь находит любезный прием и разбивает семейную жизнь честных людей. Понял наконец, бродяга? Теперь выслушай, что я скажу. Если ты к утру не уберешься отсюда, тогда я поговорю с тобой по-другому.

— Вы, наверно, шутите... — бледнея, промямлил брат Теодор. — Сами-то вы кто такой в этом доме? Насколько мне известно, здесь распоряжаются другие...

Оскар схватил брата Теодора за шиворот и пригнул его почти к самой земле, словно напакостившего щенка. Проповедник как-то сразу съежился и ослаб.

— Ты тут еще разглагольствовать собираешься? — прикрикнул Оскар. — Ну смотри, делай как знаешь, но если завтра утром я еще увижу тебя здесь, то заранее молись богу за свою грешную душу!

Хорошенько встряхнув его еще разок, Оскар отшвырнул в сторону оторопевшего брата Теодора, а сам вошел в дом.

Спустя некоторое время вошел Теодор, с самым задумчивым видом. Оказалось, что его ожидали в другом месте, и он должен немедленно ехать.

— Я бы еще поспел, если бы брат Петер был настолько любезен и отвез меня в местечко, — сказал он.

— Ты сегодня устал, — сказал Оскар зятю, который и в самом деле только что вернулся из Риги. — Давай лучше я отвезу, а ты за это время отдохнешь.

Менгелис действительно выглядел нездоровым.

Такой оборот дела не особенно понравился брату Теодору.

— Мне надо еще дать тебе кое-какие наставления относительно будущих собраний, — сказал он Менгелису. — Мы бы дорогой поговорили... В эту минуту Оскар кашлянул и выразительно посмотрел в глаза проповеднику. — Но раз ты так устал, не надо. Я напишу тебе.

Полчаса спустя он уехал, не успев ничего сказать ни Менгелису, ни Ольге, потому что Оскар все время ходил за ним по пятам.

— Вы получите от меня письмо, — обернулся уже в дверях Теодор.

Что произошло между ними дорогой и как они расстались, про это Оскар ничего не сказал.

Через неделю Оскар съездил с зятем в Ригу и приобрел в рассрочку несколько сетей для кильки, пряжу, бечеву, тросы, пробки и балберы. Он

целыми ночами просиживал в своей комнатке, занимаясь посадкой сетей и вырезая поплавки. Время летело быстро, надо было торопиться, потому что на отмелях уже заметили кильку.

В это время Менгелис получил из Америки письмо от младшего брата Фреда. Двенадцать лет тому назад тот уехал из дому. В мировую войну он был матросом на английском пароходе, а потом перебрался за океан. Фред писал, что собирается домой, ему надоело скитаться по чужим краям, хочется заняться чем-нибудь на родине.

Вечером в семье Менгелисов занялись обсуждением этой новости.

— Фред, наверно, приедет не с пустыми руками, — сказал Петер. — Прожить столько времени в Америке да чтобы не нагрести долларов!..

— Скажи, а он пьющий? — спросила Ольга.

— Так, немного. Да это неважно, там ведь сухой закон, спиртные напитки запрещены. Фред всегда был парень дельный и умница, уж он сумеет придержать денежку.

— Да, тогда он обязательно должен был разбогатеть... — вздохнула Ольга.

Оскар не принимал участия в семейном разговоре.

— Любопытно знать, чем он здесь займется, — снова заговорила Ольга. — Если он такой богач, то, конечно, на простую работу ему не захочется пойти. Думаешь, станет он себе отмораживать руки возле сетей?

— От такой работы, наверно, давно отвык.

— Или, скажем, братья за тяжелые весла...

— Об этом и думать не приходится!

— Еще вопрос, где он будет жить, — продолжала Ольга. — У нас, конечно, места найдется достаточно, можно уступить ему заднюю комнату или устроить наверху. Только не покажутся ли ему очень тихими наши края?

— Куда же ему еще деваться? — беспокойно заерзал на стуле Менгелис.

— Разве в Риге работы не хватит?

— Сомневаюсь, чтобы он пошел к кому-нибудь служить. Так или иначе, а Фред останется у нас. Мы с ним всегда жили в ладу.

После этого они оба пришли к выводу, что Фред нажил не менее двух миллионов, и стали прикидывать, куда бы повыгоднее пристроить его капиталы.

— Он, пожалуй, заведет себе большой моторный бот с каютой и трюмом, — предположил Петер. — Можно будет на нем отвозить в Ригу рыбу, а оттуда доставлять товары для лавки.

— А вдруг он и сам откроет лавку?

— Определенно. Даже лучше, большой магазин с отделениями — торговля снастями и мануфактурой. Там будет все, что требуется рыбаку: сапоги, смола, ворвань, непромокаемая одежда, пробки, сахар, керосин...

— А бакалейное отделение?

— Я ведь сказал про сахар...

— Если у него будет лавка и мотобот, придется нанять человека — надо же кому-то стоять за прилавком. Тут ему одному не управиться.

— Людей, что ли, здесь не найдется?

— Лучше бы ему жениться. Сам в разъездах, а жена в это время в лавке хозяйничает.

— Года-то у него сейчас самые подходящие... Не нарваться бы только на какую-нибудь попрыгунью. Когда у человека столько денег, от невест отбою не будет.

— Тогда пусть женится на Алисе Крауклис, — сказала Ольга таким тоном, как будто вопрос этот был уже окончательно решен. — Чем Алиса плоха? Девица скромная, на танцы не бегает, в хоре у нас поет. Правда, она не очень красива, да что в этой красоте, когда нет добродетели?.. Видали уж мы на примере Зен...

Встретив угрюмый взгляд брата, Ольга прикусила язык.

Оскар все время с чувством отвращения наблюдал за супругами, которые без всякого стеснения выставляли напоказ свою личность. Казалось, речь шла о малом ребенке, которому досталась куча денег, и он не знает, что с ними делать.

— Ну и рассуждаете вы... Как будто у самого Фреда нет головы, — вмешался он наконец. — Фред сделает то-то и то-то, Фред женится на Алисе Крауклис, потому что она некрасива и поет в хоре. Фред откроет лавку! А что, если Фред совсем не такой дурачок, каким вы его считаете, и сам найдет, куда деть деньги? А вдруг у него и никаких денег нет — что тогда?

Менгелисы сконфуженно умолкли.

— Да мы же не думаем, что Фреду обязательно надо все делать по-нашему, — ответил наконец Петер. — Но если у него есть деньги, не позволять же парню транжирить их на что попало.

Оскар только пожал плечами и усмехнулся.

Суэта, поднятая известием о скором прибытии американца, не улеглась. При Оскаре будущность Фреда больше не обсуждали, зато, когда его не было дома или он уходил в свою комнату, Менгелисы снова принимались за подробнейшие расчеты. Иногда Петер брал в руки

карандаш и бумагу и высчитывал, во что обойдется моторный бот и оборудование магазина и сколько после этого останется наличными. Чаще стала заходить и Алиса Крауклис. Это была подруга Ольги, сублильная, малокровная девица, с желтой, словно воск, кожей, уже в годах.

Для рыбаков год выдался голодноватый. Вялая весенняя путина, затянувшийся знойный штиль и безрыбная осень многих вогнали в долги. Судебный исполнитель обходил поселок за поселком, описывая небогатый скарб рыбаков; то здесь, то там стучал молоток аукциониста.

Но вот грянула буря, и два дня напролет море кипело, как в котле. Тогда показались предвестники конца путины — последние отнерестившиеся лососи, неказистые, с плешинами на боках, в гнойных опухолях. У изголодавшихся, набегавшихся самцов были громадные головы, пустое обвисшее брюхо, а мясо тощее и бледное. Самки — «мачки» — были темные, тонкие, длинные и вполонину легче весенних.

Скупщики сразу же сбили цену с лата до сорока сантимов за фунт. Закупив по дешевке тысячи фунтов рыбы, они клали ее на лед в холодильники, чтобы через несколько недель получить пятьсот и более процентов чистого барыша. Дело было самое выгодное, и люди с деньгами хорошо на нем наживались, в то время как основным создателям ценностей, рыбакам, приходилось довольствоваться жалкими грошами.

Это неприкрытое надувательство не давало покоя Оскару. Он часто заговаривал об этом с новыми соседями:

— Почему бы вам самим не складывать рыбу на лед, чтобы потом выручить за нее настоящую цену? Холодильники для всех открыты, и плата за хранение не такая уж высокая.

— А на что будешь жить? — обыкновенно отвечали рыбаки.

Кусок хлеба требовался каждый день, брюхо не хотело ждать, пока лососина подымется в цене. И это повторялось из года в год — вечные нехватки и нужда не давали рыбакам вздохнуть.

— Ну, подумайте сами, — говорил Оскар. — Вы продаете двадцатифунтовую мачку по сорок сантимов за фунт — это значит за восемь латов. А ведь от той же самой мачки вы можете получить три фунта икры. Если считать по три лата за фунт — это за одну только икру девять латов. Выходит, что вам даже за икру не уплачивают полностью, а уж лососину вы отдаете совсем даром. Почему вы сами не отцеживаете икру?

Большого искусства ведь тут не требуется, это всякий может делать.

— Скажи-ка ты об этом Гарозе, — ответил Оскару его дядя Крауклис. — Тогда увидишь, что он на это ответит.

— Пусть что угодно отвечает — я ему ничего не должен.

— Вот, говоришь, отцеживать икру... А как ты полагаешь, какой это скупщик возьмет после этого мачку? Куда ты ее денешь, если не найдется покупателя?

— Мы бы сами могли продавать ее с рук. Кто нам мешает держать свой стол на рыбном рынке?

— Разве такие расходы окупятся? Там нужно держать постоянно продавца, а кто же тебе будет даром работать?

— Как еще окупятся, подсчитайте только!..

Но они не хотели подсчитывать. Нет уж, пусть их не втягивают в такие непривычные дела! Да где это видано — самим отцеживать икру! Правда, рыбаки возмущались наглостью скупщиков, но стоило Гарозе угостить их водкой и копчеными лососевыми плавниками, и все снова успокаивались.

6

У Оскара все еще не были готовы сети, и он помогал Менгелису. Стояли теплые, солнечные дни, полные осенней тишины и прелести. Зимы, казалось, совсем не будет. Стаи перелетных птиц спускались на отдых в окрестностях, с болот доносилось гоготание диких гусей, а местами еще замечали скворцов.

Случилось как-то раз, что Менгелис не выбрался с утра проверить сети, и они с Оскаром вышли в море только после обеда. Два леща составили весь их улов. Зато сосед их Румбайнис отправил в тот день три калы прекрасной сырты. Об этом говорил весь поселок.

— Разное бывает счастье, — рассуждали рыбаки. — Ведь вот и сети рядом поставили, а у одного — три калы, у другого — ничего. Этому Румбайнису всегда прямо как с неба валится.

— Возможно, что мы слишком далеко выставили свои порядки, — сказал Оскар, — а сырть прошла ближе к берегу.

— Могло быть и так, — согласился Менгелис.

На следующий вечер они выставили сети ближе к берегу, но утром начала жеребиться кобыла, и им нельзя было отлучиться из дому. К обеду кобыла ожеребилась, и вскоре после этого Менгелис с Оскаром вышли в море. На этот раз сети оказались вовсе пустыми. И опять рыбаки сказали,

что Румбайнис отправил на рынок целую бадью рыбы. Везет человеку — и ничего тут не скажешь!

Менгелис даже плюнул с досады:

— Видно, мы разучились ловить сырть. Никак не пойму, что за причина. Не к чему больше и сети ставить, попусту не стоит трудиться.

— Попытаемся еще раз, — сказал Оскар, — только пораньше надо будет проверить.

Они поставили мокрые сети на прежнее место и направились домой.

Было два часа ночи, когда Оскар разбудил зятя.

— Могли бы еще часика два соснуть, — ворчал, выходя на двор, Менгелис. — Разве в такой темноте разберешь, какие на поплавках знаки?

Оскар ничего не ответил, взял весла и пошел к берегу. Поселок еще спал.

— Вздремни пока, если тебя клонит ко сну, — сказал он зятю. — Мы еще подождем выходить в море.

— Тогда и не стоило так рано вылезать из дому, — ворчал Менгелис.

Оскар улыбнулся:

— Стоило или не стоило — это мы увидим позже.

Менгелис свернулся на корме лодки, прикрывшись непромокаемой курткой. Оскар присел на сосновый пенек, выброшенный на берег недавней бурей.

Прошло полчаса или немного больше. На берегу, в нескольких сотнях шагов от их лодки, засветился фонарь, и несколько минут спустя послышался плеск весел.

Оскар тотчас разбудил Менгелиса и толкнул лодку в воду.

— Тише только, не разговаривай, — прошептал он.

При свете звезд они с трудом различали впереди черный движущийся предмет, вслед за которым неслышно скользила их лодка. Оскар, не сказав об этом зятю, обмотал весла тряпками, и они бесшумно опускались в воду. Через некоторое время передняя лодка остановилась, перестал грести и Оскар. Они подождали, когда ранние рыбаки, отыскав поплавки, начали выбирать полотно. Тогда Оскар, усмехнувшись, спросил зятя:

— Понял теперь?

— Перебирают наши сети! — прошептал пораженный Менгелис.

Они начали потихоньку подгрести к чужой лодке, владельцы которой были увлечены своей работой. Оскар подходил к ним со спины, к тому же ветер дул с моря, и ему удалось незаметно приблизиться к лодке почти вплотную. Опустившись на колени, два человека выпутывали рыбу из ячей сети. Несколько серебристых сыртей подпрыгивали уже на сланях.

Бесшумно вскочив на ноги, Оскар взмахнул веслом и плашмя ударил ближайшего браконьера по мягкому месту.

— Бог помочь! — крикнул он громко.

Охотники до чужих уловов подпрыгнули на месте, как подброшенные взрывом. Румбайнис с сыном Отто! Удачливые рыбаки, которым каждый раз выпадал самый крупный улов!

От неожиданности оба они чуть не лишились языка.

— Не заблудились ли вы, соседи? — спросил Оскар.

Старый Румбайнис мало-помалу стал приходить в себя.

— Я — я никак что-то не пойму, что здесь творится... — заикаясь бормотал он.

— Вот как? — засмеялся Оскар. — В конце концов окажется, что вы просто ошиблись, соседка! Сети-то ведь совсем не ваши, а больше на наши смахивают. Поглядите-ка на поплавки, какие на них выжжены знаки?

Старый Румбайнис с готовностью нагнулся к сетям и сделал вид, что рассматривает поплавки. Вдруг он сплюнул и схватился за голову:

— Ну, скажи, пожалуйста!.. Отто, да мы никак прицепились к сетям Менгелиса? Скажи, какая незадача!

— А я все думаю, что это наш береговой порядок, — отплевываясь, вслед за отцом вторил Отто.

— Раз вы приняли чужие сети за свои, почему же вы не стали выбирать их? — спросил Оскар, еле удерживаясь от смеха.

Вопрос был ехидный, и Румбайнис не сразу нашелся, что ответить.

— Видишь, — сказал он, — мы только хотели поглядеть, как идет рыба у берега. Может, думаем, мористее и больше будет, тогда придется эти сети тоже туда перебросить.

— А заодно уж решили очистить их от рыбы! Как же вы это кругом по всем статьям ошиблись? Что за черт! Не хватили ли с вечера лишку очищенной! — издевался Оскар.

— Насмехаться тут не над чем, — проворчал Румбайнис. — В такую темень с каждым может случиться.

— Как ты на это смотришь, Петер? — обратился Оскар к зятю, который все время молча, с угрюмым видом сидел на корме. — Скажи и ты что-нибудь, сети-то ведь твои, твое слово здесь самое веское. Может, позвать кого, чтобы составить протокол? Три ночи подряд ошибаться — это уж чудеса какие-то!

— Неладно получилось... — пробурчал Менгелис. — С этим делом придется обратиться в суд; посмотрим, что там скажут.

Румбайнис пристально посмотрел на Менгелиса и медленно, с

нажимом выговаривая некоторые слова, начал:

— Вот и у меня в прошлом году пропал полный садок рыбы. И как вы думаете, где я его нашел?.. Этой весной тоже несколько ночей подряд кто-то спутывал у меня окуневые сети... Если из-за всего подавать в суд, можно было бы много чего услышать.

Менгелис молчал, приняв сосредоточенный вид.

— Что же мы здесь так долго болтаем, — сказал он наконец, поднимаясь на ноги. — Пора выбирать сети, уж близко утро.

— Опять же пропала у меня салаковая сеть, — не унимался Румбайнис. — А немного спустя кто-то посадил полотно на свои подборы.

Но тут уже вышел из себя Менгелис.

— Позапрошлым летом, во время знойного штиля, у меня пропал полный садок угрей! — злобно крикнул он. — А в поселке найдутся люди, которые своими глазами видели, кто его взял!..

Теперь и он заткнул рот Румбайнису. Оба соседа повернулись спинами друг к другу.

— Пойдем! — сказал Румбайнис сыну. — Наши сети тоже где-нибудь поблизости.

— погоди, сосед, — Оскар ухватился за борт его лодки. — Ты хоть рыбу-то верни, которую по ошибке вынул.

— Ох, верно, чуть не забыли; хорошо, что напомнил. — Румбайнис сплюнул еще раз и перебрросил в лодку Менгелиса три рыбины. — Все тут.

Но Оскар захотел проверить, не бьется ли что под сланью. Там оказались еще три рыбины.

— Можете отваливать! — И он отпихнул лодку.

В ту ночь у них был богатый улов. Они наполнили целый садок сыртью и лещами.

— Вот видишь, Петер, теперь совсем другое дело. Надо только вставать пораньше, — сказал Оскар. — Не ожеребись вчера кобыла, у нас и прошлой ночью было бы полным-полно рыбы.

Менгелис не ответил.

— Расскажи-ка, в чем там дело с этим садком? — спросил Оскар.

Но зять, по всей вероятности, не расслышал вопроса. Сегодняшний случай привел его в раздраженное состояние, и он все время о чем-то думал, сердито наморщив лоб.

Оскар все примечал. То, что он понял из взаимных попреков Менгелиса и Румбайниса, открыло ему глаза на многое. Он убедился, что при случае оба не прочь запустить руки в чужое добро. На людях они читали молитвы и с умильным смирением ожидали Страшного суда, а

втихомолку готовы были хоть в огонь лезть ради презренных мирских благ. Вранье у них уже вошло в привычку; когда у Петера лов шел удачно, когда попадался богатый рыбой участок, он не спешил сообщить об этом соседям: а вдруг еще поставят сети на том же месте!

— Какое там попалось, — говорил он, — так, парочка окуней! Не стоило сетей мочить.

Остальные точно так же скрывали уловы и, когда надо было, лгали друг другу. В этом ни один не уступал остальным.

7

Наконец у Оскара были готовы собственные сети, и он стал уходить с зятем на лов кильки далеко в открытое море.

Как-то утром, еще до рассвета, они вышли на большом неводнике Менгелиса. У моторной лодки испортился мотор, и механик из местечка должен был отремонтировать его.

Погода стояла совершенно тихая, но в заливе чувствовалось сильное течение: все сети были натянуты, и некоторые якоря соскользнули. Пока оба рыбака выбирали сети, воздух все сгущался, прохладные волны тумана поползли по воде, таяла темная линия берега. Потухли ранние огоньки в прибрежных поселках, исчезло звездное небо. Море дымилось, вокруг все заволгло белым паром.

Выбрав сети, Оскар с Менгелисом сели на весла.

— Хоть бы ветер поднялся, скорее бы прояснилось, — сказал Менгелис. — Такой туман может весь день продержаться.

Монотонно стучали в уключинах весла о борта лодки, вода журчала у носа, но вокруг становилось все тише и пустынное. Изредка подымались с воды вспугнутые чайки и с криком исчезали в тумане. Где-то вдали завывала пароходная сирена.

— Надо бы измерить глубину, — сказал Оскар.

Менгелис нашел лот и спустил его за борт. Бечева лота размоталась на всю свою двадцатипятиметровую длину, так и не достав до дна.

— Значит, идем в открытое море, — сказал Менгелис. — А должны быть уже на третьей банке. Кто его знает, в какую сторону теперь повернуть.

Тщетно пытались они что-нибудь разглядеть в обступившем их тумане. Лодку наобум повернули влево и шли так некоторое время. Когда Менгелис второй раз измерил глубину, лот показал пятнадцать метров. Это

их приободрило, и они сильнее налегли на весла. Лодка, подпрыгивая, скользила вперед, а вокруг стояла все та же безжизненная тишь.

Оскар несколько раз принимался кричать; никто не отзывался. Глубина опять увеличилась до двадцати трех метров. Рыбаки глубоко вздохнули и положили весла.

— Не стоит надрываться, — сказал Оскар. — Подождем часок-другой, может, на солнце туман рассеется.

Обоим уже захотелось есть, но у них ничего не было с собой. В сетях поблескивали килька и салака, и, будь здесь соль, можно было бы попробовать сырой рыбы. Но и соли они не захватили.

Туман не рассеивался целый день. Снова стемнело, а лодка все продолжала плутать по неведомым просторам. Вероятно, где-то близко проходила пароходная линия, потому что всю ночь из тумана доносились завывание сирен и звон колоколов. Один раз они даже услышали мерный шум винта и стук работающих машин, лодка закачалась на волнах, высоко над головами рыбаки увидели очертания громадного черного корпуса, — и он, как призрак, проскользнул мимо. Они закричали, но шипение воды под винтом и стук машин заглушили их голоса. Пароход исчез в темноте. Весь второй день они неподвижно просидели на своих местах, все чаще поглядывая на дохлую рыбешку. Вечером они уже были не в силах сопротивляться чувству голода и, подавляя отвращение, начали есть мягкую, завядшую кильку и салаку.

— Нам бы теперь заплесневелую краюху черного хлеба, — сказал Менгелис.

— И кружку воды, — добавил Оскар.

После сырой рыбы их стала мучить жажда. Кругом лежало неизмеримое водное пространство, а у них не было ни глотка воды, чтобы утолить иссушающий внутренности жар.

Уже третий день туман держал море в своих прохладных объятиях. Заблудившиеся рыбаки больше не гребли, не измеряли глубину, даже не разговаривали. Привалившись к кучам сырых сетей, они думали мрачные думы и предавались сказочно прекрасным голодным мечтам, временами впадая в полузабытье. Следующей ночью Оскар вдруг очнулся от лихорадочной, тревожной дремы. В бреду он видел какое-то пиршество, ел сочные фрукты, пил холодные, освежающие напитки. И Анита была рядом. Тихо застонав, Оскар сбросил с себя полушубок, которым был прикрыт, и схватился за пересохшее горло. Бесконечно трудно давалось возвращение к действительности.

Легкое дуновение коснулось его лица. Он осмотрелся вокруг. Туман

рассеялся. Лунный свет разливался по темным волнам. Над головой Оскар увидел полуночное небо, редкие, быстро проносящиеся облака и звезды. Словно зарница, блеснули огни далекого маяка.

Оскар поднялся на ноги, шатаясь дошел до носовой части и разбудил Менгелиса. Они стали грести в сторону маяка.

Под утро они пристали к незнакомому берегу и тогда только поняли, что их занесло далеко на север.

За узкой полосой прибрежного леса начинался бедный рыбацкий поселок, жители которого проявили странное недоверие к пришельцам. Во многих домах им не открыли двери или выпускали во двор собак, а уходя, они видели в окнах угрюмые, встревоженные лица. Наконец в самом конце поселка нашелся какой-то храбрец, который впустил заблудившихся в тумане рыбаков, выслушал их рассказ, накормил и разрешил переночевать. Измучившийся Менгелис сразу свалился и уснул, а Оскар вышел из дому, чтобы познакомиться с поселком. В соседнем дворе он увидел несколько рыбаков, окруживших какой-то странный предмет. Подойдя ближе, Оскар чуть не окаменел от удивления и неожиданности: он увидел большую морскую мережу — точно такую, какую и сам придумал, только готовую, во всей красе. Несколько раз он хватался рукой за лоб, чтобы удостовериться, не снится ли ему это? Но мережа стояла на месте, совсем не собираясь исчезать.

Оскар вошел во двор, сказал «бог помочь» и начал расспрашивать о странной снасти. Он узнал, что такими ловушками местные рыбаки пользуются уже многие годы, что они оказались удобными, потому что дно здесь, возле берегов, каменистое и ловить неводами трудно. Оскар набросал в записную книжку план мережи, измерил основные части ее и хорошенько рассмотрел, как они соединены между собой. Теперь морская мережа перестала быть мечтой, еще немного — он удивит родной поселок. Только узнав, какова ее стоимость, он несколько поостыл. Если устройство мережи обходится больше чем в тысячу латов, где же ему достать такие деньги?

— Ну, как-нибудь раздобуду, — храбрился он, вспомнив, что говорила Анита в последнюю встречу.

Отдохнув денек, Оскар с зятем отправились в обратный путь. К счастью, парус был в лодке, и они могли воспользоваться попутным ветром. Менгелис все время скорбел то о потерянном времени, то о домашних — им, наверно, пришлось изрядно поволноваться. Оскар, напротив, казался очень довольным злополучным приключением, но зятю про морскую мережу ничего не сказал.

К концу пятого дня своей отлучки они подходили к Гнилушам. Когда показались крыши поселка, Менгелис вдруг хлопнул себя ладонью по лбу:

— Ну какими же мы оказались ослами! О господи, вот остолопы, вот дурни!

— Что с тобой? — равнодушно спросил Оскар.

— Нет, ты подумай только... Почему мы не стали на якорь, как только заметили, что заблудились? Дождаться бы на месте, пока рассеется туман, тогда бы нас никуда не унесло и мы давно были бы дома.

— Да, действительно странно, что это никому из нас не пришло в голову, — сказал задумчиво Оскар. — А вдруг это и к лучшему.

И странная улыбка мелькнула на его лице.

8

Хотя в этот раз и не они одни заблудились в тумане, но другие рыбаки вернулись уже на второй или на третий день. Прошел даже слух, что на лодку Менгелиса наскочил пароход и пустил ее ко дну. Можно вообразить, какая тревога царила в обоих поселках! Но теперь все снова успокоилось, слухи замолкли, и вернувшиеся опять приступили к прерванному лову.

Как-то ночью рядом с сетями Менгелиса и Оскара поставили сети чешуяне. Это были Эдгар Бангер, старый Дунис и Кристап Лиепниек.

— Смотрите, куда он, негодник, удрал! — смеялся старый Дунис, тряся руку Оскара. — Пришлось нам с Эдгаром искать нового товарища.

Оскар улыбнулся.

— Знаешь что, — перегнувшись через борт, вполголоса начал Эдгар. — Ты бы пришел к нам как-нибудь вечерком.

— А что мне у вас делать? — сильно сморщив лоб, так же тихо спросил Оскар.

— Мой старик хочет с тобой поговорить. Ты ведь знаешь насчет чего. Он тебя уже давно ждет.

Сам Бангер хотел говорить с ним! Значит, Анита все рассказала... Экая сорванец-девчонка!

— Ладно, можно будет зайти, — сказал Оскар. — Что там у вас нового?

— Все по-старому, живем понемножку. У Осиса на прошлой неделе была распродажа. Продали лодку и несколько кусков невода. Если дела и дальше так пойдут, то и другим не миновать этого... Старая Залитиене сошла с ума после похорон Зенты. Ее, наверно, увезут в Ригу, в дом

умалишенных.

Оскар больше ни о чем не стал его спрашивать. Лодки оттолкнулись и ушли в разные стороны.

В субботу вечером Оскар собрался уходить, не сказав куда. Ольга попробовала выведать это обиняком.

— Передай привет нашим, — сказала она, — разузнай, как здоровье отца.

— Я туда не пойду, — ответил Оскар. — Там мне нечего делать.

— Ты поздно вернешься? — продолжала выпытывать Ольга. — Запирать на ночь дверь?

— Как хочешь, — буркнул Оскар и вышел.

Из-за темноты Ольга не заметила, в какую сторону он направился. Два часа спустя он подходил к Чешуям.

«Застану ли я ее дома?» — подумал Оскар, еще издали заметив в окнах у Бангеров свет, и сердце у него забилось. Он замедлил шаги, а у самых ворот остановился. Ему казалось, что, начиная с этого момента, каждому его движению, каждому слову будет придаваться особое значение; он краснел и бледнел от одной этой мысли и заранее чувствовал себя скованным.

А если кто-нибудь увидит его здесь!.. Он даже вздрогнул, как будто замыслил какое-то преступление. Но лавка была уже закрыта, а на улице не показывался ни один человек. Рыбаки парились или отдыхали после бани; молодежь, наверно, ушла в волостное правление на танцы. Может, и Анита?..

В этот момент он услышал голос Аниты. Она подзывала собаку. Оскар, не мешкая, вошел во двор и очутился перед застигнутой врасплох девушкой. Собаки не оказалось поблизости, и его появление не вызвало шума.

— Добрый вечер! — сказал он полусшепотом.

— Наконец-то пришел, — также тихо ответила Анита. Она поставила на землю миску с костями, вытерла руку о передник и протянула ее Оскару. — Входи.

— Подождем немного, — попросил он, — нам тут еще надо уладить кое-какие старые счета.

— После, — засмеялась Анита, ловко увернувшись от него. — Не к спеху... Отец сейчас один, ты прямо к нему и заходи. Побудешь пока там, а мне еще надо кое-что сделать по хозяйству.

Анита повела Оскара через кухню и открыла дверь в комнату. Ему и раньше не раз случалось заходить сюда к Эдгару. Но это было давно, когда

дом только что отстроили и все в нем пахло краской и смолистым деревом. Теперь стены были оклеены хорошими обоями, на окнах висели гардины, пол устлала дорожка.

— Папа, к тебе гость! — крикнула в дверь Анита.

— Пусть входит, — ответил Бангер.

Оскар почувствовал легкий толчок в спину, дверь за ним закрылась, и он очутился один на один с лавочником. Комната служила одновременно и столовой и залом. В одном углу стояло трюмо, рядом с ним диван, а у противоположной Стены — буфет черного дерева. Бангер сидел за обеденным столом, освещенным висючей лампой, проверял счета и делал какие-то записи в узкой конторской книге.

— Ну, подходи, упрямец! — Он подал Оскару руку. — Долго же тебя пришлось ждать.

Он усадил Оскара за стол, отложил в сторону счета и сразу же приступил к Делу. Два часа они обсуждали планы Оскара, которые он выкладывал один за другим. Ни тот, ни другой не заметили, как Анита закрыла ставни, чтобы случайные прохожие не увидели Оскара, ни тот, ни другой не услышали тихого скрипа двери, когда девушка, все прибрав и принарядившись, вошла узнать, скоро ли они кончат.

— Главное, не подымать шума, — сказал Бангер. — Пусть лучше пока никто не знает, что мы задумали. Нам придется быть готовыми к сопротивлению.

Бангер был настоящий делец — он уже чуял, что здесь пахнет новыми оборотами и прибылями; кроме того, и Гароза его сильно разозлил в прошлый раз.

Бангер достал из буфета водку и закуску, и они выпили по несколько рюмок за успех нового предприятия.

— Это дело у нас пойдет! — сказал лавочник. — Только поменьше шума, пусть никто не знает, что я в нем участвую. А если тебе что понадобится, сейчас же обращайся ко мне — здесь ведь не так далеко.

Он снова взялся за счета и конторскую книгу, сославшись на занятость. Тут еще уйма работы, он просто не в состоянии проводить гостя.

— Пусть уж тебя провожают женщины, — сказал он, склоняясь над столбцами цифр. Оскар заметил тонкую улыбку на лице Бангера.

«Вот старый лис, он уже о чем-то догадывается».

В кухне Оскара ждала Анита.

— А где же остальные? — спросил он, оглянувшись.

— У мамы болит голова, она сегодня и с постели не вставала. А Эдгар, наверно, куда-нибудь вышел — разве его вечером застанешь дома? Ты что,

уже уходишь?

— Да, мы об всем переговорили.

— Подожди, я надену пальто.

Она оделась потеплее и вышла вслед за Оскаром.

— Ну, расскажи, на чем вы там порешили? — спросила она, взяв его под руку.

— Теперь все в порядке, остается только действовать.

Анита искоса взглянула на него:

— Теперь ты больше не думаешь уйти на пароход?

Он притворно вздохнул:

— Нет, теперь из этого ничего не выйдет. Раз ты захотела...

— А кто тебе сказал? — перебила она его с таким же притворным изумлением. — Что это тебе взбрело в голову?

— Мне так показалось. И потому... Потому я и решил.

Одним движением он обхватил девушку и приподнял. Пытаясь высвободиться, она легонько колотила кулачками по его груди, но он не уклонялся от этих ударов. Все ближе склонялось лицо девушки к его лицу, их дыхание уже сливалось, они широко открытыми глазами глядели друг на друга, и вдруг руки Аниты сомкнулись вокруг шеи Оскара.

Ветер шумит в верхушках сосен; внизу, у подножия дюн, море накатывается на берег темными волнами; глухо гудит земля; по небу скользят облака, заслоняя луну. Далеко в открытом море светятся сигнальные огоньки на мачтах судов. Но эти двое ничего не видят, не думают о том, что происходит вокруг. Они — как одинокий остров блаженных в безбрежном океане горя и страданий... Незаметно летит время, ширится бледная полоса над горизонтом — утро уже недалеко. Наговорившись обо всем, они умолкают — и это молчание еще прекраснее. Но когда наступает мгновение разлуки, их внезапно охватывает непреодолимая грусть. Расходясь, они еще оглядываются, не в силах оторвать глаз друг от друга. Они уходят недалеко и ненадолго; завтра, послезавтра, через неделю снова встретятся; и все-таки им бесконечно грустно, чудится, что темные силы угрожают молодому счастью.

Когда Оскар подходил к дому, поселок начал просыпаться — кто шел к скотине, кто за водой. Менгелисы тоже встали. Когда Петер открыл дверь, взгляд Оскара встретил вопросительный взгляд сестры, стоявшей посреди кухни. Он пожелал обоим доброго утра и прошел в свою комнату.

— Где это ты провел всю ночь? — остановила его на лестнице Ольга.

— Ходил по делам.

— Какие еще по ночам дела?

— Такие, о которых не всем можно знать.

— Да, уж такая теперь молодежь пошла, — вздохнула Ольга. — Куда ни глянешь, везде только распущенность и пороки. Сущее болото!

— По-твоему, я тоже забрел в него?

— Уж когда так скрытничают...

— Знаешь что, сестрица... — Оскар спустился на одну ступеньку. — Если бы всем приходилось скрывать, как мне, ты бы могла бога благодарить. Мне, к примеру, известен некий знаменитый проповедник, который проповедует по свету слово божие, а сам не прочь погрешить с сестрами во Христе. Больше я не собираюсь распространяться, но, если тебе захочется, могу кое о чем и порассказать.

В это время из плиты выпала головешка, и Ольга поспешила в кухню.

Днем, когда Петер вышел из дому, она еще раз сказала брату:

— А все-таки ты очень скрытный. Раньше ты был не такой.

— Поневоле научишься, — ответил Оскар. — Но из-за этого не стоит расстраиваться — не всякая тайна скрывает зло.

— Ну, а как поживает отец? — равнодушно спросила Ольга, сметая со стола хлебные крошки.

Оскар пожал плечами:

— Откуда мне об этом знать? Я ведь не встречал его.

— Да, ты ведь не желаешь рассказывать.

Ольга осталась при одних предположениях, а Оскару было приятно, что никто не подозревает о цели его вчерашней прогулки.

9

В начале ноября гнилушан постигла беда: трое отважных парней утонули на глазах у товарищей и родных. В их числе был Мартынь Крауклис — двоюродный брат Оскара. Они уже возвращались с сетями к берегу, когда их лодка черпнула на третьей банке воды. На берегу в это время было много народу, и рыбаки, столкнув в воду одну из больших лодок, попробовали подойти к месту аварии. Но на банках бушевали белоснежные буруны, и море металось, как разъяренный зверь. На второй банке сломалась уключина, лодка повернулась бортом к волне, и ее с ужасающей силой отбросило обратно в приглубину. Рыбаки сделали еще несколько попыток, но было уже поздно. Через несколько дней море вернуло двоих — их тела прибило к берегу километров на шесть севернее Гнилуш. Только Мартын Крауклис остался на вечные времена в морской

пучине.

Это было большое горе для поселка. Здесь, как и в Чешуях, все состояли между собой в родстве и теряли в каждом погибшем кто сына или брата, кто двоюродного брата или зятя. Алиса Крауклис ходила с красными заплаканными глазами и пожелтела еще больше. Бессмысленная гибель молодых людей вызывала гнетущий страх среди рыбаков, и без того склонных к фатализму. Море казалось живым, безжалостным существом, одушевленным злом волей.

— Уж если тебе что определено судьбой, от нее не уйдешь, — говорили они. — Раз море захотело взять, от него не убежишь, в свой час каждый окажется на месте.

Не успели похоронить погибших, как новые печальные события взбудоражили поселок. Была объявлена продажа с торгов имущества Крауклисов. Общая сумма долга составляла двести латов, но их негде было собрать. С Гарозой и другими скупщиками Крауклис был на ножах, а иных состоятельных знакомых у него не было.

Вслед за этим поселок облетел странный слух: будто бы Оскар Клява купил у Крауклисов часть их земли — голый, ни на что не годный песчаный пустырь. Сам Оскар ничего об этом не говорил, но его таинственная деятельность до такой степени занимала умы гнилушан, что все забыли о недавнем несчастье.

Оскар обошел хозяев, у которых были лошади, и стоворился с ними о перевозке кирпича и других строительных материалов из ближнего местечка.

— Наверно, Оскар думает дом строить? — спрашивали у Менгелиса соседи. Но тот ничего не знал, хотя и сам возил для него кирпич.

Трое нанятых Оскаром землекопов начали рыть обширный и глубокий котлован в дальнем углу его участка. Под фундамент он был, пожалуй, слишком глубок. Потом из местечка прибыли четыре каменщика с подручными. Они работали от зари до зари, чтобы поспеть с кладкой до наступления заморозков.

— Значит погреб, — решили гнилушане, когда уже были выведены стены и стали укладывать потолочные балки. — На что ему погреб, да еще такой большой?

Такого большого погреба ни у кого не было, это что-нибудь да значило.

— Буду квасить капусту и солить огурцы на продажу, — объяснял Оскар любопытным, которые целыми днями толпились возле постройки. — А может, и еще кое-что... — добавлял он.

Каменные работы закончили вовремя. Насыпь тоже была готова. До

первого снега на стройке остался только один плотник, который занялся окончательной отделкой. Он навесил массивную дверь, устроил отдушину и разгородил погреб на несколько отделений.

Все это стоило денег. Гнилушане решили, что у Оскара были сбережения, иначе бы ему одному не осилить таких расходов.

Когда строительные работы подходили к концу, в поселке снова показался брат Теодор. На этот раз он остановился у Румбайнисов. Супруги Менгелисы было обиделись и даже не пошли на первое собрание, но брат Теодор их успокоил: он ведь только временно, на один раз приютился у Румбайниса, потому что тот не давал ему покоя всю осень — чем-де его дом хуже нового дома Менгелисов. В этот приезд брат Теодор подготовил несколько новообращенных сектантов к обряду крещения, который предполагалось совершить в Риге.

В воскресенье многие гнилушане, пожелавшие присутствовать при совершении обряда, с утра уехали в Ригу. Менгелис и Ольга тоже приняли участие в поездке, оставив дом на попечение Оскара. После этого в поселке на две недели хватило разговоров. Новообращенных крестил какой-то миссионер, только что вернувшийся из Африки. Оттуда он привез негра, которого всюду таскал за собой как живое доказательство и образчик тех людей, несметное число которых он обратил в истинную веру.

Глава восьмая АМЕРИКАНЕЦ

1

Новый погреб Оскара был уже покрыт дерном, рабочие разъехались, и снова однообразно и скучно потекла повседневная жизнь поселка. Неудачный или счастливый лов, буря и затишье, свадьба у одних соседей, крестины у других — вот и все события, отмечавшие ее течение, но их было недостаточно для того, чтобы заполнить существование. Людям хотелось чего-то необычного, яркого, а на сектантских собраниях проповедник повторял одно и то же.

В серенькие дни, когда над поселком появились первые снежные тучи и у ревматиков заныли кости, единственным спасением от скуки были сплетни. Женщины ходили с рукоделием от соседки к соседке, штопали чулки и перемывали косточки ближним. Котел сплетен и пересудов кипел причудливыми, радужными пузырями. Одно время на повестку дня было поставлено поведение Эльзы, сестры Екаба Звайгзнита, — у этой девчонки

не было ни малейшего понятия о благопристойности. Только что похоронили ее брата, а она уже наряжается в пестрые платья и светлые туфли и бежит с одной танцующей на другую. Затем дошла очередь до Оскара. Но не успели еще верховные судьи как следует ознакомиться с материалами обвинения и вынести приговор, как необыкновенное событие заставило позабыть обо всех пустяках: приехал брат Петера Менгелиса — американец Фред.

Двенадцать лет он пробыл на чужбине. Нелегко было узнать в плечистом мужчине прежнего паренька. Он не отрастил бороды, усов не носил, и поэтому сильнее бросались в глаза резкие черты лица, глубокие складки у углов рта и раздвоенный подбородок, которого раньше как-то никто не замечал.

Фред приехал в будний день. До местечка он добрался на автобусе, затем нанял возницу и, не встретив никого по дороге, в сумерки неожиданно появился во дворе у брата.

Первую ночь никто в доме не спал. Фред рассказывал, как ему жилось в мировую войну, во время подводной блокады, как их пароход торпедировали посреди Северного моря и они почти четыре дня носились по его бурным просторам. Их было двенадцать матросов на небольшой судовой шлюпке.

— А страховую премию получил? Много? — спросил Петер.

Фред точно не помнил, но сумма была приличная.

Оскар поспешил пораньше уйти к себе. Ему не хотелось мешать семейному торжеству, а Петер самым откровенным образом выказывал свою ревность: это его брат, богатый брат из Америки, и чужим тут делать нечего.

— Вот уж, наверно, нажил ты денег! — как бы вскользь обронил Менгелис за беседой.

Но Фред как ни в чем не бывало ускользнул от ответа.

«Какой скромник; видно, не привык хвастаться богатством», — подумала Ольга.

В первый вечер хозяева ни о чем особенно не допытывались, они больше старались блеснуть гостеприимством.

— Здесь твой дом, твои близкие, здесь царит всеобщая радость! Живи, отдыхай и помни, что тебя все любят! Мы постоянно о тебе думали, пока ты отсутствовал, дорогой наш брат.

Вряд ли Фреду за годы скитаний пришлось где-нибудь встретить такое внимание. Все за ним ухаживали, все старались угодить ему на каждом шагу. Понадобится ему что-нибудь — и двое-трое бросаются исполнять его

желание. Статный тридцатилетний парень, одетый как иностранец, стал центром внимания всей округи. Он побывал в разных частях света, повидал много всяких людей и даже знал несколько языков. В разговоре он то и дело вставлял иностранные словечки, зато родной язык изрядно забыл.

— Какой интересный! — говорили о нем девушки на выданье.

— И, говорят, богатый, — добавляли их матери.

В первую неделю у Фреда не оставалось свободной минуты. Родные и знакомые шли к нему, как на паломничество; не успевал уйти один, а в дверь уже стучались двое новых. У Петера с каждым днем все больше иссякало терпение — капиталы брата не давали ему покоя.

— Ты, по всей вероятности, не захочешь больше рыбачить? — воспользовавшись случаем, как-то спросил он.

— Почему ты так думаешь? — удивился Фред.

— Разве это занятие для такого важного господина? — шутливым тоном продолжал Петер. — У нас все считают, что ты займешься торговлей.

— Это еще неизвестно! — пожав плечами, усмехнулся Фред. — Не забыл я еще старого ремесла. Если понадобится — свяжу и сеть. Что, не веришь? А ну-ка, дай игличку!

— Никто не говорит, что забыл... Да какая тебе корысть заниматься такими пустяками?

— А разве ты мне предложишь что-нибудь повыгоднее?

— Я уже сказал — лавка.

— Торговля меня никогда не прельщала.

— Да тебе и не придется торговать самому. Наймешь приказчика...

Фред снова усмехнулся и перевел разговор на другое. Так и не удалось ничего из него выжать.

— Если тебе так хочется порыбачить, давай составим компанию, — опять возобновил разговор Менгелис. — У меня уже есть большой карбас и моторная лодка. Свяжем или приобретем побольше сетей и выйдем в открытое море. Взять вон вентспилсцев. Мы тут зимой бьемся, а они в это время деньги загребают.

Фред задумался.

— Или, может, начнешь строить дом? — не умолкал Петер. — Я бы тебе уступил участок близ дороги к дачному поселку.

— У вас тут и дачи есть?

— Полным-полно! Ты разве еще не видел? Пойдем как-нибудь посмотрим.

— Кто там живет?

— Горожане, конечно. Летом приезжают важные господа, покупают у нас рыбу и молоко и хорошо платят. Правда, не построить ли тебе дачу?

Нет, Фред думал сначала хорошенько осмотреться и познакомиться с местными условиями; ему ничуть не хотелось обжечься на первых же порах. Он вежливо отклонял настойчивые заботы брата и невестки о его будущем.

Тогда на сцене появилась Алиса Крауклис. Она стала исправно, каждый день, приходить к Менгелисам.

— Как тебе понравилась эта девица? — спросила Ольга. — Бедняжка, все грустит и грустит по брату. Поистине любящее сердце...

Но Фред интересовался только девушками не старше двадцати лет, и уж здесь-то он проявлял неиссякаемый пыл! Ни о чем он не говорил так охотно, как о женщинах. Приходилось только удивляться легкости, с какой американец заводил повсюду знакомства. Казалось, он и на родину-то вернулся в поисках любовных походов. За две недели он уже счет потерял дамам сердца, каждой он делал предложение в первый же вечер, и ему ничего не стоило одновременно называть себя женихом пяти-шести девушек. Встречали его везде ласково. Слухи о его иностранном обличье, богатой приключениями жизни и предполагаемых капиталах действовали как дурман, заранее приводя в смятение женские сердца. Самому Фреду больше всего нравились совсем молоденькие девушки, которые еще с детской жадностью уничтожали принесенные им конфеты и шоколад. В голове у них были одни куклы и шалости, они со смехом выслушивали рассуждения американца о любви и супружестве.

Узнав, что на сектантских собраниях можно встретить и девушек, Фред стал ходить туда с братом и невесткой. В такие вечера Оскар оставался дома один. Запершись на ключ в своей комнатке, он брался за работу, которую затеял тайком от других; он строил уменьшенную раз в десять модель морской мережи. Распорные шести уже были закреплены, сетное полотно натянуто на обручи, оставалось только прикинуть длину крыльев и определить места крепления якорей.

Однажды вечером, когда Оскар, оставшись один во всем доме, сидел за работой, его вывели из задумчивости быстрые шаги на лестнице, и кто-то с силой постучал в дверь. Не было никакой возможности быстро убрать модель мережи со всеми ее узлами и петлями; через всю комнату крест-накрест протянулись концы бечевок.

— Кто там? — спросил Оскар.

— Ты один, Оскар? — ответил голос Фреда.

Оскар облегченно вздохнул. Его-то можно впустить без опаски. Он

открыл дверь.

— Смотрите, чем он здесь занимается! — закричал Фред, окинув взглядом комнату: — А я-то думал, заперся, чтобы его не застигли с какой-нибудь... гм-гм. Сюда ведь можно приводить девчонок, никто не услышит.

Оскара покорило циничный тон Фреда, который продолжал распространяться об удобствах расположения его комнаты. На каждом шагу ему мерещились только женщины, больше Фред ни о чем не мог думать.

— Что, надоело сидеть на их концерте? — спросил Оскар, чтобы перевести разговор на другое.

— Да там, оказывается, нечего делать, ни одной девушки не было. А что это за ловушку ты мастеришь?

— Значит, не понравилось? — спросил Оскар, пропустив мимо ушей его вопрос.

— Нет ничего нового, этих вещей я достаточно насмотрелся за океаном. У нас в Нью-Йорке больше шестисот церквей, а разных там проповедников — тысячи, какой только веры ни пожелаешь. Они могут в два счета сделать из тебя святого.

— Да, каждый выбирает занятие повыгоднее. Дураков на свете достаточно, а предприимчивые люди пользуются их легковерием и живут припеваючи, не утруждая себя тяжелой работой.

— Все-таки что же это за штука? — спросил Фред, осмотрев со всех сторон модель. — Раньше здесь таких мереж не строили.

Оскар решил, что изворачиваться не имеет смысла.

— Да, таких еще здесь не знают, — сказал он. — Но дальше, на севере, они в ходу, ими сплошь и рядом пользуются в море. Я пока делаю только модель.

Фред свистнул.

— Вот ты какой, оказывается! Не расскажешь ли подробнее, в чем тут дело? Конечно, если не секрет изобретателя.

— Это не мое изобретение. Правда, раньше и я так думал, а потом убедился, что меня давно опередили. Присаживайся... Если ты обещаешь никому не говорить...

Начался обстоятельный рассказ, во время которого пришлось обратиться к помощи карандаша и бумаги. Оскар набросал план, на котором были обозначены и место затонувшего на банке парусника, и участки неводного лова. Не были забыты ни господствующие ветры, ни течения, отмечалась и глубина моря, а линия, обозначающая путь косяков лососей, была проведена красным карандашом.

— Теперь тебе понятно, почему такая мережа выгоднее и лучше невода? — закончил пояснения Оскар.

— Во-первых, не надо столько рабочих рук, — не задумываясь, подхватил Фред. — Во-вторых, больше шансов на улов, а в-третьих, она обойдется дешевле невода.

— Ну, а все же построить такую мережу не шутка, — заметил Оскар. — Двоим, даже троим, и то тяжело будет собрать необходимые средства.

— Сколько это будет, стоить по твоим расчетам?

— Полторы тысячи латов.

— Почти триста долларов!

Оскар усмехнулся.

— Ты, пожалуйста, не смейся, — сказал Фред. — Я не привык к вашим латам, и если мне надо получить ясное представление о стоимости, я всегда перевожу на доллары. Третья часть — это, значит, сто долларов.

— Это много для тебя?

— Нет, такими деньгами я бы рискнул, если бы меня приняли в компанию. — Фред задумался. — А если в бурю мережу разобьет?

— Тогда надо строить другую.

— Или совсем отказаться от этого предприятия...

— Понятно, если нет средств.

— Гм... Дельце рискованное, но интересное. Много ли у тебя компаньонов?

— Только один.

— Двоим вам будет нелегко.

— Верно, что нелегко, но где взять третьего?

— Гм... На самом деле интересно... А сколько ты думаешь заработать?

— Вот этого я не знаю. Мы можем стать зажиточными за одно лето, а может случиться и так, что море разорит нас.

— Черт побери, с чего-то мне все равно надо начинать. На безденежье я не могу пожаловаться, тогда бы не стоило и домой возвращаться... Прямо ума не приложу. С другой стороны, вдруг не выгорит?.. Что делать? Как по-твоему, Оскар?

— Решай сам, я ничего тебе не скажу. Если желаешь участвовать, я беру тебя в товарищи, не желаешь — не надо.

Фред задумался. Американца терзали сомнения и соблазны. Не хотелось упустить хорошее дело, но и бросать на ветер доллары тоже было страшно. В конце концов искушение взяло верх.

— Ладно уж, попробуем рискнуть! — сказал он. — Дело очень интересное, жалко упускать его из-за сотни долларов. Так по рукам, чертова перечница? Дело у нас обязательно выгорит, вот увидишь!

После этого он опять перевел разговор на женщин:

— Эльза Звайгзнит хочет, чтобы я на ней женился...

2

Наконец Фред раскрыл свои карты. Он терпеливо выслушал советы и предложения Петера и все их отверг:

— Нет, дорогой брат, лавочника из меня не выйдет, для таких дел я слишком неповоротлив. А о постройке дачи поговорим следующим летом.

— Моторную лодку ты бы мог построить и зимой. Корабельным мастерам сейчас как раз делать нечего, лодка обойдется очень дешево. Я только что разговаривал с Витынем — это который в прошлую войну строил парусники, ты его знаешь. У него сейчас есть несколько дубовых кряжей и основательные шпангоуты, а ты имей в виду, что позже их будет трудно найти. Доски можно достать в местечке, это пустяки.

— Скажи, нет ли у этого Витыня дочерей? — спросил Фред.

— Да, есть одна.

— Такая хорошенькая, с круглыми щечками?

— Ты ее знаешь?

— Позавчера у меня было с ней свидание...

— Вон что?.. Ну, как же насчет моторной лодки?

— Да у тебя ведь есть одна.

— Есть-то есть, да какая это лодка — семь лошадиных сил. Тебе бы надо раза в два сильнее мотор.

— Сколько такая может стоить?

— Думаю, десяти тысяч хватит. Ну, скажем, восемь тысяч.

Фред усмехнулся.

— Давай-ка, Петер, оставим этот разговор. Сначала я попытаю счастья в каком-нибудь деле понадежнее. Мы тут с Оскаром придумали одну вещь.

— С Оскаром? — Лицо Менгелиса вытянулось и приняло обиженное выражение. Он счел себя оскорбленным до глубины души: единственный брат больше доверяет чужому человеку!

— Как знаешь, — холодно ответил Петер. — Я все же посоветовал бы тебе сначала осмотреться и распознать человека, которому ты даришь свое доверие. У кого имеются денежки, тому всегда друзей хватит...

В один из бурных дней, когда в море нельзя было выходить с сетями, Оскар уехал в Ригу. В местечке он встретился с Бангером и поговорил с ним о делах. У лавочника не нашлось никаких возражений против Фреда.

— Чем больше средств, тем лучше, — сказал он. — Только не говори, пожалуйста, о моем участии, пусть люди думают, что вас только двое. Одно дело молодежь, тут народ и удивляться много не будет, а если узнают, что и я ввязался в эту затею, еще прозовут меня старым шутком.

В Риге Оскар закупил все нужное для постройки мережи: пряжу, хребтину, посадочные нити, пробки и тросы. Нагрузившись огромными пакетами и связками, он пустился в обратный путь. В местечке ему даже пришлось взять подводку.

Теперь в комнате Оскара целые ночи напролет светила лампа. Вдвоем с Фредом они вязали сеть для мережи — петлю за петлей, ряд за рядом.

Иногда им самим становилось смешно глядеть на эту тяжелую сеть из грубой хребтины. От постоянного вязанья узлов болели руки, работа требовала нешуточных усилий.

— Ну, если сквозь такие путы прорвется какая-нибудь рыбина, это будет чудом! — рассуждал Фред. — И побрыкаются же наши лососики в этой ловушке!

Между делом он рассказывал про свои последние похождения с, поселковыми девушками.

— Пожалуй, придется жениться за Зельме Румбайнис, — говорил он в один из вечеров. А днем позже: — Марта Витынь, наверное, будет моей... — и еще через несколько дней: — Почему бы мне не жениться на Эльзе Звайгзнит?

Он и сам не знал, на ком остановиться. По легкости и скоротечности чувства его напоминали мыльные пузыри; они возникали без пыла и гасли без боли.

Закончив вязку сети и камер, они перенесли работу наружу, потому что для крепления обручей требовалось большое помещение. С этого дня двор Менгелисов стал чем-то вроде балагана для всего поселка. Каждый, кто смыслил что-нибудь в морском промысле, считал своим долгом выступить с насмешливой критикой.

— Вы, наверно, строите цеппелин? — попробовал зубоскалить старый Румбайнис. — Как же, теперь ведь воздухоплавание в моде!

— Правильно, дядя Румбайнис, — отвечал Оскар. — Это будет цеппелин. И знаешь, для чего мы его строим?

— Ну? — Старик даже трубку изо рта вынул.

— Готовимся к Судному дню. Когда начался всемирный потоп, Ной

построил ковчег и спас и себя и по паре от всякой плоти. Но это была только репетиция Судного дня, а когда придет конец света, мы на этой штуке подыдемся от горящей земли к небесам...

— Богохульник! — пробурчал рассерженный старик и отошел в сторону.

Другие подходили ближе и ощупывали детали мережи. Какой-то упрямец попытался разорвать петлю камеры, но безуспешно.

— Пусть их, пусть пробуют, скоро у них пропадет охота! — говорили за их спиной гнилушане. — После первой же бури одни лохмотья повиснут на тросах.

— Думают, что лососи сами придут к ним и будут искать горловину мережи, чтобы влезть туда, — смеялись другие. — Это все равно что сунуть под нос рыбе вентерь и приказать ей влезть в него.

— У кого денег куры не клюют, тому, конечно, можно пускать их на ветер, — жаловался соседям Петер Менгелис.

Никогда бы он не подумал про Оскара, что такой умница, бывалый ловец и кормщик способен на подобную глупость.

— Он еще разорит мальчишку, вот увидишь, — говорил Петер жене.

Ольге было стыдно за легкомысленного брата. Знала бы она раньше, ему пришлось бы искать пристанища в другом месте. Теперь она переносила его присутствие, как зубную боль, и когда по поселку разнесся слух, будто Оскар соблазнил какую-то сироту, а потом бросил ее, Ольга поспешила сообщить ему об этом.

Оскар и не думал оправдываться. Он опять был замкнутым и молчаливым. Но когда этот поступок с сиротой стал предметом обсуждения на одном из сектантских собраний и брат Теодор назвал его «вызовом безбожного развратника, брошенным в лицо всем честным людям», — Оскар насторожился. Он почувствовал здесь чью-то направляющую руку. Людей подстрекали против него с определенной целью.

«Гляди в оба, Оскар!» — сказал он себе.

Оскар съездил в местечко и заказал кузнецу несколько больших якорей. Фред изготовил буи и распорные шесты. Перед рождеством все было закончено, и готовую мережу спрятали в клеть.

Наступило рождество. Весь первый день Оскар не выходил из дому.

Запершись в своей комнатке, он шагал из угла в угол, останавливался по временам у окна и вглядывался в темную морскую даль. На душе у него было тоскливо, и как он ни старался думать о предстоящих делах, мысли его все время убегали к родному поселку. С грустью вспоминал он прошлые праздники, проведенные среди родных... Бывало, приезжают дальние родственники, с которыми удастся видеться только раз в год; мужчины беседуют о своих делах, женщины осматривают клеть, хлеб, скот-молодняк...

Оскар стиснул кулаками голову, чтобы прогнать навязчивые воспоминания, но они следовали одно за другим, манящие, болезненно-грустные. Он тосковал по дому. А здесь от всего веяло холодом, все казалось неприветливым. Люди здесь подавили в себе любовь к жизни и прозябали в покорном и трусливом ожидании «светопреставления», а ловкий шарлатан отравлял им души, пропитывая их мраком и мутью.

На другой день Оскара навестила гостья — с самого утра пришла Лидия.

— Вот ты где устроился, — сказала она, осмотрев убогое убранство комнатки Оскара.

— Да, здесь я и живу, — ответил Оскар. Трудно было ему сдержать радость при виде сестры: она ведь пришла из того милого мира, куда он рвался всем существом. В этот миг даже Роберт казался ему довольно славным пареньком, только разве чуть-чуть шалопаем.

Лидия присела на пододвинутую скамейку и сконфуженно улыбнулась, не зная с чего начать.

— Ну, как вам там живется? — спросил Оскар.

— Ты ведь сам хорошо знаешь, как нам может житься. Много ли отец наработает, когда его все время донимает ревматизм. Руки совсем не переносят холода; не поймешь, что за напасть. Как ты тогда ушел, мы взяли в работники Кривого Янку. Ну, это ведь не то, что свой человек. Какая ему забота, целы ли сети или порваны...

— Да еще приходится платить ему за работу, — добавил Оскар.

Лидия покраснела и сконфузилась еще больше.

— Разумеется, надо платить... — сказала она тихо. — Конечно, правда, Оскар... Тебя обижали, но разве из-за этого стоило уходить из дому?

— Это не сразу так получилось. Да, кроме того, отец сам сделал выбор, думал — так будет выгодней.

— На позапрошлой неделе продали черную корову. Стала удерживать молоко, чего же ее зря кормить целую зиму. И потом я еще одну вещь

хотела сказать... — Лидия начала шарить по карманам. — Приходила к нам Залитиене, сейчас же после твоего ухода, дала мне вот это. Это, говорит, было подарено Зенте к ее конфирмации. Ей они теперь не нужны, пусть, говорит, возьмут обратно — куда хотят, туда и девают.

Лидия протянула брату часики.

Оскар стиснул зубы, чтобы не выдать овладевшего им волнения. Прошло несколько минут, прежде чем он смог заговорить:

— Так вот что она сказала... «Куда хотят, туда и девают»... И мне они тоже не нужны. Оставь их у себя, я их тебе отдаю.

— Мне? Нет, Оскар, у меня уже есть одни. Что мне делать с двумя часами? Ты сам должен знать, куда их девать.

— Тогда отдай матери.

— Разве она возьмет такую вещь? Они ведь человеку принесли несчастье.

— Ну, тогда продай их! — сердито крикнул Оскар. — Купите себе что-нибудь на вырученные деньги, а меня оставьте в покое.

— Если уж так...

Лидия еще раз попыталась отказаться, а потом все-таки сунула часы в карман.

— Значит, черную корову продали? — спросил Оскар.

— Да, удерживала молоко.

— А на вырученные деньги купили Роберту новое пальто с котиковым воротником?

— Ты это напрасно, Роберт в нынешнем году не получил пальто. Вообще ему пришлось обходиться без нашей помощи. А Гароза больше не захотел ждать.

Оскар остановился перед сестрой:

— А как с салаковым неводом, в порядке он?

— Кому же его приводить в порядок? У отца времени нет, а работник целый день с сетями в море.

— Так. А коптильня работает?

— Понемногу. Сейчас мы коптим только свой улов, другие больше не хотят. Не знаю, что там случилось: отец, наверно, кое-кому не смог сразу заплатить. Сейчас все идут к Осису.

— Осис? Это рыжий-то? — забывшись, Оскар даже кулаки сжал.

Но он тут же одумался: ему-то что за дело до этой семьи! Ведь его выгнали.

— Так, значит, Роберт живет кое-как? — задумчиво спросил Оскар. — Ну, когда кончит учение, обзаведется всем необходимым.

— В этом году ничего... навряд ли закончит...

— Что, заленился?

— Как раз теперь-то и начал работать. Но ведь посуди сам: много ли может отец посылать ему без тебя? Вот Роберту и пришлось поступить в какую-то контору, они там углем торгуют.

Оскар подошел к окну и загляделся на пасмурное зимнее небо, сплошь затянутое облаками.

— Сейчас ты мог бы смело вернуться домой, — поспешила подсказать Лидия, пока брат стоял к ней спиной. — Никто тебе больше мешать не будет. Хозяйничай, как тебе вздумается.

Оскар обернулся:

— Нет, сестричка, из этого ничего не получится. Отец не такой еще старик, чтобы отойти от дел, а я не настолько молод, чтобы оставаться под его опекой. Два медведя в одной берлоге...

— Ты, наверно, думаешь, что он на тебя все еще сердится? И напрасно. Отец давно все позабыл и простил.

Да, Лидии не следовало этого говорить. Оскар вдруг выпрямился:

— А что ему прощать! Что это за отпущение грехов? И кто из нас нуждается в прощении? Помнишь, как он мне сказал напоследок: «Забудь, что у тебя есть отчий дом!» Я и старался это выполнить как умел... Ну да хватит, поговорим о другом.

Когда они сошли вниз, Ольга и Петер тоже стали уговаривать Оскара, но он отклонил их посредничество и сказал, что не стоит пока ждать от него такого шага.

— Ну, а попозже, через некоторое время? — пристала обнадеженная его словами Лидия.

— Там посмотрим.

4

В тот же вечер в доме волостного правления устраивался бал. Фред уже за неделю прожужжал Оскару уши разговорами об этом и потребовал, чтоб он хоть раз выбрался из дому.

— Ты так раньше времени заржавеешь!.. Стоит только человеку немного поразмяться, и у него тотчас меняется настроение. Тебе надо проветрить мозги, и ты сразу увидишь жизнь в ином освещении... Я люблю веселых людей!

Оскар довольно равнодушно выслушал приглашение Фреда, но после

ухода Лидии он уже больше не мог переносить одиночество. Чем больше клонилось время к вечеру, тем тревожнее становилось у него на душе. Спектакль в доме волостного правления не сулил ему ничего заманчивого, он их достаточно насмотрелся, но в этот раз он чувствовал, что многое потеряет на всю жизнь, если останется дома... Анита непременно будет там — в такой день она дома сидеть не станет. И если он не пойдет, то... Кто знает, что может случиться?

Когда Оскар с Фредом вошли в дом волостного правления, там уже было полным-полно народу, хотя все еще продолжали прибывать новые парочки и целые семьи. Заметив в коридоре у вешалки Оскара, знакомые парни окружили его и принялись расспрашивать, как ему живется. Фред не отходил от него ни на шаг, засыпая вопросами о всех незнакомых девушках, которых он встречал пронзительным взглядом сыщика.

— Оскар, а ту, в зеленом, знаешь? Вон ту, которая входит в зал! Красивая девчонка. А это кто, в синем джемпере, не из Чешуй? Гляди, как гордо выступает, надо будет пригласить ее на вальс. Пойдем в зал, посмотрим, кто там собрался. Ну, я вижу, девочек здесь достаточно.

Оскар односложно отвечал, оглядываясь по сторонам в поисках Аниты, но ее нигде не было видно. Войдя в зал, они с Фредом влились в людской поток. Здесь Аниты тоже не было. Все вокруг потускнело, и бестолковой показалась ему веселая суетня. Понурившись, бродил он в толпе, здоровался и отвечал на приветствия, пожимая руки и кивая головой, а взгляд его все время искал знакомую девичью фигуру.

«Теперь уже не придет», — думал Оскар. Он не замечал блеска в глазах девушек, которые провожали его ласковыми взглядами, не прислушивался к трескотне Фреда, не отвечал на вопросы. Наконец они остановились у самых дверей и стали наблюдать за потоком входящих людей.

«Ее не будет... Зачем только я сюда пришел?» — беспрестанно повторял про себя Оскар. Но вдруг перед глазами у него все поплыло. Улыбка проступила на его лице: он заметил входящую Аниту. С нею были Эдгар и Лидия.

Фред дернул его за рукав.

— Оскар, погляди скорее, кто это такая? — без всякого стеснения показывал он на Аниту, которая прошла в нескольких шагах, не оглянувшись в их сторону. — Черт подери, какая изящная! За этой поневоле придется приударить! По крайней мере есть из-за чего постараться! Ах, чертенок! Походка-то у нее какая! Ты погляди на фигурку, на ножки! Кто это? Ты ее знаешь?

Оскар с трудом сдерживался, чтобы не заткнуть ему рот основательной оплеухой. Откровенные замечания Фреда глубоко оскорбляли его чувство; ему казалось, что американец одними помыслами и жадными взглядами оскорбляет любимую девушку. Какая непростительная подлость думать так об Аните, смотреть на нее такими глазами! Он все-таки сдержался и сказал равнодушным тоном:

— Это дочь лавочника Бангера.

— Того самого, нашего компаньона?

— Да.

— Ну, ей-то уж старик отвалит хорошее приданое! Как, по-твоему, Оскар? Да, с ней стоит познакомиться. Ты сам-то знаком с ней?

— Мы же соседи.

— Тогда ты меня и представишь. Тебе от этого ни в коем случае не отвертеться. А кто это рядом с ней?

— Это моя сестра...

— Что ты говоришь! Верно, я ведь видел ее фотографию в альбоме у Ольги. Ну, тогда за чем же дело стало, давай подойдем к ним, этого даже приличия требуют. Пойдем!

— Лучше попозже...

— Ах, да, у вас там какой-то семейный скандалчик... Все понятно. Ну, попозже, только уж будь так добр, обязательно. Она мне страшно импонирует.

Оскар скрепя сердце согласился. Выполнить обещание ему пришлось гораздо раньше, чем он предполагал: Эдгар увидел Оскара и стал пробираться к нему вместе с обеими девушками. Фред от удовольствия только руки потирал.

В ожидании спектакля они стали прогуливаться по залу. Фред говорил один за всех и сразу же пустил в ход тяжелую артиллерию: он, как и следовало ожидать, перескочил на свои приключения в чужих странах. Нью-Йорк... Панамский канал... Лондонские карусели... Да, одних этих слов было достаточно, чтобы вскружить голову женщине!

— Если бы вы знали, что это за карусели, — рассказывал он, молитвенно сложив руки. — Не то что какие-нибудь там санки или лодочки, а настоящие воздушные корабли! Вы садитесь в самолет и летите по воздуху, только все время по кругу, по кругу, а внизу играет оркестр.

— И оркестр? — сделала удивленное лицо Анита.

— Да, настоящий оркестр с флейтами и бубенцами.

— Даже бубенцы! Это правда?

— Я же вам говорю! Кажется, что мчишься на лошадях! Это мне

весьма импонирует!

После этого рассказал про виденные им в паноптикуме восковые фигуры известных преступников:

— Вообразите только, у них совершенно кабаньи клыки... А глаза! Такие мертвые, неподвижные, что мороз по коже продирает, когда вы на них смотрите! Я видел, как одна дама упала там в обморок... Ничего не поделаешь, нервы не выдержали...

Он видел и бой быков в Испании, и матч между боксером Демпсеем и, знаете, тем самым свирепым аргентинцем Фирпо... Но Анита не позволила ему об этом рассказывать.

— Пощадите мои нервы, я теперь всю ночь не засну! — в притворном ужасе взмолилась она. — Состязание боксеров — это, наверно, что-то кошмарное!

— А мне это импонирует!

В этот вечер ему многое импонировало.

Начавшийся спектакль разъединил их на время.

— Как полагаешь, Оскар, не пригласить ли нам их на стакан чаю с пирожными? — спросил Фред с озабоченным видом, когда они остались вдвоем. — Я займу столик. Любит она сладкое?

— Не знаю, право.

— Хорошо, я скоро узнаю это сам. Мне кажется, пока все оборачивается в мою пользу. Вот что значит уметь обходиться с женщинами! Если я сегодня же вечером не договорюсь с нею о свидании — больше я не Фред Менгелис.

Оскар засмеялся, но каким-то странным смехом.

— Не веришь? — спросил Фред. — Ну посмотрим!

После окончания спектакля он потащил Оскара на поиски Аниты, но Оскар не торопился. Пока из зала убирали стулья и освобождали помещение для танцев, в буфете уже хлопали пробки и молодые люди подкреплялись пивом и водкой. Прохаживаясь по коридору, Оскар встретился с учителем Акментынем. Они одновременно протянули друг другу руки и заговорили. Фред незаметно ускользнул — в женском обществе он чувствовал себя куда лучше.

— Как вам понравился спектакль? — спросил Акментынь. — Пустенькая вещь, рассчитанная на дешевый успех.

— Почему здесь ставят только комедии? — в свою очередь спросил Оскар. — Постоянно одни и те же глупые шутки: облить кого-нибудь водой, вывалить в муке, а то еще битье посуды! А игра! За весь спектакль хоть бы одно слово было сказано просто, по-человечески... И это

называется искусством... Когда хотят изобразить веселье, начинается прямо-таки безумное ликование, какого в жизни и не бывает. Зато уж чуть дело доходит до печали — раздаются такие шумные вздохи, как будто людей постигло самое страшное несчастье. Почему это так?

— Конечно, это недостаток чувства меры у начинающих.

Понемногу они разговорились о духовных интересах местного общества.

У людей не было никаких духовных интересов — суровая тяжелая борьба за существование поглощала все физические и духовные силы.

— Говорят, вы начали уже осуществлять кое-что из своих намерений, — заговорил Акментынь. — Морская мережа, ледник... это не плохо.

— За это меня теперь и облаивают на всех перекрестках... — ответил Оскар.

Акментынь улыбнулся.

— Это борьба. Вы здесь, на взморье, угрожаете старому порядку, в особенности кое-кому из тех, кто живет за счет труда рыбаков. Неужели вы надеялись, что они сдадутся без боя, не попытаются удержать позиции?

— Нет, на это я не рассчитывал, — сказал Оскар и тоже улыбнулся. — Я только не ожидал, что они применят такие гнусные средства.

— Вам надо быть готовым к тому, что они прибегнут и к еще более гнусному оружию, — продолжал Акментынь. — Поэтому будьте все время начеку и готовьтесь к самой отчаянной борьбе. Не давайте им застигнуть вас врасплох.

Заиграли вступительный вальс. Они вошли в зал. Увидев в противоположном конце Аниту, Оскар извинился перед Акментынем и пошел приглашать ее на танец. На полдороге он заметил, как из толпы вынырнул американец и отвесил Аните глубокий поклон. Она поднялась и пошла танцевать с Фредом.

Оскар опоздал.

Растерянно стоял он посреди зала, а вокруг него уже закружились танцующие пары. Придя в себя, Оскар пробрался к стенке и присел на стул. Звуки вальса придавали его впечатлениям меланхолическую окраску, хотя вокруг него сияли счастьем лица пронесившихся мимо парочек.

«Многие из этих сменяющихся парней скоро разучатся улыбаться, превратятся в угрюмых, грубых мужчин, начнут пить и ругаться с женами. Некоторые станут даже пускать в ход кулаки. А эти девушки, эти милые существа — какими они будут несчастными в семейной жизни, как быстро увянут от нужды и горя!..» Он не мог объяснить, откуда взялись эти

щемящие сердце думы, почему ему одному надо видеть эту изнанку жизни, о которой все знали и которая никого сегодня не тревожила. Когда он увидел танцующую с Фредом Аниту, — понял, что грустил от одиночества, что страдало уязвленное самолюбие. Если бы Фред сидел у стены, а он танцевал бы на его месте, все казалось бы иным...

Однако взгляд его невольно направлялся только в ту сторону, где кружилась эта пара. Оскар поднялся со стула и вышел в коридор, но Акментынь тоже танцевал, и ему ничего больше не оставалось, как прогуливаться в одиночку.

Вальс кончился. В коридор хлынула толпа. Раскрасневшийся Фред подскочил к Оскару и хлопнул его по плечу.

— Все в порядке! Черт возьми, ну и танцует легко! И характер веселый, оказывается: я говорю, а она только смеется. Вот это я понимаю!.. Я уже пригласил ее на следующий танец, недаром говорится: куй железо, пока горячо! Мы с ней проведем вместе весь вечер, вот увидишь! — И он снова куда-то ринулся с видом человека, которого ждут неотложные дела.

Оскар присел на подоконник и стал курить папиросу за папиросой, стараясь взять себя в руки, избавиться от мучительного беспокойства. Оркестр играл танец за танцем, коридор то наполнялся людьми, то снова пустел, а он все не уходил.

«Нечего себя мучить, Фред не такой человек, которого стоит опасаться. Да если бы он даже был самым опасным противником, я бороться из-за женщины не стану. Женщине надо выбирать самой: если она меня любит, мне нет нужды завоевывать ее. А такая, которая ждет, чтобы из-за нее боролись, и привязывается к тому, кто сильнее, мне не нужна».

И все же, когда он представлял себе Аниту в объятиях Фреда, его охватывало враждебное чувство. Не находя покоя, он снова пошел в зал.

Анита прохаживалась с Лидией и Эдгаром. Фред уже пристроился к ним и снова засиял экзотическим великолепием. Он так и сыпал названиями иностранных городов и словечками из жаргона английских моряков. Пусть все знают, что перед ними человек, который проходил мимо оперы Метрополитен, который видел в Египте укротителей змей и, возвращаясь на родину, пробыл целых четыре дня на одном пароходе с какой-то новой кинозвездой, о которой в Латвии и понятия не имели!

В это время дирижер объявил дамский вальс. Американец, уверенный в том, что его немедленно пригласят, одернул пиджак и воротничок. Но, пока он разглаживал галстук и поправлял высунувшийся из кармашка кончик зеленого платочка, Анита отделилась от компании и подошла к Оскару.

— Наконец-то нашелся, — сказала она с ласковым упреком. — Так давай же потанцуем. Где ты все время пропадал? Ну-ка дыхни! Нет, не пил...

Теперь начался другой, счастливый вечер... Они больше не отходили друг от друга. Когда американец пригласил Аниту на фокстрот, он получил в ответ отказ — Оскар выпросил у нее все танцы. А когда пришло время собираться домой, Фред с ног сбился, разыскивая исчезнувшую парочку: Оскар и Анита заранее догадались ускользнуть от него. Два счастливых часа остались в их распоряжении, и они пошли темной лесной тропинкой к берегу. Их тихому счастью не мешали больше никакие рассказы про лондонские карусели.

Подобные выходки не могли импонировать американцу...

Глава девятая ЗА РАБОТОЙ

1

В начале марта Оскар набил погреб льдом, а как только стаял снег, мережу вытащили из клетки и ее владельцы стали с нетерпением ждать начала путины.

Наконец она наступила. Утихли весенние бури, лед растаял, и выброшенные полыми водами обломки больше не угрожали сетям. Однажды вечером к Гнилушам подошла моторка Бангера. Прибыли старые товарищи Оскара по артели — Эдгар и Кристап Лиепниек. Мережу со всеми принадлежностями перевезли на берег и погрузили в моторку, а якоря и буи уложили в неводник, который Фред взял на один день у брата. Приведя все в порядок, рыбаки прилегли соснуть, чтобы после полуночи немедля выйти к месту лова. Но сон не брал их, они думали о судьбе своего начинания. Эдгара и Фреда тревожили сомнения: а вдруг все это окажется несостоящей выдумкой и им некуда будет деваться от насмешек? Не сомневался лишь Оскар.

Ночью задул легкий ветерок, но это был береговой, восточный ветер, который обычно стихает с восходом солнца, и море после него остается несколько часов подряд гладким, как пруд. Стояла еще глубокая темень, когда моторка вышла в море. Дойдя до затонувшего парусника, ловцы бросили якорь на второй банке и дождались утра. Ветер затих, глубокая тишина прозрачного утра легла на море и дюны. С моря подошли еще несколько неводников, на пляже один за другим стали показываться

рыбаки.

Фред с Кристапом влезли в лодку с якорями, а Оскар остался на моторке у мережи. До полудня они трудились без передышки, пока расправили крыло, закрепили мережу и вынесли по обеим ее сторонам якоря. Дело было новое, и потому следовало предусмотреть заранее все мелочи, чтобы все стало на место, горловина мережи оставалась свободной, а куток и камеры вытянулись как следует. Когда все было закончено, они выбросили большой морской якорь с талями и дали последнюю натяжку.

Вызывающе гордо выглядывали теперь из воды передние распорные шести мережи, расставленные, как широкие ворота, против берега, который сейчас кишмя кишел людьми. Почти все чешуяне высыпали посмотреть на диковинное зрелище.

— Удалось-таки Оскару настоять на своем с этой затеей, — сказал Кляве старый Дунис. — Ну-ка, поглядим теперь, что у него там вырастет.

— А что там может вырасти, кроме лохмотьев и отрепьев, — бросил в ответ Клява. — Вот дунет ветер, тогда и увидите, как его «цеппелин» вылетит на берег со всеми своими якорями.

— Тросы-то у него проволочные, — заметил какой-то паренек.

— Проволочные... — усмехнулся Клява. — Ну, тросы выдержат, а с полотном что будет? Посмотрите, что останется от этих ниточек, когда на банке разбухнет волна. Я говорить ничего не буду, море — оно покажет свою работу.

— Да у него вся вязка из хребтины, — ввернул паренек.

Но старые рыбаки так дружно обрушились на него с насмешками, что ему пришлось замолчать и отойти в сторону.

— Однако он не такой уж дурак, — сказал Дунис, показывая на распорные шести мережи. — Машину-то поставил не как попало, а с подветренной стороны парусника. Он будет для нее вроде волнореза.

— Все равно не поможет! — крикнул Осис. — Одна ребячья забава! Подумайте, сколько денег ухлопали, а в один прекрасный день от всего этого останется куча лохмотьев — тряпичнику Яшке продать.

И Бангер был здесь; он стоял позади кучки рыбаков и прислушивался. Скептические замечания встревожили его, и вдруг вся затея показалась ему довольно глупой. Как это он, бывалый человек, связался с каким-то сумасбродом? Денег выброшено много, а кто ему даст гарантию, что они не пропадут? Это все Анита с Эдгаром. Приставали до тех пор, пока не согласился.

Осис обернулся к лавочнику.

— Никак это твоя моторка? — спросил он громко. — И ты тоже у них пайщиком?

Множество глаз устремилось на Бангера.

— Нет, — покачал он головой. — С чего ты взял? Оскар попросил Эдгара помочь ему, когда будет ставить мережу. Это еще по старой дружбе.

Многие вспомнили, как выглядела эта дружба однажды на вечеринке у Дунисов, но ничего не сказали.

— Я и то думаю, неужели человек с ума сходить начал? — сказал Осис.

Лавочник облегченно вздохнул: по крайней мере никто не знает его роли в этом деле. В глазах людей его престиж по-прежнему стоял высоко.

Моторка и лодка стали подходить к берегу: по дороге Оскар испытывал якоря и буи. Старый Клява сейчас же заторопился домой: «Надо бы выпустить лошадь на луг». Но он напрасно убежал. Оскар и не думал выходить на берег. У крайнего распорного шеста он пересел в лодку, которая направилась к Гнилушам.

Толпа обступила Эдгара, но от него ничего нельзя было добиться. Вид у него был достаточно гордый и таинственный, и его молчание только пуще растравило любопытство рыбаков. Кристап Лиепниек был бы рад рассказать, но он и сам толком ничего не знал.

2

Спустя два дня лодка Оскара и Фреда снова показалась возле Чешуй. Погода была теплая и тихая. Мережа стояла по-прежнему, все было на месте. На берег вышел Эдгар и еще двое-трое чешуян.

— Ты сможешь нам проверить? — крикнул Оскар Эдгару.

— Ладно, я сейчас не занят. Хочется посмотреть, какой у вас улов...

Немного погодя еще одна лодка отвалила от берега и пошла вслед за ними. Это был Осис с работниками своей артели. Они гребли медленно, чтобы подойти к мереже в рассчитанный момент, и это им удалось. Громадные обручи только что перевалили через борт в лодку; Оскар нагнулся и развязал куток мережи, встряхнул его, снова завязал и спустил обручи обратно в воду.

Фред мрачно смотрел куда-то вдаль, то и дело сплевывая сквозь зубы. Эдгар с озабоченным видом поглядывал то на Оскара, то на американца. Все молчали, словно обидевшись друг на друга.

— Ну-ка, покажи своих лососей! — крикнул Осис, подойдя ближе. —

Наверно, под слани припрятал?

Оскар стянул узел на талях, потом спустил в воду тросы вместе с блоками и кутком мережи. Распрямив спину, он посмотрел в глаза Осису.

— А ты сам-то поймал хоть одного нынешней весной?

Осис сконфуженно опустил глаза.

— Мне самому не попадались, только, говорят, у Даугавгривы^[10] кое-кому довелось вытащить. Что там у тебя?

Оскар показал на двух окуней и сырть, которые подпрыгивали на сланях.

— Неужели это весь улов? — недоверчиво протянул Осис.

— Пока это все, — спокойно сказал Оскар. — Пойдем к берегу, Фред, нам надо поторапливаться, а то к обеду не успеем.

— Вода, что ли, слишком чистая? — ухмыляясь, рассуждал Осис. — Наверно, лосось издалека видит твою ловушку и боится к ней подойти.

Оскар только плечами пожал в ответ. Уходя, он услышал за спиной негромкий смех, — рыбаки не скрывали больше веселого настроения.

— За три ночи и два дня только пара окуней и одна сырть! Главное, и на рынок их сейчас непустишь!

Эти дни как раз действовал запрет на лов окуня и сырти.

— Не пройдет и месяца, как они вылетят в трубу со своим «цеппелином», вот увидите, — сказал Осис работникам. — С таких уловов впору и кошке подохнуть с голоду!

На берегу стоял Бангер, там же оказались и Дунис, и Лиепниек, и Индрик Осис.

— Это не Оскар ли Клява? — спросил Бангер, всматриваясь в приближавшиеся лодки.

— Он самый. Твой Эдгар тоже там, — сказал Дунис.

Все, кроме Бангера, побежали навстречу лодке Осиса. Видя, что поблизости никого не осталось, лавочник больше не стал скрывать нетерпение.

— Ну как, повезло? — крикнул он Оскару.

Тот поднял со слани три рыбины и показал их. Тень пробежала по лицу Бангера.

— И все? — спросил он уже тише.

Оскар без слов кивнул головой.

— Так, так, — пробормотал Бангер.

Когда лодка подошла к берегу, Эдгар поспешил к отцу. Они долго разговаривали вполголоса, и у обоих при этом были озабоченные лица. Оскар присел на мачтовую скамью и, улыбаясь, взглянул на Фреда. Но и

американец не видел впереди ничего отрадного. Деньги-то он выбросил, целых пятьсот латов, а это почти сто долларов! Всегдашняя молодцеватость и задор мигом слетели с него при первой же неудаче.

«В чем же тут загвоздка?» — раздумывал лавочник.

— Оскар, а вы мережу как следует установили?

— Лучше некуда.

— Непонятно, на самом деле непонятно, — удивлялся Бангер. — В конце концов выйдет, что люди верно говорили.

Оскар закусил губу, но тут же откинул назад голову и посмотрел прямо в глаза компаньонам:

— Не знаю, что здесь непонятного, если с первого раза в нее не попало ни одного лосося. А откуда им взяться, скажите на милость, когда уж больше недели стоит тихая погода. Вот задует посильнее, тогда мы сразу увидим, стоит ли ждать от мережи чего-нибудь путного или лучше продать ее тряпичнику.

— Хотя бы сырты побольше попало, — сказал Бангер. — Позавчера у Лиепниека в одной только сети было тридцать штук.

— Выберется завтра время у Эдгара проверить мережу? — спросил Оскар, не ответив на замечание Бангера.

— Нет, завтра он пойдет с моторкой в Ригу. Как-нибудь справитесь вдвоем. Да и сам я не могу оставить лавку на одних женщин — вдруг кому-нибудь понадобится смола или подошвенная кожа.

— Ладно, мы с Фредом сами осмотрим, — сказал Оскар и стал отчаливать.

Сомнения товарищей не поколебали его уверенности в конечном успехе. Вот несчастные труссы — чуть что, и они уже начинают трястись за деньги, а пуще того — за репутацию! Одна только мысль, что его выставят на всеобщее посмешище, заставила Бангера вспотеть от страха. Этот делец и спекулянт, издавек чужавший, где пахнет прибылью, не мог простить себе такой оплошности. Одно дело горячие головы, вроде Оскара и Эдгара, им это еще пристало, но чтоб он, человек рассудительный, изведавший все глубины житейской мудрости!..

Две недели простояла мережа в море, ничего не дав владельцам. Изредка попадалась на завтрак какая-нибудь рыбешка, но чаще всего ловушка оказывалась пустой. Лавочник больше не появлялся на берегу. Эдгар тоже старался исчезнуть, когда требовалось проверить мережу. Пора было и вынимать ее для просушки; сетное полотно осклизло, бечева и тросы покрылись слоем ила:

Хочешь не хочешь, а однажды пришлось доставить мережу к берегу и

выставить на дюнах. Пока они сушили и чинили ее, возле них постоянно толпился народ. Теперь не осталось ни одного человека, который бы не считал долгом пройтись насчет ее владельцев. Американец почти перестал разговаривать. Деньги он считал окончательно потерянными. Только когда в поле зрения показывалась какая-нибудь молодая женщина, Фред снова оживал и даже веселел. К вечеру он обычно переодевался и шел на прогулку к дачному поселку. Там можно было встретить много городской публики, а некоторые девушки ему весьма «импонировали». Но больше всего ему нравилось сидеть в часы купания где-нибудь на дюнах и смотреть оттуда в бинокль... Это занятие он находил куда более увлекательным, чем починка мережи, которую он прямо возненавидел из-за постоянных насмешек рыбаков.

— Ничего, кто смеется последним, тому и смеяться приятнее! — успокаивал его Оскар.

Бедняга все еще не терял веры в успех, даже когда самый убежденный из компаньонов, Фред, и тот потерял всякую надежду.

В то время когда они подготавливали мережу к новому испытанию, Анита как-то прибежала на берег. Фред в это время ушел в поселок за водой, потому что работать им приходилось на самом солнцепеке.

— Что с тобой, Оскар? — спросила, улыбаясь, Анита. — Неужели ты собираешься прогореть? Отец уж и на меня начинает сердиться...

— А на меня и подавно, — засмеялся Оскар. — Ну, не беда! Если у хорошего игрока имеется про запас крупный козырь, он не обращает внимания на нетерпеливых партнеров. Он выкладывает его в последний момент и выигрывает.

— Ты еще хранишь этот козырь?

— Море хранит его, море и отыграется. Я в этом не сомневаюсь.

Пока не было Фреда, они постарались вволю наговориться.

— Ты совсем забыл дорогу к нашему дому, — сказала Анита. — Каждое утро приходишь к своей мереже, и хоть бы раз зашел в поселок. Чего ты прячешься?

— Сейчас об этом нечего и думать, — ответил Оскар. — Если мережа не выручит меня, я еще долго не смогу подойти к вашему дому.

— Положим, в лавку ты мог бы заглянуть... Хотя бы за папиросами.

— Разве теперь ты стоишь за прилавком?

— Надо же чем-нибудь заняться... Когда ты придешь?

— В субботу мы должны делить улов, если только попадутся лососи.

— Придется молить бога, чтобы послал удачу, а то иначе тебя долго не увидишь. Ну, я удираю. Там, кажется, идет твой американец, от него ведь

скоро не отделаешься.

Рассмеявшись, Анита кивнула ему и быстро скрылась за гребнем дюны.

3

На рассвете мережу снова установили на якорях в море. С вечера задул восьмибалльный северо-западный ветер, который бушевал три дня. В это время об осмотре мережи нельзя было и думать — белые гребни Волн с яростью перекачивались через распорные шесты. Оскар каждое утро выходил поглядеть, стоит «цеппелин» на своем месте или его выбросило на берег.

Мережа все стояла, с честью выдержав первое испытание бурей.

На четвертый день буря утихла, и Оскар с Фредом немедленно вышли в море. Когда они через полчаса подошли к берегу, американец насвистывал фокстрот и горделиво поглядывал на любопытных: в лодках лежали два крупных лосося, прекрасные серебристые мачки, округлые и полные икры.

— Вот как, лососи попались? — удивлялись рыбаки.

С завистливым и даже несколько приунывшим видом они ходили вокруг лодки, ощупывали крупные рыбины и спорили об их весе. Вскоре на берегу появился и Эдгар.

— Ты завтра собираешься в Ригу? — спросил его Оскар. — Захвати с собой и лососей!

— Как, лососи? Да, можно будет взять... Глядите, лососей поймали. Вот молодцы-то!

А Фред мурлыкал, отбивая ногой такт:

O yes, we have no bananas,
We have no bananas to-day!^[11]

Это уже была серьезная победа, потому что на всем побережье не было поймано еще ни одного лосося. Те, которые вчера смеялись, ходили теперь с опущенными глазами, хотя и старались прикинуться равнодушными. К берегу вышел и Бангер, перебросился несколькими словами с Оскаром, а прощаясь, подал ему руку.

После этого они три дня подряд вынимали из мережи по лосося, — это было неплохо, так как цена на него держалась высокая. Но в субботу

утром...

Оскар снова осматривал мережу вместе с Фредом. Он осторожно вынимал из воды большие обручи. Раньше у него хватало силы, чтобы одному поднять в лодку куток, но в этот раз он почувствовал, что не может.

— Подсоби немного, — обратился он к Фреду. — Не пойму, что тут случилось.

Но даже вдвоем они еле подтащили куток к борту. Вдруг возле лодки все забурлило. Громадный клубок лососей бился у самой поверхности воды, от брызг оба рыбака в одну минуту промокли до нитки, глаза им залепило пеной.

Куток был полон рыбы, как будто его кто-то битком набил. Количество лососей нельзя было даже определить с первого взгляда. Избитые, со стертыми мордами и ободранными, кровоточащими боками, они хлестали друг друга хвостами и тыкались в перегородки камер.

Оскар прикрепил куток к борту лодки, выпрямился во весь рост и засмеялся звонким, счастливым смехом.

— Теперь веришь? — спросил он Фреда, и оба расхохотались, как дети над удавшейся шалостью. Немного успокоившись, они принялись за дело. Лодка быстро наполнялась рыбой. Было уже вынуто по меньшей мере около тысячи фунтов, а еще не опорожнилась даже первая камера мережи. Когда лодка осела до краев и больше нельзя было взять ни одной рыбы, Оскар завязал куток мережи, опустил в воду и направился к берегу. Там уже оказалось несколько рыбаков-хозяев со своими сыновьями.

Потрясающая весть с быстротой молнии обежала поселок. На берег поспешили все, у кого было время, и даже те, у кого работа осталась недоконченной; за мужчинами бежали женщины и дети, а позади всех плелись старики и старухи. На слово никто не хотел верить, это надо было видеть своими глазами!

Стыдливо прячась за чужие спины, выглядывал из толпы старый Клява. Его мучила страшная зависть: шутка сказать, тысяча фунтов, а в мереже осталось еще раза в два больше. И это его сын сумел добыть! Ах, негодник, как ему повезло!

— Пропустите скорее, разве не видите, что я спешу! — нетерпеливо покрикивал лавочник, пуская в ход локти. Он устал от быстрого бега и едва переводил дух.

— Куда спешишь? — спросил Осис.

— Не знаешь разве, что нам попало в мережу? — запыхавшись, ответил Бангер. — Ну-ну, подайтесь в сторону, мне надо к лодке пройти!

Он протискался к Оскару, схватил его за руку и долго тряс ее.

— Значит, дождались все-таки! — кричал он, ослепленный серебристым блеском груды лососей. — Ха-ха-ха! А здесь некоторые думали, что нам и кошки не накормить.

Бангер торжествующе оглядел толпу рыбаков.

— Пусть Эдгар подогреет мотор и — в Ригу, — распорядился он. — А вечером произведем дележку!

Это был поистине день триумфа. Тридцать лососей, всего около тысячи фунтов, Эдгар отвез в Ригу. Остальные пятьдесят штук положили в новый ледник Оскара. Было бы безрассудно в один день выбросить на рынок три тысячи фунтов! Скупщики сразу сбили бы цену.

Вечером в доме Бангеров делили заработок. Когда подсчитали всю будущую выручку, оказалось, что мережа уже окупила все расходы. Долг Оскара Бангеру был погашен за один улов. Американец мысленно перевел свой заработок на доллары и остался весьма доволен результатом. Он поминутно выскакивал из-за стола и убегал искать Аниту, но ее нигде не было.

Во время дележки Оскар внес новое предложение:

— Надо сейчас строить новую мережу. Пока одна стоит в море, другая сушится и остается про запас, на тот случай, если старую мережу разнесет в бурю.

Оказалось, то же самое думали и другие. Лавочник заметил, что неплохо было бы завести свою лососекоптильню, и тут же было решено построить ее. Дело обещало пойти на лад, сомнениям не оставалось больше места.

В тот вечер Фред возвращался домой один. Незадолго до конца дележки, когда компаньоны решили отметить первый успех несколькими глотками пива и водки, Оскар, как и в прошлый раз, на рождество, куда-то исчез, словно это у него вошло в привычку. Напрасно американец искал его по всем комнатам и во дворе — он как сквозь землю провалился. Не показывалась и Анита. А Фреду так хотелось поговорить с дочерью лавочника — до сих пор она оставалась единственной девушкой во всей округе, которой он не успел сделать предложения. Но по отношению к ней у него были самые серьезные намерения.

«Куда же она могла, черт побери, запропасться? — думал он, уходя. — Я собирался рассказать ей о самоубийцах на Бруклинском мосту. Пусть подождет теперь, когда мне снова придет охота рассказывать».

И американец тихонько замурылкал:

Путь далекий до Типерери...

Увлеченные постройкой новой мережи, они не замечали грозы, которая надвигалась на них.

Какой-то усердный подхалим донес Гарозе, что они попридержали в леднике часть своего улова. Ярости его не было границ. Обман! Нарушение чужих прав! До сего времени только скупщики могли приберегать лосося в ожидании хорошей цены, в их руках это был главный козырь, благодаря которому они получали крупные барыши. А если всякий рыбачишка начнет гнаться за ними, от торговли лососем будет мало проку!

Гароза недолго думая сел в мотобот, прихватив с собой ящик выпивки. Тайное совещание было созвано у кормщика артели Осиса. Гароза на угощение не скупился: беспрестанно хлопали пробки, и когда у стариков начали заплетаться языки, скупщик приступил к делу:

— Что у вас здесь творится, кормщики? Я участвую в ваших артелях, оплачиваю работников, трачу деньги на новые неводы, а вы, как видно, собираетесь меня разорить? Да одного ли меня? Самих себя тоже! Вы понимаете, что с вами делает молодой Клява? Он установил ловушку в лучшем месте, перегородил крылом дорогу всем лососям, которые идут вдоль берега, и собирает их в свой большой садок, как ягоды. А вы, как дураки, остаетесь у него за спиной со своими неводами и подбираете остатки. Много вы нарыбачили за прошлую неделю? Двадцать латов на душу. А про то знаете, сколько загреб Клява? Бессчетные тысячи! И так будет продолжаться все лето: он будет деньги загребать, а вы глазами хлопать, он будет доить, а вы — держать за рога корову. Дальше так продолжаться не может. Если вы не предпримите решительных шагов, я у вас отбираю свои неводы!

Но ледник так ни разу и не был упомянут в этой громовой речи, закончив которую Гароза с такой силой ударил кулаком по столу, что зазвенела посуда, а рыбаки испуганно отпрянули.

— Так-то оно так, да что нам остается делать? — заговорил Осис. — Море принадлежит всем; разве кому запретишь ловить в нем?

Гароза иронически-сочувственно покачал головой, словно удивляясь такому явному слабоумию.

— Ну, тогда слушайте, что я скажу...

Все придвинулись ближе к столу. С полчаса он что-то говорил им

вполголоса, потом поднялся уходить, каждому пожав на прощание руку.

— Мы это сообразим! — довольно хихикали старики, провожая гостя к берегу.

— Нажмем на все рычаги! — крикнул с отходящего мотобота Гароза.

Прежде чем направиться в Ригу, он высадился у поселка Гнилуши и отыскал Румбайниса, давно метившего в старосты сектантской общины на место Менгелиса. Тут же он застал и брата Теодора, который только что прибыл для устройства нескольких молитвенных собраний. Здесь неудобно было начинать с водки, но у Гарозы имелось в запасе и другое дипломатическое оружие — ловкий язык и увесистый кошелек. Джентльменское соглашение закончилось тем, что Гароза, Румбайнис и Теодор подали друг другу руки и сказали:

— Да поможет нам господь!

Румбайнис не мешкая запряг лошадь и поехал в волостное правление. Там он отыскал полицейского надзирателя и обратил его внимание на творящиеся в поселке нарушения закона. Он кое-что узнал про ледник Оскара Клявы — там не все в порядке.

Полицейский обещал принять необходимые меры. Они условились о дне встречи и попрощались.

Все рычаги пришли теперь в действие. Спокойный и уверенный в скорой победе, отправился Гароза домой. Всю округу он науськал на бунтовщика.

— Гляди, что выдумал — ледник заводить! Ну подожди, щенок, ты у меня заскулишь!

Через несколько дней в Гнилуши нагрянул полицейский надзиратель в сопровождении председателя общества рыбаков Грубе. Оскар в это время был занят во дворе новой мережей. Рыбак Грубе первым делом заинтересовался конструкцией ловушки, но тут же вспомнил, что пришел за другим.

— Говорят, у тебя здесь большой ледник, — обратился он к Оскару. — Не покажешь ли его нам?

Оскар с удивлением посмотрел на него.

— С какой целью, позвольте узнать, вы хотите осмотреть мой ледник?

— Вот ордер на обыск, — полицейский показал ему записку. — По имеющимся у нас сведениям, вы храните в леднике рыбу, которую сейчас запрещено ловить.

— Контрабанду?

— Да.

— В случае обыска я имею право позвать кого-нибудь в свидетели?

— Это ваше право.

Неизвестно откуда взявшись, рядом очутился Румбайнис.

— Если надо, я могу пойти в свидетели, — предложил он.

— Лучше я позову Фреда, — сказал Оскар. — Зачем постороннему человеку брать на себя хлопоты в таком неприятном деле.

— А чего, я с удовольствием... Какие тут могут быть неприятности.

Оскар настоял на своем, но когда открыли двери ледника, Румбайнис попробовал шмыгнуть в подвал.

— Ты бы лучше успокоился, — посоветовал ему Фред, который остался сторожить у входа, пока полицейский производил обыск.

Контрабандой здесь не пахло. Только полкалы лососей лежало на льду в самом дальнем отделении.

— Здесь произошло какое-то недоразумение, — сказал, кончив обыск, Грубе.

Оскар пожал плечами.

— Я ведь не знаю, что вы рассчитывали здесь найти.

— Скажите, это все ваши лососи? — спросил надзиратель.

— Да, — ответил Оскар.

— А вы и от соседей принимаете на хранение рыбу?

— До сих пор еще не случалось.

Он сообразил, что перед ним поставлена западня, только она была слишком плохо замаскирована. Улыбнувшись, Оскар добавил:

— Когда придется это делать, выправлю промысловое свидетельство.

Полицейский прикусил губу.

Когда они поднялись наверх, Фред вдруг схватил Румбайниса за руку и крикнул:

— Если вы хотите найти контрабандную рыбу, поищите ее в карманах у этого типа!

Брызжа слюной, старик торопливо забормотал:

— Чего ты меня щупаешь, паршивец! Пусти!

Но пока он отбивался от Фреда, из карманов его куртки вывалились два порядочных окуня, а третьего, самого крупного, Фред вытянул у него из кармана штанов.

— Ну, что вы на это скажете? — вопрошал американец, с видом победителя поглядывая то на полицейского, то на Грубе. — И он еще лезет в свидетели! Теперь мне ясно, зачем он так рвался к леднику. Подбросил бы этих окуней — вот вам и готово судебное дело!

— Будет тебе дурачиться! — крикнул Румбайнис. — Наверно, мальчишки захотели подшутить и всунули мне в карманы.

— Какие еще мальчишки? — спросил полицейский.

— Да здешние... Мало ли их тут околачивается! Они что угодно натворят!

Все-таки у него это неладно получилось. Еле отвертевшись, Румбайнис поспешил улизнуть: еще немного, и на него составили бы протокол.

Целый день по всему поселку только и разговоров было, что о находчивом поступке американца, — он казался теперь прямо каким-то сыщиком вроде Шерлока Холмса. Вечером у него состоялось несколько свиданий в разных местах. Фред жалел только, что у него не было никакого дела в Чешуях. Аните тоже следовало об этом услышать...

5

На следующее утро, когда Оскар с Фредом проверяли мережи, к ним направилась какая-то лодка. В ней сидели рыбаки — хозяева и кормщики неводных артелей.

— Эй, ты, послушай, что я тебе скажу! — закричал еще издали Осис. — Ну-ка, проваливай отсюда со своими ловушками! Вытаскивай мережу и ставь ее куда-нибудь подальше. Тоже нашелся ловкач — на самую середину участка поставил.

Оскар спокойно возразил:

— До сих пор здесь никогда и не ловили. Еще никто не метал невода возле затонувшего парусника.

— С нынешнего дня мы будем здесь метать наши неводы! — крикнул Осис.

— Чтобы их порвать? — удивился Оскар.

— А мы уберем отсюда парусник. На будущей неделе придут из Риги водолазы и взорвут его.

Оскар улыбнулся.

— Они думают, лосось только здесь и ловится, — сказал он тихо Фреду, затем повернулся к старикам. — Ладно, если вы так настаиваете, мы перейдем на другое место.

— Ну, смотри поторапливайся, иначе и твой «цеппелин» взорвем!

В тот же день они переставили мережу на несколько километров севернее, ближе к Гнилушам. На новом месте она стояла так же гордо, как и возле парусника, и по-прежнему в нее валом валил лосось, когда благоприятствовал ветер.

Один за другим ломались и выходили из строя рычаги, на которые нажимали подручные Гарозы. Ни с какой стороны они не могли подкопаться под Оскара. Бангер съездил в Ригу, побывал в министерстве и выяснил правовое положение предприятия: все было в порядке, никто не мог запретить им пользоваться мережей. Чтобы обезопасить себя на случай, если крупные рыбники отказались бы покупать у них лосося, Бангер заключил на рыбном рынке соглашение с одним из торговцев помельче. Постепенно подвигалась постройка лососекоптильни. Все новые снасти и строения уже окупались, а впереди еще были самые богатые месяцы лова — август и сентябрь.

Лишь про одного врага они забыли: брат Теодор беспрепятственно делал свое дело. Снова и снова вытаскивалась на свет загадочная история Зенты. Теодор говорил о ней чуть ли не на каждом молитвенном собрании, предостерегая верующих против гнездилища пороков, изверга, который находится в их среде и вводит в смущение людские умы. Разве может благословение божие осенить добро, которое он нажил при помощи своих, никому ранее не известных снастей? Иначе как пособничеством дьявола брат Теодор не мог объяснить сказочные уловы Оскара. Сократить невинную девушку, толкнуть ее на самоубийство и бежать из отчего дома! Горе тому дому, который даст кров подобному нечестивцу! И это в то время, когда в Африке остаются еще дикари... Не скупитесь на жертвоприношения!

Ни Оскар, ни Фред на эти собрания не ходили, но они стали замечать по поведению гнилушан, что здесь что-то неблагополучно. Действуй тут только одна зависть, не ходил бы столько времени Петер Менгелис с наморщенным лбом, не отвечая на вопросы, не бегала бы старуха вдова Аболтиене по домам, наговаривая на Оскара. Она разносила сплетни не только по поселку, но и по крестьянским хуторам и по ближайшим дачам, куда носила молоко. Она никак не могла понять, где у властей глаза, почему они оставляют на свободе такого человека.

— Вот подождите, мы еще не то увидим!

Брат Теодор все еще не мог забыть унижение, которое Оскар заставил его перенести, изгнав из дома Менгелисов. Оставшись как-то с глазу на глаз с Ольгой, он заговорил о сердечных делах. Красноречивому и наглому проповеднику не стоило труда убедить в чем угодно легковверную и к тому

же влюбленную женщину.

— Нам во что бы то ни стало надо избавиться от него, — настаивал Теодор. — Когда Оскара не будет здесь, я опять смогу переселиться к вам, и все пойдет по-старому. Тебе, Ольга, надо принять какие-то меры.

— Я постараюсь, — ответила она.

Через день Ольга отправилась в Чешуи навестить родных. Лидия последнее время была занята свадебными приготовлениями, и советы старшей сестры пришлись весьма кстати. Они долго рассматривали отрезки на платья и рассуждали о подружке простынь и фасонах рубашек. Наконец Ольга приступила к делу.

— Надо кому-нибудь из вас навестить Оскара. Мне думается, сейчас его легко уговорить вернуться.

— Разве ему надоело у вас?

— Видно же, как он истосковался по дому. Какой-то странный стал, все время задумывается неизвестно о чем, и взгляд у него печальный.

— А мне давно известно, почему его сюда тянет, — улыбнувшись, ответила Лидия.

— Ну? — Ольга наострила уши.

— Собирается стать зятем Бангера.

— Гляди, какой хитрый! — Ольга всплеснула руками. — Тогда чего же вы ждете? Зовите его скорей домой. По крайней мере отцу будет помощник.

— Да, надо будет поговорить.

На обратном пути, проходя мимо дома Бангеров, Ольга увидела за прилавком Аниту и вошла в лавку, чтобы купить гостинец сынишке. Она попросила четверть фунта кисленьких леденцов и, пока Анита отвешивала, завела с ней разговор.

— Говорят, здесь кое-какие парочки готовятся к венцу, — начала Ольга. — И, скажу по правде, умно делают. Лучше пожениться и устраиваться своим домом, чем шататься по людям без всякого толка.

— В руках понесете или в карман положите? — спросила Анита.

— Не знаю... Как будет удобнее.

Анита обвязала пакетик тонкой бечевочкой.

— Возьмем, к примеру, моего брата Оскара, — продолжала Ольга (Анита слегка покраснела). — Хоть бы скорее какая-нибудь девушка прибрала его к рукам, а то никакого сладу с ним нет. Вы думаете, мы от него видим много пользы? Только одно беспокойство и хлопоты. Пропадает целыми ночами, а потом иди открывай ему двери — спать не дает людям. Это-то еще ничего, можно стерпеть, пусть бегают, если стыда нет, а зачем

же водить к себе домой девок? И ведь сколько этих скверных девок к нему бегают, прямо удивляться приходится... Сколько там с меня?

Внезапно побледнев, дрожащими губами Анита назвала сумму. Ольга рассчиталась и ушла.

...Американцу прямо-таки везло. Рыбаки посматривали на него с уважением, а девушки были от него без ума. Каждое утро, вернувшись с моря, он с наслаждением потягивался и зевал.

— Опять прошлой ночью не спал? — спросил его как-то Оскар.

— У меня свидание было. И знаешь с кем? С дочкой Бангера.

— Ну? — недоверчиво протянул Оскар.

— Если я говорю — значит верно! Только одно плохо — далеко ходить. Каждый вечер изволь отмахать такое расстояние, а не пойду — еще обидится. Но дело, в общем, стоящее. Только к этой нужен особый подход... Думаю сделать ей предложение в конце недели.

Оскар засмеялся:

— Ну и шутник ты, как я погляжу!

— Какие шутки, когда это вполне серьезно! — с жаром воскликнул Фред. — Спроси у Эдгара, он тоже был с нами! Потом, правда, мы свернули к берегу, и он отстал. Да, с такой женщиной можно проходить всю ночь, не зная усталости.

— Откуда ты знаешь?

— У нас же вчера было свидание!

— Чепуху ты городишь!

— Вот ведь что за человек, не хочет верить!

— Это ты врешь, такие сказки можно рассказывать маленькому Яниту, а не мне.

— Ты не согласишься и тому, что сегодня мы опять встретимся? Мы договорились — в девять у Большой дюны.

— Перестань выдумывать. Хватит! — Оскар нахмурился.

Фред пожал плечами:

— А если у меня будут доказательства?

Он достал из стола маленький альбомчик для стихов и стал перелистывать его.

— Вот, гляди. До сих пор он весь исписан, дальше идут чистые листки. Заметь хорошенько: последняя запись сделана Алисой Крауклис. Сегодня я возьму этот альбомчик с собой, и Анита что-нибудь напишет мне на память. Ты ее почерк знаешь?

— Знаю...

— Тогда ты сам убедишься.

И он снова начал делиться с ним своими надеждами.

В семь часов вечера расфранченный Фред вышел из дому. Перед уходом он еще раз показал Оскару альбомчик.

На следующее утро Фред зевал так, что даже скулы у него трещали.

— Она велела тебе кланяться, — сказал он Оскару. — По правде сказать, не то чтобы велела... Просто я ее спросил, можно ли передать тебе привет, а она ответила: «Как знаете, мне все равно...» А вот и альбомчик.

Фред открыл его в том месте, где была сделана новая запись. Четким прямым почерком там были вписаны иронические и грустные слова Марка Твена:

«Радуйся жизни, пока живешь, ибо мертвым ты пребудешь долгие времена. — На добрую память от Аниты».

— Ну, что ты теперь скажешь? — улыбнулся Фред. — Ее это почерк?

— Да, на этот раз ты не лжешь, — сразу став задумчивым, тихо ответил Оскар.

«Что это должно означать? Неужели Анита?.. Нет, нет, тут что-то не так, Фред просто хвастается».

— Она мне сказала, какие мужчины ей импонируют, — продолжал Фред. — И теперь мне вполне понятно, почему она так увлекается мною. Я, говорит, не хочу в мужья флегматика, я хочу такого, чтобы он любил меня и готов был из-за меня пойти в огонь и в воду, чтобы он не сдерживал ревности, не позволил обойти себя сопернику... Словом, точь-в-точь такого, как я.

«Опять дурачится, — подумал про себя Оскар. — Уж так-то она не могла сказать».

Но смутное чувство тревоги не покидало его весь день.

7

В субботу вечером Бангер делил очередную выручку. Лавка была закрыта, но Анита еще не показывалась. Госпожа Бангер пригласила Оскара и Фреда в большую комнату, где лавочник уже приводил в порядок счета.

— А где барышня? — немного поотстав, тихо спросил ее Фред.

— Наверно, на балконе.

Фред задержался с остальными ровно до того момента, когда был произведен расчет. Получив свою долю, он многозначительно подмигнул Оскару и тихонько, на цыпочках, вышел из комнаты.

Бангер достал из буфета бутылку и закуску. Как раз вернулся Эдгар, и они втроем проговорили около часа о предстоящем расширении дела. Речь зашла и о постройке консервной фабрики. Все согласились, что здесь потребуется участие всей округи и что лучше всего будет основать рыбацкий кооператив. Бангер обещал на следующей неделе съездить в Ригу и разузнать о всех необходимых формальностях.

Оскар рассеянно слушал. Сейчас он даже консервной фабрикой, своей заветной мечтой, мало интересовался — так его тревожило отсутствие Аниты. Он прислушивался к каждому звуку шагов за стеной, и когда хлопала наружная дверь, в нем оживало радостное чувство надежды. Но Анита все не шла...

Оскар больше не стал задерживаться. Он умышленно громко простился с хозяином дома и вышел. Эдгар провожал его, и во дворе они остановились на минутку. Заметив угрюмое выражение лица Оскара, Эдгар улыбнулся.

— Подожди меня здесь, — сказал он и убежал обратно в дом.

Оскар, недоумевая, ждал его возвращения. К нему подошла собака, обнюхала руку и ласково заскулила — это был старый знакомый.

Прошло несколько минут. С шумом открылась дверь, и на пороге показалась Анита. Ее блузка белела в лунном свете, лицо девушки было серьезно и холодно.

Оскар стремительно бросился к ней.

— Добрый вечер! — сказал он, протягивая ей руку.

— Добрый вечер, — ответила Анита, но руки не подала. — Говори скорее, что тебе нужно? — сухо спросила она. — Эдгар сказал, что ты меня звал.

Лицо Оскара потемнело.

— Это неправда. Я тебя вовсе не звал, это он сам выдумал. Но ты сама знаешь, как я хочу тебя видеть... Уж не заболела ли ты? — спросил он, удивленный странным поведением Аниты.

Она окинула его гневным взглядом:

— Как тебе не стыдно так насмеяться надо мной!

— Ты же сама видишь, что я не смеюсь.

Анита презрительно скривила губы и повернулась к двери. Оскар схватил ее за руку:

— Что с тобою, Анита? Я тебя сегодня просто не узнаю.

— Пусти меня! — Она стала вырывать свою руку. — Что ты... пристаешь! Я не из тех особ... которых ты водишь к себе по ночам...

— Что? О чем ты говоришь! — Оскар схватил и другую руку

Аниты. — Какие еще особы?

— Я жду, когда ты выпустишь мои руки. Свое физическое превосходство можешь показывать перед другими.

Стиснув зубы так, что они скрипнули, он отпустил ее руки, отступил в сторону и бессмысленным взглядом уставился в пространство. Лицо его побледнело, губы подергивались.

— С какой стороны подул этот ветер? — спросил он охрипшим голосом.

— Спроси свою сестру.

— Лидию? — удивился он.

— Нет, Ольгу...

Он стоял, освещенный светом луны, а в душе у него был беспросветный мрак. Горькие складки легли возле губ Оскара, он рассмеялся невеселым смехом.

— Хорошо, я ее спрошу, — сказал он, повернулся и ушел.

Долго глядела ему вслед Анита, прислушиваясь к звукам тяжелых шагов. Она хотела было что-то крикнуть, рванулась вперед, но через несколько шагов остановилась.

«А что, если она солгала... оклеветала его?..» — И Анита вся похолодела при этой мысли.

Тогда она вспомнила, что на балконе ее ждут. Усталой, вялой походкой подымалась Анита по узкой лестнице. С каждым шагом ей все сильнее хотелось остановиться, вернуться обратно, но какое-то странное упрямство, какая-то ложная гордость не позволяли ей это сделать.

Глава десятая ПОСЛЕДНЯЯ ГРОЗА

1

Дела брата Теодора за последнее время заметно пошатнулись. Среди приверженцев секты почувствовалось некоторое охлаждение, зашевелился даже червь сомнения. Молодежь начала уваливать от собраний. Не стало и прежнего уважения к проповеднику: многие парни перестали приветствовать его при встрече, некоторые старики с насмешливой улыбкой выслушивали его советы. Глаз у Теодора был достаточно наметан, чтобы сразу должным образом оценить неблагоприятные признаки. Может, у сектантов это было только временное, преходящее ослабление веры: ведь у всех только и было на уме, что морская мережа и сказочные уловы Оскара

Клявы, только о них и шли разговоры во всех концах поселка. Многие собирались уже последовать примеру Оскара.

Были, безусловно, и другие, более важные основания: судный день все не наступал, хотя срок его истекал уже несколько раз. Самые ревностные сектанты успели растратировать имущество; теперь надо было начинать все сызнова, а рижская братия и не подумала прийти на подмогу. Особенно сглупили, как стало известно из газет, некоторые лиепайские последователи секты. Завернувшись в белые полотняные простыни, они встали на мосту в ожидании огненных колесниц, которые подняли бы их на небеса, но этого почему-то не произошло. Дойдя до гнилушан, весть эта вызвала среди них переполох.

Все как будто соответствовало предсказаниям пророков: человеческий род погряз в распутстве, с каждым днем умножалось число всевозможных грехов, а войны и кризисы свидетельствовали о неизбежном наступлении конца мира. Это доказывали и совершающиеся в природе явления. Разве были когда-нибудь такие морозные зимы? Дождь лил все лето, собаки заболели, бесились, самоубийства совершались все чаще... Однако устои вселенной не дали трещины ни в одном месте. Как всегда, по утрам вставало солнце, а вечером появлялись луна и звезды; земля приносила в должный срок плоды; человеческий род продолжал размножаться, и перелетные птицы тянулись с юга на север каждую весну.

«Тот день, как сеть, найдет на всех живущих...» — повторял брат Теодор. Но когда он придет, долго ли осталось его ждать — не мог сказать даже сам проповедник.

В переполненную чашу сомнений капнула еще одна, самая горькая, капля. Старуха Аболтиене, одна из самых ревностных сестер гнилушанской общины, была уличена в краже цветов с кладбища. Кладбищенский сторож уже давно замечал пропажу цветов с наиболее богато украшенных могил. Однажды, будучи по своим делам в курортном поселке, он заметил возле одной дачи Аболтиене, которая предлагала покупательницам молока роскошные букеты. В следующую ночь сторож спать не пошел, и воровка была поймана. Скандальная новость быстро распространилась по окрестным поселкам, и гнилушан всюду стали поднимать на смех. Надо было пустить в ход какие-то новые средства, чтобы спасти последнее. Брат Теодор отлучился на несколько дней, а когда вернулся, на заборах и стенах домов появились большие афиши, возвещавшие о невиданно большом собрании в доме Румбайниса: «С речью выступит знаменитый миссионер, только что вернувшийся из Африки. В собрании также примет участие живой негр». Кроме того, предстояло исключение из членов общины

старухи Аболтиене.

Раньше такая обширная и интересная программа взбудоражила бы весь поселок. Живой негр, на которого можно поглазеть совсем даром! Много ли здесь было людей, которые видели живого негра!

И все же... было много званых, но мало отозвавшихся.

Негр стоял у двери и раздавал листки с текстами псалмов. Люди с любопытством разглядывали курчавого молодца, шептались и показывали на него пальцами. А в помещении брат Теодор демонстрировал новый аппарат для сбора пожертвований. Это был резиновый арапчонок, который пожирал деньги. Предназначенную для жертвования монетку надо было всунуть в большой рот куклы, которая сразу проглатывала ее и отвешивала поклон жертвователю. Больше всего радовались дети; они то и дело выпрашивали у родителей деньги и кормили прожорливую куклу.

— Смотрите, как он кланяется! — восторгались они.

— Мамочка, дай денежку, я хочу посмотреть, как он ее проглотит!

Выдумка была остроумная. За последнее время люди стали такими скупыми, что приходилось шевелить мозгами, чтобы заставить их раскошелиться. Теодор с довольной улыбкой наблюдал возню, поднятую ребятишками вокруг куклы. Вот что значит действовать с умом.

Но все предпринятые им меры в конечном счете оказались запоздалыми. Не помогли ни негр, ни кукла. Люди не шли... Постепенно гнилушанам надоело ждать сложа руки конца мира. Со вновь обретенной энергией и бодростью они вернулись к борьбе за существование на этой грешной земле. Брат Теодор все еще шатался из дома в дом, но его слово оставалось гласом вопиющего в пустыне. Ловко разрекламированное собрание у Румбайниса потерпело неудачу: пожертвования не покрыли даже путевых расходов миссионера и негра. И как назло, Петер Менгелис, который мог бы одолжить несколько десятков латов, в этот день уехал в Ригу. Правда, Ольга присутствовала на собрании, но занимать у нее Теодор постеснялся.

После собрания он вышел проводить Ольгу, потому что она боялась темноты, к тому же по улице бегали собаки без намордников. Дорогой Теодор взял Ольгу под руку. В поселке все тропинки были ему известны лучше, чем любому местному жителю.

— Ну как, предприняла ты что-нибудь в отношении того дела? — спросил Теодор.

— Да, я на прошлой неделе была в Чешуях. С субботы Оскар стал сам на себя не похож: ни с кем не разговаривает, на работу уходит без всякой охоты, словно ему все опостылело. Спрашивал у Фреда, как выхлопотать

заграничный паспорт, — может, уедет куда-нибудь подальше.

— Так, так... — удовлетворенно потирал руки Теодор. — Тогда опять все будет по-прежнему, и нам не придется больше шататься по улицам.

— А за нами никто не идет? — боязливо шепнула Ольга и приостановилась. Но кругом стояла тишина, это стучало в груди ее собственное сердце.

Еще теснее прижавшись друг к другу, они продолжали путь.

2

В тот вечер Оскар остался в доме один. Петер был в Риге, Ольга — на собрании, а Фред, как обычно, ушел на свидание с Анитой. Последнее время самоуверенность американца росла не по дням, а по часам; он уже поговаривал о предстоящем обручении и о больших делах, которыми начнет заворачивать с будущим тестем. Но как только Фред заводил разговор о своих отношениях с Анитой и о подробностях последних свиданий, которые ему весьма льстили, Оскар всегда находил какой-нибудь предлог, чтобы уйти.

От дум Оскара отвлек донесшийся со двора собачий лай. Он сошел вниз посмотреть, что случилось. Тихо приоткрыл наружную дверь и стал всматриваться в темноту. В глубине двора двигались две человеческие фигуры; они подошли к клетки и загремели ключами. Со скрипом открылась дверь, оба неизвестных вошли внутрь, и снова все стихло.

Оскар вернулся в кухню, зажег «летучую мышь» и затем осторожными шагами подкрался к двери клетки, подождал немного, чтобы воры осмелели; и внезапно открыл дверь. Перескочив порог, он поднял фонарь высоко над головой и осветил внутренность помещения.

В самой глубине, на куче сетей, сидели Ольга и Теодор. Рука проповедника обнимала талию Ольги.

— Вот оно что... — пробормотал Оскар. Не обращая внимания на парочку, он спокойно запер дверь на ключ, спрятал его в карман и стал искать гвоздь, чтобы повесить фонарь. В стене их было множество. Оскар выбрал толстый крюк недалеко от двери, откуда фонарь освещал самые отдаленные углы клетки. Теперь он стал не спеша обходить помещение, что-то разыскивая. За все это время он ни разу не кинул взгляда на перепуганную парочку, — можно было подумать, что он забыл о ее присутствии. С серьезным и озабоченным видом, словно ему нелегко было найти искомый предмет, Оскар перебрал сваленные в углу сети, потрогал

повешенные на гвозди неводные подборы и связки тросов.

Наконец он выбрал довольно толстую подбору, отрезал от нее конец фута в четыре и мрачно взглянул на брата Теодора. Проповедник давно уже встал на ноги и беспокойно наблюдал за каждым движением Оскара.

Оскар так же молча, сосредоточенно завязал на конце подборы толстый узел. Пробуя оружие, он с силой ударил им по куче сетей и удовлетворенно прищелкнул языком. Потом он обернулся к Теодору и сказал:

— Мне надо с вами поговорить, подойдите поближе...

Теодор не трогался с места.

Оскар повторил — все с тем же успехом. Тогда он подошел к лишившемуся дара речи проповеднику и вытолкнул его на середину клетки.

— Слушай хорошенько, что я тебе сейчас скажу, — начал Оскар. — Один раз тебя уже выгнали из этого дома и предупредили, чтобы ты и дорогу сюда забыл. А ты опять пришел и, как видно, ни на волосок не исправился. Ты запоганил мое имя самой грязной клеветой, выставил меня извергом и негодяем в глазах людей. Теперь скажи, чего ты после этого заслуживаешь?

С таким же успехом он мог ожидать ответа от стен: проповедник молчал, не сводя широко раскрытых глаз с узловатого конца подборы в руке врага. Каждое движение Оскара заставляло его вздрагивать всем телом.

— Я могу избить тебя как собаку, — продолжал Оскар, — и ты никому не посмеешь пожаловаться. Но чего я этим добьюсь? Буду знать, что сумел ответить на твое змеиное шипенье, — и все. Но хоть ты и шарлатан и негодяй, а все же после порки стал бы числиться страдальцем, а я вовсе не желаю давать тебе такого преимущества. По глазам видно, как ты испугался, грязная ты тряпка! Нет, для крупных дел ты не годишься... Может, с меня хватит и твоего испуга, хотя это еще неизвестно. С одной стороны, выходит, что ты слабее меня, и как-то не хочется с тобой связываться, а с другой стороны — такого негодяя следует проучить. Ну что, — помалкиваешь?.. Вот и выходит, что мой каприз решает твою судьбу. Но прежде чем мы распрощаемся, тебе надо запомнить одно: побитый или с целой шкурой, но ты сию же минуту оставишь этот поселок, никогда больше не появишься в наших краях и никого не пришлешь на свое место. Понятно?

Губы Теодора беззвучно зашевелились.

— Обещаешь выполнить это? — спросил Оскар.

— Да.

— Хорошо. Давай кончать. Только ты напрасно думаешь, что твоя спина уже уцелела. Это мы еще посмотрим. Гляди, я открываю дверь, открываю ее настежь. Теперь ты выйдешь, а я буду стоять с бичом в руках. Может, я и не трону тебя, но очень может быть, что стегану разок-другой. Теперь иди!

Оскар стоял у открытой двери, подняв руку с узловатым бичом. Улыбаясь, он наблюдал за Теодором, который стоял посредине клетки, съежившись и дрожа от страха. Проповедник чувствовал себя, как в охваченном огнем доме: и оставаться нельзя — сгоришь, и выбраться можно лишь сквозь пламя.

Долго он не мог собраться с силами. Узловатый бич, как магнит, притягивал его взгляд. Если бы Теодор знал точно, что его ожидает удар, ему было бы не так страшно. Наконец он решился и стремглав бросился в растворенную дверь. Никто его не ударил.

Оскар бросил бич на землю и повернулся к сестре.

— Ну и рыцарь у тебя! — рассмеявшись, сказал он. — Стоило ли менять Петера на такого...

Ольга молчала. Сжавшись в комок на куче сетей, она зарылась лицом в большую шаль.

— Да, дела...

— Что же будет дальше? — робко спросила Ольга, не подымая головы.

— А что здесь поделаешь? — грустно сказал он. — Да и кто поверит такому, каким вы меня расписали? Из моих рук и собака не захочет хлеб брать. Если бы это случилось со мной, ты бы сейчас же поспешила в Чешуи рассказать обо всем одной девушке. Я так не поступлю. Не хочу таким способом доказывать свою правоту. Живите со своим Петером как знаете.

— Ты... Ты ему ничего не скажешь? — не веря ушам, шептала Ольга.

— Устраивайте сами свою жизнь.

Шерстяная шаль, прикрывавшая плечи Ольги, дрогнула. Она плакала. Оскар не знал, что и делать. Гнев его как рукой сняло, ему было неловко. Он вспомнил, каково пришлось сестре в первые годы замужества. Петер в то время был самым отъявленным пьяницей; он грубо обращался с женой, которая была намного моложе его, а иногда и поколачивал ее. Ничего удивительного, если уже в те годы они стали друг другу чужими...

— Ну, ну, не реви, ничего же ведь не случилось, — сказал он, дотронувшись до плеча сестры.

Ольга схватила руку брата и заплакала еще сильнее.

— Оскар!.. братик!.. — задыхаясь, шептала она прерывающимся

голосом. — Ты такой добрый... такой добрый... А я-то! О господи, что я натворила... ведь я погубила твое счастье... И ты еще меня жалеешь!

— Ладно, как-нибудь обойдется, — сказал Оскар и потрепал сестру по плечу. — Иди теперь спать. Уж я как-нибудь справлюсь со своими делами.

— Я пойду к ней и расскажу всю правду! Она мне поверит.

— Не надо. Ничего не надо делать, — твердо сказал Оскар. — Уже поздно.

Он помог сестре подняться и проводил ее из клетки. Сам он еще долго стоял в открытых дверях и задумчиво глядел в темноту.

3

Когда болезнь достигает в своем течении момента кризиса, состояние больного меняется: он или начинает выздоравливать, или погибает. Всякий нарыв прорывается, и всякому мраку приходит конец — таков закон природы.

Рыбаки недоверчиво встретили нововведения Оскара. Его выдумка казалась им рискованной, сумасбродной и даже глупой; долго они ждали какой-нибудь беды, которая бы положила ей конец. Суеверные, сбитые с толку сектантскими бреднями, ослепленные завистью, они первое время даже не пытались обсудить и оценить деятельность Оскара. Но проходили месяцы. Видя, что морская мережа Оскара продолжает давать невиданно богатые уловы и что он благодаря леднику перестал зависеть от скупщиков, молодые и самые свободомыслящие рыбаки стали убеждаться в его правоте. Наступил перелом.

В начале августа, когда неводный лов стал давать порядочную добычу, Крауклис пришел к Оскару.

— Нельзя ли поставить к тебе на лед с полкалы лососей? — попросил он.

Это была первая ласточка. После этого к Оскару зачастили кормщики других артелей, и в иные дни удачного лова ледник напоминал настоящий рыбный склад. Оскар никому не отказывал. Лучшего способа агитации в пользу своего дела он и желать не мог — те латы, которые рыбаки зарабатывали благодаря леднику, заставляли каждого признать истину.

Однажды утром Кристап Лиепник и Индрик Осис разыскали на берегу Оскара, когда тот был занят починкой старой мережи.

— Ну, ты, кажется, уже достаточно заработал, — начал Кристап.

— Ничего, жаловаться не приходится.

— Скажи, а тебе не будет досадно, если и другие заработают? — спросил Индрик.

— Никогда я не завидовал чужой удаче.

— Видишь, Оскар, мы тоже вот решили построить мережу...

— Ну, наконец-то взялись за ум! Нелегко было убедить вас.

— Как ты насчет того, чтобы помочь нам советом? Мы ведь не знаем устройства твоей мережи. Если ты нам поможешь, мы будем платить тебе поденно, а кроме того, дадим на это время человека, чтобы работал вместо тебя.

— Когда думаете начать? — спросил Оскар.

— Хоть с нынешнего дня. У нас уже все заготовлено.

Для Оскара начались дни кочевки от одного двора к другому. Не успевал он закончить как следует работу в одном месте, как его приглашали сразу в три-четыре новых. Его возили по рыбацким поселкам, как важного господина, в честь него резали петухов, варили пиво. Вся его работа заключалась в том, что он стоял около строящейся мережи, давал указания и советы, а потом помогал установить ее в море на якорях. Рыбакам этого было достаточно, они с одного раза усваивали новую премудрость.

Во многих поселках одна за другой появлялись новые ловушки, и чуть ли не каждый рыбак стремился стать совладельцем «цеппелина». Времена насмешек канули в прошлое, и рыбакам хотелось поспеть с мережей к богатствам осенней путины. Даже Петер Менгелис привез из Риги все нужное для постройки ловушки — наконец-то и он сдался. Жизнь шла своим путем, и тех, кто добровольно не шел по течению, оно тащило насильно.

Всюду, где только появлялся Оскар, он заводил речь о рыбопромышленном кооперативе и о постройке консервной фабрики. Летом опять пришлось зарыть в песок несколько уловов салаки: Рига сулила так мало, что не покрылись бы даже расходы на доставку.

Мысль о кооперативе все больше и больше занимала рыбаков.

— Если хотите получать мало-мальски справедливое вознаграждение за труд, тогда надо избавиться от посредников, — повторял им Оскар. — Какая нам польза от этих скупщиков? Никакой! У рыбака они отнимают долю его заработка, да и с покупателя дерут. Игра на ценах — вот их главный трюк. А мы вовсе не желаем этого, нам не нужно брать по четыре лата за фунт лососины, но отдавать ее по сорок сантимов мы тоже не хотим. В обоих случаях получается грабеж: грабят или покупателя, или нас с вами. А если у нас есть кооператив — мы сами и ловим рыбу, сами ее и продаем. Мы тогда сможем закупать оптом сети прямо с фабрик,

выписывать их из-за границы — получится гораздо дешевле. Если у нас будут большие обороты, кое-что можно будет сбывать за границу...

Часто он так забегал вперед, что другие не поспевали за полетом его фантазии. Но сейчас рыбаки верили даже тому, чего еще не могли понять, только бы это исходило от Оскара. Он не боялся выкорчевывать предрассудки, он был смелым пионером, готовым в любое время пуститься в неизведанные дали. За что он ни принимался, все ему удавалось... Только собственной судьбы он не мог устроить.

4

Каждый год в начале августа общество рыбаков устраивало бал в саду волостного правления. И в этом году о нем уже за неделю известили зеленые афиши.

Раньше Оскар никогда не пропускал этого бала, но тут решил не идти. В субботу Ольга ушла в Чешуи и, вернувшись оттуда, отозвала в сторону Оскара.

— Ты завтра идешь на бал?

— Сама ведь знаешь, что нет, — резко ответил Оскар.

— Надо бы пойти...

— Зачем это?

— Я сегодня была у Аниты... Рассказала ей все. Ну, а теперь... пора вам помириться.

Оскар засмеялся.

— Ну, а дальше?

— Не самой же ей прийти к тебе, на что это будет похоже? На балу совсем другое дело. Пойдешь?

Не ответив сестре, Оскар вышел из комнаты. Весь следующий день он ходил угрюмый и неразговорчивый, но вечером приоделся и ушел.

«Слава богу! — облегченно вздохнула Ольга. За последнее время отчаяние брата ложилось на ее совесть тяжелым бременем. — Теперь опять все будет хорошо».

Когда Оскар пришел в сад волостного правления, бал уже начался, и самые нетерпеливые любители танцев кружились под звуки вальсов и фокстротов. Аниты среди них не было.

Войдя в буфет, Оскар увидел за одним из столиков Фреда, Индрика Осиса и его брата Рудольфа — штурмана дальнего плавания, приехавшего домой погостить на несколько недель. Рудольф дружил с Оскаром еще с тех

пор, когда они ходили в школу, и Оскару волей-неволей пришлось присесть за один столик с Фредом.

— Ну, как живется, старина? — спросил его Рудольф.

Оскар усмехнулся и пожал плечами:

— Сам знаешь, как мне живется. Все какая-то неразбериха получается.

— Да, бывает и такое. Тебе не вредно было бы на время уехать отсюда.

Сидение на одном месте в конце концов порядком надоедает.

— Может быть, и так, — задумчиво ответил Оскар.

— Нам на пароходе в следующий рейс понадобятся два матроса. Если хочешь — поедем. — Рудольф наполнил стаканчики. — Пей, Оскар, ты подошел последним, тебе полагается штрафной.

Сегодня Оскару меньше чем когда-либо хотелось водки: предстояло объяснение с Анитой. Ради приличия он выпил один стаканчик, предупредив, что это последний.

— Ты, видно, в баптисты записался, — смеялся Рудольф. — Нет, это не пройдет, дружок, ты сейчас опрокинешь другой.

— Лучше попозже, не сейчас, — ответил Оскар.

И действительно, ни угрозы, ни насмешки на него не подействовали, он настоял на своем.

Фред время от времени подходил к окну взглянуть на танцевальную площадку и наконец незаметно исчез. Оскар тоже встал и, извинившись перед товарищами, вышел, когда оркестр заиграл бостон. В саду он сразу заметил Аниту; на ней было белое платье с синей кокеткой, похожее на матроску. Двигаясь в медленном танце, она весело шутила с партнером. И то, что Фред так близко прижимал к себе ее стан, и то, что она смеялась и смотрела в глаза этому человеку и чувствовала себя довольной, а может быть, и счастливой, причиняло Оскару невыразимую боль. Он уже до того измучился за последнее время, что мгновенно забыл о надеждах, которые сулил ему этот вечер. Его просто обманывали, успокаивали, как маленького ребенка, но на самом деле ничего не изменилось: Анита по-прежнему оставалась с Фредом, она даже не поглядела в сторону Оскара, а его, дурака, пригласили сюда посмотреть на счастливую парочку... Вероятно, это было подстроено нарочно, чтобы потом посмеяться над ним: туда же еще, надеется!

Круто повернувшись, он ушел обратно в буфет и присел к Рудольфу Осису.

— Теперь давай выпивать! — сказал Оскар, пробуя улыбнуться. — Покажи-ка, Рудольф, на что ты годишься.

Не дожидаясь ответа, он взял бутылку и налил два пивных стакана

водки.

— Ну, чего же глядишь, не понимаешь разве? — вызывающе спросил он, кивнув Рудольфу головой.

Моряк удивленно пожал плечами.

Словно наперегонки, осушали они один стакан за другим. После каждого выпитого стакана Оскар проверял свое самочувствие: не опьянел ли он, не стало ли ему легче. Но опьянение не приходило. Он пил и пил, опустошая бутылку за бутылкой, а сознание безжалостно напоминало ему: Анита танцует с Фредом, она не желает тебя видеть, и напрасно ты пришел сюда! Он сам чувствовал, как противно глядеть на него со стороны, каким несусветным пьяницей он кажется людям; он замечал в глазах знакомых рыбаков выражение изумления. Так вот он каков, этот молодой Клява! Хлещет водку, как воду! Да, такая уж нынче молодежь!

Музыка перестала играть. Запыхавшийся и потный, в буфет влетел Фред, быстро обежал взглядом столики и, заметив один не занятый, крикнул буфетчику:

— Два лимонада и десяток пирожных на этот столик!

Он торопливо вытащил из бумажника деньги, уплатил за заказ и бросился обратно, но, заметив Оскара, остановился возле него:

— Что я вижу, ты, оказывается, заливаешь за галстук? — удивленно спросил он. — Судя по твоему лицу, тебя оставили с носом... О себе я этого не сказал бы.

Он немного подождал ответа Оскара, но тот отвернулся и молчал.

— Я хотел подойти к вам со своей дамой, но когда Анита узнала, что и ты здесь, она отказалась. Не соглашается...

И снова подождал, какое впечатление окажут его слова на Оскара. Он был на седьмом небе от счастья; голова у него окончательно закружилась, чувство собственного превосходства выпирало из него, и он не мог удержаться, чтобы не поддразнить неудачливого соперника.

— Что с ней поделаешь... — продолжал он равнодушным тоном. — У женщины вечно какие-нибудь капризы... А почему бы ей не подойти к вам? Люди знакомые, можно сказать — старые друзья... Так вот нет и нет! «Если Оскар там — ни за что». Черт знает что за предубеждение! Ты, Оскар, танцуешь бостон? Изумительный танец! Вообрази только: идешь медленным шагом, рука обнимает талию женщины. Она прижимается к тебе все ближе и ближе... Смотрит на тебя карими глазами и так поощрительно улыбается, что можно с ума сойти. И вдруг чувствуешь, что ее грудь коснулась твоей, а ножки — ты даже представить не можешь, какие у нее ножки! — почти обвиваются вокруг твоих ног. В такие

моменты хочется поцеловать ее в губы, но я не знаю, как у вас принято действовать в подобных случаях. Мне...

Закончить он не успел. Оскар мгновенно вскочил на ноги и ударил Фреда.

— Вот как мы действуем в подобных случаях! — крикнул он.

От страшного удара американец отлетел в конец комнаты, упал на столик, с которого еще не успели убрать бутылки и стаканы, опрокинул его и свалился на пол.

Через несколько мгновений помещение наполнилось народом. Танцевавшие прибежали с площадки, все спешили узнать, что случилось. Более деятельные хлопотали вокруг Фреда, усадили его, поднесли воды. Лицо американца было в крови, и долго еще он не мог прийти в себя от полученного удара.

В толпе показался полицейский, спросил, что случилось и кто виновник происшествия.

— Это я ударил его, — сказал Оскар.

— И правильно сделал! Этого хама следовало проучить! — вмешался Рудольф Осис. — Оскар еще ударил ладонью, жалеючи, и всего один раз. Я бы его угостил кулаком! Экий мерзавец! Он, видишь ли, в Америке побывал.

Полицейский стал составлять протокол.

Узнав о случившемся, Анита поспешила к месту происшествия, но толчея была такая, что дальше дверей буфета она не смогла пробраться. Она не расслышала ни одного слова из ответов Оскара, только видела его угрюмое лицо, глаза, рассеянно смотревшие куда-то вдаль. Чувство беспредельной нежности охватило девушку, она не спускала влажных глаз с Оскара, все ее существо стремилось к нему, но их разделяла толпа.

Вдруг Анита заметила рядом Акментыня.

— Что здесь произошло? — обратилась она к нему.

— Маленький инцидент без серьезных последствий, — ответил Акментынь. — Кровь можно отмыть, но ему придется с недельку подождать, пока исчезнет отпечаток пяти пальцев.

— Но зачем они... так?

— Я сидел за соседним столиком и все слышал. Менгелис довольно откровенно рассказывал, как девушка, с которой он только что танцевал бостон, чувственно глядела на него, как прижималась к нему, и так далее. Тогда Клява ударил его. Вот и все. Как видите — пустяки.

Для Аниты это значило много, страшно много!..

Она отошла в сторону и прислонилась к подоконнику. Она ждала,

когда толпа вокруг Оскара рассеется, чтобы подойти к нему. Скорее бы очутиться рядом с ним, заглазить причиненную ему обиду! Она никак не могла дожидаться и через минуту снова попыталась пробиться к Оскару.

Но он уже ушел.

Никому ничего не сказав, сгорая от стыда за необдуманный поступок, он быстро шагнул по дороге. Была темная ночь.

«Теперь все кончено! — повторял он. — Как я дошел до этого, как я дошел! Что она подумает обо мне!»

Ему хотелось, чтобы разразился ливень и промочил его до костей. Продрогнуть бы хорошенько, по крайней мере голова не горела бы так ужасно...

Несколькими минутами позже Анита тоже покинула бал. Ей там больше нечего было делать.

5

В понедельник утром Оскара снова навестила Лидия. Отец хочет строить мережу, надо бы ему помочь.

Он согласился. Оставаться у Менгелисов не стоило: Фред ходил с распухшей щекой, Петер был не особенно любезен, а Ольга, — та прямо посоветовала брату поскорее вернуться к родителям.

Острота давнишней обиды со временем притупилась, и то, что заставило Оскара уйти из отчего дома, казалось ничтожной занозой по сравнению с ужасной раной, которую нанесли ему, отняв надежду на будущее. Пустыми казались все прежние стремления; хозяйственные планы, которые теперь осуществлялись, больше его не интересовали. Не все ли равно, где жить дальше: у Менгелисов, у старого Клявы или в другом каком месте.

В тот же день Оскар вернулся в Чешуи. Несмотря на полное безразличие к окружающему, странное и приятное волнение охватило его в полутемных комнатах отцовского дома. Все чего-то стеснялось и были непривычно внимательны друг к другу.

Для Оскара убрали прежнюю комнатку Роберта. Он мог приходить и уходить когда вздумается, никто не требовал с него отчета. Но Оскар всю неделю напролет занимался мережей и только два раза встретился с Рудольфом Осисом — у них было о чем поговорить.

Дело с кооперативом настолько подвинулось, что в ближайшее воскресенье у Бангеров должно было состояться учредительное собрание,

на которое пригласили рыбаков из четырех поселков. Оскара заранее прочили в председатели правления.

В субботу мережа была готова, Оскар установил ее в море и, не заходя домой, направился к Рудольфу Осису.

— Мое обязательство выполнено, и на будущей неделе я могу уйти с тобой в море.

— Ладно, — Рудольф пожал ему руку. — Ну, а что ты скажешь завтра на собрании? Все так надеются на тебя.

Оскара это уже не беспокоило. Он свое дело сделал, сдвинул тяжелый камень с вершины горы, и теперь тот покатится сам собой... Но рядом с Анитой и Фредом для него нет места. Завтрашний день мог стать для него днем величайшего торжества, а теперь он ему ничего не обещает. Оскар даже не печалился из-за этого, он стал ко всему безразличен; машинально шагал он вперед, не оглядываясь по сторонам. Так было легче... Но это было невыносимо тяжело...

6

В воскресенье утром на берегу можно было наблюдать необычное оживление. Со всех сторон собирались в Чешуи рыбаки — всюду виднелись лодки, всюду белели на солнце паруса. Бангер послал в Ригу моторку за специалистами, которые участвовали в организации кооператива.

Оскар встречал на пляже рижских гостей. Стрелой неслась по морю зеленая моторка и, повинувшись умелому рулевому, дошла до приглубины и стала у берега. Вместе с незнакомыми господами из нее вышел человек, которого Оскар меньше всего ждал, — его брат Роберт.

Роберт поздоровался со встречавшими и вздрогнул, увидев среди них Оскара. Они пристально посмотрели друг на друга. В этот миг вихрь мыслей пронесся в голове Оскара. Он вспомнил прошедшее, и что-то его вдруг ужалило. И тут он увидел, как изменился за это время брат. Один год сурового труда сделал его совсем другим человеком. В лице Роберта не осталось больше прежней самоуверенности, резко обозначившиеся морщины легли возле губ, глаза смотрели устало. Да, видно, и он кое-что узнал о жизни!

На собрании Оскар отказался от председательствования и сел в самый дальний угол комнаты. Он как будто и не прислушивался к докладу кооператора, к выступлениям рыбаков и только один раз взял слово.

— Начинаются новые времена в жизни рыбаков, — сказал он. — Почему мы не видим на этом собрании ни одного фабриканта, ни одного скупщика? Даже Гарозы, который постоянно вмешивается в наши дела, — даже и того нет! Его песенка спета. Теперь вам не придется отдавать весь будущий улов за полученную от него зимой небольшую ссуду!

Он снова забежал вперед. Наивными и гордыми словами рисовал сын рыбака взорам собравшихся картину будущего. Кончив, Оскар снова уселся в угол и углубился в себя. Когда дошли до выборов правления, он снял свою кандидатуру. На несколько минут среди собравшихся наступило полное замешательство.

— Перестань шутить, Оскар, — строго сказал Бангер. — На тебя у нас была главная надежда, а сейчас ты заартачился!

— Я снимаю свою кандидатуру, — спокойно повторил Оскар, — потому что долго здесь не пробуду и могу уехать в любой из ближайших дней.

Оскар уезжает! Оставить родной поселок в тот момент, когда борьба окончилась и остается только пожинать ее плоды! Нет, здесь что-то неладно!

Старый Клява тревожно наблюдал за сыном. «Что опять на него нашло? Все было уладилось, и вдруг на тебе, ни с того ни с сего уезжает! Разве только из-за Роберта опять? Скажу мальчишке, чтобы уезжал обратно, если уж они никак не поладят...»

После собрания Оскар ушел далеко за поселок, поднялся на вершину Большой дюны и присел на песок.

Долго созерцал он широкую, открывающуюся до самого горизонта перспективу. Это был прекрасный и пустынный край. Голые песчаные холмы, причудливо скривленные сосенки, полузанесенные песком лодки, развешенные сети, старые, покосившиеся строения рыбацких поселков и бесконечная, необозримая водная гладь, на которой кое-где белели надутые ветром паруса. Его внутреннему взору представлялась картина будущего: все здесь цветет, окрепла новая жизнь, рождению которой он дал первый толчок, в поселках дымят трубы рыбообрабатывающих заводов, в бухте стоит множество моторок, на месте убогих лачуг выросли красивые и удобные дома. Со временем рыбаки пророят через дюны канал и соединят обмелевшую бухту с морем — тогда у них будет лучшая рыбацья гавань на всем побережье. И много чего еще здесь появится... Только его самого не будет... Он уедет далеко-далеко, бродяжничать по свету, одинокий и никому не нужный. При этой мысли Оскар почувствовал в сердце страшную горечь. И все же это должно свершиться. Этого требует его

человеческое достоинство.

Он не услышал тихих шагов по песку и пришел в себя только тогда, когда рядом с ним, на самой вершине Большой дюны, остановилась девушка в белом платье с синей кокеткой, похожей на матроску. От неожиданности он забыл даже встать и подать ей руку.

Смущенная молчанием Оскара, Анита тоже не знала как ей быть, потом присела рядом, и теперь они оба безмолвно смотрели на море, на разбросанные по берегу рыбацьи поселки.

Наконец Анита кашлянула и обернулась к Оскару:

— Правда, что ты хочешь отсюда уехать? Я сегодня только услышала.

— Да.

— Куда ты едешь?

— Я нанимаюсь на пароход.

— Так, значит, это правда?

И Анита сразу как-то поникла.

— А я как, Оскар? — почти беззвучно шептала она. — Как же я останусь, раз тебя больше здесь не будет? Ты ведь уходишь и от меня...

Оскар не верил ушам.

— Ты? У тебя ведь останется Фред...

Анита вздохнула:

— Неужели ты поверил, что я хоть на минутку могла принимать его всерьез? Мне только хотелось, чтобы ты открыто показал свои чувства и все увидели, что ты ко мне неравнодушен.

— А ты не могла обойтись без этой игры? — укоризненно спросил Оскар.

— Как бы тебе это объяснить? Я хотела, чтобы ты немного побесился из-за меня.

— И ты на меня не сердишься за то, что я ударил тогда Фреда? — недоверчиво спросил он.

— Нет, — улыбнулась Анита.

— Выходит... Выходит, мне надо отказать Рудольфу! Пускай ищет другого матроса!

— Мне тоже так кажется. Тогда мы с тобой будем квиты. Из-за тебя я прошлую осень осталась дома...

— А теперь я сделаю то же самое!

Оскар снова чувствовал вокруг живительное дыхание земли. Шумел лес, море пело свою тысячелетнюю песню, и казалось, что Большая дюна дрожит от дробящихся у ее подножия седых волн.

Когда они шли домой, мрачная пустыня заалела в зареве заката. На

пляже, там, где начиналась дорога к поселку, Анита остановилась и сказала:

— Как странно устроен мир! Налетают бури, поднимают на море волны, проносятся над ними и рассеиваются вдали. А море остается. И ни одной капли не теряет оно из своих глубин...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава первая ЧЕЛОВЕК С ПАТЕФОНОМ И КИНОАППАРАТОМ

1

Люди, живущие у больших дорог, на которых круглые сутки не прекращается грохот повозок, стук подков и гудение автомашин, изо дня в день привыкают ко всяким диковинкам. Их не удивить возами с разнообразным скарбом вроде наставленных друг на друга табуреток, расшатанных столов, кроватей с клопиными гнездами, ведер и обшарпанных соломенных тюфяков — выставкой бедности какого-нибудь переселенца. Направляющиеся на очередной базар или ярмарку цыганские кибитки, рессорные тележки барышников и сверкающие лаком лимузины, из которых высокопоставленные господа спешат налюбоваться природой, уже давно виданы-перевиданы, не представляют ничего нового и даже порядком надоели. В нынешние времена люди падки до новинок, но на дорогах Латвии не появляется больше ничего примечательного: не бродят уже поводыри с ручными медведями, шпагоглотатели и заклинатели змей пребывают в южных широтах, а когда забредет сюда какой-нибудь фокусник, народу выдается случай посмеяться над прохвостом. Так обстоит дело вблизи больших проезжих дорог.

Подальше от них, за глухими лесами и болотистыми равнинами, где в чаще ольшаника извиваются топкие дороги, или вдоль пустынных дюн, где разбросаны одинокие приморские поселки, — там дело обстоит иначе. И если когда-нибудь мохнатая лошаденка притащит туда в забрызганной грязью тележке человека с козлиной бородкой, имеющего к тому же при себе аппарат, который показывает картины, и другой аппарат — с музыкой, все спешат послушать приезжего.

Он говорит много и без запинки, язык у него поворачивается легко, как хорошо смазанная деталь машины, и чем больше народу его слушает, тем бодрее у него настроение. Он крайне доброжелательно говорит о простых людях, все его помыслы и стремления направлены только к тому, чтобы они как сыр в масле катались, он их грудью отстаивает и готов жизнь отдать за улучшение судьбы этих пасынков страны. Чужой человек, никто как будто

его раньше не видел, редко кто слышал, что он существует на свете, — а гляди, как хорошо знает про все их нужды, как их понимает, как сочувствует! И ведь каждому обещает именно то, что тот желает; щедрой рукой сыплет направо и налево манящие дары обещаний — кажется, сам Крез воплотился в тщедушном человечке с козлиной бородкой.

Обещает он повсюду, и в каждом новом месте что-нибудь иное. Может быть, вы думаете, что на свете найдется такая вещь, которой он не пожертвовал бы с радостью для этих добрых, забытых людей? Вы можете получить от него, что пожелаете, и тут нет никакого надувательства. Надо только хотеть как следует и сделать ему маленькое одолжение, выйти лишь один раз из дому проголосовать за него — тогда явится все, о чем вы так мечтаете!

Людям свойственно ошибаться. Один не различает цвета, другой туговат на ухо, а иной при виде нашего обладателя рога изобилия, притащившегося на мохнатой лошаденке, делает поспешное умозаключение: это, наверно, коробейник! Да знаешь ли ты, несчастный, как жестоко ты ошибаешься! При нем ведь нет тюков сатина и ситца, нет пузатых, расписанных розами чайников, подсвечников, ножей и штопальных иголок. Если у человека желтоватое и худое лицо, это еще не значит, что он слуга Меркурия. В коричневом, похожем на сундук ящике у него хранится патефон, несколько дюжин пластинок и небольшой киноаппарат. Там есть еще несколько катушек пленки, сумка, набитая пачками тонких брошюрок и отпечатанных на зеленой и красной бумаге листовок. Но они предназначены не для продажи, здесь все раздается бесплатно, и если вы возьмете что-нибудь, вдобавок заведут патефон и продемонстрируют в темной комнате «подлинное произведение киноискусства».

Человека с козлиной бородкой и желтым худощавым лицом звали Андрей Питерис. Раньше он подписывался «Андреас Пикир», но когда миновала немецкая мода, он обратился к латышскому варианту своего имени. Ему было уже лет под пятьдесят. Небольшого роста, мелкокостный, казавшийся старше своих лет, он обладал зато звонким голосом и бойким языком. Его глубоко запавшие глаза постоянно блестели и иногда загорались каким-то странным огнем; если во время разговора он пристально вглядывался в лицо собеседника и обращался к нему за

подтверждением своих слов, тот невольно отвечал «да».

За свою жизнь он перепробовал многое. Детство провел где-то на побережье между Вентспилсом и Лиенайе. После окончания приходской школы некоторое время служил помощником волостного писаря и приобрел на всю жизнь вкус к юридическим тонкостям. Потом он изучил бухгалтерию, работал то в городе, то в деревне, что-то даже предпринимал на свой страх и риск, но ему не везло в делах, и в конце концов Питерис стал подпольным адвокатом и прослыл знающим человеком.

Питерису не посчастливилось вернуться на родину в первые годы после войны, иначе он обязательно выдвинулся бы на видное место благодаря незаурядной предприимчивости. Когда вся добыча была поделена и все хорошие места заняты, оказалось, что полный благих намерений человек остался не у дел. Правда, Питерис несколько раз вступал в разные партии, но неизменно оставался в тени, не мог выбиться в люди, хотя душа жаждала деятельности большого масштаба, высокого полета. Годы шли. Питерис поблек, пожелтел, кости у него уже поламывало, и досада на пренебрегшее им общество отравляла всю его жизнь.

В родном приморском поселке умерла мать, прожившая последние годы в полном одиночестве. Андрей не виделся с нею почти десять лет и, как подобает всякому порядочному человеку и любящему сыну, в эти траурные дни много думал об усопшей, невольно отождествляя ее судьбу с судьбой других поморян. Разве не таким же позабытым, незамеченным был этот люд, чья жизнь протекала в тихих поселках у дюн или за работой в море? Кто думал о них, кто защищал их интересы, когда высокопоставленные государственные деятели вершили их судьбы? В государстве был сейм, целые месяцы подряд сотни людей произносили длинные речи и сочиняли законы. У хуторянина, у ремесленника, у горожанина были там свои люди, которые без устали твердили об их правах. А где был заступник рыбака? Такой еще не родился.

Нет, не совсем так. Андрей Питерис вполне мог бы выполнять эту роль. Ведь мать его была дочерью рыбака: детство он провел на побережье, знал, как коптят салаку, как ловят ярусами треску. Как же самозабвенно забилось его сердце, как воспылал этой возвышенной идеей его предприимчивый дух!

Выборы в сейм должны были происходить следующей осенью — в распоряжении Питериса оставался почти целый год.

Хладнокровно взвесив и обсудив все условия, способствующие успеху, он взялся за дело. Патефон у него уже был. На аукционе в ломбарде ему

удалось за смехотворно ничтожную сумму приобрести подержанный кинопроекторный аппарат. Он прикупил одну-две пластинки, отпечатал листовки-объявления и затем стал создавать свою «партию беспартийных». Это было приятное, многообещающее дело. А когда в воображении Питериса вставала крупная сумма депутатского жалования, настроение у него подымалось еще больше, и он готов был еще сильнее полюбить будущих избирателей. Вскоре ему удалось заинтересовать некоторых состоятельных людей, которые тоже рвались к широкой политической деятельности на благо народу и самим себе. Теперь в его руках оказались нужные средства, и весной Питерис начал славное агитационное турне по побережью. Вскоре после Янова дня он уже очутился на дороге к поселку Чешуи, где его с нетерпением ждал лавочник Бангер, который и выслал ему навстречу лошадь.

3

У самого Бангера не нашлось времени встретить Питериса. Будучи одним из главных лиц в поселке, он всегда был чем-нибудь занят. Питерису, конечно, было бы приятнее провести сравнительно долгий, двенадцатикилометровый путь до поселка в серьезной беседе с состоятельным человеком и выяснить условия жизни чешуян, чтобы подготовиться к агитационному собранию. Пришлось мириться с тем, что под руку попало. Возница был молодой еще человек, лет тридцати пяти, не больше, небритый, с загорелым, лоснящимся лицом и несколько нелюдящего вида, — по-видимому, один из тех батраков, которых рыбаки-хозяева нанимают на все лето в Риге возле рынка или у Красных амбаров. Он помог Питерису уложить узлы с вещами, патефон и киноаппарат, подождал, пока тот взобрался на повозку, и погнал лошадь по пыльной лесной дороге. Она была до того изъезжена, что местами колеса по самую ступицу утопали в песке, а на корневищах сосен повозку ужасно встряхивало. Опасаясь за пластинки, Питерис взял патефон на колени. Затем он оглядел возницу и стал придумывать, с чего бы начать разговор.

— Закурим? — спросил он наконец, подавая ему папиросу.

— Можно, — пробурчал тот. — Только у меня спичек нет.

— Разве поэтому и брать не следует?

Они закурили.

— Давно живете в Чешуях? — стал выпрашивать Питерис.

— Года четыре. Когда еще молодой Клява построил большую морскую

мережу и за кооператив взялся... Я у его отца батрачил. Знаете Оскара Кляву?

— М-м... не совсем... Кое-что слышал от других. Ну, а как там живет рыбакам? Были какие-нибудь собрания в этом году?

— Собрания?

— Я хочу сказать, приезжали люди от какой-нибудь партии?

— А-а, как же, почти каждое воскресенье кто-нибудь приезжает.

— Что же новенького они рассказывают?

— Чего им рассказывать! Наобещают всякой всячины, вроде птичьего молока... Главное, иди и голосуй за них.

— Этого им определенно хочется! — сухо засмеялся Питерис, и возница в благодарность за папиросу тоже рассмеялся.

— Ну, а люди тоже не со вчерашнего дня на свете живут, — продолжал он. — Кто не знает, как они потом выполняют обещания? Позапрошлую неделю один вот приехал с музыкантами. Сначала скрипач играл, а потом какая-то барышня петь стала.

— А сам он что?

— А что он? Если вы, мол, выберете меня в сейм, я вам выхлопочу дарового материала на постройку домов и добьюсь погашения всех прежних долгов. На сети, говорит, тоже пошлины не будет, и государство за свой счет застрахует вашу жизнь и снасти.

— А что говорят рыбаки?

— Да откуда ему взять? Деньги, что ли, он фабрикует? Лучше бы построил консервную фабрику. Гавань опять же нужна до зарезу, мол надо построить и дорогу провести, чтобы можно было подъехать к берегу. Дорога у нас такая — словно поднятой целиной едешь. Если на возу что бьющееся есть — пока довезешь, одни черепки останутся. А он — государственное страхование!..

— На это они мастера, — вздохнул Питерис и черкнул несколько слов в записной книжке. — Обещать, конечно, легко, а когда дойдет до дела, сразу запоют по-другому! Откуда таким людишкам знать нужды рыбаков? Вот кабы они сами извели, как сладок рыбацкий хлеб... Как, например, я. Да-а, — вздохнул он еще раз, — кто в море не бывал, тот горя не видал. Значит, народ их всерьез не принимает?

— Одна смехота!..

— Да, вы не первый день на свете живете.

Питерис улыбался. Он еще что-то отметил в записной книжке, угостил возницу другой папиросой и потом уже молчал до самого поселка. За колесами взвивалась пыль, солнце било в глаза, а утренний ветер

раскачивал верхушки сосен. Мох местами почти побелел, там и сям выступали песчаные плешины с редкими чахлыми сосенками. Вид этот навевал на Питериса уныние. «Да, нужно быть особыми людьми, чтобы весь свой век прожить в таких местах», — подумал он.

Однако, будучи человеком деятельным, он скоро забыло грустной картине и перенес внимание на босые ноги возницы с громадными синими ногтями и такой же синей кожей; в полосах того же цвета были и видневшиеся из-под брюк подштанники. Оказалось, что брюки у него были сшиты из какой-то ужасно линячей бумажной материи.

«Заграничные материи не линяют, — пришло на ум Питерису. — Если отменить пошлину, люди могли бы покупать их».

Он опять что-то записал себе в книжку. Показались заливные луга, и скоро меж деревьями выглянули домики рыбаков.

4

Поселковая улица не радовала глаз: слишком много песку, мало зелени, дома никудышные, и почти в каждом дворе по лохматому чудовищу, которое встречает чужих враждебным лаем. Питерис терпеть не мог собак — говоря по правде, он их смертельно боялся. В детстве его искусал какой-то барбос, да и позже он не раз вступал в стычки с этими хитрыми и злобными созданиями. И как это ни странно, даже самые Миролюбивые собачонки скалили зубы и оцетинивались при его приближении, словно подозревая в козлобородом человечке врага своего рода. Ему не удавалось завоевать их расположения ни колбасной кожурой, ни другими лакомствами.

Возница, которого в поселке звали Джим Косоглазый, еще издали показал Питерису лавку Бангера и другие достопримечательности.

— Вон та постройка у лимана — наша рыбокоптильня. Ее построили еще в позапрошлом году.

— Кому она принадлежит?

— Кооперативу. Тут почти все состоит в кооперативе. Молодой Клява у них делами заворачивает.

— Много зарабатывают?

— По-всякому. Когда салаки поменьше — выручка неплохая, а когда она густо идет — некуда сбывать. Если бы можно было кильки и шпроты готовить — другое дело... Да ведь нужны машины, котлы и мало ли еще что. Денег не достанешь, а у самих столько не наберется.

— А чей это новый домик на берегу?

— Это молодой Клява построил, зять Бангера.

— Ах, зять!

— Ну да, зять. Тпру, Машка!

Повозка остановилась. Навстречу гостю вышел сам лавочник.

— Приветствую вас, господин Бангер! Ну как, подготовлено у вас что-нибудь? — спросил Питерис, сходя с повозки.

— Здравствуйте, здравствуйте!.. Все уже в порядке. Сегодня в шесть вечера созывается собрание в помещении кооператива. Афиши расклеили еще на прошлой неделе, а при встречах с людьми я сам тоже напоминал, чтобы не забыли прийти.

— Как на это смотрит народ?

— Так себе, в общем средне. Свой человек, конечно, каждому милее какого-нибудь проходимца. Джим, помоги внести вещи, а потом отведешь лошадь на выгон. Сегодня больше ехать никуда не придется.

Во дворе Питериса постигло всегдашнее несчастье: дремавший на солнышке пес вскочил и набросился на гостя, выводя при этом такие рулады, как будто ему наступили на хвост. Не на шутку струхнувший Питерис спрятался за спину Бангера, стараясь задобрить собаку.

— И что это за мода оставлять таких зверей без намордника, — тихо ворчал он. — Ну, погодите у меня, вот стану депутатом, всем вам надену намордники!

Лавочник прикрикнул на пса, тот немного утих, хотя продолжал еще сердито ворчать, не спуская злобного взгляда с ног Питериса, словно желая сказать: «Попадись ты мне подальше от хозяина, я бы с тобой разделался!»

— Пойдемте, господин Питерис, я хочу показать вам новую лососевую мережу, — пригласил Бангер гостя к сараю. — Только что закончили.

— Ах, да, да, весьма любопытно... Гм-гм... вы говорите — лососевая мережа... Отстань ты от меня, сатана!

Последнее восклицание, удивившее гостеприимного лавочника, относилось к собаке. Питерис снова стал пятиться, не спуская глаз с врага.

— Чего он так глядит на меня? Злой, наверно?

— Нет, Султан не кусается. Не надо только бояться, он сразу и отстанет.

— Ох, не говорите. Со мной бывали случаи... Иной раз скажут, что пес смиренный, как овца, а он возьмет да и вцепится в ногу. Со мной случалось. Нет, с собаками шутки плохи, их укусы месяцами не заживают.

Бангеру ничего больше не оставалось, как посадить пса на цепь. Теперь Питерис мог вздохнуть свободнее, но ненадолго: когда они вошли в

сарай, наседка, прогуливавшаяся там с целым выводком цыплят, грозно растопырила крылья. «Кор-кор-кор», — закудахтала она, подбегая к Питерису, и подпрыгнула в воздух. Он отпрянул, но сейчас же понял, что перед ним всего-навсего курица, и, покраснев, тихо пробормотал:

— Чего только у вас здесь нет...

Нет, с животными шутки были плохи. Питерису приятнее было иметь дело с людьми. Он облегченно вздохнул, когда мережа была осмотрена и хозяин дома повел его в комнату, где госпожа Бангер уже накрыла стол к завтраку. Копченые угри и клубника с молоком Питерису очень понравились.

Около шести часов они направились к кооперативу. Бангер еще раньше велел работнику отнести туда киноаппарат и патефон. Красные и зеленые листовки, расклеенные на всех воротах и даже на будках для сетей, возвещали:

!! БОЛЬШАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ПРОГРАММА

Грандиозное кино. Сеанс в 6 часов вечера. Будет показан мировой боевик, съемки которого обошлись в 2 миллиона долларов и потребовали множества человеческих жертв:

«СИНГАПУРСКОЕ ЧУДОВИЩЕ,
ИЛИ

ТАЙНЫ ГАРЕМА ВЛАСТИТЕЛЯ ВОСТОКА»

Возвышенная музыка! Захватывающий сюжет! После сеанса речь деятеля рыболовства — господина А. Питериса: «Что необходимо для улучшения положения рыбаков».

Вход для всех свободный.

Много публики должно было явиться на этот заманчивый вечер. Киносеанс, Сингапур, гарем, прекрасная музыка — и все даром. Кто из рыбаков оказался бы настолько глупым, чтобы упустить такой редкий-случай? Все, у кого только было свободное время, валом повалили — старички, старушки, дети, девушки, свободные от работы в коптильне, парни, которые в тот вечер не были в море у неводов или сетей. Помещение кооператива быстро наполнилось так, что яблоку негде было упасть. Растянули на стене большую простыню, проекционный аппарат поместили за спинами зрителей. После этого перед экраном поставили столик с графином, и Питерис занял за ним место. Он несколько отступил от объявленного в программе порядка и заявил собравшимся, что речь его

будет предшествовать художественной части. Он знал по опыту, как выглядит собрание, когда сначала показывают фильм: только закончится сеанс, и публика сразу расходится — говори тогда перед пустым залом! И на этот раз, узнав, что сингапурское чудовище будут показывать позже, многие из молодежи решили уйти.

— Времени еще достаточно... Придем, когда наговорится, — рассуждали они.

Но Питерис знал, как исправить положение.

— Прошу не расходиться, — предупредил он. — Тех, кто выйдет, впускать больше не будут, чтобы не мешать ходу сеанса.

Ничего не поделаешь, пришлось снова усесться и покорно выслушать речь агитатора. Питерис говорил часа полтора. Он не стал бросаться красивыми и высокопарными словами, а просто, как свой человек, обсудил условия жизни рыбаков, их мелкие и крупные беды, искусно пользуясь полученными из разговора с Джимом Косоглазым сведениями. С кооперативной рыбокоптильной рыбаки еще ничего особенно не достигли. Здесь нужна настоящая консервная фабрика. Что касается котлов, машин и прочего, все это оборудование обойдется дорого, его должно дать государство — ведь тогда ему будет что экспортировать за границу и в казну станет прибывать валюта. А как обстоит дело с рыбацким портом? А где дорога, чтобы машины могли подходить к берегу с полным грузом? Сколько карбасов было разбито и опрокинуто, сколько неводов приходилось разыскивать на дне приглубины, — а все из-за того, что посудину на ночь приходится оставлять на открытом месте. Почему не построен мол? Почему здесь нет ни одной спасательной лодки? Отчего нет того, нет другого? Эти вопиющие несправедливости до того взволновали Питериса, что он весь раскраснелся и теперь заговорил с пафосом. Он искусно играл на чувствах рыбаков, заставляя их вспоминать погибших сыновей и братьев, пробуждая в них былую скорбь.

— Почему это так? — громовым голосом спросил он, обращаясь к залу.

Ответ у него уже был готов:

— Потому что в Риге, в сейме и около правительства у вас нет ни одного защитника из своих людей. И пока его не будет, не ждите, что кто-нибудь облегчит вашу участь. Люди, которые приезжают к вам с обещаниями молочных рек и кисельных берегов, — это только охотники за наживой. Они странствуют по нашим краям в погоне за собственным благополучием. Они вечно обещают, а что вы от них видели? Одни разговоры! И вот, чтобы покончить с таким положением вещей, чтобы

интересы рыбаков могли защищать их собственные люди, некоторые достойные, самоотверженные граждане из вашей среды, чей благородный образ мыслей всем вам хорошо известен, взялись за дело. Но и вы не должны оставаться бездеятельными. Осенью будут выборы в сейм... Мы вступаем в борьбу, выдвигая собственный список! Ни одного голоса другим партиям!

Вытерев вспотевший лоб и увлажнив пересохшие губы глотком воды, Питерис закончил речь. Ему удалось зародить приятные надежды в сердцах рыбаков. Ему долго аплодировали. Правда, нашлись и люди сомневающиеся, которые недоверчиво усмехались, пожимая плечами. А чем этот лучше других? Все они одного поля ягода!.. Но их немногочисленные голоса не могли заглушить мнения большинства.

— Гляди, как он разбирается в наших нуждах. Этот не залетает в облака и чудес не обещает, а только самое необходимое. Свой человек...

«Большая художественная программа» длилась час. Лента, правда, была изрядно потрепана и поминутно обрывалась, видимо, фильм кочевал по всей стране. Все же здесь оказались и восточные страны, и гарем, и девушки с раскосыми глазами... В Чешуях по крайней мере сеанс протекал в приличной обстановке. Помещение было просторное, а когда закрыли ставни, можно было сравнительно легко наблюдать движение теней на экране. То ли видел Питерис в других местах, в маленьких и бедных поселках, где для демонстрации кинокартины не находилось иного помещения, кроме закопченной бани или клетки! Словом, вечер надо было считать удавшимся.

Когда картина кончилась, Питерис стал раздавать листовки и брошюры. Затем Бангер пригласил его к себе ночевать, и оба почтенных мужа удалились.

Бангер и Питерис сели за стол и, опрокинув по рюмке тминной, стали закусывать.

Заговорил Питерис:

— Начато хорошо. Наше дело внушает рыбакам доверие. Теперь надо только правильно повести его, и если мы сами себе не напортим, то осенью нам обеспечено по меньшей мере четыре-пять депутатских мандатов.

— Вы, наверно, уже подумали о дальнейшем, — сказал Бангер, поднося спичку сначала к сигаре гостя, затем к своей.

— Да, здесь нужна система, выработанный план. Я подумал относительно нашего кандидатского списка. Его надо подготовить самым тщательным образом.

— Кхм-кхм... — Бангер стал играть золотой цепочкой часов. — Главное, чтобы это были люди, которые хотят и могут что-то сделать. Шутка ли — народный Представитель! Такое высокое положение, такая ответственность!

— Начнем с первого кандидата, ведущей фигуры, так сказать...

— Об этом, мне кажется, не стоит много говорить — ясно, что это будете вы. — Бангер пристально взглянул в лицо собеседнику.

— Гм... Как еще на это посмотрят. — Питерис откинулся на спинку стула и уставился в потолок.

— Нет, нет, вы и только вы! — строго сказал Бангер. — Кому мы обязаны этим начинанием?

— Ну, допустим, я, если уж вы так настаиваете. Но вторым во всяком случае надо выставить вас, господин Бангер. Остальных тогда можно будет расположить в любом порядке. Конечно, возглавить список надо будет нам самим — мы это заслужили за наши труды и хлопоты! Кто тут больше всех сделал, кто избегал всю округу? Конечно, я... А кто поддержал наше дело денежными средствами, как не вы, господин Бангер? Нет, здесь и сомневаться нечего, у нас обоих все основания попасть в сейм. Давно известно, что первые по списку всегда собирают больше голосов, а остальные — как кому повезет. Конечно, с ними тоже надо действовать осмотрительно, нельзя вносить в списки каждого дурака. Желающих девать будет некуда... Итак, первый и второй кандидаты — мы сами; дальше возьмем от каждого поселка самых известных и уважаемых лиц. Когда списки кандидатов попадут в руки рыбаков, они сразу начнут искать знакомые имена и вдруг увидят имя уважаемого человека. Не пойдут же они тогда голосовать за другой список. Стоит только правильно подобрать кандидатуры — и мы можем получить сотни лишних голосов. Вся округа может проголосовать за нас. Только надо сначала разузнать, кто эти уважаемые лица. Возьмем, к примеру, чешуян. Кто, по-вашему, будет самым подходящим после вас?

— Гм... Мне хоть и неудобно говорить, но ради пользы дела надо признать, что не только среди рыбаков, но и во всей округе вряд ли сыщешь человека, который пользовался бы таким влиянием, как мой зять Оскар Клява. Все это с той поры, как он показал свои способности в некоторых делах... Морские мережи он первый здесь ввел, потом кооператив, погреб-холодильник и большая рыбокопильня — это все его рук дело. Случая еще

не было, чтобы он в чем-нибудь замарался. А вот как это будет выглядеть, если мы выставим двух кандидатов, состоящих между собой в родстве? Вдруг подумают — семейственность?

— Это не имеет значения, — махнул рукой Питерис. — Посмотрите на списки других партий, там подряд идут и отец, и сын, и мать. Если вашего зятя так уважают, мы его обязательно включим в список. Было бы неразумно не использовать такого человека. Был он на нашем собрании?

— Не видал, наверное, опять занят в рыбокоптильне. Он у нас труженик, хотя ему только стукнуло тридцать.

— Поставим его третьим, это неплохо получится. А как гнилушане? Кого бы от них выставить?

Тут им пришлось поломать головы. Бангер называл то Петера Менгелиса, то Румбайниса, то Крауклиса, но при ближайшем рассмотрении на каждом из них оказывалось какое-нибудь пятно: один слишком любил выпить, другой был нечист на руку, третий не умел говорить, а у четвертого семейная жизнь не ладилась.

— Окончательно мы это решим попозже, — закончил Питерис обсуждение сомнительных кандидатур. — Кто из нас без греха?

Они поговорили о положении в других поселках. Питерис отмечал в записной книжке каждую заслуживающую внимания подробность, чтобы знать, о чем надо разговаривать с людьми. Затем он долго разглагольствовал о своих государственных планах, о политике, которую они будут проводить в области рыболовства и рыбопромышленности, когда у них в сейме наберется пять-шесть депутатов.

— Кому-нибудь из нас придется в конце концов стать министром, если у нас окажется большой перевес голосов. Вот тогда можно будет достичь многого.

Бангер жадно слушал, млея от планов Питериса. Этот человек казался ему прямо гением. Что за размах, какая зоркость взгляда, какие познания! Действуя с ним сообща, можно много достичь.

— Вам надо вступить в наш кооператив, — сказал лавочник. — Я мог бы это устроить.

— Ну да, понятно, — усмехнулся Питерис, показав еще раз быстроту сметки. — Это чтобы я был заинтересован в успехах кооператива. Ну конечно, конечно можно, если вам хочется.

Бангера все сильнее томила жажда политической деятельности. Ведь здесь, в поселке, не предвиделось ничего такого, что могло бы захватить полного кипучей энергии человека. Жена Бангера, выросшая в городе, всячески поддерживала стремление мужа к карьере депутата, которая

сулила заманчивые перспективы. Не очень приятно весь век проторчать в лавке возле мыла и дегтя.

— Завтра мы обойдем поселок и попытаемся уговорить самых ненадежных, — сказал Бангер, отводя гостя в приготовленную для него комнату.

— Конечно. Во всяком случае, нам надо будет встретиться с вашим зятем. К вам он не заходит?

— У него не хватает времени... — пробормотал Бангер, отворачиваясь в сторону. — Завод, мережа, невод... Работы всегда достаточно. Такая уж она, наша жизнь рыбацкая! — он вздохнул.

— Да, такова наша жизнь! — вздохнул за ним и Питерис.

6

На следующее утро Питерис проснулся в одно время с Бангерами, которые вставали рано, как обычно в хозяйствах, где есть скотина. Плотно позавтракав, «друг рыбаков» пошел в сопровождении лавочника знакомиться с поселком. Свежий утренний ветер чуть колыхал ветки деревьев, птицы щебетали в лесу, а проснувшиеся с первыми лучами солнца мошки и жучки в несметном числе носились в воздухе. Стайки стрекоз плыли против ветра, тонкие нити паутины садились на лица идущих — казалось, ею было заткано все пространство.

— Кажется, надо ждать ведра, — рассуждал Бангер, смахивая с лица паутину. — Оно было бы кстати, пора убирать сено.

Они вышли на берег, куда уже возвращались рыбаки с сетями. Поодаль несколько человек притоняли невод. Море покоилось в своих берегах, тускло поблескивая, подобно расплавленному свинцу. Далеко-далеко гудел мотор — почтовый самолет из Эстонии совершал рейс над тихим заливом. Сладкая, дремотная истома обволакивала и землю и море. Золотистым блеском отливала на солнце осока, под ногами мягко шуршал песок, мелкий и чистый, как первосортная мука, будто его просеяли сквозь сито алмазоискатели. Весь рыбацкий поселок пришел в движение: мужчины развешивали сети или мыли лодки, борта которых были облеплены икрой и чешуей; повозки с ящиками для салаки ждали на пляже, когда притонят мотню невода.

Время было раннее, едва перевалило за шесть часов, и, наблюдая за работающими рыбаками, Питерис невольно задавал себе вопрос: когда же они спят? Иной уже успел пройти на веслах значительное расстояние,

проверяя или выбирая сети; другой целую ночь провел в море. Они медленно двигались, убирая снасти или сматывая в круги мокрые тросы. Некоторым жены принесли завтрак. Присев на борт неводника или карбаса, рыбак отламывал по кусочку то от жареной салаки, то от ломтя ржаного хлеба и изредка прикладывался к маленькой деревянной фляжке, которую потом с величайшей осторожностью прятал во внутренний карман куртки, чтобы не соблазнять других. Окружившие рыбацьи лодки женщины встряхивали сетное полотно, выпрастывая из него рыбу; крупные рыбыны извлекались из ячей так быстро и ловко, что даже жабры оставались целыми.

Питерис направо и налево бросал «бог помочь», останавливался то в одном, то в другом месте, справлялся об улове, о ценах на рыбу. Он не затруднял рыбаков обычными вопросами несведущих горожан, а всюду показывал себя человеком знающим, который за свою жизнь успел все испытать. С пожилыми, охочими до разговоров женщинами он побеседовал о предполагаемом урожае картофеля (только бы засуха не повредила!), расспросил, сами ли они пекут хлеб или берут в лавке; перед мужчинами он раскрывал портсигар и угощал папиросами, а когда подошел к артели неводчиков, которые, только что притонив мотню, отхлебывали по глотку водки, выразил желание приложиться к общей фляжке, попросив на закуску кусочек только что пойманной сырты. Все это, конечно, были мелочи, но они производили благоприятное впечатление: людям нравится, когда их неприхотливые обычаи могут доставить удовольствие чужому человеку. Всех охватило чувство какой-то общности.

— Хороший господин, совсем не зазнается...

И обычно довольно угрюмый рыбацкий люд начал дружелюбнее смотреть на приезжего.

— Что вы добавляете к краске, чтобы куртки блестели? — спрашивал Питерис.

— Сикатива и немного сала, — отвечали ему.

И вот начинается оживленный разговор о различных способах промасливания, причем почти у каждого имеется излюбленный рецепт.

— А что, манильский трос прочнее пенькового? — И «друг рыбаков» щупает подборы.

— Нефть все-таки слишком дорога, надо бы совсем отменить пошлину, — говорит он владельцу моторки, а повертев в руках бутылку с водкой, грустно охает: — Прямо аптека! Разве рабочий человек в состоянии платить за это? С нас дерут черт знает какие деньги, а знаете вы, почему продают эту самую водку за границу? Никакой справедливости...

— Надо бы всем пьющим объявить забастовку, — вставил кто-то из рыбаков.

Раздается оглушительный смех.

— А долго бы ты пробастовал?

— Сходим теперь к рыбокоптильне, — пригласил Питериса Бангер. — Оскар, наверно, уже принял рыбу, сейчас сможет и поговорить с вами.

На рыбокоптильном заводе работа шла полным ходом.

Ящики угрей, камбалы и салаки стояли в низальном цехе. Нанизанную на мочалу или на тонкие вертела рыбу то и дело выносили в обширную коптильню.

— Здравствуй, Оскар! — обратился Бангер к молодому мужчине, занятому чем-то возле ящиков из-под рыбы. — Как дела?

— Спасибо, так себе! — откликнулся Оскар и обернулся к пришедшим.

— Познакомься с нашим известным деятелем, господином Питерисом, — представил Бангер спутника. — Он как раз собирается основательно изучить положение нашего поселка.

Оскар внимательно посмотрел на маленького человечка и подал руку.

— Неплохо будет, если и нами кто-нибудь поинтересуется, — усмехнулся он и снова принялся за прерванную работу.

Питерису, неизвестно почему, стало не по себе от беглого, безразличного взгляда этого человека. Такой спокойный, ясный был этот взгляд — казалось, он насквозь пронизывал. Мужественная фигура Оскара, большие рабочие руки, суровые черты загорелого лица, размеренные движения, выдававшие, однако, спокойную уверенность в своих силах, почему-то внушали Питерису беспокойство. «Этого на мякине не проведешь, — подумал он про себя, — с ним надо быть поосторожнее».

Стараясь не мешать, он начал его прощупывать короткими замечаниями. Поняв, что рыбокоптильня — любимое детище Оскара, Питерис стал выкладывать свои наблюдения в самом деловом тоне.

— Вы, значит, занимаетесь только копчением...

— Что поделаешь, когда большего мы начать не в состоянии.

— Гм-да... По-моему, вам надо расширить производство, давать новые виды продукции. Здесь довольно оживленный рыболовный центр, вы могли бы свободно производить и на экспорт.

— Конечно, могли бы, — слегка вздохнул Оскар. — Пристроить только новые цехи, приобрести машины и котлы — и можно делать консервы. Но откуда взять денег?.. Собственными средствами мы это дело не поднимем.

Бангер многозначительно переглянулся с Питерисом и, будто чем-то заинтересовавшись, ушел в низальный цех. Питерис приступил к делу.

— Все это вполне достижимо, буквально все! От вас требуется только деятельное участие в государственной жизни. В наши времена каждому надо бороться за себя, для чужих никто стараться не станет. Если бы у нас были в сейме свои люди, в два счета удалось бы построить консервную фабрику на побережье.

— Возможно.

— Будущей осенью рыбаки выступят на выборах с собственным списком.

Оскар усмехнулся:

— Разве это нам поможет? Опять какой-нибудь политикан нагрет себе руки.

— А их не надо подпускать. Самим, самим надо браться за дело. Мы как раз составляем список кандидатов, и все пришли к выводу, что вам тоже следует выставить свою кандидатуру.

— Мне? — Оскар удивленно взглянул на него и засмеялся. — А что мне делать в сейме? Одним бессловесным будет больше, только и всего. Нет, нет, какой из меня депутат!

— Подождите отказываться, ваше имя обязательно должно стоять в списке.

— Никоим образом. Для таких дел требуются другие люди.

— А кто они такие, эти другие люди? Вы думаете, что большинство из них бог знает что из себя представляет.

— Чего же тут хорошего? Это только доказывает, что они не понимают, за какое важное дело взялись. На народного представителя возлагаются тяжелые обязанности. Кто берется за это дело, зная, что не справится с ним, тот... по меньшей мере порядочная дрянь.

— А чего тут не справиться? Участвовать в голосовании, понимать, что нам подходит, что нет, — это ведь каждый сумеет.

— Ну, что нам подходит, в этом мы разбираемся, но ведь то, что подходит одному или немногим, не всегда полезно всему народу и государству. Нужды всего народа важнее наших личных интересов. Нет уж, дорогой господин Питерис! Про вас я ничего не говорю — возможно, вы считаете себя подходящим для депутатской должности, но чтобы я... Здесь, на взморье, я знаю свое дело, здесь я умею работать, а там... Нет, ни в коем случае! Кто же тогда будет заниматься моим хозяйством, кто останется в рыбокоптильне?

— А жалованье! Известно вам, какие деньги платят депутатам? Когда

вы будете получать семьсот латов в месяц, вам вовсе незачем будет работать. Вы сможете снять в городе хорошую квартиру, и только время от времени вам придется совершать поездки по рыбацким поселкам — посмотреть, как там идут дела. Вам тогда и не захочется работать. Потом вас безусловно выберут в какую-нибудь комиссию. Заседательские, командировочные... О вас начнут писать в газетах. Да здесь вы никогда столько не получите.

Оскар окинул пронизывающим взглядом своего собеседника:

— А кто за все это расплачивается?

— Государство.

— Я знаю, что государство. Но откуда оно-то берет эти средства? Опять же у народа — значит, и у наших рыбаков.

— Зато вы будете защищать их интересы.

— Хватит, господин Питерис, поговорим лучше о чем-нибудь другом.

— Ну и чудак он у вас! — сказал Питерис Бангеру, когда они выходили из рыбокопильни. — Уперся на своем, да и только...

Бангер уныло развел руками:

— Он всегда был такой.

На улице они встретили Фреда Менгелиса, который привез из Гнилуш два ящика камбалы. Заметив обоих политиков, он еще издали поздоровался и направился им навстречу.

Положение у Фреда Менгелиса было не из завидных. Три года тому назад, когда он с полными карманами вернулся из Америки и вместе с Оскаром построил большую лососевую мережу, все шло по-другому. Первое лето они хорошо заработали, — ветры благоприятствовали ходу лосося, и почти все море принадлежало им одним. Несколько месяцев подряд их ловушка приносила богатую добычу. Казалось, иных времен и не будет, и Фред привык к большим доходам. Скупым он никогда не был, это было не в его характере. Покупал себе костюм за костюмом, приобрел велосипед, а когда он ему надоел и появилась мода на более скорые средства передвижения, обзавелся мотоциклом и катал по пляжу девчонок.

Знакомых у него было хоть отбавляй, в каждом поселке имелась подруга, и каждую ему хотелось чем-нибудь одарить. Направо и налево сорил он латами и иностранной валютой — то шелковое платье купит, то колечко с камешком или даже летнее пальто. Фред был завсегдаем

танцевальных вечеров, и за его столиком каждый мог угоститься на дармовщинку. Разве он требовал чего-нибудь взамен, кроме веселой и дружной компании?

Возвратившись на родину, Фред с первых же дней заговорил о женитьбе, но так далеко еще не заходил, чтобы повести какую-нибудь девушку к алтарю. Сегодня ему нравилась одна, завтра другая, а то и все понемногу. Правда, однажды он всерьез решил назвать Аниту Бангер своей женой, но тут поперек дороги встал Оскар, и в конце концов оба союзника охладели друг к другу.

Как только Оскар женился и стал рыбачить самостоятельно, дела Фреда пришли в упадок. Кругом настроили столько мереж, что в море места для них не хватало. Бушевавшие несколько лет подряд во время путины бури рвали его сети, лососей стало меньше, а с братом Петером дела шли далеко не так гладко, как с Оскаром. Надо было сокращаться, придерживать деньгу — и это сразу же сказалось на отношении окружающих. Вокруг Фреда больше не теснилась поселковая молодежь, над его рассказами о заграничных приключениях только посмеивались, одиноко сидел он теперь за пустым столиком. Но что из этого — сыт ты или голоден — все равно держи голову выше! Еще неизвестно, на каком кладбище тебя похоронят... Человек, который столько всего перевидал, сам собой представляет ценность: наступит подходящий момент — и тогда придет всеобщее уважение.

В душе он остался все тем же Фредом — щеголем, ветрогоном и хвастуном. Пусть никто не воображает, что он намерен всю жизнь прокорпеть возле брата, за какими-то салаковыми сетями и крючковыми снастями! Кое-что он уже придумал. И если бы только удалось осуществить этот план, Фред быстро всплыл бы на поверхность, поправил дела и восстановил былую славу.

Но для этого требовались деньги, хотя бы небольшой капитал, затем — немножко храбрости и чуточку удачи.

Брат Петер был слишком ограниченным человеком, чтобы стоило посвящать его в такое дело. Подходящих товарищей Фред не находил ни среди гнилушан, ни в соседних поселках. Вот если бы Оскар остался прежним другом, с ним еще стоило бы... Но у него своя семья, ему надо жить с оглядкой, ему больше нельзя действовать ва-банк. Вдобавок в их отношениях все еще чувствовался какой-то холодок.

О появлении Питериса и его намерениях Фред уже слышал. Он понял, что этот зевать не станет, и ему захотелось поближе познакомиться с предприимчивым человеком.

— Здравствуйте! — еще раз сказал он ему, приподымая шляпу. — Ждем не дождемся вашего приезда в Гнилуши. Мой брат был вчера на собрании и слышал вашу речь.

— Что у вас там поговаривают?

— Ждут вас. В Гнилушах все то же, что и здесь. Радуемся, что наконец наступают другие времена, — начнем сами о себе думать. Так устали ждать помощи от других...

Питерис с удовольствием бы поговорил с ним подробнее, потому что решил на следующий день выступить у гнилушан.

— Что вы на это скажете? — спросил он тихо у Бангера, который собрался идти домой.

Бангер неопределенно пожал плечами:

— Смотрите сами...

Ничего больше не добавив, лавочник ушел, оставив его с Фредом. Огорченный разговором с Оскаром, «друг рыбаков» не удержался и резко оборвал распинавшегося Фреда:

— Говорить, конечно, легко, а как только доходит до дела, вы сейчас же на попятный. Вот молодой Клява, например. Ему бы очень хотелось, чтобы дело у вас было поставлено на широкую ногу, а когда я сказал, что надо и самому постараться, он отнекивается: куда-де мне, пусть кто-нибудь другой.

— А чего с него требовать, — с презрительной гримасой сказал Фред. — Я тоже его знаю очень хорошо. От чего это он отказался?

— Не захотел, чтобы его выставили кандидатом на выборах в сейм.

Глаза у Фреда широко раскрылись. До таких высоких материй он еще не додумывался. Депутат сейма!.. Оскар — в сейм! Здорово! Что-то даже кольнуло американца в самое сердце, губы помимо воли искривились в завистливой улыбке.

— С ним у вас ничего не выйдет, — уж очень он зазнается... Но если вам так срочно... я бы не отказался. Да вы можете хоть сейчас занести в список мое имя, Фред... то есть Альфред Менгелис.

— Мы подбирали наиболее известных людей, имеющих здесь влияние.

— Кто же меня здесь не знает? Да вы сходите в местечко, спросите любого. Фред Менгелис — порядочный парень, о нем ничего дурного не скажешь. Пардон, извините, что я так говорю. Самому ведь неудобно рекомендовать себя, но если другие так загордились, мы им утрем нос. Оскар... Ха-ха-ха! Вот тоже, нашли кого выдвигать! Я его давно знаю, когда-то мы вместе заворачивали делами. Правда, хватка у него есть, но в

общем ничего особенного, другие работали бы чище. А что, паспорт для этого тоже нужен?

— Для чего?

— Ну, для этого списка.

— Ах, вы вон о чем! Ну, это еще не к спеху, — старался отделаться от него Питерис. Готовность Фреда его ничуть не обрадовала. От людей, которые сами навязывались, он добра не ждал.

После недолгого изучения «друга рыбаков» Фред в конце концов решил рискнуть:

— Пройдемтесь немного подальше, здесь еще кто-нибудь подслушает. Я придумал одну хорошенькую штучку, но мне нужен компаньон, а со здешними связываться не стоит.

— Ну-ну! — понукал его заинтересованный Питерис. Они ушли за дюну, и там Фред полусшепотом сообщил Питерису великолепно разработанный план. Слушая его, низкорослый человечек даже бородкой затряс от возбуждения и стал почесывать ладони о брюки.

— Для предвыборной компании нужны будут деньги, а нам стоит только взяться за это дело — и они сами в руки поплывут, — нашептывал Фред. — И это тоже хорошо, что вы будете в городе, а я на побережье. Вы мне помогите только на первых порах!

— Тогда придется вступать в кооператив, — задумчиво сказал Питерис. — Бангер приглашает.

— Это пожалуйста. Я тоже в нем состою. Ну, так как же, по рукам?

— Ну что же, попробуем. — И, выразительно посмотрев в глаза Фреду, Питерис добавил: — Тогда вы будете стоять третьим в нашем списке.

Они разошлись. Питерис вернулся в поселок. Фред все еще стоял на склоне дюны и улыбался своим радужным мыслям... о сейме и о многом другом.

— Теперь держись, Оскар!.. Теперь ты увидишь, на что способен Фред. Эх ты, работяга!

Хотя Бангер и сослался на дела, но это была только отговорка. Обстоятельства, заставившие хитрого лавочника уйти домой, были совсем иного порядка. Правление кооператива решило уволить коптильщицу, которая прошлой весной приехала в Чешуи откуда-то с курземского побережья. Постановление было принято без ведома Оскара. Бангер тоже

был замешан в этом деле, поэтому ему не хотелось выступать в открытую против зятя. Оскар без сомнения будет противиться, потому что эту коптильщицу он сам пригласил на работу.

Что заставило рыбаков-хозяев пойти на это? Жадность и зависть. Осис и старый Дунис с самого начала ворчали, что вот приходится отваливать такую уйму денег чужой женщине, когда ее работу может выполнять кто-нибудь из своих, и это обошлось бы гораздо дешевле. А главное, у Кристапа Лиепниека завязалась слишком тесная дружба с коптильщицей, в то время как у его семьи были на этот счет совсем иные намерения: ведь Вильма Осис была почти обручена с Кристапом. Соседи, друзья детства — чем не пара?

Поэтому Бангер и удрал. Вскоре после его ухода в рыбокоптильню пришли члены правления — Лиепниеки и Осис. Присутствовали тут и другие, Фред тоже остался. Старики предпочли бы обойтись без Оскара, но раз он не уходил... Они потоптались, закурили, незаметно подтолкнули друг друга в знак одобрения. Осис оказался смелее всех.

— Сегодня последнее число месяца, — начал он.

— Как будто, — равнодушно ответил Оскар. — Есть какие новости?

— Нет, ничего нового, только вот думаем, что мы уже довольно на нее насмотрелись, сами теперь справимся... С какой стати транжирить деньги на чужого человека? Сможет и из наших кто-нибудь...

— Да вы о ком говорите? — Оскар внимательно посмотрел на стариков.

— Ну, об этой мастерице-коптильщице. Мы постановили рассчитаться с ней за прошлое, и пусть ее уезжает обратно в Курземе.

— Вот как! — Оскар сразу помрачнел. — Хотите ее уволить? Да вы рехнулись! Опять чтобы портить товар, как вначале?

— Велика хитрость коптить салаку! — перебил его Лиепниеки.

— Ну, а как быть с угрем, камбалой, лососем?

— Если у других духу не хватает, я могу взяться за это, — вызвался вдруг Фред.

— Помните, как обстояло дело первый год, — продолжал Оскар. — Первые партии нашей копчушки никто брать не хотел — то слишком сырая, то очень сухая, то нет блеска. Наконец мы своим товаром завоевали рынок, могли бы работать да работать, и вдруг — на тебе! Чего вы дурака валяете?

— Никто здесь дурака не валяет, — пробурчал Осис. — Ну, поразмысли сам, во что нам обходится эта мастерица? Будто инженер какой. Екаб Аболтынъ был бы рад на этой же работе получать вдвое

меньше.

— Пусть он лучше играет на гармонике да бреет бороды, — вскипел Оскар. — То, что мы тратим на коптильщицу, возвращается нам сторицей. Разве можно в таком большом предприятии обойтись без опытного мастера? Подумайте сначала, а потом будем разговаривать.

— Ну, какой тебе интерес отстаивать так чужого человека? — пытался уговорить его Лиепник.

— Как сказать, — засмеялся Фред, — а вдруг ему кое-что от нее перепадает!

Оскар густо покраснел и презрительно посмотрел на него.

— Не паясничай, — ответил он тихо и вышел. В дверях он обернулся. — Делайте, как вам нравится, за дальнейшее я больше не отвечаю.

Мастерицу-коптильщицу уволили, на ее место взяли Екаба Аболтыня. Это был первый случай, когда старики хозяева пошли против Оскара, — первая его неудача со дня основания кооператива.

В тот же день мадам Бангер побывала у Аниты и объявила ей хорошенькую новость: Оскару представилась возможность стать депутатом, зарабатывать семьсот латов в месяц, а позже получать пенсию, но он отказался.

— Ну, не безрассудство ли это, — возмущалась мадам. — Молодой человек, вся жизнь у него впереди, а он хочет закопаться здесь до скончания века. Сидит, как прикованный, у этого моря...

Да, уж этого она не могла одобрить. Ей хотелось видеть образованную дочь совсем в иной обстановке. Не велика радость — остаться всю жизнь женой простого рыбака, ради этого не стоило кончать среднюю школу. Представив себе Аниту супругой известного государственного деятеля, она нашла дочь вполне достойной этой роли.

Анита даже не захотела ее слушать.

— Оскару лучше знать, что ему надо, — ответила она матери.

Но, оставшись вдвоем с сынишкой, который только еще начинал говорить, она задумалась. Одна за другой возникали перед глазами женщины заманчивые картины: интересное общество, шумная столичная жизнь. Воспоминания о школьных годах в Риге обрели прежнюю остроту, и ей вдруг взгрустнулось. Это чувство Анита испытывала не впервые... Мужа она любила. В простом рыбаке, вечном труженике Анита увидела настоящего человека, выделяющегося в любой обстановке несколько грубоватым, но сильным характером, героя будней, великого в тяжелых повседневных трудах. Именно поэтому она его и полюбила. И все же...

Когда Оскар вернулся домой, Анита подала обед и под села к окну. Маленький Эдзит подбегал то к одному, то к другому, забавляя растроганных родителей лепетом. Как бы невзначай Анита передала мужу слова матери. Вспомнив о предложении Питериса, Оскар рассмеялся и пересказал разговор с «другом рыбаков». Но Анита не смеялась. Когда Оскар замолчал, она сказала задумчиво:

— Почему же это не по тебе? Разве ты этого не стоишь? Нет, Оскар, тебе не следовало отказываться.

Оскар с улыбкой махнул рукой.

— Мое место — здесь, у моря.

Оскар посадил к себе на колени сына и стал играть с ним. Анита молча мыла посуду. Покончив с уборкой, она присела на прежнее место и тихо сказала:

— Нельзя ли еще как-нибудь это... исправить?

— Анита, неужели ты еще не забыла об этих пустяках? — И такое удивление, такой ласковый упрек послышались в голосе Оскара, что Аните осталось только замолчать. В конце концов вся история была обращена в шутку, над которой оба они от души посмеялись. Сынишка резвился возле них, и им приятно было наблюдать за малышом, слушать милый лепет.

И все же где-то в углах светлого нового домика затаилась грусть, выжидая подходящего момента, чтобы снова овладеть душой молодой женщины.

9

Лето прошло без особых событий. Питерис еще несколько раз появлялся в Чешуях, уважаемые лица с грехом пополам были отысканы, и список кандидатов «рыбацкой беспартийной партии» объявлен. Но когда он дошел до избирателей, «другу рыбаков» пришлось испытать некоторое разочарование: они ничуть не обрадовались знакомым именам в списке — наоборот, принялись еще зубоскалить на их счет.

— Нет, ты только взгляни — и Бангер тоже в списке! — удивлялись они. — Ну, какой из него депутат? И американца туда же! И какого черта им делать в сейме? Этак и мы бы могли...

— Еще лучше их...

В глаза кандидатам, конечно, ничего не говорили, но за их спинами весь поселок посмеивался втихомолку. Больше всего шуток отпускалось по адресу Бангера, как это всегда происходит с пророками, которых не

признают в своем отечестве.

— И этот туда же! Думает, если он может подсчитать, сколько с нас брать за мыло и табак, то сразу же и государственный бюджет составит. Знал бы лучше свою лавку.

Но никто не подозревал, насколько серьезно относился к этому делу сам Бангер.

Наконец наступили тревожные, полные ожидания и неизвестности дни выборов. Бангер из кожи вон лез, напоминая соседям, как важен каждый голос, и не забывал намекнуть, что в случае избрания за угощением дело не станет. На следующую ночь после выборов, когда объявляли по радио результаты голосования, он совсем не ложился. То его прошибал холодный пот, то начиналось ужасное сердцебиение; спичка прыгала в пальцах, когда он хотел зажечь папиросу. Только послышится знакомый голос диктора, он уж ни жив ни мертв.

— Тише вы! Да перестаньте же там возиться, — унимал он домашних, и без того притихших в других комнатах. — Расшумелись так, что ничего не слышно.

Чистый лист бумаги и очиненный карандаш он приготовил заранее. На листе были начертаны римские цифры:

I.

II.

III.

Целых шесть цифр стояло там, — ведь Бангер ожидал, что по их списку пройдет не менее шести депутатов. Но увы! — записывать-то было и нечего, — один только Питерис собрал необходимое число голосов и прошел в сейм. Первым кандидатом после него шел кто-то с севера Видземе, вторым — да, вторым был Бангер. Когда схлынула горечь разочарования, Бангер начал обдумывать создавшееся положение.

«Если бы Питерис умер... А после него и этот видземец... я бы попал в сейм...»

И им овладело недостойное желание увидеть соперников мертвыми.

Несколько дней Бангер не мог взглянуть в глаза соседям, опасаясь увидеть в них бездушную насмешку, которой люди провожают всякое благородное, но неудавшееся начинание. Мадам тоже несколько осунулась, хотя она как женщина быстрее привыкала к любой роли. Успехи Питериса ее немного раздосадовали, но не дай бог, чтобы кто-нибудь узнал об этом!.. Еще подумают — зависть...

Среди рыбаков царило торжество по поводу победы Питериса. Человек столько потрудился, все дороги исколесил во время кампании, —

пусть уж теперь порадует. Зато и им можно теперь ждать каких-нибудь благ.

В кооператив Питериса приняли еще летом. Он быстро приобрел большой вес в делах; особенно его интересовала рыбокоптильня.

Когда он приехал на взморье, рыбаки забросали его вопросами: «Ну как, скоро будет субсидия на постройку фабрики? Когда начнут строить мол? Нельзя ли отменить пошлину на сети и нефть?»

Питерис говорил уже не с таким воодушевлением, как на первых собраниях; вообще он как-то притих и стал гораздо терпеливее. «Нельзя ведь все сразу, дайте нам начать работу. Пока что-нибудь протащишь через комиссию и заседания, проходит изрядное время. Но я как-нибудь постараюсь, нажму».

Опять они с Фредом долго беседовали наедине. После этого на ближайшем кооперативном собрании Питерис рассказал про некоего известного всем человека, который задумал обновить устарелые способы лова. Речь идет о лове посреди залива или даже на просторах открытого моря, где рыба во время нереста собирается на банках большими косяками. Фред Менгелис в свое время плавал близ Ньюфаундлендской отмели, бывал он и на Лофотенских островах, прозванных хлебными закромами рыбаков Норвегии. Родное наше Янтарное море^[12] безусловно хранит в себе такие же закрома, надо только поискать их. Поэтому следует немедленно помочь предприимчивому члену кооператива в благородном начинании. Правда, на это потребуются средства: нужен специально оборудованный мотобот, необходимо приобрести соответствующие снасти. Если рыбаки сообща помогут хотя бы кратковременной ссудой, то они приблизят наступление лучших времен.

Сам Питерис поручился половиной депутатских доходов. Оскар заговорил было о том, что кооператив не банк по кредитованию сомнительных начинаний, но никто его не поддержал. Бангер поспешил напомнить дела прошлых лет, когда он сам кредитовал такие же сомнительные начинания Оскара. «И разве нам не повезло?» Это Оскара, конечно, не убедило, не так-то легко было рассеять его подозрения. Но если бы он продолжал настаивать, все бы решили, что он собирается сводить с Фредом старые счеты, и он замолчал, отошел в сторону. Это была его вторая неудача. Фреду выдали ссуду, и тогда началась одна из самых сумбурных историй, о каких вообще когда-либо слыхали в Чешуях и Гнилушах.

Наступали другие времена. Старым звездам пора было закатиться, новые взошли над горизонтом. А может, это были вовсе и не звезды, а

только падающие камни, которые сверкают, нагревшись в земной атмосфере.

Глава вторая ФРЕД СНАРЯЖАЕТСЯ...

1

Давно уже поговаривал Фред о предстоящей ему поездке в один из северных видземских городков, где жили родители друга, с которым он познакомился в Америке.

— Мне надо им кое-что сообщить, — с таинственным видом говорил он. Иногда это был город Валка, иногда Валмиера, в другой раз Смилтене или Цесис — в общем никто точно не знал, куда именно он едет. Так он прособирался три года, и каждый раз что-нибудь расстраивало намерения американца. Сначала у него просто не хватало времени, потом и времени было достаточно, но зато не стало денег, а с пустыми карманами Фред не желал пускаться в путь. Незаметно подошла поздняя осень четвертого года. Получив ссуду на постройку мотобота, Фред наконец расхрабрился. «Теперь или никогда», — сказал он и двинулся в путь.

Вечерело, когда Фред сошел с поезда. Теперь ему надо было добраться пешком до ближайшей волости. Спросив, как туда дойти, он быстро зашагал по изъезженной проселочной дороге. Моросил холодный дождик, быстро надвигались сумерки. Невесело было на душе у Фреда; несколько раз он останавливался посреди дороги, собираясь повернуть назад. Пасмурная осенняя погода и незнакомые места гнетуще действовали на него, все здесь казалось тусклым и унылым. Наконец он достиг указанной усадьбы и тихо, как разведчик, стал подкрадываться к дому. Навстречу ему вышла женщина лет пятидесяти. Поздоровавшись с ней, Фред спросил, где можно увидеть стариков Зиедыней.

— Уж не их ли сын? — полюбопытствовала женщина, внимательно рассматривая незнакомого человека.

— Нет, не сын, товарищ его.

— Господи, да вы зря только шли в такую даль. Наверно, из города?

— Я приехал из Риги... Разве они не здесь живут?

— Да что вы! Раньше, правда, проживали у нас в баньке, но сейчас уже с год, как их взяли в богадельню.

— В богадельню? — Фред вздрогнул. Опустив глаза, он спросил: — Разве им так плохо жилось? Неужели сын ничего им не присылает?

— Раньше присылал, постоянно что-нибудь от него приходило... Раньше можно было прожить. А потом неизвестно, что случилось, — только он перестал посылать. Да, господин, если вы хотите их увидеть, вам надо идти в городскую богадельню.

— Где она находится?

— Идите обратно той же дорогой. Сейчас же на краю города, направо, большой такой старый дом. Вам кто-нибудь покажет.

Дорогой Фред немного успокоился. Было совсем темно, когда он постучался в дверь богадельни. Там уже легли, и никто не вышел к нему. Наконец он догадался постучать в окно, случайно попав к самому смотрителю богадельни.

— Ну, кто там, чего стучитесь? — отозвался сердитый мужской голос. К стеклу прижалась широкая заспанная физиономия. — Что нужно? Дня вам, что ли, мало?

Грубый тон задел Фреда. Ему тоже захотелось показать, кто он такой.

— Мне надо сию же минуту поговорить со стариками Зиедынями. Я иностранец и нынешней ночью должен вернуться в Ригу. Завтра уходит мой пароход.

Прошло немало времени, пока смотритель одевался и будил Зиедыней. Наконец Фреда впустили в большую комнату, где не было никакой мебели, кроме стола, нескольких скамеек да стенной керосиновой лампочки. Старички дожидались его стоя.

— Вот они, можете разговаривать, — буркнул смотритель и вышел.

Фред сразу же приступил к делу:

— Вот что, люди добрые, я сейчас только прибыл из-за границы и привез вам привет от вашего сына Карла. Мы встретились в Англии, и он попросил меня передать вам привет. Разве сам он ничего не написал об этом?

— Вот уже с год, как от него нет весточки. И не знаем, жив ли он, — ответила мать. — Не обижается ли...

— Чего же ему обижаться... Бывает так, что уйдешь с пароходом в дальний рейс, тогда и письма идут подолгу... А обо мне он не писал, не предупреждал, чтобы ждали в гости?

— Нет, последний раз ничего такого в письме не было, — кряхтя, ответил старый Зиедынь. — Вот года три тому назад, тогда, правда, писал, чтобы дожидались одного молодого человека с гостинцем.

— Ну и что же, приехал? — спросил Фред, вертя шейю, как будто у него был слишком туго завязан галстук.

— Где там! Не видали мы ни молодого человека, ни гостинца.

— М-да... А я ведь могу сказать вам, почему он не приехал. Этому парню не повезло, — простудился и переселился к праотцам.

— Неужели помер?

— Да, умер. Жаль, прекрасный был человек. Но незадолго до смерти он говорил со мной, передал немного денег и попросил, чтобы я доставил их вам.

Фред вынул из кармана записную книжку и начал перебирать недавно полученные в кооперативе деньги. Вынул один двадцатилатовый билет, немного помедлил, достал другой, но тут же передумал и сунул его обратно.

— Вот, возьмите, пожалуйста, это вам гостинец от сына.

Старики не знали, как и благодарить его за подарок, а Фред великодушно их останавливал: это же не от него, он только доставил деньги, они за все должны благодарить сына.

— Вы бы ему написали сейчас, — сказал он. — Здесь, правда, темновато, но если поставить лампу на стол, можно приспособиться.

— Вот беда-то, глаза у нас у обоих до того слабые, даже с очками ничего не видят, — разохалась старушка. — Раньше, когда еще в деревне жили, нам хозяин всегда писал...

— Да вы не расстраивайтесь, милые, в этом я вам помогу, — услужливо вызвался Фред. — Бумага и самописка у меня всегда при себе. Кто мне будет диктовать?

Пристроившись к столу, Фред написал от имени стариков длинное письмо старому товарищу-моряку. Одна фраза, которую он постарался вывести как можно более четко, ему особенно понравилась: «Деньги, что ты послал со своим другом, мы теперь получили. Спасибо, сынок...» Перечитав вслух написанное, он заклеил конверт и надписал адрес.

— Марку я сам наклею, не беспокойтесь, — сказал он, заметив, что старый Зиедынь нащупывает завязанную в уголок носового платка мелочь. — Мне ведь тоже хочется ему написать, надо же разузнать, как ему сейчас живет, старому неудачнику.

Поболтав еще немного, Фред стал прощаться. Уходя, он сунул обоим старикам по лату, так что они даже прослезились от избытка благодарности. Письмо Фред послал заказным, — оно во что бы то ни стало должно было достичь адресата, недаром же он потерял столько времени и вошел в расходы.

На обратном пути Фред задержался на день в Риге и разыскал Роберта Кляву, который после окончания университета прозябал мелким служащим в ожидании лучших времен. Убедившись, что дела у него идут не блестяще

и каждый сантиметр на счету, Фред познакомил Роберта с грандиозным планом.

— Нам нужен человек, чтобы действовать в городе, — сказал он. — Одному Питерису за всем не поспеть, да и неудобно ему везде самому соваться. Как-никак, депутат сейма, видная фигура, — ему надо быть осторожнее. А тебе это будет как нельзя более кстати.

— Будут и другие участники? — спросил Роберт, взволнованный заманчивым предложением.

— Кого-нибудь еще надо найти среди батраков, чтобы брать с собой в море. Один я не справлюсь с мотором и рыболовной снастью.

— Ясно. Но ты, надеюсь, не примешь его в долю?

— С ума, что ли, я сошел? Он у меня будет на жалованье.

Роберт с радостью согласился. Покончив с делами, Фред уехал. Зимой ему предстояло много хлопот.

2

Приехав домой, Фред стал действовать. Вскоре корабельный мастер Витынь с сыном начали строить в сарае у Петера Менгелиса моторную лодку, гораздо больших размеров, чем у других рыбаков. Вместительная и широкая, с изящно изогнутым форштевнем, она скорее напоминала небольшое судно. Все было первого сорта — дубовые шпангоуты, обшивка в шпунт, медные гвозди. Фред сам выбирал материалы, сам и присматривал за работой, вникая во все мелочи.

— С затратами не считайтесь, — повторял он. — Не на один год строим.

Он не стал подбирать себе будущего спутника из сыновей рыбаков-хозяев, а взял оставшегося на зиму без дела рабочего из неводной артели по прозвищу Баночка. Теперь они вдвоем вили пеньковые донные тросы для камбалы и бельдюги, изготавливали яруса для угрей — словом, прилежно готовились к лову в открытом море. Правда, когда Фреду становилось невтерпеж, он задавал урок Баночке, а сам шатался по домам и делился своими замыслами.

— Зачем мне здесь киснуть, когда тут ровным счетом никакого дела нет? Так можно и с голоду подохнуть. Вот я и решил двинуться в открытое море, на широкий простор. С морскими картами я знаком, а с ними ничего не стоит найти лучшие места для лова. Впрочем, это не так уж просто, здесь тоже нужна снаровка. Я, например, наблюдал на Ньюфаундленде, как

работают бретонцы. Треску они ловят ярусами, на крючки...

Протрещав все уши гнилушанам, которые не особенно серьезно относились к планам Фреда, он изредка появлялся и в Чешуях — заходил в лавку к Бангеру, вертелся где-нибудь на берегу или около рыбокоптильни, надоедая людям. Однажды, проходя мимо дома Оскара, когда тот был в море, он заметил во дворе Аниту и остановился у калитки.

— Ну как, госпожа Клява, ваш супруг пока никуда не собирается? Раньше у него голова была битком набита всякими планами. Видно, теперь пора нам, молодежи, показывать пример другим. Нельзя же весь век торчать возле одного дела. Разумеется, кое-кто сейчас надо мной посмеивается, иначе и быть не может. Люди не хотят допустить, чтобы кто-нибудь оказался умнее их. Да, это, конечно, не Америка!

И вестник новых времен страдальчески вздохнул.

— Пророков в своей отчизне не признают, — улыбнулась Анита.

— Правильно сказано, госпожа Клява! Если бы я уехал отсюда, никто бы и не вздохнул обо мне.

Не вдаваясь в подробности, Фред обиняком дал понять Аните, что он будет заворачивать большими делами. Пусть эта гордычка почувствует, какого мужа она потеряла, выйдя за Оскара.

К поселковым девушкам Фред за последнее время совершенно охладел.

— Зачем мне тратить попусту время с кем попало? Сейчас же вообразят черт знает что, всякие разговоры начнутся...

А пока он бросил якорь в местечке, зачистив к парикмахерше Оттилии. Просиживая у нее часами, он то брился, то делал маникюр и даже стригся каждую неделю. Когда в заведении не оставалось уже посетителей, — Фред всегда досиживался до этого — он угощал девушку конфетами, а она слегка флиртвала с ним, что было вполне понятно, так как Фред был шикарный парень. Надо же было как-то убить однообразные зимние вечера!

Корпус моторки к рождеству был готов. Теперь предстояло отстроить каюту, грузовой трюм и достать дубовые доски для палубы — настоящей палубы, как у парусника, сквозь которую не просачивалась бы вода и не портила бы товар. Но тут выяснилось, что средств больше нет. Кооперативные деньги незаметно иссякли, — все обходилось гораздо дороже, чем ожидал Фред. Не надеясь получить ссуду второй раз, он попросил Питериса взять известную сумму на свое имя, — к нему было больше доверия. Дела кооператива, правда, шли не особенно бойко, потому что новый мастер-коптильщик время от времени портил товар и сбывать

его стало труднее, но пока в кассе водились латы, их стоило пустить в такое верное дело. Деньги Фред получил.

В конце января в Чешуях состоялось годовое собрание членов кооператива. Впервые за несколько лет приехал Гароза. Да и как же иначе — ведь теперь он стал таким же рыбаком и членом кооператива, как и остальные. Оптовик, частный предприниматель — и вдруг член кооператива, целью которого было вытеснение ненужного посредничества! Но Гароза не был бы Гарозой, если бы не обошел этого препятствия. В первое время он действительно сильно противился начинанию Оскара, так как, кроме рыбной лавки, кооператив держал на рижском рынке собственный стол с лососиной и добрая часть рыбацких уловов проходила мимо весов Гарозы. Это была крупная потеря. Убедившись, что с новым конкурентом приходится всерьез считаться, Гароза стал искать путей проникновения в лагерь врага. Это оказалось делом нетрудным — рыбаки ведь все равно не могли обойтись в зимнее время без его кредита. Так же как и в прежние годы, процентов он не брал, зато обеспечил себя иными преимуществами. Приходят, к примеру, два хозяина: «Так и так, хотим построить большую мережу, не можете ли ссудить нас деньгами?» — «Да почему же нет, пожалуйста, берите, только вам придется принять меня в товарищи». Ну, как же не взять Гарозу в долю? Человек состоятельный, с ним не пропадешь. Так он пристроился к нескольким мережам, оставаясь в доле и у многих неводчиков. Само собою понятно, что кооператив не мог получить ни одной рыбины — разве Гароза позволил бы? Таким образом он проник в общество рыбаков, занимал там разные должности, выступая по всякому важному поводу с собственным мнением, и хотя кооператив был у него бельмом на глазу, он и туда внес членский пай. Правда, до сих пор Гароза в жизнь кооператива не вмешивался, ему хватало своих дел. Это был первый случай, что он оказал собранию честь своим присутствием. Впрочем, и повод для этого представился немаловажный: годовой отчет, выборы нового правления, наметка будущей работы.

Когда Оскар в начале собрания увидел среди рыбаков тучную фигуру Гарозы, он сразу догадался, что скупщик затевает какие-то новые козни.

Остальные тоже почуяли неладное. Некоторые, вероятно, кое-что и знали, потому что вокруг Гарозы собирались все, кто имел зуб против Оскара. И действительно, как только собрание познакомилось с годовым

отчетом, поднялся невообразимый шум.

— Как это у нас получается, что рыбокоптильня дает с каждым месяцем все меньше прибыли? — спросил кто-то из гнилушан. — Нашу копчушку никто больше брать не желает. Можно бы, конечно, откармливать ею свиней, если бы мы не держали на рынке продавцов. Хорошо еще, пока есть чем рассчитывать с ними, а скоро придется докладывать из своего кармана или закрывать лавочку.

— Это потому, что уволили мастерицу и приняли несмыслящего человека! — выкрикнул другой.

— Почему это допустили, куда глядело правление? Разве Клява не мог догадаться, что так не следует действовать?

Оскар встал и обернулся к собравшимся:

— Клява никого не увольнял и никого не принимал на место мастерицы. Так решило большинство.

Из угла вдруг послышался иронический смешок Гарозы:

— Видали? Это называется председатель правления, а за его спиной другие могут делать, что им вздумается.

— У меня только один голос, а нас здесь пятеро с решающими...

— Все равно ты отвечаешь за все правление, — повторял Гароза.

— Мне это известно, я и не думаю отвиливать от ответственности. Что рыбокоптильне нужен опытный мастер, это я всегда говорил, и в тот раз тоже, но когда мои действия начали объяснять... — он выразительно посмотрел на Фреда, который сидел рядом с Гарозой, — яичной заинтересованностью, мне волей-неволей пришлось соблюсти нейтралитет.

— Недешево обошелся нам твой нейтралитет! — послышался откуда-то сзади голос Румбайниса. — Лучше бы уж ты продолжал воевать!

Многие рассмеялись над шуткой старика.

Общее мнение было таково, что во всем виноват Оскар, раз он не стал противиться неразумным действиям остальных членов правления. Ведь Екаб Аболтынъ был принят с его согласия, почему же он ничего не сделал, когда увидел, что новый мастер никуда не годится?

— Всегда, конечно, выгодно свалить вину на других, — повторял соседям Гароза.

Были еще и другие, помельче, придирки, с очевидностью доказывающие, что кто-то натравливал рыбаков на Оскара.

Оскар насупился и промолчал до самого конца собрания. Когда приступили к выборам, он отказался баллотироваться в правление.

— Пусть выбирают кого-нибудь другого, а с меня хватит, — сказал он. — С кооперативными делами я совсем запустил собственное хозяйство,

теперь его надо привести в порядок.

Председателем нового правления избрали Бангера, Осису выпала честь стать кассиром, а Гароза согласился на просьбы должников и при их поддержке позволил избрать себя заместителем председателя. Двое остальных членов правления были гнилушане — конечно, из тех, кого Гароза держал в кулаке.

Оскара выбрали в ревизионную комиссию, и даже Гароза голосовал за него. Как только объявили результаты выборов, Фред стал громко поздравлять нового кассира, Осиса, шутливо называя его при этом дорогим тестем, — ничего не поделаешь, пора было подумать о деньгах на покупку мотора для моторки. А после собрания он отвел в сторону Гарозу; они долго о чем-то толковали и, очевидно, быстро достигли согласия.

— Тогда кончай скорей постройку посудины и принимайся за дело, — сказал на прощание Гароза. — О сбыте не беспокойся, я заранее беру весь улов...

...Спустя несколько дней после отчетного собрания Оскар, возвращаясь из местечка, встретился на дороге с учителем Акментынем.

— Я слышал, что вы ушли из правления кооператива, — сказал Акментынь.

— Там мне больше нечего делать, — ответил Оскар. — Я не желаю работать в таком правлении, где заместитель председателя Гароза.

— Почему?

— Какая теперь там работа? Всем будет заправлять Гароза. Кто посмеет ему возражать?

— Именно поэтому вам, вопреки Гарозе и для пользы общего дела, не надо было уходить из правления, — сказал Акментынь. — Конечно, сейчас работать будет труднее, но вы ведь не такой человек, который боится трудностей. Можете не сомневаться: теперь, когда в правлении нет ни одного человека, кто бы помешал темным махинациям Гарозы, он быстро пустит кооператив ко дну.

— Весьма возможно, — угрюмо согласился Оскар. — Но вряд ли я помешал бы этому.

— Завоеванные позиции никогда не следует сдавать без боя, — продолжал учитель. — Кооператив, конечно, не бог весть какое большое завоевание. Как я уже говорил вам, это только полумера, но все же шаг вперед. Кооператив Гарозе — как бельмо на глазу. Вот потому-то и надо было продолжать борьбу...

Задумчиво попрощался Оскар с Акментынем и продолжал путь к дому. Он понимал, что учитель был прав.

«Не надо было горячиться. В горячке всегда наделаешь глупостей. Теперь уже дела не поправишь...»

О деятельности Питериса до рыбаков доходило много слухов. Говорили, что он взял в аренду какое-то озеро, через которое протекала впадавшая в море возле Чешуи Зальупе. Воды этой речки довольно, впрочем, мелкой, узкой и заросшей травами, были богаты рыбой: окунь, щука, линь, карась, а осенью минога появлялись там в больших количествах. Жители прибрежных поселков ставили в ней сети и мережи и иногда неплохо зарабатывали. Некоторые даже больше нигде и не хотели рыбачить.

Теперь Питерис вместе с несколькими арендаторами крупных рыболовных участков, среди которых были и депутаты сейма, подготовил проект закона, запрещающего лов рыбы, с целью ее охраны, на протяжении нескольких километров выше устьев рек. Если бы этот закон был принят, «другу рыбаков» доставалась бы вся рыба, которая подымалась вверх по Зальупе до арендованного им озера. Здесь, конечно, действовал хитроумный расчет, но что должны были делать сотни мелких рыбаков, которые жили и кормились по нижнему течению реки? Куда было деваться тем, кто больше не имел права показываться с сетями ниже установленной черты? Нечего сказать, хороши заповедники, где рыбу щадят лишь затем, чтобы ее могли целиком захватить немногие избранные!

Когда об этом узнали в Чешуях, среди рыбаков поднялся переполох. Многие стали попрекать Бангера:

— Гляди теперь, какими делами занимается твой друг! Вот так заступник! Голосуй после этого за них!

Бангер старался отмалчиваться. Да и с какой стати должен он отвечать за Питериса! Если бы выбрали его самого, все было бы по-другому.

— Это вам наука. В следующий раз будете знать, за кого подавать голоса.

Питерис не показывался на взморье довольно долго. Наконец он приехал в один из воскресных дней и созвал рыбаков на собрание. Все уже знали, что законопроект прошел через комиссию и сейм мог утвердить его со дня на день, но Питерис даже не заикнулся об этом в начале собрания, и ни у кого не хватило духу спросить его напрямую.

Наконец со скамьи поднялся Оскар. Верно ли, что Зальупе собираются

объявить заповедником, а если это правда, то поддерживает ли Питерис этот проект или же будет его противником?

Козлиная борода вздрогнула, пальцы заскребли подбородок. «Друг рыбаков» отпил воды из стакана и стал рассказывать, как обстоит дело с арендой рыболовных участков. За них государство ежегодно получает крупные суммы, а какую пользу оно видит от мелюзги, которая ни гроша не платит, а только истребляет рыбу? И чего, собственно, волноваться из-за этого рыбакам? Озеро арендует не он один. Хотя арендный договор составляется и на его имя, настоящим хозяином будет кооператив. Разница лишь в том, что теперь уже нельзя будет ловить рыбу когда и где вздумается, — придется подниматься с сетями километра на два выше, до самого озера.

Осис ткнул в бок старого Кляву.

— А ведь это вовсе не так плохо. По крайней мере всякая мелкота не будет путаться под ногами.

— Да, мы, кооператоры, только выгадаем от этого.

— А разве одним вам только хочется есть? — спросил, обернувшись к ним, Оскар.

— Ты вечно рассуждаешь как мальчишка! — буркнул Осис. — Ведь ты-то ничего от этого не теряешь: как рыбачил, так и будешь рыбачить. Слышал, что господин Питерис сказал?

— И еще вот что, — снова начал Питерис, когда все притихли. — На мой взгляд — а я полагаю, что и вы так думаете — в дальнейшем нам не стоит больше принимать в кооператив новых пайщиков. Кто хотел, тот давно вступил, а остальные могут по-прежнему промышлять на свой страх и риск. Теперь придется несколько изменить устав...

— Вот это я понимаю! — возмущенно перебил его Оскар. — Что же это за кооператив, раз в него не может вступить любой рыбак? Зачем тогда мы его основали? Мы думаем о благополучии всех рыбаков, мы вовсе не для того объединялись, чтобы брать за горло своих же товарищей-одиночек.

— Силой никто вас не держит! — огрызнулся Питерис. — Если не нравится, — сделайте одолжение, получайте обратно пай — и скатертью дорога.

Он презрительно пожал плечами.

В надежде на поддержку Оскар несколько раз оглянулся на рыбаков, но старики были на стороне Питериса.

«Ненасытные, — думал Оскар, — все только для себя, а до остальных им и дела нет».

Снова он почувствовал себя таким же одиноким, как и в первые годы самостоятельной жизни, когда ему пришлось пробивать дорогу этому самому кооперативу. Захоти он уйти — и никто не позовет его обратно. Светлый, бодрый энтузиазм был вытеснен скаредным торгашеским духом; теперь здесь господствовал закон хищников — голый чистоган.

Питерис перешел к самой главной новости: наконец он добился решения построить в Чешуях рыбацью гавань. Со следующей весны начнут строить мол и производить землечерпальные работы по углублению фарватера.

— Что вы на это скажете? Свой порт, своя надежная гавань!

Лавочник Бангер, вытянув шею, наблюдал за собравшимися: «Теперь видите, каков мой Питерис?!»

«Друг рыбаков» праздновал победу.

...Несколькими днями позже стало известно, что полицейские и айзсарги арестовали учителя Акментыня, — его обвинили в принадлежности к антигосударственной организации, ставящей своей целью ниспровержение существующего строя.

Теперь у Оскара на взморье не было больше ни одного человека, к кому он мог обратиться за советом.

В этом году выдалась бесснежная зима. Весь январь и февраль крестьяне еще ездили на телегах по голой промерзшей земле. Только в начале марта с моря подул ветер, пошел снег, закружили метели по ледяным равнинам замерзшего залива, завалили глубокими сугробами ложбины между дюнами. После долгих и устойчивых морозов наступила внезапная и бурная оттепель. Быстро стаял под весенним солнцем снег, местами уже открывались полосы чистой воды в полыньях; береговик угонял льдины в открытое море.

Когда прибрежные воды вплоть до третьей банки освободились от льда, в Чешуях появился новый человек. Это был молодой инженер Карл Сартапутн — будущий руководитель строительства рыбацкой гавани. Он хотел познакомиться с берегом, разузнать о наличии строительных материалов и свободной рабочей силе. Приехал он всего на несколько дней и остановился у Бангера. Лет тридцати на вид, стройный, с несколько худощавым лицом, он был одет в брюки гольф, удобное спортивное пальто и носил светлую кепку. Чешуяне удивлялись, что такому молодому

человеку доверили настолько значительное и сложное дело, как постройка мола.

— Прислали бы лучше пожилого, у которого за горбом больше опыта, — говорили между собой старики-хозяева. — Этот как бы не напортил...

Но они напрасно беспокоились. Сартапутн дело знал отлично, хотя инженером стал совсем недавно и постройка гавани в Чешуях была его первой самостоятельной работой.

В первый вечер, когда Сартапутн, вернувшись с берега, приводил в порядок расчеты и просматривал свежие газеты, Анита зашла к матери. Они сидели в кухне, разговаривая о разных хозяйственных делах. Анита недавно взялась вышивать национальным узором стенной ковер и теперь показала матери начатое рукоделие.

— Жаль, что придется на время бросить, не хватило зеленой шерсти.

— Отец послезавтра повезет в Ригу господина инженера, можно будет сказать, чтобы купил, — ответила мать. — Ты только запиши на бумажке, какой номер тебе нужен.

— Какого инженера? — удивилась Анита.

— Ты разве еще не знаешь? Сегодня утром приехал, будет строить мол.

Анита машинально обдернула на себе блузку, поправила и пригладила выбившиеся из прически пряди волос.

— Нос у меня не испачкан? — спросила она.

— Нет, ничего не видно, — ответила мать, внимательно посмотрев ей в лицо. — Да ты поглядишь лучше в зеркало.

Анита сняла маленькое стенное зеркальце, висевшее возле окна, и провела по лицу пуховкой. Чешуяне такого внимания не стоили, но раз здесь рядом инженер, образованный человек...

— Как его зовут?

— Кого?

— Ну, этого... инженера...

— Господин Сартапутн. Совсем молодой человек, ровесник Эдгару и Оскару.

Сартапутн... Анита задумалась. Фамилия довольно редкая, ее не каждый день услышишь, и все-таки она когда-то ее слышала... Наконец вспомнила: это был один из знакомых Роберта Клявы, она изредка встречала его в студенческой компании у Роберта, когда еще училась в средней школе. Близкого знакомства между ними не завязалось, было всего лишь несколько случайных встреч.

Все это давно стало чужим и далеким, но неожиданно всплывшее воспоминание глубоко взволновало молодую женщину. Ведь каждой вещи, каждому событию присуща какая-то грустная прелесть, если отдалиться от них навсегда; какая-то магическая притягательная сила заключена в их недостижимости.

Анита еще раз посмотрелась в зеркало и начала свертывать рукоделие.

— Значит, ты скажешь отцу, чтобы привез шерсти? — напомнила она безразличным тоном, совсем не думая о сказанном.

— Ты сама можешь ему сказать. Какой тебе номер нужен?

Из соседней комнаты доносились шаги инженера. Обе женщины молча прислушивались к ним. Мадам Бангер подошла к двери и постучалась.

— Пожалуйста.

— Не потребуется ли вам чего-нибудь, господин инженер? — спросила она, приоткрыв дверь.

— Ах, и в самом деле... — Сартапутн подошел к двери. — Нельзя ли у вас достать папирос? Вчера забыл купить.

— Каких вам угодно?

— Дайте, пожалуйста, «Ригу». Если можно, большую пачку.

Через плечо госпожи Бангер Сартапутн увидел Аниту. Они перекинулись короткими, внимательными взглядами. Анита сразу узнала его. Да, тот самый, которого она встречала. Сартапутн сморщил лоб, стараясь вспомнить что-то, потом еще внимательнее взглянул на Аниту и слегка поклонился:

— Извините, барышня, если я ошибаюсь, но мне кажется, что я вас где-то встречал...

Анита слегка покраснела.

— Кажется, вы не ошибаетесь, — усмехнулась она и поправила рукой прядь волос, упрямо падавшую на лоб. — Когда-то я жила в Риге.

Инженер переступил порог кухни и подошел к Аните.

— Карл Сартапутн, — представился он.

— Это моя дочь, — поспешила объявить мадам Бангер, с чувством удовлетворения наблюдавшая эту сцену, и поспешила в лавку за папиросами, оставив молодых людей. Они быстро выяснили обстоятельства прежнего знакомства. Теперь Сартапутн все вспомнил.

— Извините мою невнимательность! — спохватился он, заметив на руке Аниты обручальное кольцо. — Ведь вы замужем, а я все время величаю вас барышней.

Оба засмеялись.

— А кто же ваш муж? — спросил Сартапутн шутливым тоном, который придавал беседе непринужденность. — Учитель? Аптекарь? Врач? Или директор рыбокопильного завода?

Анита опять покраснела, гораздо сильнее, чем в первый раз.

— Нет, он рыбак, — тихо сказала она, глядя в сторону.

Сартапутн замолчал. Обоим стало как-то неловко.

— Ах, вот как. Мне было бы весьма приятно познакомиться, — начал он после недолгого молчания. — Значит, вы теперь хозяйничаете...

Ему было приятно, что в этом тихом поселке нашелся хоть один человек, с которым можно будет иногда поговорить на темы, интересующие каждого культурного человека. Хотя предстоящая ему в течение всего лета жизнь среди простых рыбаков казалась на первых порах очень увлекательной, со временем она могла изрядно приесться. Узнав, что Анита замужем, Сартапутн с удвоенным любопытством посмотрел на молодую женщину. Интеллигентная, с духовными запросами — и вдруг закопаться на весь век в этой дыре! Как она может вытерпеть?

Мадам Бангер страшно польстило, что инженер оказался знакомым ее дочери. Когда Анита, простившись с Сартапутном, собралась уходить, мать вышла с нею во двор.

— Заходи к нам почаще, а то господину инженеру будет скучно. О чем ему с нами говорить!

— Там видно будет, — ответила Анита, зябко кутаясь в платок.

Полная непривычных дум, шла она по поселковой улочке. Что-то легкое, как теплый весенний ветер, который шумел в соснах, переполняло ее существо. Она как будто пробудилась от долгого и глубокого сна, снова начала жить. Заполненные надоевшими мелочами будни отступили куда-то на задний план. Первые скворцы, нахохлившись, несмело посвистывали в ветвях, последний чахлый снежок хрустел под ногами. Аните хотелось смеяться. Совесть ее была спокойна, ничто еще не замутило царившей в сердце ясности. И неужели человек не может отдаться минуте радости, неужели он действительно раб, крепкими узами прикованный к одному месту?..

С этого и началось. Но так ведь оно всегда начинается, а дальнейший ход событий зависит от характера человека, от обстоятельств.

Мадам Бангер рассказывала каждому, что инженер — их давнишний знакомый, что они с Анитой вместе учились в школе.

Скоро об этом узнал весь поселок; престиж Бангера снова поднялся в глазах чешуян.

Вместо предполагаемых трех дней Сартапутн провел в Чешуях неделю. Он всерьез взялся за подготовительные работы. Благодаря продолжительному береговому заливу быстро очищался от льда, и только кое-где можно было еще заметить редкие дрейфующие ледяные островки. Рыбаки понемногу стали выходить с сетями в море, иные еще смолили лодки и чинили неводы; приготовления к весенней путине были в полном разгаре.

Сартапутн целые дни проводил в лодке Бангера, измеряя дно на банках и в приглубинах между ними. Исследуя грунт, он готовил подробную гидрографическую карту, с помощью которой можно было рассчитать, где и сколько кубометров песка надо вынуть, какие ряжи и сваи потребуются для новой дамбы. Он подумывал и о том, как подвозить нужные материалы и где их складывать. Дно здесь было чистое, без камней; мысок, выдававшийся с правой стороны поселка в открытое море, прикрывал будущую гавань от северных ветров и уменьшал силу берегового течения — словом, место было самое выгодное.

Как-то в конце недели старики проводили инженера до пляжа и там сообща окончательно наметили место для будущей гавани. Оно пришлось прямо против лимана. Если бы правительство отпустило средства на сооружение небольшого канала, чтобы соединить лиман с морем, рыбаки получили бы чудеснейшее убежище от всех бурь. Питерис обещал заняться и этим.

Вернувшись домой, Сартапутн напомнил Бангеру, что ему на все лето понадобится одноконная повозка с возницей и какая-нибудь лодка с мотором посильней. Если он не знает ничего подходящего, придется поискать в другом месте.

— Лошади есть у каждого хозяина, да и моторки найдутся, — сказал Бангер. — Конечно, все зависит от того, сколько вы будете платить.

Инженер назвал сумму.

— Тогда и я могу дать, — сказал лавочник, быстро сообразив, что здесь можно будет подзаработать. — Сын у меня умеет обращаться с мотором, он, кстати, сейчас свободен, а работник будет за возницу.

Они тут же договорились.

В этот день Оскар выставил в море несколько порядков салаковых

сетей. Последнее время он рыбачил в доле с тестем, и батрак Бангера, Джим Косоглазый, ходил с ним в море. На следующий день они спозаранку вышли на веслах к сетям. Утро вставало ясное, солнечное. Ветер поднимал навстречу мелкую волну. Было еще довольно холодно, — у Джима мерзли уши, несмотря на заячью ушанку. Достигнув буев своих порядков, Оскар подвязался кожаным фартуком и стал вытаскивать сети. Джим сидел на веслах и подгробал. Уже издали было видно, что полотно серебрилось от крупной, прекрасной салаки.

— Да, тут работы достаточно, — заикаясь от радости, бормотал Джим.

— Кажется, так. Салака пошла густо.

— Хватит с нас возиться без толку, теперь в самый раз и порыбачить.

Цены стоят высокие.

— Пятнадцать латов за ящик.

— Я и говорю.

Но что это случилось с сетями: они пестрели обглоданными рыбьими костями, в них были прорваны громадные дыры, и местами от нового полотна, еще совсем светлого, почти не побывавшего в употреблении, остались на подборах одни лохмотья.

Лицо Оскара потемнело. Сжав губы, он вытаскивал сети в лодку. Среди обглоданной рыбы по ним медленно ползали морские вши. Изредка попадались и неповрежденные места, но вслед за ними снова виднелись следы ужасных разрушений. Все четыре порядка пропали, восемь хороших сетей. Ни одной нельзя было починить, только поплавки и подборы могли еще пригодиться:

— Тюлени, — мрачно заметил Джим, опустив глаза. Было как-то неловко наблюдать за человеком, на которого обрушилось такое бедствие.

— Да, тюлени, — процедил сквозь зубы Оскар. Преследуя косяки салаки, они наткнулись на его порядки и растерзали их.

Это была катастрофа: теперь, когда после долгих месяцев скудных уловов показалась рыба, Оскару придется сидеть на берегу и смотреть, как ловят другие. Худшего несчастья нельзя и придумать для рыбака. И разве скоро удастся обзавестись новыми сетями? Пришла пора приводить в готовность большие морские мережи, все средства уйдут на них. Влезать в долги? Но к кому обратиться? У Бангера хоть и водятся деньги, но у него свои планы, да и торговлю не оставишь без оборотных средств. К тому же у мадам Бангер скверная привычка раззванивать встречному-поперечному о каждом одолженном лате.

Выбрав сети, Оскар застыл, стоя посреди лодки. Как во сне, вынул он из кармана папиросу, закурил и вперил холодный взгляд в простор зеленых

вод. Что за богатый улов предстоял им сегодня! Вся салака крупная, жирная, как на подбор, по меньшей мере по два-три ящика на сеть самого первоклассного товара. И завтра, и послезавтра, может быть и всю неделю... Ухнули все надежды на весеннюю путину. Медленно затягивался Оскар крепким табачным дымом, пока не зашумело в голове и несколько не притупилось горькое чувство неожиданной потери. Он бросил окурок в воду и расправил плечи.

— Ну, ладно, ничего не поделаешь, — обернулся он к работнику. — Пошли обратно.

С силой взмахивая веслами, гребли они против ветра, — каждый на своем конце лодки, не глядя друг на друга.

Два человека прохаживались по пляжу: Анита вышла навстречу мужу и неожиданно столкнулась с Сартапутном, который сказал ей, что уезжает на другой день.

— Впрочем, я буду отсутствовать не больше недели, — добавил он. — В следующий раз приеду со всеми инструментами и с помощниками. Возможно, что и землечерпалка к тому времени будет здесь.

Медленно дошли они до Большой дюны, повернули обратно и, заметив издали подошедшую к берегу лодку Оскара, направились к ней. С помощью Джима Оскар вынимал из лодки клочья порванных сетей и складывал их поверх разостланного на песке старого паруса.

— Бог помочь! — приветствовал их Сартапутн, подходя ближе.

— Спасибо, — односложно ответил Оскар, не подымая глаз на инженера. Руки у него покраснели от холодной воды, пальцы набухли, рукава куртки по самые локти облипли чешуей.

Анита остановилась рядом с Оскаром. Она сразу поняла, что случилось, сразу почувствовала, что творилось в душе Оскара. Ей очень захотелось сказать ему что-нибудь нежное, утешить его, но стесняло присутствие постороннего человека.

— Кажется, тюлени, — сказала она, осмотрев разорванные сети.

Оскар только сейчас заметил ее. Лицо у него немного прояснилось, он улыбнулся и даже встряхнул головой.

— Да, все сети испортили, окаянные, — сказал он шутливо. — Но что же теперь делать, не со мной одним такое случается. Джим, убери-ка ты сам лодку, а я пойду за лошадью. Отвезем эти лохмотья, их не стоит и развешивать на просушку.

— Ладно, ладно, — буркнул в ответ работник, взясь около якорей и весел. — Я тут управлюсь.

Оскар взглянул на Аниту, еще раз улыбнулся и, бросив беглый взгляд

на Сартапутна, зашагал к поселку; Анита с инженером шли немного позади.

— У него, видимо, большое горе, — заметил Сартапутн, глядя вслед быстро удалявшемуся Оскару.

— Да, все сети пропали, — задумчиво ответила Анита.

— Жаль. Хороший, кажется, человек. Вы его знаете?

— Да.

— Он вам родственник?

Анита нагнулась поднять красивый круглый камешек для маленького Эдзита.

— Это... мой муж, — ответила она тихо, вертя в пальцах камешек, и, неизвестно почему, ей вдруг стало не по себе.

— Вот как? — вырвалось у изумленного Сартапутна.

«Почему я их сейчас не познакомила? — подумала она. — Хотя бы ради приличия... Откуда такая рассеянность? А может быть, рассеянность тут ни при чем, скорее это было сознательное увиливание?.. Стала стыдиться красных рук мужа, его угрюмого лица и простой речи?.. Что с тобой случилось, Анита?»

Сартапутн с любопытством смотрел вслед удалявшемуся Оскару и время от времени поглядывал на Аниту — он мысленно сравнивал их. Снова зашевелилось в его сердце чувство жалости. «Ну, уж этот никак не подходит в мужья такой женщине, — думал инженер. — И что только она нашла в нем?»

У ворот дома Анита простилась с ним. Сартапутн проводил ее задумчивым взглядом. Он видел, как Анита подошла к мужу, взяла его за руку, и они о чем-то заговорили. Этот великан ничуть не казался огорченным, он засмеялся, а потом расхохоталась и Анита. Ничего не поняв, инженер покачал головой и пошел дальше.

Вечером Оскар и Анита обсудили размеры ущерба, нанесенного хозяйству. Скверно, конечно, в самый разгар путины остаться без сетей, но убиваться не стоит, скоро ведь можно будет начать лов неводом и мережами.

Анита вспомнила услышанный в доме родителей разговор.

— Отец отдает в пользование инженеру лошадь и моторку. Он мог бы уступить тебе часть заработка. Как ты думаешь, не поговорить ли мне с ним о твоей моторке?

Оскар не стал возражать. Чтобы решить это до отъезда Сартапутна, Анита в тот же вечер сходила к Бангерам. Лавочнику хотелось заработать на этом деле самому, но раз у Оскара случилось несчастье, он с

готовностью отказался в пользу зятя.

Об этом сообщили и инженеру. Сартапутну было все равно, чьей моторкой пользоваться.

2

В начале апреля Витынь закончил постройку моторки для Фреда. Осталось только сшить паруса и смонтировать мотор, но это надо было делать уже не в сарае. Сначала не окрашенный еще корпус лодки отвезли к берегу, — после установки мотора было бы слишком тяжело передвигать такую махину.

Мотор привез из Риги Петер Менгелис; приехавший с ним механик руководил работами. Ходили слухи, что постройка моторки стоила Фреду около десяти тысяч латов. Он не отрицал этого — сейчас это не имело значения.

— Я решил играть ва-банк, — говорил Фред. — Или все, или ничего. Если не рисковать, жизнь остановится на одном месте, а много ли в этом радости!..

Рыболовные снасти и принадлежности — тросы, сети, яруса для угрей — тоже были готовы, недаром Баночка провозился с ними всю зиму. Когда закончили установку мотора, Фред окрасил корпус моторки в несколько красок: дно — в зеленую, как это принято для океанских линейных пароходов, чтобы не прилипали ракушки и водоросли, ватерлинию — в красную, а борта — в серую. Перед спуском в воду новое судно напоминало собой большой разноцветный флаг. Фред даже собирался прикрепить к форштевню под бушпритом белую фигуру ангела с распростертыми крыльями, какую он видал на больших барках. Но в Риге нельзя было достать готовую фигуру, а заказывать резчику было еще не по карману.

— Ну, это мы заведем попозже, когда начнем зарабатывать, — утешал себя Фред.

В субботу, которая, по старому рыбацкому поверью, считается самым благоприятным днем для зачина всех важных дел, новую моторку с самого утра окрестили и спустили в море. На носу ее крупными латунными буквами сверкало имя: «Титания».

Все свободное от дел мужское население Гнилуш вышло помогать Фреду. Бочка пива и ящик с водкой были уже в каюте. Все присутствующие взошли на моторку, и Фред прокатил их, сделав большую дугу в сторону

открытого моря. Мотор работал хорошо, не стучал и не сотрясал корпуса, рулем управлять было легче легкого, а выхлопы были такие негромкие, что на берегу их почти совсем не слышали. Выйдя на траверс Чешуй, Фред около получаса маневрировал почти на одном месте: то давал полный ход вперед, то застопоривал и давал задний, потом поворачивал вправо, летел прямо на берег, опять стопорил и шел задним ходом в море. Да, с этой машиной он выделывал такие трюки, что твой виртуоз на скрипке. Маневры «Титании» привлекли внимание чешуян, вышедших полюбоваться на новое судно; мальчишки кричали, махали шапками, и Фред с чувством гордого удовлетворения заметил в толпе несколько знакомых девушек. Наконец он, словно цыган, выставяющий напоказ все преимущества своего коня, ринулся полным ходом в море и повернул к Гнилушам.

То был знаменательный день. До поздней ночи затянулись крестины «Титании». Все наперебой превозносили славное судно и радовались, что в Гнилуш ах теперь имеется самый мощный мотор на всем побережье.

— Бангеру придется теперь помалкивать, — сказал Румбайнис.

— А что мне Бангер! — махнул рукой Фред. — Прицепите к моей моторке карбас с салакой, и я все равно берусь обогнать кого угодно.

Он показывал рыбакам морские карты, объяснял, где какая глубина, где отмечены мели и банки; на стол был поставлен большой компас, и Фред перечислил по-английски все румбы.

— Норт-норт-ист! — пронзительным голосом выкрикивал он. — Иист-ту-норт!

Крестины закончились поздней ночью, когда уже были пропеты все моряцкие песни и уничтожены все напитки. Весь следующий день Фред и Баночка отсыпались после похмелья, под вечер они погрузили на моторку рыболовные снасти и провизию, а назавтра, лишь только солнце позолотило дюны, на виду у всех высыпавших на берег гнилушан доброе суденышко «Титания» гордо вышло в открытое море. Научив Баночку запускать и останавливать мотор, сам Фред сел у руля. Курс — норд-вест. Все дальше и дальше уносилась, подпрыгивая на волнах, пестрая птица и наконец исчезла в синей дали.

— Черт, а не человек! — смеялись оставшиеся на берегу гнилушане.

— Где нам за таким угнаться! Посмотрим только, с чем они вернутся...

Больше недели ничего не было слышно о Фреде и Баночке, но погода держалась тихая, продуктов они запасли достаточно, и за судьбу «Титании» никто особенно не беспокоился, кроме Петера Менгелиса, который каждый

день справлялся, не слышать ли чего о брате. В открытом море Фреда не встречали, поэтому решили, что его занесло куда-нибудь далеко. И вдруг какая-то хозяйка, возившая в Ригу рыбу, — кажется, Осиене из Чешуй, — объявила сногшибательную новость: она видела молодого Менгелиса на рыбном рынке у Гарозы. Он вернулся с таким уловом, что «Титания» осела до самых бортов. Чего там только не было: несколько ящиков с угрями (и все большие, толстые, как канаты!), камбала, бельдюга, судак и целые бадьи всякой иной рыбы. Фред велел передать домашним привет и сказать, чтобы скоро его не ждали, — ему повезло, дела идут в гору. После этого еще несколько раз до Чешуй доходили слухи об успехах американца. То один, то другой встречал его на рынке. Он появлялся в Риге раза два в неделю, и неизменно с полным грузом — сколько могла захватить «Титания».

— Вот дока! — пришли к заключению жители поселка. — У такого есть чему поучиться.

— Он переплюнул молодого Кляву, — признавались чешуяне.

Мадам Бангер поспешила передать эту новость Аните.

— Сразу видно, что недаром человек весь свет изъездил.

Многие рыбаки стали задумываться: «Мы тут еле перебиваемся, а люди вон какую денюгу захибают!» — и жалели, что не все могут разбираться в морских картах.

Однажды вечером Анита заговорила об этом с Оскаром, которому уже и без того все уши прожужжали рассказами об успехах Фреда.

— У тебя ведь, Оскар, и моторка есть, и ловец ты ничуть не хуже Фреда, — заметила она вскользь. — Можно бы и тебе начать что-нибудь в этом роде.

Оскар улыбнулся и пожал плечами.

— Возможно... Если бы я захотел, — ответил он.

— А почему бы тебе не захотеть?

— Ну, посмотрим, посмотрим сначала, что у них из этого получится.

Наступила пора запрета на лов рыбы. Началось с окуня, судака и леща, потом дошло до сырты, карася, линя и других пород. Но разве найдется такой рыбак, который будет сидеть на берегу и ждать, когда кончится нерест? Конечно нет! Он по-прежнему выходит в море, бросает и ставит сети, и если в них попадет запретная рыба... не дурак же он, чтобы

выбрасывать ее обратно в море. Часть рыбы сохраняют в сетных садках, а остальную продают из-под полы, выискивая окольные пути доставки ее покупателю. В такое время на поселок обычно тучей налетали всякие мелкие спекулянты и спекулянтки, брали у рыбаков запретную рыбу и корзинками развозили ее покупателям. Зная, что рыбакам деваться некуда, скупщики платили как им вздумается. Хорошо, если за прекрасного судака, который раньше шел по лату за фунт, давали по тридцать сантимов. Более дешевые сорта, например, окуня, приходилось уступать почти даром, — его не стоило и ловить. Зато уж скупщики зарабатывали, хотя они и рисковали многим. Попадаясь в руки полиции, они не только теряли товар, но и платили крупные штрафы.

Впрочем, преграды на то и существуют, чтобы преодолевать их. Особенно изобретательными на этот счет были женщины. Они ухитрились прятать под широкими юбками целые корзины. В больших молочных бидонах с двойным дном можно было преспокойно провозить живую рыбу. Под ветками сирени и букетами цветов часто скрывались полные корзины серебристой сырты и скользких линей. Некоторые позволяли себе и более смелые трюки. Разве полицейские могли безошибочно различать каждую рыбу? Одна торговка привезла целую бадью с густерой, которую в это время было запрещено ловить. Подошедший полицейский видит, конечно, что в бадье густера, и намеревается составлять протокол.

— Господин полицейский, да ведь это не густера, это мавры, вы только посмотрите, какие у них глаза! У густеры глаза красные, а у этих черные.

Полицейский смотрит — действительно черные. Он не обладал настолько обширными сведениями по ихтиологии, чтобы знать, у какой рыбы глаза красные, у какой черные, и вся бадья была свободно распродана на рынке.

Время от времени досмотрщики появлялись и на месте лова, стараясь подоспеть к тому моменту, когда рыбаки притонят невод. Вот мотня подходит к берегу, и притаившиеся до того в кустах досмотрщики выходят проверять улов. Но рыбаки ухитряются незаметно завязать горло мотни: глядь — и ничего как будто не попало. Переберут полотно, сплюнут с досады и снова выбросят его в воду. Зря только трудились! Но стоит отойти досмотрщикам, как рыбаки вынимают мотню и достают рыбу.

Иной раз мальчишки насуют запретной рыбы в карманы и за широкие голенища сапог. Когда опасность минует — рыбу вытаскивают и пускают в садки. Недели за две до окончания запрета можно подумать и о том, как сохранить пойманную рыбу живьем: лишь бы вода не была слишком теплой. Иногда часть ее засыпает в битком набитых садках, но большая

часть выживает, и за нее потом получают полную цену.

Много было странностей в этих мерах по охране рыбы. Взять хотя бы окуня, хищную рыбу, препятствующую размножению действительно ценных пород. Нерест окуня должен происходить весной, в мае. Иные годы, когда весна стоит прохладная, дует северный ветер, а вода долго не нагревается, окунь и не думает метать икру в назначенный срок. Но вот кончается период запрета, никто больше не заботится о судьбе окуня, а тут-то для него и начинается пора нереста. Полную икры рыбу отправляют на рынок, икрой наполняются кадки и бадьи, но никому до этого дела нет. И для того чтобы по-настоящему охранять эту странную тварь, следовало бы круглый год оставлять в силе действие запрета, чтобы окунь размножался, как диковинная рыба, на радость знатокам в вопросах нереста...

Гароза снова выкинул один из своих тонких трюков, от которого пришлось взвыть гнилушанам. Мимо их поселка извивалась речонка Гнилуша, уходя в глубь страны и впадая где-то севернее в море. Зимой прижатые нуждой местные хозяева временно уступили Гарозе за пятьдесят латов права на лов рыбы в этой речке. Весной кое-кто попробовал было поставить там мережу или пройти с бреднем, и тут Гароза доказал, как дважды два четыре, что эти воды принадлежат теперь ему и без его разрешения никто не имеет права ловить в них. Он соглашался только сдать речку в аренду прежним хозяевам, если каждый из них уплатит ему за это сорок латов. Ничего не поделаешь, гнилушане арендовали собственное достояние и принялись рыбачить под непрекращающийся смех соседей. Посредством этого несложного маневра Гароза заработал несколько сот латов.

— Дуракам — наука! — смеялись чешуяне. Неизвестно, намного ли умней были они сами.

Новый закон о запретных зонах-заповедниках вступил в силу. Досмотрщики каждую ночь объезжали устья рек и ловили смельчаков, которые, по старой привычке, ставили сети или иным каким-либо способом ловили рыбу на издавна знакомых местах. Направо и налево сыпались градом штрафы. Найденные в заповедных районах сети, дорогие лососевые снасти досмотрщики забирали с собой, укладывали кучами в сарае, где они гнили и портились. Многие так потеряли все орудия лова. Простые люди не понимали, для чего все это делается, почему запрещают рыбачить сотням рыбаков ради обогащения двух-трех арендаторов. При установлении границ заповедников тоже можно было наблюдать странное явление: комиссия, разъезжавшая на моторке по рекам, выведывала, какие места считаются лучшими для лова. Как только найдут хороший участок, сейчас

же определяют: заповеднику быть здесь... На Даугаве ловить лососей разрешали только по одной стороне, как раз по той, где не проходит их путь.

Таким образом проявлялась забота о благополучии рыбаков, вернее — некоторых «рыбаков».

...В конце апреля в газетах появилось известие о суде над Акментынем. Рижский окружной суд приговорил его к десяти годам каторжных работ. Люди не понимали, за что постигла его такая грозная кара: в отчете о судебном процессе не было ничего, кроме общих фраз.

— Был таким приятным и задушевным человеком... — говорили рыбаки. — Хорошо учил детей, да и взрослым никогда не отказывал в совете. Какой он преступник, просто так, чего-нибудь натворил, что пришлось не по вкусу господам, но у тех ведь своя рука владыка — что хотят, то и творят с человеком.

Тяжелее всех переживал это известие Оскар. Долго ходил он подавленный и угрюмый. Дома у него хранилось несколько книг Акментыня, — теперь их надо получше запрятать, пока учитель не выйдет из тюрьмы.

4

Около середины мая в Чешуях началось заметное оживление. Как только из города вернулся Сартапутн и пришла небольшая землечерпалка, приступили к углублению фарватера для прохода рыбацких судов через банки. Инженер принял на работу многих местных жителей, которые стали готовить под присмотром его помощников ряжи для основания мола и обтесывать сваи для волнорезов. После того как землечерпалка настолько углубила канал, что к берегу смогли подходить небольшие суда, появились эстонские парусники с островов и из Пярну с грузом камней. Теперь в Чешуях на каждом шагу попадалось множество новых лиц. У хозяек раскупали все молоко, обороты в лавке Бангера удвоились, и поселковые девушки не могли больше жаловаться на скуку. Старые рыбаки получили возможность похвастаться знакомством с чужим языком. Дунис, например, одно время жил среди эстонцев — раньше в неводные артели брали работников с островов Саарема и Хийума. В однообразную жизнь рыбаков ворвалось нечто яркое, шумное и увлекательное; ни одного дня не проходило без происшествия.

Оскар с самого начала пошел работать на постройку мола. Он

подвозил на моторке материалы, встречал баржи с булыжником, помогал прибуксировывать парусники к берегу, а потом отбуксировывал их в море. Когда ему надо было поработать около мережи, починить ее или проверить улов, Эдгар Бангер, женатый на его сестре Лидии, заступал место Оскара.

Сартапутну доставалось больше всех. Вначале у него не хватало времени даже на то, чтобы сходить пообедать, и он ел тут же, на берегу. Позже, когда работы были направлены по надлежащему руслу и каждый рабочий твердо знал свое место, он позволял себе урывать часок-другой, чтобы познакомиться с жизнью поселка, побродить по окрестностям, поудить в Зальупе или поболтать с единственным способным понять его человеком — Анитой.

Для Аниты начались странные времена. Несколько лет она прожила в родном поселке, совсем не ощущая одиночества. Она как будто совсем позабыла, что где-то существуют другие люди, с совершенно иными запросами и интересами. Живя простой, тихой жизнью своей семьи, она ни разу не подумала, что ей чего-то не хватает. Пока Оскар был занят работой, она управлялась по дому. Все дела они решали сообща. Мелкие огорчения сменялись скромными радостями, и казалось, что все так и должно идти, что больше желать нечего. Газеты приносили известия о совершающихся в мире событиях, а коротать зимние вечера помогало радио, которое Оскар провел при постройке нового дома. Изредка выдавалась минутка заглянуть в книжку, но не было прежней остроты восприятия, не трогала с прежней силой красота вымысла. Потом появился маленький Эдзит, а с ним и новые заботы... Так могли идти год за годом, пока она, подобно засыпанному песком, затерявшемуся среди дюн камню, не перестала бы отличаться от окружающих ее людей. И вот наступил последний зимний вечер. Пришел новый человек, вестник далекой кипучей жизни, и неожиданно пробудил в ней воспоминания; как взболтанный мощным водоворотом ил, всплыли на поверхность из самых глубин памяти сотни давних впечатлений. Личность Сартапутна здесь ничего не значила, — точно так же пробудил бы Аниту от спячки любой другой пришедший оттуда человек. Пока он жил в Чешуях, Анита находилась в состоянии непонятного возбуждения: все ее чувства острее воспринимали явления окружающего мира, она испытывала непреодолимую потребность делиться с кем-нибудь новыми мыслями.

Аните все чаще выдавался случай навестить родителей. Чего ради она должна сидеть весь день дома, пока Оскар работает у мола или возле мережи! Мальшу тоже больше нравилось у бабушки — мадам Бангер закармливала его сладостями, которых в лавке было достаточно. Убрал комнаты, Анита освобождалась до самого обеда, тем более что сети пока не

требовали починки, а поросенку на несколько часов хватало кормушки месива.

Мадам тотчас же уводила мальчика в лавку, старый Бангер редко бывал дома, а Эдгар с Лидией жили отдельным хозяйством наверху, так что Анита с Сартапутном могли без помехи болтать целыми часами. Окна комнаты все время оставались открытыми, и каждый покупатель, заходя в лавку, видел их с улицы. Да они и не думали прятаться; не видя ничего предосудительного в этих встречах, они и других не подозревали в задних мыслях. Случалось ли им говорить о себе, о неудовлетворенности жизнью, тайной тоске, которая овладевает одиноким человеком? Нет. Животрепещущие события современности, книги, новые течения в искусстве — словом, темы, занимающие культурного человека, незаметно отвлекали их от окружающего на целые часы.

В обществе Сартапутна Анита сразу оживала. При этом Оскар ничего не терял в ее глазах — Оскар оставался Оскаром, совершенно самобытным, ни с кем не сравнимым человеком; другим он стать не мог, да этого и не требовалось. И все же по вечерам, когда усталый и измученный муж приходил домой, Анита как-то коченела. Она и сама чувствовала, что наносит Оскару обиду, замыкаясь в собственную отдельную жизнь, которую нужно таить от него — не потому, что в ней было что-то недозволенное, постыдное, а ради него самого, чтобы пощадить его. Сознавая это, Анита пыталась относиться к нему с прежней теплотой и нежностью, но не всегда это у нее выходило.

Оскар знал, что его жена встречается с инженером, она и сама рассказывала об этом. Иногда, чувствуя, что Анита догадывается об его подозрениях, он старался успокоить ее, притворяясь более наивным, чем был на самом деле.

— Ты, наверно, пойдешь к матери, — говорил он за обедом, — тогда расспроси инженера насчет баржи с булыжником: с самого утра ее ждать или попозже? Вдруг он не придет на берег, а мне бы хотелось знать, выдастся ли часок проверить мережу.

И так один раз, другой. Стараясь доказать Аните, что у него нет ни малейших подозрений, он косвенным образом способствовал ее увлечению Сартапутном.

вечеров, Фред Менгелис вернулся в Гнилуши. Вот было событие! В Риге Фред оснастил «Титанию» по борту латунными, с фут высотой, стойками, которые ярко блестели на солнце. На обоих концах реи висели новые сигнальные фонари — один зеленый, другой красный. На стенге мачты развевался белый треугольный вымпел с красными буквами «Ф. М.», а по обе стороны штурманской рубки висело по спасательному кругу с надписью «Титания — Рига»; штурвал был новый, с латунными рукоятками, леера — в стойках, и все металлические части так и сверкали. Словом, суденышко было загляденье! Фред не жалел денег на его украшение, а еще больше позаботился о своей внешности. Замызганная непромокаемая куртка была выброшена за борт, американец носил теперь новые брюки из промасленной ткани, чистый китель и шапку. Все эти удобные и красивые вещи были куплены Фредом в Риге, на каком-то датском паруснике; кроме того, он приобрел себе и помощнику высокие резиновые сапоги. Баночка тоже должен был ходить в морской форме, так было принято на «Титании». В каюте было полно разных вещей. Большой сигнальный рупор висел на стене рядом с раскрашенной фотографией нового судна. Форштевень мотобота разрезал зеленые волны, над ними — прозрачная синева неба; сам владелец с «командой», представленной расфранченным Баночкой, стоял на палубе. Койка «капитана» была выкрашена в темно-вишневый цвет и покрыта шерстяным одеялом с вытканым изображением большого тигра. В маленьком буфете хранились закуска и напитки: банки консервов, круги колбасы, бутылки вина и водки. Без этого не может обойтись провиантский склад порядочного судна, а на «Титании» были самые лучшие продукты: здесь на такие мелкие расходы не скупилась.

Племяннику Фред привез в подарок игрушечный пистолет, невестке Ольге — зеркало на комод, а брату — шелковое кашне. Себе он успел приобрести ручные часы и новый летний костюм. Все свидетельствовало о преуспевании рыбаков в открытом море. Баночка ходил в зеленых штанах, в синем бушлате и в новой кепке с громадным козырьком. Фред дал ему два дня отпуска, чтобы парень навестил приятелей. Джим Косоглазый, целые дни проводивший в разъездах по делам инженера, еле узнал старого товарища, так он раздобыл за короткое время. Окруженный обступившими его работниками из неводных артелей, Баночка давал себя ощупывать, говорил, сколько каждая вещь стоит, и сообщал разные подробности своей новой жизни.

— В водке мы никогда не знаем нужды... — хвастался он.

Фред первым делом двинулся в местечко к Оттилии и остался там до

следующего утра. Днем его встречали то в одном, то в другом месте. Он сыпал деньгами направо и налево, благо шоколад и бисквиты стоили пустяки.

— Ешьте, барышня, не стесняйтесь, можно еще заказать...

В пику надменной мадам Бангер, которая не терпела, чтобы кто-нибудь из соседей задира перед ней нос, в воскресенье вечером Фред прибыл в Чешуи, захватив с собой бутылку вина. Слухи о великолепии американца дошли и сюда: возле церкви во время богослужения только и разговору было, что об удачном улове в открытом море.

Мадам была занята приготовлением ужина. Бангер беседовал с инженером. Услышав голос Фреда, он вышел в лавку и позвал гостя в комнаты.

— Ну, рассказывай, великий мореплаватель, каково тебе было в незнакомых водах?

— Ничего особенного, — пренебрежительно махнул рукой Фред. — Правда, пришлось все море обрыскать. Сначала решили попробовать на середине залива. Попастся попало, но не столько, сколько я предполагал. Потом двинулись дальше на север. Там уже до нас был кое-кто из эстонцев, тоже хотели попытать счастья. Но я все время сверялся с картами... Вся первая неделя ушла на поиски, да иначе и нельзя... Наконец напал на большую мель, недалеко от острова Руно. В самую точку угодил. За одну ночь наполнил всю посудину угрями, утром хорошо пошли камбала и судак. Взяли полный груз и — в Ригу.

— Где же это было? — допытывался лавочник.

— Без карты не объяснишь.

— У нас, кажется, есть одна, — подроспела мадам.

— Наверяд ли она пригодится, — усмехнулся Фред. — Наверно, с крупными делениями? На такой ничего не увидишь. В моей карте клетки вот такие мелкие, — показал он на скатерти, — и потом день на день не приходится. Где вчера была рыба, там ее в следующий раз не ищи. Если боишься поболтаться по морю да поломать голову, не стоит лучше браться. Да, работы там хватает.

— По крайней мере есть из-за чего стараться, — сказал Бангер. — Если так зарабатывать, никто не откажется потрудиться.

— Пусть, пусть попробуют, — зевнул Фред. — Там уже побывали многие. Сначала все над нами смеялись: куда-де вам, молокососам! А потом зубоскалам пришлось замолчать. Многие пробовали за нами увязаться — где мы бросаем, там и они нороят. Один эстонец четыре дня не отставал ни на шаг, пока мы не ушли в Ригу. Позже, правда, оставили в

покое.

Когда Фред, угостив вином мадам и лавочника, ушел, Бангер крепко задумался.

— У нас моторка все равно стоит даром, — поделился он с женой своими соображениями. — Эдгару с Джимом стоило бы попытаться. Один американец, что ли, такой умный?.. Нет, это ловко придумано, и, если дело выгорит, можно будет здорово заработать.

В тот же вечер он переговорил с сыном. Эдгар выразил полную готовность хоть на другой же день пуститься в море.

Выйдя на улицу, Фред столкнулся с Осисом.

— Здорово, зятек! — остановил тот американца.

И опять Фреду пришлось рассказывать все сначала: как он метался от одного берега залива к другому, как изловчился найти рыбные места и всем утер нос.

— Знаешь что, — сказал Осис, шагая по берегу рядом с Фредом, которого вызвался проводить на изрядное расстояние в сторону Гнилуш, — когда ты опять уйдешь в море?

— Право, не знаю, — может, завтра, может, и позже. У меня тут еще кое-какие дела.

— Я тоже пойду с тобой. У нас с сыном это уже дело решенное.

Фред чуть не поперхнулся.

— Со мной? Еще чего не хватало! Да найдется ли у вас подходящая крючковая снасть?

— А как же! Мы с Индриком свили хорошие тросы, а крючки у нас еще раньше были заготовлены.

— Не знаю, что из этого выйдет, — изворачивался Фред. — Это, конечно, ваше дело, но вдруг ничего не попадетсЯ, тогда скажете еще, что я заставил вас зря время терять.

— Почему же не попадетсЯ? — смеялся Осис. — Да если и так — тебе-то что за беда? Мы и раньше собирались, но все как-то руки не доходили. Скоро наступит знойный штиль, все равно делать будет нечего. Моторка у нас на ходу.

— Гм, гм, конечно... Давай поговорим об этом позже.

— Я завтра приду к тебе. Ты, скажи, когда надумаешь уходить, чтобы мы успели собраться.

— Ладно, ладно, скажу. А теперь мне пора идти, а то вообразят, что со мной что-нибудь случилось. Со вчерашнего вечера не был дома. Покойной ночи, сосед!

— Будь здоров! Эх вы, молодежь, молодежь! — Осис отечески

похлопал по плечу Фреда. — Одни девки на уме. Ну, ничего не поделаешь, народ молодой... Значит, до завтра!

— Ладно, приходи!

Придя на следующее утро в Гнилуши, Осисы уже не застали Фреда — ночью «Титания» ушла в море.

— Вот окаянный! — сплюнул Осис. — Ну, в другой раз ты от меня не уйдешь!

Через день Эдгар Бангер с Джимом тоже пустились в море, в надежде догнать Фреда. Всю неделю лавочник и мадам с лихорадочным нетерпением ждали вестей от сына, расспрашивали о нем всех хозяек, возвращавшихся из Риги. Никто его там не видал. Американец — тот был, и опять с полным грузом рыбы. Видно, везет человеку.

Наконец в полночь с понедельника на вторник, когда поселок отдыхал от трудового дня, сын лавочника и Джим вернулись домой. Тихонько поставили на якорь моторку, затем кружным путем, мимо леса, чтобы не встретить какой-нибудь парочки, проскользнули к себе во двор. Оказалось, что они даже коту на завтрак не нарыбачили в открытом море.

— Нет там ни шиша! — И Эдгар даже сплюнул.

— Фреда встречали? — спросил Бангер.

— Ни разу. Черт его знает, где он околачивается.

— Что ни говори, а хватка у него есть, — вздохнул лавочник.

— Да; без морских карт с мелкими клетками лучше и не соваться.

Осис помалкивал в ожидании американца. В другой раз он от него не удерет!

6

С наступлением знойного штиля работы по возведению мола быстро двинулись вперед. На море — ни ветерка, ни малейшего волнения, от жары люди работали полуголые, в одних трусах. Уже затопили несколько ряжей, и над поверхностью воды показались длинные неровные гряды камней. Рабочие их выравнивали, укрепляли вбитыми в несколько рядов кольями; теперь и каменщики могли исподволь приступить к работе.

Глядя на большую семью этих тружеников, которые весь день дружно работали плечом к плечу, можно было подумать, что между ними все идет гладко, без сучка и задоринки. Но так казалось только с первого взгляда. Скрытое недовольство с каждым днем росло среди поселковых парней — их до крайности злило поведение приезжих. Особенно это было заметно по

вечерам, когда умытые и приодетые рабочие выходили на берег и прохаживались по улице поселка. Добро бы эти рижане довольствовались тем, чтобы зайти в лавку или завернуть к кому-нибудь из рыбаков за молоком, копчушкой и хлебом, — нет, они еще норовят подъехать к поселковым девушкам, пуститься с ними в нескончаемую болтовню, постоянно бродят возле Осисов и Лиепниеков! Когда в доме у Дунисов устраивают танцульки, чужие играют там первую скрипку. Городских сразу видно: отложные воротнички сорочек белеют на загорелых шеях, у кое-кого красуются ручные часы, иной бренчит на мандолине а на землечерпалке есть один, — так тот кого угодно заговорит. Оно и понятно: человек побывал в России, дрался с Врангелем и бандами Махно, — заслушаться можно, когда он принимается рассказывать об Украине и Крыме... Девушкам-чешуянкам надоели вечные разговоры про ветер да про салаку; поселковые парни примелькались им с детства — ничего нового от них не дождешься. Все один к одному — неповоротливые, насквозь пропахшие рыбой и смолой, кожа на руках шелушится, как древесная кора... С подругами они обходятся запросто, не умеют даже как следует сказать «барышня». Ясно, что чужие имеют больше успеха, и хотя они тоже обыкновенные рабочие, матросы с землечерпалки, кочегары, каменщики, но поди втолкуй это женщинам! Словом, парни-чешуяне получили временную отставку. Некоторое время они покорно переносили это и как будто примирились со своей участью. Но вот двое рижан пришли как-то ночью на свидание к лиману. У одного была с собой мандолина, другой играл на гребенке. Они так расшумелись, что впору мертвого поднять. Девушки смеялись и визжали, парни играли, а когда все умолкло, чешуянам стало невтерпеж. Кристап Лиепниеков и Индрик Осис ушли на дюны и стали выжидать. У Индрика было с собой сломанное весло, Кристап даже не счел нужным вооружиться. Под утро на дюнах произошла короткая, но отчаянная схватка. Возвращавшимся со свидания кавалерам задали основательную трепку: у одного после этого долго болели спина и бок, у другого совсем заплыл глаз, — пришлось потом рассказывать, что упал и ушибся о борт лодки. Превосходство сил оказалось на стороне чешуян. Внезапной атакой они принудили противника к бегству и загнали его в море. Рижане как были, в праздничных костюмах, так и бросились вплавь и, вымокнув до нитки, добрались до землечерпалки, где наконец почувствовали себя в безопасности.

С тех пор чужие больше не сходили на берег в одиночку или вдвоем, а старались держаться компанией. Поселковые парни делали то же самое. Две враждебные армии маршировали по поселку, но из обоюдного

уважения к боеспособности противника воздерживались от стычек. Днем наступало перемирие, вчерашние враги работали рядом, были вежливы, помогали друг другу.

Однажды вечером у Бангеров зашел разговор на эту тему. Оскар и Анита пришли за сынишкой, который весь день провел у бабушки в лавке, и в это время с берега вернулся инженер. Ему пришлось в тот день перевязывать подбитый глаз матросу землечерпалки.

— У нас здесь, как на поле битвы, — смеялся он, встретив во дворе Оскара с Анитой. — Раненые уже есть, не хватает только павших.

Губы Оскара сложились в улыбку.

— Кто знает, может быть, со временем найдутся и такие.

И плечи его задрожали от сдерживаемого смеха.

— Все может быть, — усмехнулся Сартапутн. — О чем они в самом деле думают? Приехали в гости — и сейчас же охотиться на чужой территории. Так им и следует.

— Да, — как бы про себя сказал Оскар. — У таких охотников могут быть неприятности.

Анита внимательно посмотрела на мужа. Но он был по-прежнему спокоен и добродушен, только странная улыбка не сходила с его лица.

— Пойдем домой, — сказала Анита, подняв на руки малыша.

Несколько удивившись, Сартапутн посмотрел им вслед — он надеялся, что сегодня она пробудет здесь дольше. Ему так хотелось показать ей новые немецкие журналы, присланные сестрой из-за границы, а теперь придется просматривать их одному. Скучный вечер предстоял ему — ведь он уже успел привыкнуть к обществу Аниты.

Раздосадованный инженер ушел к себе в комнату. Завтра воскресенье, она опять не придет — муж на весь день останется дома. Если бы зайти к ним, будто невзначай, мимоходом... Что тут особенного?..

— Нет, лучше не стоит, — решил Сартапутн, — еще бог знает что подумают.

Глава четвертая РАЗНЫЕ СУДЬБЫ

1

Осису пришлось ждать возвращения Фреда чуть ли не целый месяц. И чего ради стал бы тот делать крюк в Гнилуши, тратить попусту время и горячее? Ему нельзя было зевать, пока шла рыба: каждый день был на

счету, каждый рейс «Титании» приносил немалый барыш.

Ольга, встретив его в Риге, спросила, почему он не показывается, наверно, окончательно забыл родных?

— Нагостимся зимой, еще успеем надоесть друг другу, — ответил, как потом передавала Ольга, Фред, — а сейчас некогда — куй железо, пока горячо!

Куда ему было спешить? Жена не ждала дома, брат мог без него обойтись или нанять работника. Невеста?..

— Ну, этого добра везде хватает, — засмеялся Фред.

— Не мели зря, где же ты их в море-то достанешь? — спросила Ольга.

— Уметь надо, — таинственно усмехнулся американец. Вообще за последнее время Фред больше говорил намеками. Болтал он, как и раньше, с удовольствием и много, но в его рассказах всегда что-нибудь оставалось неясным.

В июле Роберт Клява получил отпуск и ненадолго приехал к родителям. Он тоже с нетерпением ждал Фреда и каждый день справлялся, не вернулась ли «Титания». Пока не было американца, Роберт целыми днями гулял по берегу, иногда доходил и до Гнилуш — навестить сестру, побродить по дюнам. Однажды его видели за поселком, где начиналось шоссе на Ригу. Вероятно, в сердце у него все еще сохранялась глубокая привязанность к родным краям. Ведь здесь каждое местечко было знакомо ему с детства, с каждым уголком связывало его какое-нибудь воспоминание. Иногда он заходил к Сартапутну, и, если к ним присоединялась Анита, они часами вспоминали прошлое.

Роберт часто удивлялся, глядя на Оскара.

— Я больше не узнаю в нем прежнего двужильного юношу, который носился с разными реформами, — заметил он однажды Аните. — Помнишь, как мне пришлось с ним сцепиться? Нет, теперь он стал гораздо спокойнее. Боюсь, что это признак апатии, усталости.

— Ты, пожалуй, прав, — согласилась Анита. — Он за это время успел измениться.

— Ну, тогда можно смело утверждать, что это твоя заслуга, засмеялся Роберт. — Ты его избаловала, усыпила лаской, а нам, мужчинам, это на пользу не идет.

Анита ничего не ответила.

Наконец появился Фред. Старый Осис видел его моторку, когда она проходила вдоль обметанного невода. Роберт помчался в Гнилуши, и они с Фредом тотчас пошли к берегу, чтобы поговорить наедине, а заодно осмотреть моторку. Фред показал ему рыболовные снасти и новые покупки,

потом они спустились в трюм. Но возле них вертелся Баночка, так что из разговора ничего не вышло. Они ушли на дюны, прогулялись лесом и, остановившись у шоссе, долго разглядывали уединенную лоцинку.

— Здесь редко кто бывает, — сказал Роберт. — Дачники купаются гораздо левее. Я тут обошел весь берег вплоть до бывшего пограничного поста и думаю, что лучшего места не сыскать.

— Пожалуй, годится, — согласился Фред. — Значит, сегодня вечером уходим. Я распоряжусь, чтобы Баночка держал мотор наготове.

Дома Роберт сообщил родителям, что американец приглашает его на один выход в море.

— Схожу с ним разок, просто так, для развлечения, — интересно поглядеть, как он там орудует в открытом море.

— Значит, все-таки берет? — удивился старый Клява. — Вот чудеса-то! Здесь уже кое-кто подъезжал к нему, просились взять, а Фред и слышать не захотел.

— На меня он может положиться, — смеялся Роберт, — я рыбачить не собираюсь, с этой стороны ему нечего бояться конкуренции.

— Ну, потому и берет. Станет еще такой прожженный плут каждому показывать, где есть рыба! А ты все же примечай хорошенько, потом расскажешь. Вдруг и мы с Оскаром надумаем...

— Это можно...

Поздно вечером, когда неводчики вернулись с лова, а рабочие, строившие мол, уже спали, «Титания» подошла к Чешуям, приняла на борт Роберта и, не задерживаясь, направилась в открытое море.

Увеселительная поездка Роберта продолжалась три дня. «Титания» вернулась поздно ночью, и никто даже не заметил, как она подошла к Гнилушам. Мотор работал так тихо, что дальше ста шагов выхлопов совсем не было слышно.

Вернувшись из этого путешествия, Роберт больше не остался у родителей и вернулся в город. Фред сам отвез его в местечко на мотоцикле, чтобы заодно навестить и Оттилию.

— Теперь все в порядке, дальше ты справишься и один, — сказал на прощание Роберт.

— О, уж теперь-то я развернусь! Ты не зевай по своей части, а здесь я один управлюсь.

— Языками ты владеешь, пожалуй, лучше меня, — польстил ему Роберт.

— Пожалуй, что так. Ведь я же бывал за границей.

Оттилия так и просияла при виде запропастившегося обожателя и

принялась ухаживать за ним, как за женихом: побрила, постригла, сделала маникюр и опрыскала духами, так что он заблагоухал, словно какая-нибудь барышня. Она уговаривала его остаться до утра, мешать дома некому: мать уехала к сестре в деревню, отец работал на какой-то дальней стройке. Но Фред отказался самым решительным образом.

— Нет, никак не смогу. Ночью мне опять придется уйти в море. Работа остается работой, а любовь — статья особая. На это и зимой времени хватит.

— Скоро ведь праздник рыбаков, ты хоть к тому-то времени вернешься? — донимала его Оттилия.

— Вот это я тебе обещаю твердо. Праздник рыбаков я не пропущу.

Ночью Фред ушел. Осис только руками разводил: всю ночь караулили с сыном и мотор держали подогретым — и опять американец ускользнул из-под самого носа. И черт его знает, где он раздобыл такой мотор. Пускаться вдогонку не имело смысла — за «Титанией» не поспела бы ни одна моторка.

— Наверно, думает один все море обловить! — сердился Индрик.

— Это уж у них в роду такая привычка. Разве кто слышал, чтобы они сказали, где хорошо рыба идет?

— Ну, ты и сам, положим, не лучше их...

— А ты попробуй иначе! Налетит весь народ, а сам оставайся ни с чем...

— Нам-то он мог бы сделать одолжение.

— Нам? Когда он родного брата не берет в компанию, где уж там чужих.

— Роберта же брал.

— Роберт не рыбак.

— Зато ты кассир кооператива.

— Гм-да! Если он и дальше будет нас водить за нос, придется потребовать возврата ссуды.

— Вот тогда он у нас заговорит... — заранее радовался Индрик.

— Зря не прижали его раньше.

Но и тут не пришлось им порадоваться. Спустя неделю вернулся Фред и пришел к кассиру кооператива.

— Пора нам и рассчитаться... Сколько там с меня приходится? — небрежно спросил он, бросая на стол толстый бумажник.

За один раз Фред вернул всю ссуду. Денег у него куры не клевали; не моргнув глазом, он бросался сотнями латов. Вечером он хвастался по всему поселку:

— Теперь я разделался с долгами, и «Титания» принадлежит мне от килия до вымпела. У меня нет такой привычки, чтобы тянуть с отдачей. Как завелось что в кармане — на, бери свое и оставь меня в покое.

Фреду так везло, что он уже стал помышлять о даче в курортном местечке и даже подбивал лавочника Бангера вместе строить гостиницу с рестораном — по крайней мере рыбакам будет где развлечься в свободное время. Бангер готов был уже согласиться, только ему хотелось, чтобы Фред взял как-нибудь в Янтарное море и Эдгара. Но такие разговоры не понравились американцу, и о гостинице он пока замолчал.

О блестящих успехах владельца «Титании» лучше всего свидетельствовало процветание Баночки. Произошло что-то непостижимое: Баночка, у которого раньше не мог удержаться в кармане даже один лат, теперь обзавелся собственным бумажником, в котором шелестели новые кредитки. Это служило верным доказательством того, что Баночка был уже не в состоянии истратить свои доходы. Одевался он теперь, словно какой-нибудь хозяйский сынок, и все стали посматривать на него с известным почтением. Если бы он захотел жениться, не одна девица — из тех, что постарше — ответила бы ему согласиём. Но Баночка женщинами не интересовался — его невестой, навеки обрученной с ним, была бутылка, и никакие силы не могли разлучить его с ней. Кое-что и Джиму перепало от его щедрот — Баночка никогда не приходил с пустыми руками. Но когда тот или иной приятель пытался разузнать подробности лова в открытом море, Баночка вел себя так же таинственно, как и Фред.

Эта таинственность все сильнее интриговала жителей поселка. Почему они никого не берут с собой, а всегда удирают втихую, как тать в ночи? Почему не говорят, в каких местах рыбачили?

Людям случалось уходить далеко от родных краев, но ни на курземском, ни на видземском побережьях никто не встречал Фреда. Они стали расспрашивать о нем тамошних рыбаков — те также ничего не могли сообщить. Как «летучий голландец», носилась «Титания» по морским просторам. За последнее время Фред все чаще возвращался, и хозяйки каждый раз встречали его в Риге, где он по-прежнему появлялся с полным трюмом угрей, камбалы и другой рыбы. И так как в его каюте никогда не переводилась водка и другие приятные вещи, которыми можно было угостить соседей, рыбаки относились к нему с уважением.

Однажды в субботний вечер, возвращаясь на мотоцикле из местечка, Фред завернул в Чешуи и остановился возле лавки. Дорога была плохая, машину трясло, и костюм его сильно запыхался. Фред попросил у мадам щетку и, стал у двери счищать с себя пыль.

— Не понимаю, почему у вас до сих пор не подумают о том, чтобы провести шоссе, — сказал он. — Какой толк от гавани, если к ней нельзя подъехать сухопутьем? У нас, в Гнилушах, дело обстоит гораздо лучше.

Вернув щетку, Фред стал рассматривать товары. Но что хорошего могло оказаться в такой лавчонке!

— Дайте мне, пожалуйста, две плитки молочного шоколада и большую пачку «Риги». Сколько стоит вон та кожа?

— Двенадцать латов.

— Заверните, пожалуйста, и отложите в сторону, а после я пришло за ней Баночку. Пусть сделает себе кожаный фартук, чтобы не пачкаться о снасти. Терпеть не могу, когда люди зря портят вещи.

Фред брал все, что попадалось на глаза. Большой нужды в этих покупках не было, но почему же не взять, если имеешь возможность?

— Пожалуйста, подсчитайте, каковы мои военные издержки.

Сумма достигла почти двадцати латов. Фред вынул бумажник и с озабоченным видом стал искать деньги.

— Гм, никак не найдешь подходящей мелочи. Вы мне не разменяете?

Он подал мадам пятисотлатовую ассигнацию. Лавчица чуть-чуть покраснела от уязвленной гордости.

— Право, не знаю, как и быть... Вам придется немного подождать, пока придет муж. У нас в кассе сейчас не наберется сдачи.

— Не беспокойтесь, пожалуйста, у меня не горит, могу потерпеть и до следующего раза, или отдайте Баночке, когда придет за покупками.

Фред решил показать, каковы его возможности. То, что у мадам не нашлось сдачи с пятисот латов, доставило ему громадное удовлетворение. Если бы у нее во всем доме набралось столько, она бы в грязь лицом не ударила! Ясно, что нет, а у Фреда этого добра вдоволь. Будто бы для того, чтобы удобнее уложить кредитки, он вынул целую пачку столатовых билетов, перегнул ее пополам и засунул в глубь бумажника. Там была и валюта.

— А вы не возьметесь разменять пятьдесят долларов? Ведь курс иностранной валюты известен, можно посмотреть в газете.

Нет, мадам не смогла сделать и этого. От удовольствия Фред только покашливал — хе-хе, что же она в конце концов может? Он заметил, как заблестели глаза у мадам. Такой кучи денег она, наверное, ни разу в жизни

не видела, хотя Бангера считали богатым. Существует же разница между каким-то там лавочником и человеком, который ворочает делами большого масштаба!

— Мне часто приходится иметь дела с иностранцами, — объяснил Фред, пряча в бумажник свои пятьдесят долларов. — Они охотнее платят валютой. Да, что я хотел спросить, — далеко ли ушел Бангер? Мне надо с ним поговорить.

— Он в кооперативе. Кажется, сегодня заседание правления. Вот-вот должен вернуться.

— Я подожду.

— Тогда лучше зайдите в комнату, поболтайте пока с господином инженером.

— Гм-гм... с инженером... — Это ему понравилось.

Фред успел уже с ним познакомиться, когда ходил смотреть мол, и нашел, что этого человека стоит узнать поближе. Дружба с образованным человеком придала бы американцу в глазах людей известный вес; и Сартапутн ничего бы не потерял — ведь Фред наверняка зарабатывал больше.

Он застал инженера сидящим за письменным столом.

— Пардон, извините, что побеспокоил, — сказал Фред. — Если вы очень заняты, не буду вас тревожить.

— Ничего, я уже кончил, присаживайтесь, пожалуйста. — Сартапутн подал ему руку, затем перегнул пополам исписанный листок, вложил в конверт, но адрес надписывать не стал. — Вы опять дома?

Оба чувствовали себя неловко. «Чего ему от меня надо?» — удивлялся про себя инженер, глядя на полужнакомого человека. «О чем я буду с ним говорить?» — спрашивал самого себя другой. Но не таков был Фред, чтобы не найти выхода из любого положения.

— Скажите, вы на самом деле инженер? — спросил он, предлагая сигарету. — Это «Кепстен». Привез знакомый боцман с одного английского парохода.

— Да, инженер, — с улыбкой ответил Сартапутн, протягивая Фреду спичку. — Недурной табак.

— Могу достать вам целую баночку — сто штук.

— Не стоит беспокоиться. Долго вы плавали на пароходах?

— Двенадцать лет.

— Очень интересно. А кем вы работали?

— На палубе... У меня были разные обязанности... Ну, а скажите, что вы умеете строить?

— Ну, разные плотины, мосты.

— А дома вы не строите?

— Я не архитектор.

— Вот это жалко. А мне как раз архитектор и нужен.

— Да? Что же вы намереваетесь строить?

— Пока подумываю о даче, а там и еще кое-что...

— Тогда вам достаточно пригласить какого-нибудь хорошего строителя. Архитектору закажите только план.

— Я тоже так полагал. Жаль, что это не по вашей части, но я хотел узнать, сколько это будет стоить.

— Могу порекомендовать вам хорошего специалиста.

— Вот это здорово! Ну, об этом мы еще поговорим в другой раз.

Да, это он отложил на другой раз, а сейчас ему не терпелось порассказать о себе, и в таких случаях другим оставалось только молчать да слушать. И опять посыпалось: Америка, Нью-Йорк, Лондон... А вот в Генуе он слушал певицу Галли Курчи... Конечно, и «Титания» не была упущена из виду — доброе суденышко, знаете ли, и кое-что приносит...

Вначале инженер слушал внимательно, потом начал улыбаться — не то над рассказом, не то над самим рассказчиком. Иногда он беспокойно поглядывал в окно, рассеянно переставляя с ребра на ребро только что заклеенный конверт. Вдруг он поднялся, извинился перед гостем и вышел, захватив с собой письмо. Несколько обескураженный, Фред вскочил со стула и начал прохаживаться по комнате. Взглянув в окно, он увидел, как Сартапутн, выйдя на улицу, передал письмо одному из рабочих, что-то сказал и вернулся в дом.

Из лавки послышался голос Бангера.

— Где он? — спрашивал лавочник.

— У господина инженера, — ответила мадам. — Я его сейчас позову.

Фред вошел без приглашения.

— У тебя ко мне дело? — спросил Бангер, здороваясь с ним.

— Да, я хотел бы окончательно выяснить, как ты решил насчет постройки гостиницы. Пора ведь начинать. Согласен идти в компанию, или мне придется одному строить?

— Гостиницу? Да, ты ведь как-то об этом упоминал, но я, признаться, думал, что это шутка.

— Ты прекрасно знаешь, что я не любитель шуток.

— Гм-гм... Ну, тогда зайдём ко мне.

Они вошли в комнату Бангера. Фред сразу приступил к делу. Он самым серьезным образом решил строить гостиницу, и не какую-нибудь, а

перворазрядную, чтобы людям было где приятно провести время.

— Все должно быть поставлено на широкую ногу... Устроим бильярдную, отдельные кабинеты. Ну, конечно, и девочки... В такое заведение из самой Риги будут наезжать. Место тихое, уединенное, столичная публика это любит. А разве наших не потянет, если цены у нас будут доступные? Сейчас они могут повеселиться, только когда случается съездить в Ригу. Уверю тебя, дело прибыльное.

— Во что же это нам обойдется?

— Не меньше сорока тысяч потребуется. Потому и зову тебя в компаньоны, что не хочу тянуть с этим делом. Раз есть наличные, пора и начинать.

— Да тебе-то что, ты, наверно, хорошо заработал.

— Ну и у тебя порядком накопилось за столько лет!

— Гм... Как сказать.

— Наконец, ты можешь заложить дом, это ведь тоже деньги. Потом за один год все вернем.

— С этими закладными я бы не хотел связываться. А знаешь что... — Бангер придвинулся к Фреду. — Ты бы лучше взял с собою моего Эдгара. Здесь на прибрежном промысле он только время теряет. Ну, что тебе стоит? Станет зарабатывать, тогда можно будет пустить деньги и на постройку гостиницы. А с закладной я не стану возиться.

Опять за старую песню: «Возьми с собой!»

— За каким чертом выходить ему в открытое море? — пожал плечами Фред. — И потом я не могу ждать, надо начинать немедленно.

— Потому и возьми Эдгара. Тебе ведь за него работать не придется. Если ему повезет, может, я решусь взять ссуду.

— На буксир я его брать не могу, а в море мы все равно разойдемся. Нет, нет, из этого ничего не получится. Если у тебя сейчас нет денег, буду строить один... Надо будет присмотреть местечко.

Фред решительно попрощался и ушел. Ни разу в жизни Бангер не чувствовал себя таким униженным. До сих пор слыл за человека денежного, и вдруг приходится сознаться, что тебе не по плечу постройка какой-то гостиницы! Взошли новые светила, затмевающие своим сиянием старые звезды.

Мадам мучило иное: этого человека, который скоро прогремит на всю страну, она когда-то могла заполучить в зятя. Если бы только Анита не оплошала...

«Вышла за этого угрюмого козла, а много она от него видит радости? У Фреда она бы как сыр в масле каталась».

Выйдя от Бангера, Фред направился к пляжу, ведя мотоцикл по песчаной дороге. У дюн он увидел Аниту. Она шла впереди и что-то читала. Услышав за собой шаги, Анита обернулась и, словно испугавшись, несколько раз сложила пополам исписанный листок. Бумага была такая же, какую Фред видел на столе у инженера.

— Добрый вечер! — крикнул он ей и добавил со смешком: — На свиданьице, что ли? А как же муж?.. Впрочем, извините, это я так — сболтнул.

Порозовевшие щеки Аниты вспыхнули еще ярче, краска разлилась до кончиков ушей. Она отрывисто засмеялась:

— Мне нечего думать о таких вещах, это уж вам...

Они вышли на пляж. Песок здесь слежался, можно было ехать на мотоцикле. Прежде чем сесть в седло, Фред остановился и рассказал, по какому делу он навестил сейчас Бангеров.

— Пора подумать и о благополучии рыбаков. Я решил строить гостиницу с рестораном.

— Вот так благополучие, — усмехнулась Анита.

— А куда в самом деле деваться человеку после работы? Сидеть дома — радости мало; это вы и на себе испытали. А в ресторане музыка, светлое помещение, будет где потанцевать. Это не то, что толкаться в темной комнате у Дунисов.

И пошло и пошло. Несколько минут Фред говорил в полном самозабвении. Невзначай взглянув на Аниту, он вдруг заметил, что она, совершенно его не слушая, с задумчивым видом смотрит куда-то по направлению к поселку. Фред тоже обернулся и увидел вдали человеческую фигуру, — это шел к пляжу инженер Сартапутн.

— Ну, извиняюсь, мне пора. — Фред вскочил на мотоцикл и понесся вдоль пустынного берега.

Чтобы не гноить зря дорогое сетное полотно, Оскар во время знойного штиля выставил мережу на дюны. С весны довольно хорошо шли камбала и судак, позже появились и лососи, но с наступлением жары они снова пропали, в то время как, по словам Фреда, в открытом море их было до черта.

— Прыгают, как мальки, — рассказывал он. — Я уже хотел ловить ярусами, да не захватил подходящих крючков.

Наконец в исходе июля задули свежие ветры, направляя к берегам залива более прохладные течения. Появилась и рыба — лещ, окунь, сырть, — изредка стали попадаться лососи.

Для чешуян, работавших на строительстве мола, началась страдная пора. Сартапутн не раз удивлялся мужеству и выносливости этих людей. Еще далеко до рассвета, а они уже в море, подле сетей или ловушек. Вернувшись на берег и сдав улов приемщикам из рыбокоптильни или женам, которые отвозят его на рынок в Ригу, они развешивают для просушки сети и наскоро завтракают тут же на берегу — пора уже становиться на работу. Проработав целый день на строительстве, вечером они снова забирают сухие сети и — опять в море, иной раз уходя вдоль побережья к устью Зальупе. Домой возвращаются уже глубокой ночью. Когда находили они время для сна, когда отдохали — для инженера оставалось загадкой.

Поистине двужилым казался этот неутомимый народ, и нельзя было сказать, чтобы после такой работы он слишком мрачно смотрел на вещи. Молодежь была весела и жизнерадостна, как и полагается в ее возрасте, старикам тоже хватало бодрости.

Участки для мереж еще с весны распределялись по жеребьевке на все время путины. В прошлом году Оскару достался самый северный, самый дальний участок, который оставался в стороне от течения, и лосось ловился там неважно. Зато в этом году ему посчастливилось: он вытащил самый лучший номер, получил самое выгодное место; здесь в его ловушку попадались и самые первые и самые последние лососи. Поэтому, как только кончился период знойного штиля, Оскар, не теряя времени, установил на якоре мережу.

Всю весну Оскар работал как лошадь и даже в лице изменился. Глаза у него воспалились от бессонных ночей, к полудню его уже одолевала дремота. Но бросать работу у инженера Оскару не хотелось — на дополнительный заработок он надеялся обзавестись осенью новыми сетями для салаки и кильки; у него каждый лат был на счету. Анита уже второй год ждала летнего пальто, и ему хотелось доставить наконец жене эту маленькую радость. Никуда не годился старый неводник — громоздкий, весь в заплатках и все-таки протекавший, как сито. Пора было перекрасить железную крышу дома, тогда бы она прослужила вдвое дольше. Со всех сторон обступили его мелкие нужды, где уж тут было думать об отдыхе!.. И когда разбушевался западный ветер, прервав на некоторое время работы по возведению мола, Оскар даже рассердился на море — сиди теперь по его милости сложа руки! Правда, после бури могли появиться лососи, буря

была подходящая. За свою ловушку Оскар не тревожился — еще сравнительно новая, крепкая и он ее основательно заякорил — на этот раз выдержит. Осис и то не беспокоился за свою развалину.

Четыре дня нельзя было выйти в море ни на веслах, ни с мотором. Волны докатывались до подножия дюн. Каждое утро Оскар спешил проверить, как держится моторка на якоре, как ведет себя ловушка.

Во вторую ночь выбросило на берег мережу Осиса. Через день была прорвана мережа гнилушанина Крауклиса. Но обе ловушки были старые и порядком подгнившие во время знойного штиля; удивительно, как они до сих пор-то держались. В последнюю ночь ветер, достигнув предельной силы, сносил крыши домов, выворачивал с корнем сосны. У Бангера сломало радиомачту. А утром на берегу можно было видеть останки двух выброшенных волнами ловушек — одна из них принадлежала Оскару. Сначала он не хотел верить своим глазам... Впервые за все годы его мережа не выдержала бури. Якоря хорошо закреплены в нужных местах, тросы новые, крылья сделаны только в этом году, при установке никакой оплошности допущено не было. И вот — на тебе!..

Стиснув зубы, принял Оскар этот удар. Мечты о новых сетях и других необходимых вещах пришлось выбросить из головы. Он аккуратно подобрал все отрепья, поплавки и отвез останки мережи в поселок. Починить ее не было никакой возможности. На крыльях было содрано с подбор все сетное полотно, — теперь разыскивай его где-нибудь в песке на банках! — обручи были изломаны, камеры словно ножом располосованы, у нескольких якорей оборвало наплава — их и вовсе не найти.

— Опять тебе придется подождать нового пальто, — сказал он Аните. — Нам надо обязательно построить новую мережу.

— Ну конечно, Оскар. Я ведь могу и без него обойтись.

Оскар пошел сказать инженеру, что ему надо с неделю побыть дома, построить новую ловушку.

— Пусть на эти дни Бангер даст вам моторку... Хорошо, если бы вы могли уплатить мне, что причитается.

— Много вам на это понадобится? — спросил Сартапутн, с участием отнесшийся к его горю.

— Ну, как-нибудь наберется... Кое-что ведь и нарыбачили за это время. Такое несчастье случается не впервые и не со мной одним. Если бы мы каждый раз вешали головы, то и жить не стоило бы.

— Все-таки тяжело вам пришлось.

— Хуже всего то, что теперь появится лосось. А пока я новую мережу построю — весь косяк пройдет, жди тогда нового.

— А там вдруг опять буря... — Сартапутн не решился высказать до конца свою мысль.

— Конечно... может и опять выкинуть на берег. Только незачем вперед загадывать.

— Я вам искренне сочувствую, — мягко сказал инженер. — Вы день и ночь трудитесь, как каторжный, и вот... До чего все-таки несправедлива природа. Даже досаду какую-то испытываешь против ее законов, особенно когда она так безжалостно уничтожает разумный труд человека. Мне так жаль вас... — Он так и не закончил фразы, как бы устыдившись своего непрощенного сочувствия.

— Жаль? — странно усмехнулся Оскар. Больше он ничего не сказал.

Теперь Сартапутн стал внимательно присматриваться к этому человеку, который столько времени оставался незамеченным, как любой другой поденный рабочий. Спокойный фатализм и громадная выносливость рыбаков, помогавшая им выдерживать все невзгоды, его не удивляли. Здесь скрывалась суровая трудовая закалка. Но в Оскаре было нечто большее — не просто спокойствие или чисто физическое здоровье; это был характер, незаурядная личность. Да, он достойный соперник! Инженер начал понимать, почему Анита так привязалась в свое время к Оскару. Понял он и другое: слишком бесчестно было бы врваться в эту тихую жизнь, разбивая счастье такого сильного, сурового человека. Если бы не одинокая жизнь в заброшенном поселке, не однообразная работа, не столь длинные, томительные вечера, когда всем существом рвешься к людям! Плохо, конечно, что они с Анитой больше не встречаются открыто. Ясные дружеские отношения сменились совсем иными чувствами, и теперь им многое приходилось скрывать от людей. На какой-то момент в инженере во весь голос заговорила совесть. Несколько дней он избегал встреч с Анитой, не посылал ей записок, а по вечерам бродил где-нибудь подальше от поселка. Но поведение инженера было истолковано Анитой совсем в другом смысле.

— Прекратим это, — сказал он при первой же встрече, когда Анита пришла к матери. — Пусть все останется по-прежнему, так будет лучше...

Широко открытыми глазами, в которых таилась и оскорбленная гордость женщины и грусть брошенного ребенка, она взглянула на Сартапутна.

— Ну, раз тебе это надоело, лучше нам больше не встречаться.

Рассказать ей о своих новых мыслях, о том, что они оба виноваты перед Оскаром? Но когда один человек далеко завел другого по неверному пути, он уже не может сказать тому, что этот путь неправилен. Ведь оба они

знали об этом, оба знали, куда идут. И Сартапутн отказался от своего намерения. Они продолжали идти дальше.

Летом среди рабочих неводной артели Лиепниека появился очень странный человек, высокого роста, глуховатый, с широким шрамом во всю правую щеку, к которой когда-то приложился бутылкой с отбитым дном пьяный приятель. Казалось, природа обделила его разумом, и он всегда старался держаться в стороне, неохотно отвечал на вопросы. Но ему нравилось издали наблюдать за другими, незаметно подкрасться к разговаривающим между собой рыбакам или даже к мальчишкам, собравшимся в кучку, чтобы придумать какую-нибудь новую каверзу. Ко всему он прислушивался, все замечал, но дальше не распространял — может быть, потому, что тут же все забывал. В сумерки Симан имел обыкновение шататься по чужим дворам. Со всеми собаками он был в дружбе, ни одна на него не лаяла. Неслышно, как тень, шнырял долговязый Симан у чужих окон, заглядывал в освещенные комнаты, а где были ставни, тихо приподнимал крючки и, никем не замеченный, наблюдал семейную жизнь поселян.

Однажды его застала в своем дворе Клявиене. После говорили, что застигнутый за подглядыванием Симан бросился с ножом на старуху, испугав ее до полусмерти, но ударить не ударил.

Симан умел искусно подражать мяуканью дерущихся котов и иногда ночью, подкравшись к какой-нибудь уединившейся парочке, пугал молодых людей. Кристап Лиепниек испытал это на себе и грозился при случае поколотить его.

Вскоре о странностях Симана стало известно поселковым подросткам, у которых все помыслы были направлены на озорство. Мальчишки стали подлизываться к Симану, носили ему папиросы, давали хлебнуть водки из отцовских фляжек, а за это он должен был брать их с собой в ночные походы.

Мальчишки показывали ему, в какой двор идти, у кого не запираются ставни, в каких клетях спят девушки. Сняв сапоги, верзила ловко взбирался на крышу, мяукал, шумел и царапал стены до тех пор, пока спящие больше не выдерживали. Когда они убежали в дом, накинув на плечи одеяла, Симан из темноты провожал их кошачьим концертом.

Однажды вечером в поселок прибыл Питерис. По старой памяти «друг

рыбаков» остановился у Бангеров. Дождавшись темноты, мальчишки привели Симана к дому лавочника. Окна были закрыты ставнями, только из щелей снизу пробивался свет. Симан откинул крючки и неслышно открыл ставни, но за ними оказалась пустая комната, через которую изредка проходила мадам, вынося в кухню посуду. Симан двинулся дальше, приоткрыл другие ставни, но и там Питериса не было. За столом сидели два человека — инженер Сартапутн и Анита. Инженер, улыбаясь, что-то рассказывал ей, держа обеими руками руку Аниты и по временам поглаживая ее голый локоть. Для Симана это зрелище не представляло интереса, он хотел пойти дальше, но мальчишки уговорили его остаться:

— Подожди немного, посмотрим, что будет дальше.

Заглядывая друг другу через плечо, они с каким-то непонятным любопытством глазели в окно.

— Пойдем, — тянул их Симан.

— Да подожди ты, — останавливали его мальчишки. — Времени у нас хватит, пусть лучше Питерис ляжет, тогда мы его попугаем.

Некоторое время они наблюдали, как разговаривали молодые люди, как инженер гладил руку Аниты, а она улыбалась словам Сартапутна. Вдруг Анита запустила пальцы в густые волосы инженера и растрепала их, а Сартапутн взял и поцеловал ее руку. Потом он придвинул стул ближе к Аните; теперь они сидели плечом к плечу. Анита, задумавшись, смотрела куда-то в угол комнаты, ее голова слегка склонилась на плечо инженера. Сартапутн нагнул голову ниже, их лбы соприкоснулись, но больше ничего нельзя было разглядеть, так как они отвернулись от окна.

— Наверно, целуются, — шепнул кто-то. Подождав немного, не случится ли еще чего-нибудь, разочарованные в своих ожиданиях мальчишки двинулись дальше. Симан снова запер ставни на крючки.

Обогнув дом, кучка мальчишек остановилась у последнего окна, из которого просачивался свет сквозь щели в ставнях. Симан немедленно приступил к делу, и скоро взорам искателей приключений предстал Питерис, сидевший у стола в одной жилетке. Он наклонился над каким-то чертежом, который раскрыл перед ним Фред Менгелис. Американец что-то энергично объяснял, водя пальцем от одного края чертежа к другому. Депутат почесывал бородку и подымал иногда глаза на собеседника, одобрительно кивая головой.

Это был проект новой гостиницы, с которым Фред знакомил «друга рыбаков». Недавно он присмотрел для нее подходящий участок возле шоссе, рядом с курортным местечком. Но участок это принадлежал государству. Вот если бы Питерис как депутат пришел на помощь, участок

удалось бы приобрести за умеренную сумму.

— Можно бы заполучить его под видом надела для ремесленника, — объяснил Фред. — Я ведь рыбак.

— Это мы устроим. Вот гостиницу вам придется записать на собственное имя, на мое неудобно как-то. Если узнают, что у меня такая крупная недвижимость, сейчас же начнут подозревать, завидовать. Нам, государственными людям, в этом отношении надо быть весьма осторожными.

— Ну что же, пусть будет на мое имя. Я лишней собственности не боюсь. Пусть завидуют, кому нравится.

После этого мальчишки увидели, как Фред открыл саквояж и стал выкладывать на стол одну за другой цинковые фляги самых удивительных фасонов: плоские, длинные, со странными вдавленными боками. Смеясь, он прикладывал их то к бедрам, то к животу. Питерис тоже с видом знатока осматривал странные предметы, даже приложил одну флягу к своему животу и покачал головой.

В этот самый миг Симан вдруг вывел кошачью руладу. Он еще никогда не орал так ужасно, — казалось, стая котов дралась не на жизнь, а на смерть. Фляга вывалилась из рук перепуганного Питериса, он нервно хватался руками то за бороду, то за брюки. Фред мигом забросил под кровать все фляги. Оба так растерялись, что мальчишки за окном разразились неудержимым смехом и бросились врассыпную, только Симан хладнокровно прикрыл ставни, накинул крючки и тихо проскользнул вдоль темной улички домой. Хватит на сегодня безобразничать, достаточно всего насмотрелись.

Через несколько дней по поселку поползли слухи о дружбе инженера с Анитой. Женщины подталкивали друг дружку локтем, когда кто-нибудь из них проходил по улице. «Ну, это они умеют... Да ведь иного и ожидать нельзя было. И где только у Оскара глаза, неужели он все еще не догадывается?»

Став депутатом, Питерис не забыл прежнего ремесла подпольного адвоката, наоборот, теперь-то он и развернулся. Его высокое положение как магнит притягивало клиентов, к нему стали обращаться даже такие люди, которые раньше доверяли свои дела только ученым юристам. Не имея больше возможности справиться с клиентурой, Питерис нанял в секретари

какого-то делопроизводителя, уволенного за пьянство из волостного правления. В Риге, недалеко от центра, он открыл контору, куда и обращались все ищущие справедливости и верящие в талант «друга рыбаков». Споры по делам аренды и наследования считались специальностью Питериса, в них ему больше всего везло. С непонятным для заурядного человека удовольствием он годами копался в каком-нибудь деле, которое имело чрезвычайно мало шансов на успех. Вообще раньше чем через год Питерис не заканчивал ни одной тяжбы: надо было долго подготавливать различную документацию, на каждом шагу требовались гербовые марки. А беготня по разным учреждениям, а собирание справок и выписок из старых контрактов!.. Словом, все это стоило времени, труда и, главное, расходов. Пожалуйте аванс! И подобно тому как суеверные люди больше доверяют знахарке, чем врачу, так и легковверные клиенты Питериса без колебаний полагались на его таланты.

— Он лучше любого адвоката разберется.

Правда, выигрывал он далеко не все процессы. Но разве можно выигрывать подряд, иногда и проигрываешь: это в порядке вещей.

Объезжая прибрежные поселки, Питерис мимоходом брался и за те дела, которые уже находились в судах. Защищать свои интересы в Риге его уполномочивали и частные лица, и кооперативы, и даже некоторые местные учреждения. Всюду он брал авансы на расходы и время от времени требовал новых подкреплений.

— Не могу же я каждый раз выкладывать из собственного кармана!

В Чешуях Питерис стал сущим опекуном рыбацкого кооператива. С тех пор как он добился постройки гавани, правление было готово доверить ему все до последнего сантима. Он поручился за Фреда, когда тот брал ссуду на постройку «Титании», — и американец вернул ее. Тут уж пришлось замолчать самым отъявленным скептикам.

В тот вечер, когда Симан с мальчишками заглядывали в окна к Бангерам, Питерис прибыл в Чешуи с определенным намерением. Возвращенную Фредом сумму не успели еще израсходовать, а ему как раз понадобились деньги. Он жаждал деятельности и не только принял участие в постройке гостиницы, но еще купил в Риге землю под дом.

На следующее утро депутат, захватив с собой Бангера, Осиса и других хозяев, вышел на берег осмотреть строящуюся гавань. Питерис дал почувствовать, что он облечен полномочиями свыше, что его посещение является чем-то вроде неофициальной инспекции. Поэтому он и пригласил с собой самых пожилых и почтенных людей. Это уже походило на комиссию. Придя на пляж, Питерис задрал вверх козлиную бородку, повел

в воздухе носом и окинул презрительным взглядом весь участок.

— Значит, вот как они здесь орудуют. Ну, посмотрим, посмотрим... — и, обратившись к одному из рабочих, спросил, не предвещающим ничего доброго голосом:

— Кто здесь производитель работ?

— Инженер... Господин Сартапутн.

— Где он? Позовите мне его сюда.

Этот тон должен был немедленно возыметь действие. Каждому матросу с землечерпалки следовало понять, что прибыло высокое начальство и неизвестно, как еще обернется дело для инженера... Ниже согнулись спины рабочих, каждый старался усерднее делать свое дело.

— Я спрашиваю, где инженер? — повторил Питерис. — Мне надо с ним поговорить.

— Инженер еще не пришел, — сказал подоспевший десятник. — Позвать его?

— Да, скажите, что я его жду.

Пока ходили за инженером, «комиссия» прогуливалась по участку. Питерис хранил молчание, но что-то угрожающее было в его жестах, в его бесстрашном лице. «Посмотрим, посмотрим...» — словно говорил взгляд его глубоко сидящих глаз.

Наконец пришел инженер. Посыльный сообщил ему о появлении незнакомого важного господина, чуть ли не самого министра, и это несколько встревожило его. Вдруг государственный контроль или представитель департамента!.. Сартапутн быстрыми шагами приблизился к группе посетителей.

— Вы желали меня видеть? — спросил он Питериса.

— Ах, так вы и есть инженер? — Питерис смерил его взглядом с ног до головы.

— Да, это я. С кем имею честь?..

— Вы всегда так наблюдаете за порядком? — продолжал депутат, не ответив на вопрос инженера.

— Извините, но я хотел бы знать, с кем имею честь разговаривать... — упрямо повторил Сартапутн.

— Депутат Питерис. Я инициатор этой постройки. Мне кажется, что вы свое дело находите скучноватым.

Сартапутна разозлил этот повышенный тон.

— Я не десятник, — сказал он резко.

— Вот оно что? Ну хорошо, хорошо...

Питерис вынул записную книжку и черкнул несколько слов.

— Вы настолько доверяете рабочим, что не считаете нужным смотреть за ними? — спросил он.

— Они свои обязанности знают, а мои помощники работают не первый год.

— Тогда вы, может быть, здесь совсем не нужны?

— Информацию об этом можете получить в департаменте. Там знают, для чего я здесь нахожусь.

— Ладно, ладно, — и Питерис опять что-то отметил в своей книжке.

— Будьте любезны показать нам дамбу.

— Прошу.

«Комиссия» прошла по молу. Сартапутн от подробных объяснений воздержался и только вежливо отвечал на вопросы. За инженером и Питерисом гордо шагали Бангер и Осис — теперь все могли убедиться, какие они важные шишки! Как только Питерис проходил мимо, рабочие расправляли спины и принимались обсуждать виденное. Но когда Питерис остановился на дюне и еще раз оглянулся назад, все с преувеличенным усердием бросились таскать и разбивать камни. Депутат заметил это.

«Меня побаиваются!..» Сладкое чувство наполнило все его существо.

Вечером созвали внеочередное собрание членов кооператива, на которое были приглашены все рыбаки. Питерис говорил о фонде взаимопомощи рыбаков, который он задумал основать.

— Благодаря фонду мы сможем оказывать помощь семьям рыбаков, потерпевших бедствие, платить за страхование жизни и рыболовных снастей, расширять кооператив и рыбный завод... Словом, этот фонд будет выручать вас во всех нуждах.

— Откуда мы возьмем средства для фонда? — спросил Оскар.

— Средства? Сначала каждый рыбак внесет скромную сумму — скажем, пятьдесят латов, а потом надо будет платить небольшие ежегодные взносы. Нам и правительство не откажет в ссуде. Можно будет устраивать базары и разные благотворительные спектакли; чистая прибыль с них пойдет на увеличение фонда. И, кроме того, — я все это уже хорошо обдумал — на первых порах мы устроим большую лотерею, которая даст нам не менее двадцати тысяч латов.

Рыбакам эта затея сразу понравилась, и они стали обсуждать ее.

— Что-то здесь пахнет лавочкой, — сказал Оскар старому Дунису. — Слушать все это очень приятно, но когда Питерис берет дело в свои руки, оно сразу начинает внушать подозрения.

— И как у тебя только язык поворачивается! — удивился Дунис. — Разве мы мало видели от него добра? Одно то, что человек Добился

гавани...

— И новых заповедных участков, — язвительно усмехнулся Оскар. — Сейчас для него главное — собрать с вас денежные взносы, а что выйдет из этой помощи — еще неизвестно.

С проектом Питериса все согласились. Устав фонда был им уже заранее разработан, и собрание без долгих разговоров его приняло. Кассиром выбрали Питериса, ему же поручили организацию лотереи и продажу билетов, — больше никто не хотел брать на себя эту хлопотливую обязанность. Питерису в конце концов пришлось согласиться на просьбу рыбаков.

В тот же вечер он уехал из Чешуй.

6

По всему поселку пошли разговоры о дружбе Аниты с инженером. Их слышали и Бангеры, но мадам не нашла в этом ничего ужасного.

— Пусть поговорят, если завидно...

Когда сплетни достигли дома старых Клявов, там отнеслись к ним совсем по-другому.

— Ну куда же это годится! — ворчала Клявиене. — Замужняя женщина, а блюсти себя не умеет.

— Наверно, Оскар, показался ей чересчур простым, — решил старый Клява. — Как-никак, дама образованная, разве ей такой муж нужен?

Первое время они крепились и ничего Оскару не говорили — с ним ведь не так легко дело иметь. Но Анита всем поведением показывала, что она не собирается одумываться, и продолжала у всех на виду гулять с Сартапутном по пляжу. Наконец у Клявиене лопнуло терпение.

— Я ему все выложу, а там пусть что хочет, то и делает, — сказала она мужу.

Вечером, когда Анита снова ушла к Бангерам, Клявиене накинула на плечи большой платок и отправилась к сыну. Он только что вернулся с моря и чинил во дворе невод. Возле него маленький Эдзит складывал в кучки старые поплавки и круглые, отшлифованные волною камешки, что-то лепеча на шепелявом детском наречии.

— Ты опять бобылем тут? — начала мать.

— Как бобылем? — усмехнулся Оскар. — А его ты и за человека не признаешь? — кивнул он на мальчика.

— Все с сыном да с сыном. А у матери уж не хватает времени, чтоб

посидеть дома?

Оскар ничего не ответил.

— Вот уж хороший муж твоей жене достался... Что ей вздумается, то и делает.

— Конечно. — Оскар перекусил нитку.

— Теперь ведь живут, как хотят; ни стыда, ни совести не знают...

— Верно. Немножко иначе, чем в ваше время.

— Ну да, сейчас ведь за честь считается, когда у жены два мужа... Каждый живет сам по себе, а хозяйство пускай рушится.

— У меня в хозяйстве пока незаметно никакой разрухи. Оборванным я не хожу, еда всегда приготовлена вовремя, паутины в доме тоже не видно.

Клявиене вздохнула:

— Не знаю, как и сказать, — не то ты глупый, не то слепой... Неужели сам ничего не видишь?

— А что мне видеть?

— Он еще спрашивает! Ведь весь народ потешается над твоей простотой, а ты радуешься хорошему житью. С чего она так зачастила к Бангерам, что она там потеряла?

— Разве Лидия никогда не приходит к вам?

— То совсем иное дело: мы в своем доме женихов для дочери не держим. И кавалер тоже хорош! Посылает письма, вызывает из дому. Позавчера я сама видела, как один рабочий передавал ей записку. А немного спустя, гляжу, разрядилась — и к лесу. Тебя, конечно, это не касается, разве ты будешь присматривать за женой!

— Люди везде видят одно плохое, всех на свою мерку меряют. Они не могут поверить, что есть кое-кто лучше их.

— Нашел тоже лучших!

— Что тут особенного, если моя жена встречается со школьным товарищем? Неужели она не имеет права поговорить со знакомым? Наверно, мне надо было вставить в окна решетки, посадить Аниту под замок и обращаться с ней как турки с женами.

— Ты думаешь, они одними разговорами занимаются? Кто же это тогда целовался в комнате у Бангеров?

Оскар в сердцах отбросил игличку и вскочил на ноги:

— Кто это видел? Пусть придет и скажет!

— А что ты за этого инженера горой стоишь? Платит он тебе, что ли? Наверно, пользу какую от этого имеешь?

Краска бросилась в лицо Оскару. Он внимательно посмотрел на мать, затем достал папиросу и закурил.

— Как тебе, мать, не стыдно говорить так, — тихо сказал он. — Если я буду слушать всякие бабьи сплетни, меня самого скоро станут бабой считать.

— Да ведь мальчишки в окно видели.

— Да что мальчишки!.. Давай скорее кончим, мне это надоело. И лучше бы вам не вмешиваться в мои дела, я уж сам как-нибудь разберусь в них... А если бы что и случилось... — он выпрямился и обернулся к матери, — силой тут тоже ничего не сделаешь. Если кому будет плохо, так это мне самому, вам всем незачем расстраиваться...

Он нервно засмеялся и сделал несколько быстрых, коротких затяжек.

— Я ведь привык обходиться без чужой жалости, это вам давно известно.

— Чего-чего, а упрямства и гордости у тебя всегда хватало... Ну, смотри, как бы не стало чересчур тяжело.

— Об этом не заботься, плечи у меня широкие, выдержат...

Клявиене подошла к Эдзиту и погладила его по головке.

— Где же твоя мамочка? — спросила она ласковым голосом.

— Мама ушла в лавку... дядя даст конфетку, — с серьезным видом рассказывал мальчуган.

— Да, да, дядя пришлет тебе конфетку. Это хороший Дядя.

— Хороший дядя, — повторил он.

— А дядя берет тебя на колени? Что он тебе говорит? Оскар сердито сплюнул:

— Кончай мать, что ты у него выпытываешь?

— Уж нельзя и поговорить с ребенком! Ведь он еще глупенький, не понимает, что с ним делают. Ну, когда так, лучше мне уйти.

Клявиене поправила сбившийся платок и собралась уходить, но в это время в воротах показалась Анита и инженер. Приличия ради ей пришлось немного подождать. Оскар двинулся навстречу пришедшим и непринужденно поздоровался с Сартапутном.

— Зайдите хоть разок посмотреть на мои владения, — улыбнулся он. — Все лето прожили на взморье, а еще не видели по-настоящему дом рыбака.

При матери он нарочно старался приветливее разговаривать с инженером. Клявиене только покачала головой и незаметно вышла со двора.

«До чего дошла, уже домой приводить начинает... — думала она. Старуха раздражалась все больше и больше. — Кто бы этого мог от нее ожидать?»

Побеседовав немного с Сартапутном, Оскар извинился: надо сходить на берег, лодка у него осталась непривязанной, а ночью юго-западный ветер может усилиться. Босиком, в белой трикотажной тельняшке, которая плотно облегла его мускулистую грудь, Оскар вышел из дому. Пока он шагал до ворот, лицо его сохраняло улыбку, но чем дальше отходил он от дома, тем оно становилось серьезнее и угрюмее. Теперь уже не надо было играть, как на сцене, не перед кем было притворяться.

Оскар задержался надолго. Когда он вернулся домой, Сартапутна там уже не было.

Глава пятая БУРЯ

1

В конце июля довольно густо пошел лосось, и Оскар хорошо заработал благодаря новой ловушке. Он разделался с несколькими небольшими долгами, и Анита наконец получила новые пальто и платье. Если бы и август был таким удачным, осенью можно было бы приобрести новые сети. Эти злополучные сети все лето не выходили из головы Оскара.

В начале августа, в день традиционного праздника рыбаков, Анита отвела маленького Эдзита к Клявам, оставив его на попечение бабушки, так как и мадам Бангер собиралась пойти на праздник. Утром Оскар проверил мережу и отнес в погреб четыре лосося. Дул свежий северяк, но погода была ясная, даже в тени чувствовалась жара.

На праздник все отправились пешком. Оскар с Анитой примкнули к Бангерам, так же как и Сартапутн. Лидия захворала и осталась дома, поэтому не пошел и Эдгар. Оркестр уже играл без остановки один танец за другим, молодежь танцевала на недавно возведенной танцевальной площадке, старшие сидели у столиков и выпивали. Мадам Бангер, состоявшая членом дамского комитета, занялась продажей лотерейных билетов, лавочник встретил каких-то старых друзей, и компания расстроилась.

Оскар разыскал свободную беседку в дальнем углу сада, на пригорке, откуда было хорошо видно всю площадку.

— Вы ведь присоединитесь к нам? — спросил он инженера.

— С удовольствием, если никто не возражает, — улыбнулся Сартапутн, вопросительно взглянув на Аниту.

Теперь все трое сидели в сторонке от толпы. За напитками надо было

ходить самим: обслуживающего персонала было мало, и он не успевал разносить заказанное. Оскар спросил инженера, пьет ли он водку.

— Раз уж пришлось жить с рыбаками, надо держаться наших обычаев, — пошутил он. — Я принесу очищенной.

— Пить так пить... — усмехнулся, в свою очередь, Сартапутн. Он все время улыбался, чтобы скрыть чувство неловкости, которое испытывал в присутствии Оскара.

Пока Оскар ходил за напитками, инженер спросил Аниту:

— Что он, здорово выпивает?

— Оскар? Нет, очень редко. Просто здесь так принято, чтобы каждый рыбак немного повеселился в свой праздник. Сам он никогда не думает об этом.

Оскар вскоре вернулся. На столе появилось пиво, бутылка очищенной, закуска и какой-то напиток для Аниты. Маленькая компания почувствовала себя непринужденнее. Заразительно действовал и доносившийся из сада веселый гомон.

Между Оскаром и инженером завязался оживленный разговор. Сартапутн рассказывал о результатах работы: еще какой-нибудь месяц, и можно будет праздновать открытие гавани. Затем он рассказал несколько анекдотов. Стаканчики без дела не стояли, и скоро потребовалась новая бутылка.

— Вам, наверно, скучно слушать нашу болтовню? — обернулся инженер к Аните.

— Ну что вы... И потом кругом так много интересного.

— А вы не танцуете? — спросил он Оскара.

— Сегодня что-то ноги отяжелели, нет охоты двигаться.

— Но, может быть, госпожа Клява настроена по-другому? Вы меня извините?

— Пожалуйста, только сначала выпьем по стаканчику.

Они чокнулись и выпили. После этого инженер с Анитой ушли танцевать. Оставшись один, Оскар поудобнее уселся в плетеном кресле и стал тихонько напевать и насвистывать, барабанил пальцами по столу. Ему было весело, слишком весело. Он старался не смотреть на площадку и не думать о тех, кто ушел танцевать. По временам на него нападал смех, но какой-то странный, беззвучный смех, от которого только содрогалась грудь.

— Все-таки жизнь хороша... Что ни делается — все к лучшему...

И снова на него напал этот странный смех, — Оскар и сам не знал, чему он смеялся. После этого пришлось выпить еще стаканчик, за ним другой. Он подливал себе то пива, то водки, чтобы скорее охмелеть. Что

ему еще остается делать? Иных опьяняет музыка, близость другого человека, сладкие мечты, а ему, и без этого неплохо. За твое здоровье, Оскар! Сегодня твой праздник, смиренный властелин моря! Когда-нибудь ты будешь смеяться по-иному, только подожди немного, твое время еще не пришло. Сухопутных крыс нечего бояться. За твое здоровье!

Противоречивые чувства теснились в груди, все в нем было настороже от какой-то необъяснимой тревоги, словно он видел бесконечно прекрасный, но мрачный сон. Потом музыка внизу умолкла, говор танцующих рассеялся по саду. Анита и Сартапутн возвратились в беседку.

Подошел Бангер, немного побыл с ними, но скоро его увел какой-то гнилушанин. Сартапутн окинул взглядом сад.

— Завидую я этим людям, — сказал он. — Они такие простые, такие естественные. Как мало им надо, чтобы быть счастливыми.

Оскар засмеялся:

— Да, мы обходимся малым. Иногда мы довольствуемся тем, что остается от других. Выпьем, господин инженер!

Аниту поразили непривычные интонации в голосе Оскара. Беспокойно посмотрела Она на мужа, но он казался веселым. Конечно, она просто ослышалась.

Надвигалась ночь. В саду зажгли лампы. Причудливо разлился в темной листве красный и зеленый свет. В этом полумраке люди чувствовали себя словно в сказочном царстве. Позабылись тяжелые, горькие будни, даже к пожилым на время возвратился дух молодости.

Уже несколько часов Оскар сидел не поднимаясь с места. Он больше не пил, не смеялся. Устало облокотясь на стог, курил папиросу за папиросой и рассеянно отвечал на вопросы. Вдруг, сам того не замечая, взял пустой, толстого стекла, пивной стакан и до тех пор сжимал его в руке, пока не раздавил. Опомившись, он огляделся по сторонам, но Анита и Сартапутн снова танцевали. Оскар забросил осколки в кусты и вытер руку. Он не порезался, а ему хотелось, чтобы все пальцы были изранены, хотелось испытать сильную, жгучую боль.

Да что же это с ним такое? И ведь он еще все понимал, все сознавал, — видно, выпито было недостаточно.

Оскар снова огляделся, словно только что пробудившись от сна. Редкие звезды мерцали в высоте. Мимо луны быстро неслись клочья облаков. Видневшиеся из-за забора сосны нагибали лохматые макушки, как будто их трясла чья-то невидимая рука. Ветви берез клонило в одну сторону, вверху что-то шумело.

Оскар вышел из беседки. Мгновенно отрезвев, он пересек весь сад и

очутился за воротами. Там сразу начиналось открытое место, голая песчаная полоса, идущая вдоль лесной опушки. Порывистый ветер шевелил волосы на голове Оскара, трепал полы пиджака. В лесу тяжело стонали деревья, песок с шипением несся по дороге. Настоящая августовская буря!

«Мережа, — подумал Оскар, — как она сейчас ведет себя? Выстоит ли на этот раз?»

Праздник был позабыт. Быстрыми шагами он направился к берегу. «А как же Анита... инженер?» — вспомнил он через некоторое время. Что они подумают о его внезапном исчезновении? Нет, так уйти нельзя. Оскар вернулся. Был как раз большой перерыв, народ прохаживался по площадке и дорожкам сада. В темных углах уже орали пьяные. Анита с инженером сидели в беседке, — они только что зашли и решили, что Оскар гуляет в саду.

— Мне придется извиниться, — сказал он, подходя к ним. — Я больше не могу оставаться. Море ходуном ходит, хочется посмотреть, что там с мережей.

— Не пора ли и нам? — спросил Аниту Сартапутн. Глаза у него блестели стеклянным блеском, он неуверенно стоял на ногах.

— Куда же вам спешить? — сказал Оскар. — Еще ведь рано. Я-то, правда, навряд ли вернусь.

Разговаривая, он смотрел куда-то в сторону.

— Я рассчитался, — добавил он, — платить ничего не надо.

Когда Оскар ушел, Сартапутн подсел ближе к Аните, нашел в темноте ее руку и слегка сжал. Она не отстранила его руки, но ничего не ответила.

— Итак? — спросил он и, улыбаясь, посмотрел в глаза женщине; ему пришлось наклониться к ее лицу, потому что в беседке было темно.

— Итак... — ответно улыбнулась она.

— Правду я говорил, что он ничего не подозревает?..

— Неизвестно... — задумчиво ответила Анита. — Но если он догадывается, мне непонятно, почему он так странно себя ведет.

— Тебе его жаль?

— Ты не знаешь, какой он хороший...

Оскар зашагал к берегу кратчайшей дорогой. Навстречу несся могучий и грозный голос моря. Скрежетал поднятый ветром песок, в воздухе стоял

несмолкаемый посвист, точно по нему стегала тысяча кнутов, от встречного ветра захватывало дыхание. В лунном свете темные волны, клокоча, неслись к берегу и шипели, как гигантские змеи, рассыпаясь по песку пляжа. Сотни раз Оскар видел море таким, как в эту ночь, — во всей неукротимой мощи; застигнутый непогодой, он носился по гребням волн в малом неводнике; поздней осенью направлял к берегу обледенелый, полный сетей, неповоротливый карбас, но страх не брал его даже в самые грозные минуты — то была борьба, труд, открытое единоборство с силами природы; его руки не должны были дрожать, когда они держали руль или переставляли парус. Но в эту ночь... Что-то томило его — не то какое-то зловещее предчувствие, не то еще что, но никогда еще Оскар ничего подобного не испытывал. Может быть, на нем сказалось пережитое? Ведь последние дни он места себе не находил.

Чтобы увидеть мережу, надо было пройти около двух километров. Какой-то плот разбило в открытом море — громадные, тяжелые бревна перекатывались с волны на волну. Толстый, весь в ссадинах, ствол осины, выброшенный на берег, лежал поперек дороги. Дойдя до поселка, Оскар остановился и посмотрел на море. Трудно было разглядеть что-нибудь в бледном свете луны — тучи поминутно закрывали ее. Все же в один из светлых промежутков он заметил за третьей банкой распорные шести мережи. То была ловушка старого Дуниса. Она еще стояла. Оскар почувствовал некоторое облегчение. Значит, выдержит и его мережа. Свежий ветер и быстрая ходьба окончательно развеяли хмель, мозг снова работал спокойно и четко. «Напрасно я тревожился. Почему это мне каждый раз оказываться несчастливцем!..»

Все надежды Оскара зиждились на прочности мережи: выдержит она — все будет хорошо, можно будет приобрести сети для осенней путины и подледного лова, будет чем заткнуть и остальные дыры. А вдруг... Он боялся думать об этом. Вот и лиман и знакомые очертания дюн выступили из темноты. Лодка Оскара лежала на берегу. Он остановился около нее и стал всматриваться в бушующие волны. Показавшаяся было луна мгновенно исчезла, и он не успел заметить распорные шести ловушки. Наконец глаза нашли знакомое место, в темноте он видел, как там клокотала пена. Палевым цветом отливали на банке гребни волн, одна за другой шумной вереницей неслись они к берегу. Снова выплыла луна и осветила море, но и на этот раз Оскару не удалось увидеть распорные шести. Лишь что-то похожее на гигантское ожерелье извивалось в приглубине, темные пятна одно за другим длинной цепью двигались вдоль кромки берега, шагах в двадцати от нее. Оскар почувствовал, что ему

становится жарко; вконец обессиленный, он присел на борт лодки. Крыло мережи было оторвано, подборы с поплавками качались на волнах.

С приближением рассвета яснее становилась и картина разрушений. Ловушка была вдребезги разбита и разодрана. Точно так же, как и в прошлый раз. Снова его ловушка!..

— Что за несуразная судьба! — с горечью подумал Оскар. — На лучшем участке, после стольких трудов, — и вот опять!

Видно, нельзя было ни на минуту оставаться спокойным. Одна беда за другой валились ему на голову, но до сих пор он держался стойко, не поддаваясь малодушию. А теперь он устал. Отчаяние, как изголодавшийся зверь, подкарауливало его.

В ту ночь Оскар остался на берегу до самого утра.

Прислушиваясь к реву бури, он думал о своей жизни, о себе и Аните, о прежних битвах и победах. Он первый начал здесь новые дела: ловушки-мережи, которых сейчас развелось видимо-невидимо по всему побережью, рыбокоптильня, кооператив — все это плоды его труда, он прорубал и раскорчевывал путь другим. А теперь на рыбокоптильном заводе хозяйничали подозрительные люди, из кооператива его почти вытеснили. Даже Анита как бы отдалялась от него, становилась иной, чем раньше. За что ему выпала такая судьба? Он боролся только за общее благо и никогда не пытался строить свое счастье и благополучие на чужой беде. Подчас его можно было упрекнуть в гордости, в упрямстве, но мстительным он не был никогда. Когда он видел неправду, несправедливость, то вмешивался не раздумывая, с полной готовностью проучить негодяя, когда потерпевший не хотел или не был в состоянии сделать это сам. Он обличил родного брата, когда тот оказался виновником смерти обольщенной им девушки; лицемерного проповедника — брата Теодора, который втерся в семью его зятя, заставил убраться подальше от взморья; он говорил правду в глаза эксплуататорам, не боясь их злобы и мести. Но там, где надо было защищать самого себя, он не мог и пальцем шевельнуть. Его вовсе не прельщала мученический венец, скорее это объяснялось мягкостью характера. Но Оскар знал, что, если чаша переполнится, он не остановится ни перед чем...

К утру, когда ветер немного спал, Оскар столкнул в море лодку и подошел к останкам мережи. Все было кончено. Ему удалось подхватить кошкой хвостовой трос. В самом конце, там, где к нему прикреплялись блоки, он был перерезан. Да, это было сделано ножом, потому что при разрыве никогда не бывает таких ровных концов, всегда одни пряди длиннее, другие короче. Какой-то негодяй приложил руку к его ловушке!

Сделано это было накануне, еще до бури, когда Оскар ушел на рыбацкий праздник.

Теперь он вспомнил еще два случая. Один произошел весной, другой — еще в прошлом году. Тогда, в самый разгар хода лосося, кто-то открыл куток его мережи, и весь улов ушел обратно в море. В тот раз Оскар подумал, что это произошло по его же вине, — наверно, забыл завязать куток. В другой раз были развязаны узлы крыла и поднято несколько якорей, так что мережа сжалась гармошкой и ни одна рыбина не могла в нее попасть. Тогда он тоже винил самого себя. Но теперь ему стало ясно, что в поселке завелся какой-то негодяй, который втихомолку преследует его. Откуда такое недоброжелательство, как бороться против неизвестного врага?

Оскар весь дрожал от ярости.

— Добратся бы мне до тебя, мерзавец! — простонал он.

На минуту в нем снова пробудился былой пыл. Каждый нерв дрожал от жажды борьбы, и он снова почувствовал себя прежним Оскаром. Его собственное несчастье и разорение всей округи ясно предстали перед глазами во всех грозных размерах. Выйти на берег и снова обрубить топором корни зла! Опять кого-то прогнать... Снова окунуться в общественную жизнь, собрать вокруг себя всех честных людей и смести с дороги этих торгашей, показать, что честный труд побеждает.

Но разве заставишь развалины снова подняться ввысь и стать прежним зданием? Анита — его душа — оставила его... Анита утрачена окончательно — ему не на что больше надеяться... И снова он погрузился в безразличие, ушел в себя, как улитка в раковину.

Хозяйство Оскара было окончательно разорено. Теперь и ему надо будет унижаться и влезать в долги. Он обратился к правлению кооператива за ссудой. Бангер и Осис поддержали его, но для выдачи ссуды нужно было получить согласие заместителя председателя правления Гарозы. Без его подписи ни один денежный документ не имел силы, этого требовал устав, принятый еще при основании кооператива.

— Поезжай в Ригу, — сказал Бангер, — добейся подписи Гарозы, тогда мы тебе выдадим деньги.

Ехать к Гарозе, злейшему врагу? Вот до какого унижения он докатился! Но Оскару больше ничего не оставалось делать: если не приобрести сетей, придется всю зиму просидеть на берегу, глядеть, как ловят другие.

Он ушел домой, переделся и тотчас же отправился в Ригу.

Оскар поехал автобусом. Идти на моторке не имело смысла, раз он и сам не знал, сколько времени пробудет в городе. В Ригу он приехал уже во второй половине дня и сразу отправился на поиски Гарозы. На рыбном рынке он его не застал. Справившись у торговцев, где всего легче найти его, Оскар обошел несколько питейных на набережной, но и здесь ему не повезло; тогда он пошел к нему на квартиру, которая находилась в Старом городе, во втором этаже старинного дома. Дома была лишь прислуга. От нее Оскар узнал, что вечером вряд ли удастся увидеть Гарозу: он скорее всего уехал на взморье принимать дневной улов лосося. В таких случаях он возвращается поздно, иной раз после полуночи, и всегда навеселе, деловых разговоров тогда лучше с ним не заводить.

— Придите завтра пораньше, до того как барин уйдет на рынок, — сказала прислуга. — Как звать-то вас? Я бы доложила ему.

— Ничего не надо. Скажите, что из поселка Чешуи.

Оскару пришлось переночевать в городе. Два рабочих дня пропадали без толку, но делать было нечего — деньги нужны были до зарезу. Он пошел к брату. Раньше Роберт снимал небольшую меблированную комнату на улице Тербатас, а потом переехал на новую квартиру, в районе биржи, поближе к месту службы.

Брата Оскар застал дома. У него в это время сидел какой-то человек, в модном, бросающемся в глаза костюме, с высоко поднятыми, подбитыми ватой плечами. С приходом Оскара он поспешил распрощаться и уйти.

— Наконец-то в город заявился, — сказал Роберт, когда они остались вдвоем. — Наверно, по делам?

— Да, есть кое-какие дела, — уклончиво ответил Оскар. Он не хотел открывать Роберту причину приезда. Еще подумает, что от него ждут помощи, а Оскар ни за что не принял бы ее от брата. — Надо присмотреть, нет ли подходящего полотна для невода, пробки тоже нужны... А ты хорошо устроился, Роберт, — сказал он, осмотрев квартиру. Она состояла из двух комнат. В одной была кровать и новая тахта, вторая служила чем-то вроде кабинета — здесь стоял книжный шкаф, большой письменный стол, телефон. Вся обстановка была совершенно новая, красивая — видимо, недавно купленная.

— Ты один здесь живешь?

— Да. Получил повышение по службе, немного прибавили и жалованья. Пора обзаводиться хозяйством, до каких же пор мыкаться по

чужим квартирам? А одному гораздо удобнее.

— Ясно.

— Без телефона тоже не обойтись, всегда найдется какое-нибудь срочное дело. И потом, разве успеешь обежать весь город? А так — стоит только позвонить, и все устроишь в два счета.

Роберт, видимо, хорошо зарабатывал и больше не трясся над каждым сантимом. В его способностях Оскар никогда не сомневался, и все же такой быстрый расцвет несколько удивил его: еще летом, когда Роберт гостил на взморье, это был несколько помятый, пришибленный нуждой молодой человек, а теперь все свидетельствовало о широком образе жизни.

Зазвонил телефон. Роберт подошел к аппарату. Оскар взял со стола какую-то книгу и стал ее перелистывать.

— Говорит Клява... Ах, это вы! Привет! Что вы сказали? Новый груз когда прибудет? Ну, это мы ждем к четвергу. Пароход вышел сегодня из Данцига. Наш представитель выезжает в Вентспилс сегодня вечером. Что? Да, да... В четверг можно будет выслать машину. А как с авансом? В среду? Хорошо, я зайду за ним. Позвоните мне завтра в полпятого, тогда будут более точные данные. Нет, пока ничего особенного не заметил, все в порядке. Пока!

Положив трубку, Роберт бросил на брата испытующий взгляд — не понял ли он что-нибудь из разговора?

— Дела, дела, — вздохнул он. — Фирма ждет пароход из Данцига... С апельсинами и виноградом. Справляются, когда надо выкупать таможенные документы и посылать в порт машину.

— Разве ваша фирма торгует фруктами?

— По преимуществу. Легко это сейчас не делается, Контингенты... валютная комиссия... на каждом шагу всякие формальности. Если берешься что-нибудь импортировать, возни хватает.

— Ведь ты как будто работал в какой-то угольной конторе. Разве это одна и та же фирма?

— Нет, там я только практиковался.

Оскар больше ни о чем не стал его спрашивать.

Вечером Роберта опять вызвали на какое-то деловое свидание. Перед уходом он убрал все бумаги в ящики стола и запер их на ключ. Оскар лег спать рано и не слышал, когда вернулся Роберт. На следующее утро, уходя к Гарозе, он оставил брата спящим.

Было без четверти шесть, когда Оскар позвонил у двери Гарозы. Прислуга вышла ему навстречу с корзиной в руке.

— Входите смелее. Барин еще не встал, но он ждет вас.

Она впустила Оскара в переднюю, открыла дверь в комнату и сказала кому-то:

— Вчерашний пришел.

Тяжелый сонный вздох раздался за стеной:

— Пусть войдет.

— Идите, — кивнула служанка. Она подождала, пока Оскар вошел в комнату, а сама поспешила за покупками.

Оскар осторожно переступил порог. Прямо против двери он увидел большую кровать, и тут же в нос ему ударил острый запах пота. На ночном столике стояла пустая бутылка из-под водки и поднос с объедками копченой беляшюги. Кресло было завалено известными и неизвестными принадлежностями мужского одеяния; Оскар даже не мог догадаться, для чего служат некоторые предметы. Отекшее бледно-желтое лицо, глубоко утонувшее в подушках, повернулось к двери. Крошечные, еле видные из-за складок жира глазки сонно взглянули на Оскара, затем заморгали, и вдруг в них блеснуло веселое удивление. Послышался хриплый вздох:

— Вот так гость! Чего это ты так рано пожаловал? Ну, присаживайся, присаживайся, рассказывай, с чем пришел!

Скупщик попытался приподняться на локоть, но безуспешно. С протяжным стоном он повалился обратно на подушки. Чем дольше Оскар наблюдал лежавшего, тем больше удивлялся. Он довольно хорошо знал Гарозу, привык видеть его объемистую тушу, но то, что он увидел сейчас, было настолько чудовищно, что он мог поверить глазам. Казалось, не человек, а взбитая копна сена покоилась на кровати. Равномерно закругляющейся, почти изящной линией обрисовывался громадный, словно купол, живот, увенчивающий расплывчатую, освобожденную от преград живую массу, которая заполняла до самых краев всю широкую кровать, напоминая останки какого-то доисторического животного. Но при всех своих размерах это существо было беспомощнее ребенка: оно не могло ни самостоятельно сесть, ни сойти с кровати. Более смешного и вместе с тем отвратительного зрелища Оскар никогда еще не видел. И как этот человек мог напяливать на себя неизмеримо узкую, по сравнению с его объемами, одежду, которая лежала в кресле?

— Ну, говори, что у тебя за дело, — прервал Гароза наблюдения Оскара. — Что тебе нужно?

Присев на стул, Оскар рассказал о своей беде и решении правления выдать ссуду.

— Надеюсь, вы не откажетесь подписать расходный ордер? — закончил он.

Гароза снова начал стонать и вздыхать. Пот лился с его лба и висков.

— Значит, ты надеешься, — сказал он. — Думаешь, это так просто? Ты, видно, полагаешь, что кооператив — это банк, где любому, кто туда заявится, готовы отвалить денежки? Нет, приятель, этот номер не пройдет! Если мы начнем так действовать, нашу лавочку просто-напросто надо прикрыть. Только не подумай, что мне жаль тебе подписать. Для меня все вы одинаковы, я всегда вам помогал по мере сил. Но чтобы позволять людям швыряться общественными деньгами, опустошать кооперативную кассу — нет, таким делам я не потатчик! Никак не могу.

— Я еще ни у кого ничего не просил, у меня долгов нет, — сказал Оскар. — В поселке каждый мне доверяет.

— Ну, это еще как сказать. Почему тебя выгнали из правления?

— Меня не выгнали, я сам ушел.

— Думаешь, я не знаю, почему ты ушел? Ты был уверен, что кооператив обанкротится, что с ним не стоит больше нянчиться, и решил удрать с тонущего корабля.

— Я не мог согласиться с новыми способами хозяйничания.

— Ну конечно! Когда давали деньги Менгелису, ты ворчал, а сейчас сам просишь. Как же это прикажешь понимать, Клява?

Оскар молчал.

— Нет, об этом ты лучше позабудь. Средствами кооператива разбрасываться я не позволю. Вот если бы ты попросил у меня самого... Тогда, может быть... Мне ничего не жалко для дельного парня. Правда, ты иной раз готов человеку глаза выцарапать, но не подумай, что я за это сердился на тебя. Человек молодой, горячий... Можно и простить.

Гароза наблюдал за гостем. Оскар молча вертел в руках шапку.

— Значит, не дадите подписи? — спросил он наконец.

— И разговора быть не может. Зато я сам могу тебе ссудить. Тут я один рискую... И где только пропадает эта корова, черт бы ее драл! — вдруг рассердился Он. — Мне скоро надо на рынок, а я все еще не могу встать. Сколько тебе надо?

— Тысячу латов...

— Я могу одолжить их под вексель. Процентом мне не надо, только... Ну, мы потом сговоримся. Согласен?

Что было делать Оскару? Он понимал, что означало это «потом»: больше он не посмеет давать отпор ненасытному живоглоту, больше ему не позволят продавать рыбу другим... Теперь и он, последний независимый рыбак в Чешуях, будет подчинен этому дельцу, аппетит которого не имел границ. Но какой смысл в его гордости, чего он достигает бездеятельной

независимостью? Остается одно: стиснуть зубы...

— Ладно, придется обратиться к вам...

— Там на столе вексельные бланки и чернила. Ты знаешь, как надо заполнять? Срок погашения истекает следующей весной.

Пока Оскар заполнял вексель, вернулась прислуга, и ему поневоле пришлось стать свидетелем отвратительной сцены. Гароза встретил безответную женщину самой отборной бранью, после чего она помогла ему выкарабкаться из постели, сняла с него ночную сорочку и начала одевать. Сначала она туго забинтовала ему все туловище, руки и ноги обмотками. Гароза стал гораздо тоньше и уже смог с помощью прислуги надеть брюки и жилет. Женщина обула его, застегнула пуговицы, умыла, как малого ребенка. Теперь Гароза мог уже ходить.

Начался завтрак, в котором должен был принять участие и Оскар. Он только удивлялся, глядя, как жрет Гароза. Вот он перерезал пополам свиную отбивную котлету, и она в два счета исчезла у него во рту. Блюдо заливного было уничтожено в четыре приема. С молниеносной быстротой очистив тарелки, Гароза хлопнул ладонью по могучему брюху.

— Теперь можно и поработать! Держись, Большой рынок!

Отсчитав Оскару деньги, Гароза взял у него вексель.

— Вон сколько их у меня.

Гароза держал векселя под тяжелым чугунным прессом, так что они были стиснуты в компактную пачку, и все равно толщина ее достигала полуфунта. Долговые обязательства были сложены в известном порядке, по поселкам всего побережья. Могущественная сила скрывалась в кучке бумажек: она служила как бы пультом управления, откуда можно было распоряжаться по своему усмотрению большим, сложным механизмом. Если где-нибудь не все было в порядке — какой-нибудь поселок начинал бунтовать или какому-нибудь рыбаку вздумалось бы идти своей дорогой, — Гарозе стоило только раскрыть в соответствующем месте пачку — и в действие вступала сила векселей. По мановению хозяйской руки послушная машина начинала работать, и снова всюду воцарялось спокойствие.

Сейчас и свобода Оскара лежала под тяжелым чугунным прессом. Кулак Гарозы властно нажимал на него.

— Сам видишь, что я вовсе не такое уж чудовище, каким меня выставляют.

Сильная августовская буря, которая растерзала мережу Оскара, причинила большой урон и другим рыбакам. Только между Чешуями и Гнилушами было выброшено на берег семь морских ловушек. Многие рыбаки потеряли все свои сыртьевые и лососевые сети. У одной неводной артели опрокинулся карбас, и весь невод засосало в пески.

На побережье прибыл Питерис, чтобы убедиться в размерах бедствия. Теперь «другу рыбаков» выдался случай показать себя на деле. По его предложению, делегация рыбаков направилась в Ригу просить помощи у правительства. Питерис ходил с ними за оратора. Министр обещал передать этот вопрос на обсуждение кабинета. И действительно, кабинет министров вынес постановление о выдаче пособия потерпевшим рыбакам на приобретение новых снастей. На побережье прибыла комиссия для определения размеров требующейся помощи. Приехал и Питерис, приглашенный в качестве члена этой комиссии. Когда кабинет утвердил соответствующую сумму, комиссия составила списки, и наконец в один прекрасный день в волостном правлении объявили о выдаче пособия.

Вполне понятно, что в списки потерпевших попал кое-кто из тех, которые не понесли урона. Но разве когда-нибудь без этого обходится?

В числе рыбаков, получивших пособие, оказался и Оскар. Выходя из волостного правления, он столкнулся с Гарозой — скупщик тоже пришел за деньгами. Оказалось, что он пострадал чуть ли не больше всех рыбаков. Ведь почти в каждую ловушку были вложены его средства, и раз оказывали помощь другим, ему и подавно полагалось получить свою долю. В конце концов вышло так, что Гарозе выдали почти половину всей отпущенной на вспомоществование суммы.

— Смотри не убегай! — крикнул он Оскару. — После зайдем в трактир, — тебе платить не придется.

Оскар сослался на дела и поспешил уйти. Вскоре после этого рыбаки, и чешуяне и гнилушане, с Гарозой во главе поехали в местечко. У всех были в карманах деньги, у всех было весело на душе. В такой радостный день никак нельзя было обойтись без выпивки. Возле трактира собралась такая толпа, что пришлось стать в очередь. Каждый взял по несколько бутылок водки, чтобы не бегать потом за ней по два, по три раза.

Старый Дунис громогласно бранился со своей «домашней полицией».

— Ну чего ты столбом стоишь? Поезжай наконец домой!

— Отдай сначала деньги, тогда поеду.

— Что я, малый ребенок? Деньги не сумею сберечь?

— Знаю я, как ты их сбережешь! — сердилась старуха. — Разве на то их тебе дали, чтобы пропивать? Не стоило помогать такому — все равно

одному трактирщику польза!

— Чего ты кудахчешь!

Но Дуниене не успокоилась до тех пор, пока муж не отдал ей деньги, оставив при себе лишь малую толику. Такие же перепалки происходили и между остальными супружескими парами. Ох, эти женщины! Разве они что понимают в таких делах!

Да, повеселились в этот раз на славу! Гароза не поскупился на угощение: получив большие деньги, он почувствовал себя заправским рыбаком. До поздней ночи раздавались громкие голоса в просторном помещении трактира. Самый главный из пострадавших сидел на почетном месте; разоренный и снова поставленный на ноги ловец бодро готовился к приобретению снастей.

Питериса теперь превозносили до небес: вот это голова, за него можно голосовать хоть с закрытыми глазами!

Глава шестая ДНИ ОДИНОЧЕСТВА

1

Подошел неприветливый октябрь с сырыми морскими ветрами, облачным небом и холодным затяжным дождем. За всю неделю не выдалось ни одного ясного дня. Развешенные сети мокли под открытым небом, рыбаки ходили в длинных промасленных куртках, а о лове и думать было нечего.

Постройка рыбацкого порта была закончена в начале октября. Канал через дюны прорыть не удалось, да в нем теперь уже и не было крайней надобности.

Приехала государственная комиссия, которая осмотрела и приняла новую гавань. Городские рабочие вернулись в Ригу, а инженер Сартапутн остался еще на несколько дней, чтобы рассчитаться с местными рабочими и отправить в город оставшийся инвентарь. Он условился с Оскаром, что тот отвезет его вещи и инструмент на моторке, — так было проще и удобнее, чем по железной дороге.

В последний вечер правление кооператива и местное отделение общества рыбаков устроили в доме Бангера небольшой прощальный ужин. Инженера поблагодарили за успешную работу и преподнесли в подарок настольные часы, украшенные литой серебряной лодкой с двумя фигурами рыбаков.

Ужин взялась готовить мадам Бангер, которой целый день помогали Лидия с Анитой. Джим наколот дров, лавочник заранее позаботился о напитках, и все было сделано к назначенному часу.

Весь день Анита ходила сама не своя. Молча она помогала матери, рассеянно перетирала посуду и накрывала на стол, часто даже не слыша обращенных к ней вопросов. Завтра Сартапутн уедет на всю зиму... может быть, навсегда. Он вернется в город, к старым друзьям и знакомым, будет жить полной жизнью, новые лица будут появляться и исчезать на его пути, и скоро он забудет счастливую идиллию в тихом поселке. Ах, разве у него будет время вспомнить одинокую жену рыбака, оставшуюся где-то на дюнах? Среди новых впечатлений затеряется и ее образ и воспоминания об этих днях. А она будет жить и дальше этой грустной, серой жизнью. Пустота грядущей зимы заранее пугала Аниту. Она уже представляла себе занесенные снегом дюны, замерзшее море и холодный ветер, который будет завывать здесь днем и ночью. Безрадостные дни, долгие вечера... Аните казалось, что солнце никогда не взойдет над родным поселком.

Сартапутн чувствовал, что творилось с Анитой, но за весь вечер ему только несколько раз удалось подойти к ней: не говоря уже о присутствии Оскара, вокруг было слишком много любопытных глаз и ушей, все знали о случившемся и исподтишка наблюдали за каждым его шагом. Он не был любителем приключений, который ищет только минутных наслаждений: того, что было пережито им вчера, он не забывал и на другой день; скорое расставание страшило его. Но Сартапутна призывали дела; на следующий год он будет работать в другом уголке Латвии, и только слепой случай может снова столкнуть их. Как ужасна судьба: сблизить два существа, два маленьких мира, дать им узнать друг друга, чтобы затем погнать разными дорогами, разлучить навсегда!

До сих пор они не заглядывали по-настоящему в свои сердца. Теперь, когда приблизился момент расставания, пламя неосознанных чувств вырвалось с трагической силой. И прежде чем разойтись, им хотелось передать друг другу для наступающих серых дней как можно больше нежности и тепла, чтобы их хватило до грядущей солнечной поры.

— Мы еще встретимся, Анита, мы должны встретиться... — шептал Сартапутн, когда они остались на минутку одни в боковой комнатке. — Я тебе напишу, когда устроюсь в городе на новом месте. Ты ведь будешь иногда приезжать в Ригу?

Единственное, что их могло еще немного ободрить, — это надежда на встречу. Им надо было смеяться и шутить, чтобы внимательные глаза не заметили, какая горечь растревляла их сердца. Они вернулись к остальным,

и несколько часов подряд инженер занимал общество веселыми рассказами, а Анита ходила с улыбкой на лице.

Какие чувства испытывал в это время Оскар? Радовался ли он, что теперь снова в его доме наступит покой, или его тихое, скрытное сердце тоже раздирала какая-то тревога? Кто это мог знать? Он много разговаривал с соседями по столу, то и дело приглашая их выпить, щеки его пылали здоровым румянцем, первым подымал он стакан за счастье и здоровье отъезжающего. Только временами, когда за ним никто не наблюдал, по лицу Оскара пробегала какая-то тень, а в глазах вспыхивал недобрый огонек, который мгновенно гас. Но ни одного резкого слова не сорвалось с губ Оскара, он больше не сжимал в пальцах пивной стакан. Снаружи лил дождь, ветер рвал ставни и завывал в трубе. Измокший пес старался пробраться в переднюю, но его снова выгоняли во двор: «Иди вон, Сустан, сторожи дом!»

Когда гости начали расходиться, Оскар подошел к инженеру.

— Скажите, вещи у вас уложены? — спросил он.

— Да, все уже упаковано. Мы сможем выйти с рассветом.

— Ладно, в пять я подогрею мотор. Мы в таком случае... рано будем в Риге. Хорошо если бы вы дали мне сейчас часть багажа. Я бы утром взял его с собой и отнес на моторку.

— Я помогу господину инженеру донести вещи, — вмешался Эдгар.

— Ну, ладно. Я думал, так будет удобнее.

Оскар подождал, пока Анита оденется; затем они попрощались и вышли. Сартапутн проводил гостей до ворот.

Снаружи стояла непроглядная темень. На небе даже не видно было ни одной звезды. Оскар развернул свою непромокаемую куртку и накинул ее на Аниту. Не обменявшись ни одним словом, они дошли до ворот своего дома.

— Какой страшный ветер, — содрогаясь всем телом, сказала Анита. — Ты и в самом деле думаешь, Оскар, что инженер сможет уехать в такую погоду?

— Он же сам вызвался, ты ведь слышала.

— Он не знает так хорошо моря, как ты...

— Ну, ничего страшного нет. Так, ветерок...

Дома было холодно, за день выдуло все тепло, а вечером некому было протопить плиту. Эдзит уснул у Бангеров, и его оставили там на ночь. Оскар завел будильник и тотчас же улегся, но Анита думать не могла о сне. Она вышла в другую комнату и взяла какую-то книгу. Это была «Крейцера соната» Толстого. За последнее время она часто попадалась ей

под руки, и Анита читала в ней всегда одни и те же страницы, — чем-то знакомым, близким и в то же время угрожающим веяло от них. Но на этот раз ей не читалось. Только сейчас, оставшись одна, Анита почувствовала всю горечь одиночества. Ей надо было что-то делать, чтобы забыться.

Анита взяла начатое рукоделие, попробовала нарисовать какой-то орнамент, но у нее ничего не получалось. Она вышла в кухню, прибрала там немного, потом снова вернулась в комнату, загасила лампу и присела на диван. Она чувствовала себя и подавленной и вместе с тем возбужденной, как будто ее схватили неведомо чьи сильные руки и попеременно ввергали то в смятение, то в полное безразличие. Оскар лежал спокойно: наверно, он уже спал. Окружающая тишина и темнота все сильнее действовали на молодую женщину. Завывание ветра казалось ей все более громким, порою весь дом содрогался от его порывов.

— Оскар, — робко окликнула мужа Анита. — Ты спишь? — затаив дыхание, дожидалась она ответа.

— Что тебе, Анита? — тихо спросил Оскар.

Она снова зажгла лампу и присела к нему на край кровати.

— Слышишь, что на дворе творится?

— Да, немного дует, но к утру притихнет...

— Ты думаешь? Юго-западный ветер никогда не стихает в первый день.

Оскар ничего не ответил.

— Нельзя отправляться в такую погоду, — продолжала Анита, пристально глядя на мужа. — Вы до Риги не дойдете.

Оскар отрывисто засмеялся:

— Ну, разве это ветер! Я и не в такую погоду выходил на своей лодчонке.

— Нет, это чистое безумие!.. Оскар, почему вы обязательно должны идти завтра? Можно ведь подождать, пока утихнет.

— В полпятого я буду греть мотор, — ответил Оскар и повернулся на бок.

— Оскар! — Анита взяла его за голову и повернула к себе лицом.

Некоторое время они смотрели друг другу в глаза. Оскар спокойно выдержал испытующий взгляд жены.

— Зачем ты это делаешь?

Оскар силился улыбнуться.

— Ты меня еще спроси, почему люди живут, почему они так устроены. Иди лучше спать, Анита.

— Оскар, ты всегда был сильный... сильнее других людей. И в этот

раз тебе надо собраться с духом... Ты ведь можешь это выдержать.

Он задержал на несколько мгновений дыхание.

— Да... Думаю, что выдержу и это.

Подтянув повыше одеяло, Оскар закрыл глаза. Анита отошла от кровати и прилегла на диван. Измученная, запутавшаяся в собственных мыслях, она наконец уснула. Догадавшись по ее ровному дыханию, что она спит, Оскар поднялся и укрыл ее одеялом. Он погасил огонь, но больше не стал ложиться. В половине пятого Оскар оделся и вышел из дому. Анита не проснулась.

2

На море высоко вздымались волны, а вдоль берега полоскалась бахрома пены, водорослей и поднятого со дна ила. Оскар добрал по воде до моторки и разжег лампу подогрева. Подождав, пока она разгорелась ярким пламенем, он прибрал разбросанные в моторке вещи, затем снова вернулся на берег и встретил Сартапутна и Эдгара, который помог инженеру донести чемодан. Более тяжелые вещи Бангер привез на лошади. Было еще темно в этот ранний час, на пляже не было видно ни души. Дождь то переставал, то снова начинал лить, когда налетал шквал. Низко-низко неслись тучи, и в их серовато-мглистой тени водное пространство стало зловеще темным.

— Значит, идем? — обратился к Сартапутну Оскар. — У меня все в порядке. С рассветом будем у Даугавгривы.

Завернувшись в непромокаемый плащ, инженер задумчиво поглядывал на море.

— Уж не подождать ли нам немного, — сказал он. — Может быть, пройдет.

— Господин инженер верно говорит, — вставил Бангер. — К чему такое лихачество? Я бы в такую погоду не стал выходить в море. Вдруг еще покрепчает, тогда все равно придется вернуться.

— Мне вовсе не надо так спешить, — сказал Сартапутн. — Я могу и переждать день-другой.

Оскар, слегка улыбнувшись, вызывающе спросил инженера:

— Неужели вы боитесь, господин Сартапутн, такого пустякового ветерка? Если бы нам, рыбакам, каждый раз пугаться, мы бы давно подошли с голоду. Ну конечно, — добавил он тише, — для нас это вопрос хлеба насущного, а вы дело другое...

Инженер закусил губу.

— Чего же тут бояться, море остается морем.

— Если вам страшно, поезжайте автобусом, — продолжал Оскар. — А я с вещами как-нибудь доберусь.

— Зачем же так, — сказал инженер. — Если уж отправляться, то отправляться вместе.

— Вы все захватили?

— Да, все вещи на берегу.

— Тогда нечего ждать.

У инженера не было высоких рыбацких сапог. Эдгар на спине отнес его к моторке. Оскар сейчас же принялся возиться с маховиком. Моторка задним ходом пересекла вторую банку и легла на курс. Бангер с сыном видели, как она прорвалась через валы третьей банки и пропала во мгле.

— Не следовало их пускать. Как бы не случилось несчастья, — с озабоченным видом сказал лавочник.

— Оскар сегодня странный, у него на душе что-то творится, — сказал Эдгар.

— Все возможно... Люди достаточно трепали языками все лето. Но ведь не будет же он таким сумасшедшим...

Дальше от берега волны были меньше, но моторку все время подбрасывало от боковой качки. Пустив мотор на полные обороты, Оскар сел за штурвал. Инженер сидел посреди лодки, на мачтовой скамье. Его поминутно окатывало волной, вода стекала струйками с плаща: ноги скоро промокли и стали мерзнуть.

— Залезайте в кабину, здесь будет теплее! — крикнул Оскар.

— Ничего, мне и здесь неплохо! — отозвался Сартапутн, хотя его просто отпугивал смрад отработанного газа. И чего ради согласился он ехать морем? Хотел доказать этому рыбаку, что не боится разбушевавшейся стихии? А главное, почему тот так поспешил с отъездом?

Сартапутн не удержался и, подойдя к кабине, спросил:

— Почему вы давеча решили, что нам не стоило ждать?

Оскар усмехнулся:

— Потому что позже задует еще сильнее.

— Вы это знали?

— Ну конечно. Если бы мы стали ждать, когда начнет завывать по-настоящему, вы бы и вовсе не согласились.

— Какая вам от этого выгода?

Оскар пожал плечами.

— Не всегда ищут одной выгоды.

Сартапутн вернулся на свое место. От непрекращающейся бортовой и

килевой качки у него все внутренности выворачивало. Вдобавок этот ужасный запах газа, который ветер гнал прямо на него! Рот все время наполнялся слюной, приходилось поминутно ее сплевывать. Тщетно пытался он подавить тошноту, от которой у него щекотало под ложечкой, а лоб покрывался холодным потом. Казалось, инженер лишился последней кровинки — с землисто-бледным, жалким лицом сидел он посредине лодки. Если бы можно было остаться одному, без свидетелей, было бы еще полбеды, а тут надо крепиться, собрать все силы, чтобы не показаться ничтожеством в глазах этого загорелого дикаря, который бесстрашно ведет лодку сквозь бурю. Ах, чего бы только он не отдал, чтобы так же спокойно и бесчувственно переносить качку! С завистливым удивлением смотрел Сартапутн на своего соперника. Могуч и прекрасен был он сейчас, в борьбе с дикой природой, со всеми ее вырвавшимися на волю силами. У него не кружилась голова, когда лодка грациозным движением соскальзывала с гребня волны, — это была его стихия, его родное море. На берегу, в обычной обстановке, Сартапутн чувствовал свою значительность; в окружавшем его ореоле знаний и культуры терялась фигура скромного рыбака. Здесь же он с удовольствием отдал бы половину своих знаний, чтобы стать похожим на Оскара.

Судорожно вцепившись в скамью, инженер ждал, как смертного часа, момента, когда придется сдаться. Не помогли ни гордость, ни сила воли — ему пришлось уступить низменной природе.

— Закурите, легче станет! — крикнул Оскар, когда инженер перенес первый приступ морской болезни.

— Нет... спасибо... Мне уже легче.

Он пытался улыбнуться и перевести все в шутку:

— Ваши рыбки требуют дани — хитрые создания!

Но юмористического настроения хватило лишь на несколько мгновений. Снова ему пришлось припасть к борту. Оскар нарочно направил моторку под углом к волне, чтобы инженера хорошенько качнуло.

«Так, так, голубчик отведай моря, — подумал он с чувством удовлетворения. — Это тебе не кабинет, где ты чертишь свои планы. Это тебе не прогулка по дюнам».

Но и ему было не до смеха. Какая-то злая, враждебная сила овладела им. «Теперь его судьба в своих руках...»

Рассветало. Призрачный отблеск лег на волны; словно в сказочном сне, неслась одинокая моторка по просторам залива. Далеко впереди показались темные контуры молв Даугавгривы.

«Расшибить моторку о камни и погибнуть вместе с этим человеком...»

Оскар отпустил свободнее руль. Моторка приближалась к берегу. Полчаса спустя она уже шла близ мола, к воротам гавани. Нигде так не чувствовалась сила ветра, как здесь. Громадные валы один за другим яростно набрасывались на дамбу. В воздух вздымались высокие столбы воды. Стоило бы только на один миг отпустить рукоятку руля или застопорить мотор, как волна подхватила бы лодку и разбила вдребезги о бетонную стену. Оскар не мог оторвать взгляда от дамбы. Сартапутн, словно догадываясь, какая борьба происходит в душе его спутника, настороженно наблюдал за ним.

Внезапно Оскар словно проснулся. Лицо у него передернулось, и он круто повернул моторку обратно. Инженер облегченно вздохнул. Вскоре они достигли устья Даугавы, лодка вошла в более спокойные воды. И как только море осталось позади, произошла разительная перемена: куда девалась дикая мощная красота Оскара, он как-то отяжелел, и у руля опять стоял обыкновенный загорелый человек, бесстрастно всматривающийся в низкие берега реки. Зато к инженеру вернулось прежнее самообладание, — образованный господин сидел на мачтовой скамье и курил папиросу, первую за весь путь.

— Долго нам еще ехать? — спросил он, посмотрев на часы.

— Здесь ходу будет немногим больше часу... господин инженер, — ответил рыбац.

— Не можете ли пустить ее быстрее? Мне хочется есть.

— Быстрее не пойдет, господин инженер.

— Ну, ничего не поделаешь.

Сартапутн стер с губ белые пятна — следы морской болезни. Теперь ему снова было приятно наблюдать и рыбацью лодку, и маленькие парходики, и буксиры с баржами, которые шли навстречу. Сойдя на берег, он уже окончательно обрел душевное равновесие.

— Пожалуйста, за доставку, — инженер подал Оскару двадцать латов.

Тот сдержанно поблагодарил соперника, помог отнести вещи до извозчика, затем вернулся в моторку и уехал... У инженера что-то защемило в груди, когда он поглядел ему вслед. «Как мы все мучаемся, — думал он. — И зачем это нужно?»

Уже смеркалось, когда Оскар вернулся домой. После полудня ветер действительно покрепчал, разыгрался настоящий ураган. Какой-то

парусник выбросило на мель у самой Даугавгривы. Волны смыли палубный груз, и судно до тех пор колотилось о песок, пока ему не пробило дно. Оскар не приближался к берегу, — дальше он него волны бушевали не так сильно. Уже у самых Чешуй лодку почти залило волной и чуть не заглошило мотор, но Оскару удалось благополучно добраться до берега.

Ольга еще днем прислала ему с каким-то чешуянином записку, просила его прийти в Гнилуши: у Петера что-то не ладилось дело с мережей — может, Оскар разберется. Поужинав, он отправился к зятю. Дождь уже перестал. Приятно было шагать по утрамбованному гладкому песку.

Фред опять был дома, но под вечер куда-то ушел, сказав, чтобы на ночь его не ждали.

Морская мережа Менгелиса была уже убрана в клеть. Рыбаки засветили «летучую мышь» и пошли смотреть ее. Оскару конструкция мережи была известна лучше, чем кому-либо другому, и он сразу нашел ошибку. Оказалось, что горло было устроено неправильно: сетное полотно следовало натянуть несколько туже, вплоть до второго обруча. Оскар показал зятю, в каких местах надо убрать по петле, и собрался уходить.

— Остался бы ты здесь на ночь, — предложила Ольга. — Разве у тебя дома горит? Наверно, у инженера больше не работаешь?

— Я его сегодня отвез в Ригу.

— Ах, так его уже нет! — удивилась она. — Ну, и слава богу!

Оскар посмотрел на сестру строгим взглядом:

— Чему ты так радуешься?

— Да это я так... — осеклась Ольга. — Значит, у вас теперь гавань готова. Ну, Оскар, тогда и подавно можно переночевать у нас: Анита ведь знает, куда ты ушел. Ты же не скрываешь от нее, как некоторые...

Снова осекшись, она принялась отколупывать ногтем присохшую к локтю рыбью чешую.

— Нет, я уж лучше пойду домой, — сказал Оскар. — С утра попытаюсь выставить в море сети.

Ему стало ясно, что толки об Аните и инженере дошли и сюда. Если бы он остался, сестра не вытерпела бы и начала допытываться: у женщины любопытство всегда берет верх над чуткостью.

Петер поблагодарил за совет и проводил Оскара.

Выйдя на берег, Оскар подумал, что можно больше километра пройти подветренной стороной дюн, по шоссе. Здесь, на берегу, ветер прямо дул в лицо, надо было поворачиваться к нему боком, чтобы он не бил в глаза. Оскар закутался плотнее в дождевик, зюйдвестка укрывала уши и шею.

Здесь ему были знакомы каждый бугорок, каждая выемка дюн. В этом месте шоссе подходило совсем близко к Блуждающей дюне, а дальше хозяева дач проложили по песку дощатые мостки. Поблизости должен был находиться и участок Фреда с фундаментом будущей гостиницы. Американец собирался за зиму вывести стены.

Достигнув вершины дюны, Оскар остановился. Какой-то странный звук донесся вдруг из темноты. Слева между двумя дюнами тянулась глубокая ложбина, поросшая ольшаником и молодыми сосенками. Узкая, еле заметная тропинка заворачивала к ней от дороги, ведущей к дачам. Оскар прислушался внимательнее. Звуки повторялись, — казалось, кто-то идет с полными бидонами молока, но голосов не было слышно. Он подумал, что это ветер шевелит каким-нибудь выброшенным на песок листом жести. Вдруг этот звук раздался почти рядом, теперь можно было расслышать тяжелые шаги, которые направлялись из ложбины вверх к мосткам.

Оскар отступил за ветвистую сосенку. Мимо прошли двое мужчин с большими плоскими бидонами в руках, которые чуть поблескивали в темноте. В бидонах булькала жидкость. Один мужчина был в сдвинутых на лоб шоферских очках, другой... Да ведь это же Баночка, помощник капитана «Титании»! Как это его занесло сюда ночью!

Оскар было вышел из своего укрытия, чтобы посмотреть, куда направляются носильщики со своей посудой, но на тропинке вновь послышались шаги, и он опять поспешил спрятаться за сосенку. Это был сам капитан — Фред Менгелис. Он тоже держал в каждой руке по бидону. Мягкие резиновые сапоги бесшумно ступали по мосткам. Американец направился вниз к шоссе. Поставив принесенную посуду возле других таких же бидонов, носильщики вернулись назад. Еще один человек, закутанный в дождевик, прохаживался внизу и сторожил бидоны. Когда Фред и его товарищи исчезли в ложбине, Оскар оставил укрытие и тихо пошел по их следам. Далеко идти не пришлось, сейчас же за ольшаником он увидел небольшую яму. На краю ее лежала куча сосновых ветвей, щепок и разного мусора. Мужчины откидывали землю небольшими лопатками, и вскоре из-под нее показались новые бидоны. Баночка обтирал их тряпкой и отставлял в сторону.

— На этот раз хватит, — сказал шофер, когда было вырыто еще нескольких бидонов. — Больше не погрузим.

— Тогда давайте засыпать, — ответил Фред.

Работая втроем, они снова забросали яму землей, сровняли ее, сверху устлали сосновыми ветвями и накидали мусора. Теперь ни за что нельзя

было подумать, что здесь скрывается какой-то тайник. Фред нажал кнопку фонаря, и, убедившись, что все сделано как следует, маленькая группа направилась с бидонами и лопатками к автомобилю.

Теперь Оскар узнал тайну сказочных уловов в открытом море. Контрабанда... Американец занимался доставкой на берег данцигского спирта... Теперь нечего было удивляться, что парню везет, что он строит гостиницу и швыряет деньги направо и налево.

Оскар посмотрел, как поставили в машину последние бидоны, прикрыли их разным домашним скарбом и опрокинутыми вверх ножками столами и стульями. Можно было подумать, что какой-нибудь дачник переезжает на городскую квартиру.

— Послезавтра опять приедем. Ты пока не выходи в море, пароход будет только около пятнадцатого.

Голос был поразительно знакомый, точь-в-точь баритон Роберта. Неужели здесь замешен и Роберт? Оскар сразу же вспомнил телефонный разговор, услышанный им в кабинете брата: «Пароход вышел из Данцига... Наш представитель выедет навстречу в Вентспилс... Апельсины и виноград...» Да, теперь он знал, какими фруктами торгует фирма Роберта. Хороши апельсины!

После того как машина уехала и Фред с Баночкой ушли по направлению к Гнилушам, Оскар вышел на шоссе. То, что он сейчас увидел и узнал, рассеяло угнетавшие его целый день невеселые мысли. Его даже рассмешила выдумка ловкачей, одурачивающих легковверных людей. И подумать только, что его собственная жена посоветовала ему брать пример с Фреда и попытаться счастья в открытом море.

«Пускай их еще немного подзаработают, все равно когда-нибудь попадутся...» Оскар представил себе, что будет, когда Роберта поймут на этом грязном деле, и в нем шевельнулось чувство досады против брата.

Но если Фред все время наживался на контрабанде, откуда же тогда бралась камбала и угри, которых он привозил в Ригу? Может быть, и рыбу он доставал точно таким же способом?

Оскар вспомнил рассказы о предприимчивых людях, которые направлялись к эстонским островам, закупали по дешевке рыбу у тамошних рыбаков и доставляли ее в Ригу как собственный улов. Это тоже была контрабанда. Жителям островов некуда было сбывать рыбу, они рады были отдавать ее кому попало. Фред, вне всякого сомнения, оттуда и получал сказочные уловы.

Ссылаясь на возню с постройкой, Фред за последнее время стал реже выходить в море. На этот раз он был свободен до пятнадцатого числа. В

местечке пилили доски и брусья, рабочие-строители были уже наняты. Гостиницу должны были закончить самое позднее к троице, чтобы открыть в начале дачного сезона. Забот американцу хватало, и все же он успевал обойти всех знакомых в обоих поселках, чтобы покрасоваться перед ними. С отъездом Сартапутна он стал самой важной персоной в округе. Чаще всего теперь его можно было встретить у Бангеров или у стариков Клявов.

Примерно через неделю после ночной прогулки Оскара Фред шел по улочке Чешуй к берегу, подталкивая мотоцикл. Увидев Аниту, помогавшую мужу развешивать сети, он поздоровался и остановился возле них.

— Ты все еще с сыртьевыми сетями возишься? — заговорил он, обращаясь к Оскару.

— Да. У кого что есть, тот с тем и возится, — ответил Оскар. — Не всем же так везет... на угрей.

— Конечно, у каждого своя специальность. Раньше, правда, ты думал, что, кроме тебя, никто не умеет рыбачить, но угрей надо брать сметкой. Почему ты не посоветуешься со мной, я бы тебе показал, как ставить яруса.

— С твое-то, наверно, я и сам понимаю. Но одну вещь ты мне все-таки объясни... — Оскар с усмешкой посмотрел на Фреда.

— Какую это?

Американца уже разбирало любопытство.

— Каким образом можно заполучить богатый улов, не замочив снастей?

— Что ты этим хочешь сказать? Не понимаю...

— Разве? — Оскар засмеялся. — А ведь твои яруса для угрей даже не побывали в воде. Готов поспорить на что угодно.

— Откуда ты знаешь?

— В тот вечер, когда я был у Петера, я возвращался домой берегом. Там стояла «Титания»...

— Все снасти были заперты в трюме, ты их не мог видеть! — перебил его заметно обеспокоенный Фред.

— А может, трюм и не был закрыт! — усмехнулся Оскар. Он говорил наугад — и все-таки попал в самую точку.

Американец вынул носовой платок и долго сморкался, пытаясь успокоиться.

— Неужели Банка забыл запереть? — сказал он. — Ну, теперь ему влетит!

— За такую малость? Разве у тебя что-нибудь украли? И почему ты все держишь под замком, когда здесь это совсем не принято. У нас у всех снасти остаются под открытым небом, и никто их не трогает.

— У вас у всех снасти обыкновенные, а у меня особые, патентованные, — рассердился Фред. — Твоим рукам таких не сделать. Хвалиться-то всякий дурак умеет, а как доходит до дела, смекалки-то и не хватает. Да что мне с тобой спорить, разве здесь найдешь кого упрямее тебя!

Американец вскочил на мотоцикл и стал энергично действовать рычагами. Оскар все время улыбался. Анита издали наблюдала за обоими: чего они там сцепились?

— Да, вот еще что, Фред! — крикнул Оскар. — Какая у тебя рыба странная... Сама пузатая, а как возьмешь в руки, она булькает — буль-буль! Где ты такую достаешь?

Фред был так озабочен, что не сказал ни слова. Он сплюнул и унесся — только ветер засвистел в ушах.

Анита кончила перебирать последнюю сеть. Подавая ее Оскару, она спросила:

— Почему ты всегда насмехаешься над ним? Люди думают, что ты еще не забыл старой вражды.

Оскар обнял ее одной рукой и слегка притянул к себе. Ему хотелось прижаться к ней, забыть в ласковом объятии все плохое.

— Эх, Анита, ты ведь не знаешь даже, в чем тут дела... Он ведь всегда первый задевает. Неужели я не имею права ответить ему как следует, сказать хвостуну правду в глаза!

— По-моему, ты сам вызвал его на это.

Она высвободилась из рук Оскара.

— Мне больше делать нечего. Развесить ты сможешь и один.

— Да, да, иди домой, теперь я справлюсь.

Между ними уже не было прежней близости.

В тот день на «Титании» был большой аврал. Приехав в Гнилуши, Фред, во-первых, отругал Баночку за нерадивую службу, потом заставил его начерпать со дна ила и набрать лежавших вдоль пляжа водорослей. Все послеобеденное время они были заняты тем, что обмазывали грязью камбаловые тросы и обвивали водорослями яруса для угрей. Новые снасти действительно ни разу не побывали в воде, они были совершенно чистые, новые. Вечером американец впервые вывесил их на просушку. Пусть теперь приходят и глядят, кому нравится, — он тоже порыбачил!

«На что намекал этот сатана своим буль-буль? — с беспокойством подумал Фред. — Не мог же он видеть...»

— Банка, ты у меня перестань шататься по всем поселкам! Лучше хорошенько присматривай за судном.

Первое время после отъезда Сартапутна Анита как будто примирилась со своим положением. Работы в доме было достаточно: Оскар обзавелся новыми снастями, надо было шить мешочки для грузил, требовался помощник и при вязке сетей. Реже выдавалось время сходить к Бангерам, а у Клявов она не была уже давно, понимая, что там на нее смотрят косо. Замкнутая пределами домашнего хозяйства, текла жизнь молодой женщины. Только радио приносило свежие вести из внешнего мира.

На Мартынов день маленький Эдзит простудился и заболел коклюшем, и новые тревоги долго не давали подымать голову призраку грусти и тоски. Казалось, все входит в старую колею. Сейчас у Аниты было достаточно времени подумать и об отношениях с Оскаром. Часто, когда муж был в море, она задумывалась над своей жизнью. Как это случилось, что она тогда вышла за Оскара, отказавшись от дальнейшего образования и многого другого? Чем он так поразил ее, чем приворожил — действительно приворожил, как же иначе назвать это? Когда картины прошлого оживали в ее памяти, Анита снова испытывала прежнее восхищение: все же как это было прекрасно, когда Оскар восстал против семьи, против всей округи, против устарелых порядков в жизни рыбаков. Неукротимый, полный неиссякаемой бодрости, он всем бросил вызов; казалось, борьба была его родной стихией, содержанием жизни. В некотором смысле он был героем какого-то сражения. Но вот кончилась война, сражение выиграно, противник побежден — и снова Оскар становится тихим, незаметным человеком. Но Аните постоянно был нужен герой, личность, стоящая над обыденщиной. И пока Оскар отвечал этому образу, она готова была идти за ним, куда бы он ее ни позвал. А когда он откладывал оружие в сторону и снова становился простым тружеником, занятым только мелкими заботами, в сердце ее водворялись сожаление и скука. С этого все и началось. Оскар все больше замыкался в свою скорлупу, позволяя другим завладевать начатым им делом. Когда он отказался от руководства кооперативом, Анита не одобрила его бездеятельности. «Почему ты не настоял на своем? — сказала она тогда. — Если бы ты действительно захотел, ты бы всего добился». Однажды она его даже предупредила: «Разве ты уже устал, Оскар? Тебе не следовало бросать все дела, это нехорошо. Что теперь станет с рыбокопильным заводом и кооперативом?» Анита не знала, что примерно то же самое говорил Оскару Акментынь.

«Они думают, что я борюсь из-за своей выгоды, а я этого не желаю...»

— ответил ей тогда Оскар. Из мелочной щепетильности он уступил место людям, для которых интересы общества никогда не стояли на первом плане. Отказавшись от борьбы, Оскар разрушил все иллюзии Аниты. Значит, и он не безупречен... Эта мысль позволяла ей оправдывать свою вину. Самолюбивый рассудок находил объяснение каждому неправильному шагу: она поступила так потому, что ее принудили к этому обстоятельства.

Зима наступила рано. Первый снег остался лежать, не стаяв. Море никогда не кажется таким мрачным и черным, как на фоне покрытых снегом берегов. Аниту всегда угнетал этот вид; все казалось безжизненным, угасшим, холодным. Светлые снеговые облака, как призраки, скользили по небу. Жалобные крики чаек нагоняли необъяснимую тревогу. И все-таки прежде это не оставляло такого глубокого впечатления, как теперь. Аните казалось, что она живет на каком-то уединенном островке Крайнего Севера. Ни одно судно не подойдет к этим берегам. Год за годом пролетит здесь вся жизнь. Как мало прожито, а впереди уже маячит тень старости! Мысль, что ей навсегда суждено остаться в этом сумрачном краю, навевала на нее непреодолимый ужас.

Временами на Аниту находила беспричинная нервозность. Самый пустяковый случай выводил ее из себя, каждый разговор ее выматывал. После такого состояния обычно наступала апатия. Как автомат, она исполняла домашнюю работу, полная дум — и в то же время ни о чем не думая. Она постоянно чувствовала себя нездоровой. Однажды, в начале декабря, она заикнулась о том, что ей надо бы обратиться к врачу. После недолгого молчания Оскар ответил:

— Я тоже думаю, что тебе надо подлечиться.

Оскар предложил ей поехать в Ригу и показаться хорошему специалисту. Дел особенных не было, — свинью закололи, за лошадью он присмотрит сам, у Эдзита коклюш уже прошел, и его можно оставить на это время у мадам Бангер.

— Поживешь там и немного отдохнешь...

Анита пробыла в Риге целую неделю. Оскар остался один в опустевшем доме, таком пустом, как никогда раньше.

Поездка в город хорошо повлияла на Аниту. Домой она вернулась бодрой и деятельной и к Оскару стала относиться гораздо ласковее. Но ее преувеличенная внимательность была для Оскара как нож острый, — он понимал, что Анита чувствовала себя виноватой, хотела загладить нежностью причиненную боль, и это не доставляло ему ни малейшей радости.

Полугодовое собрание членов кооператива должно было состояться в конце октября, но, по совету Питериса, правление тянуло с ним почти до рождества. Последние два месяца Оскар не имел возможности произвести текущую ревизию. Осис никак не находил времени показать кассовую книгу, а Бангер уверял, что прочая документация в полном порядке и незачем ее просматривать каждый месяц. Наконец, когда ревизионная комиссия стала слишком уж надоедать, объявили о созыве собрания, а за день до него назначили проверку кассы. Утром, перед ревизией, прибыл Питерис и долго совещался с членами правления. Осис казался очень озабоченным.

— Цифры не сходятся, — испуганно шепнул он «другу рыбаков».

— Ничего, ничего, мы это сейчас урегулируем, — успокоил Питерис доброго старика. — Запишите это все в графу непредвиденных расходов.

Непредвиденные расходы! Как хорошо, что такая графа предусматривалась бюджетом, — в нее можно было всунуть все что угодно!

При ревизий раскрылись довольно некрасивые дела: в кассе почти не было денег, хотя рыбокопильный завод работал весь год без простоя; добрая половина всех доходов была истрачена на командировки. Оказалось, что Питерису выплачивали командировочные за каждый его приезд в Чешуи, — он, видите ли, ездит по делам кооператива и рыбаков. За юридическое представительство Питерис брал гонорар особо. За ведение нескольких дел ему выдавали значительные суммы, — не мог же работать за гроши такой известный деятель! А главное, недоставало еще полутора тысячи латов, записанных в расход «на неотложные операции в пользу предприятия», — как раз той суммы, которая предусматривалась на непредвиденные расходы. Когда Оскар потребовал, чтобы правление подтвердило документами необходимость этих расходов, правление стало увиливать от ответа. Тогда он записал в протокол, что в кассе обнаружена недостача в полторы тысячи латов, о которой ревизионная комиссия считает необходимым довести до сведения общего собрания. Тщетно старался Бангер уговорить зятя:

— Ну чего ты уперся, подожди немного, мы все уладим. Питерис ведь в долгу не останется...

Оскар заупрямился и настоял на своем. Перед собранием сам Питерис пытался вызвать его на откровенный разговор с глазу на глаз, но тот сделал

вид, что не замечает любезных кивков депутата.

Когда Оскар прочел перед собранием заключение ревизионной комиссии, поднялся страшный шум:

— Это же афера, жульничество! Здесь придется вмешаться суду!

Поднялся форменный скандал. Гароза заявил, что он знать ничего не знает, что все делалось без его ведома.

— Я не виноват, если другие воруют и расточают кооперативные деньги! Вот глядите теперь сами, что получается из этого знаменитого общего хозяйства!

Репутация кооператива была подорвана. Осис и Бангер сидели молча, понуриив головы. Ни для кого не было секретом, что лавочнику случалось пользоваться кооперативной кассой для нужд своей лавки, а Осис был человек слабохарактерный, и раз денежный шкаф стоял у него в доме, ему ничего не стоило справиться дочери новое платье или позволить себе лишнюю бутылку водки.

Наконец слово взял Питерис:

— Чего вы так волнуетесь, господа? Никаких афер здесь не было, а что делалось, то делалось для общей пользы. Эти полторы тысячи латов, право не стоят стольких разговоров, но если пайщики этого требуют, я вынужден открыть им тайну, при условии что она не выйдет за стены этого помещения. Никто, кроме членов кооператива, не должен об этом знать. Рыбаки! У вас сейчас есть гавань, а разве много найдется таких поселков, где они имеются? Правительство не в силах благоустроить за несколько лет все побережье, ему стоило немалых трудов предоставить вам это важное преимущество. А как вы полагаете, легко ли было этого добиться? Подумали вы, почему именно вам, а не другим построили эту гавань? Или вы считаете, что это сделалось само собой, без чьего бы то ни было содействия? Будь это так, я бы это назвал восьмым чудом света, но в наш век чудес не бывает. Ваши доверенные делали все, что было в их силах, теряли дорогое время, искали связи с влиятельными лицами, но в каждом месте нужно было кое-что предпринять. Каждый мотор требует смазки, это вы знаете по собственному опыту. Таким мотором в известной степени является и государственный аппарат. И мы его смазывали; должен признаться, я сам это делал. Теперь вы кричите, что нет расписок, нет документов. А где же это заведено, чтобы взятку давали под расписку? От тех важных людей, с которыми мне приходилось иметь дело, немислимо было и требовать этого. Не обвинение, а единогласное одобрение должно быть сегодня вынесено достойным людям — членам вашего правления за то, что они обошлись какими-нибудь полутора тысячами латов.

Бангер облегченно вздохнул: у этого Питериса действительно есть хватка! Как он, черт, умеет изворачиваться!

Но сообщение Питериса не могло рассеять все сомнения, которые глубже западали в головы рыбаков.

— Если нужна была взятка, почему о ней не сказали вовремя? Раньше бывало так, что, если где-нибудь клевало, рыбаки давали по лососю от каждой неводной артели — вот и все. Получалось гораздо благопристойнее и ничего не надо было скрывать.

— Пока был в правлении Оскар, такого не случалось! — громко выкрикнул Крауклис. — Тогда все было в порядке. А сейчас дело клонится к развалу. Слышишь, Оскар! Если ты дорожишь нашим общим делом, бери его в свои руки.

— Надо Оскара в правление, иначе дело не пойдет! — закричали за ним и другие.

В перерыве перед голосованием по отчету рыбаки обступили Оскара, пытаясь уговорить его вернуться в правление.

— Я бы это сделал, но только при одном условии, — сказал Оскар, — надо вернуть Гарозе и Питерису их пай, и чтобы духу их не было в кооперативе. Пока они остаются среди нас, ничего хорошего ждать не следует. Если вы со мной согласны, я готов взяться, если нет — хозяйничайте без меня.

Это было слишком. Люди боялись, как бы правительство под влиянием Питериса не стало отказывать им в поддержке; кроме того, могли появиться разные препятствия юридического порядка.

Когда Осис рассказал об этом «другу рыбаков», тот отечески улыбнулся:

— Это еще что за ребячество! Разве можно сейчас переизбирать правление? Ведь это только полугодовой отчет, а у старого правления полномочия до будущей весны. Если бы рыбаки попытались это сделать, я бы подал на них в суд за нарушение устава.

И все осталось по-старому.

Глава седьмая КУРЗЕМЕ

1

Многие могли подумать, что мадам Бангер больше заботилась о дочери, чем сама Анита. Пока Питерис гостил в Чешуях, она

посоветовалась с ним относительно одного плана, который не давал ей покоя всю осень. Питерис дал обнадеживающий ответ, — разумеется, он готов помочь своему ближайшему единомышленнику.

Вечером, в канун Нового года, когда Оскар с Анитой пришли к Бангерам, мадам завела разговор про трудные времена.

— Незавидное это положение, когда на целую семью приходится одна пара рук, — вздохнула она. — А если и для них нет дела, остается только одно — положить зубы на полку. Как бы тут пригодился какой-нибудь побочный заработок...

Оскар недоумевающе взглянул на тещу.

— Здесь нет лесоразработок, — сказал он. — А то можно было бы пойти в лесорубы.

— Зачем же все тебе да тебе надрываться? — продолжала мадам. — Другим мужьям зарабатывать хлеб помогают жены. Если бы вы жили в городе, Анита тоже могла бы работать. Училась она, слава богу, достаточно.

— Да не могу же я перенестись со всем хозяйством в город, — сказал Оскар. — Что я там буду делать? Здесь, на взморье, от меня еще есть толк, а в Риге и без того тысячи безработных.

— Это все верно, — согласилась мадам. — Но я вот что придумала. Дома Анита только бездельничает, никакой тебе помощи от нее нет, а в городе она могла бы поступить на хорошее место по письменной части. Питерис говорил, что он ее устроит, у него везде полно связей. Как ты на это посмотришь, Оскар?

Оскар задумался.

— Что же мне-то смотреть, — ответил он наконец. — Это дело Аниты. Если она желает, я ей поперек дороги не стану. Только одно мне ясно: семьи тогда у нас больше не будет.

— А как же другие живут чуть ли не полвека!.. Ты только посмотри кругом. Моряки на пароходах пропадают по нескольку лет, браковщики на лесоразработках тоже почти круглый год не бывают дома, а в городе разве мало таких? Я ведь и не считаю, что постоянно можно так жить... Это только на время, пока дела поправятся. Если Анита заработает полтораста латов — Питерис так и говорит — для вашего хозяйства это было бы большим подспорьем. Вы, конечно, смотрите сами, я только говорю, что думаю.

«Значит, дело дошло уже и до этого...» — подумал Оскар, и сердце у него сжалось. Разве это не первый шаг к разрыву? Он видел, что жена спокойно выслушала предложение матери; может быть, они уже раньше

обсудили его? Стоит ли в таком случае возражать? Если Анита всеми помыслами стремится к новой жизни, то она уже для него потеряна. Каждая помеха будет только усиливать это желание.

В тот вечер больше об этом не говорили, но Оскар понял, что Бангериене при каждом затруднении будет напоминать о своем предложении: «Я же для вас нашла выход, а вы не захотели».

В январе наступили сильные холода, реки и озера покрылись льдом, только море еще сопротивлялось ледяным оковам. В один из этих дней в Чешуи приехал Гароза и послал сказать Оскару, чтобы тот пришел в правление кооператива. Скупщик встретил его очень приветливо.

— Чем сейчас промышляешь? Все с сетями?

— Пока сижу сложа руки. Рыбы нет, забрасывать сети смысла не имеет.

— Ну, я так и знал. Вот поэтому и приготовил для тебя одно знатное дельце. Заработать хочешь?

— А что за работа?

— В Курземе я арендую у государства несколько озер. Сейчас лед крепкий, надо бы порыбачить. Там у них нет порядочных ловцов, а с неводом они совсем не умеют обращаться, летом только ходят с бреднем или ставят верши. А рыбы там до черта. Леци такие крупные, прямо как слани! Там и щука, там и кари — вытаскивай хоть целыми берковцами. В прошлом году я отправил туда один невод. Платил поденно и харчи давал; дорога в оба конца тоже за мой счет. Но в артель попали одни желторотые, только невод порвали, в убыток ввели. Поэтому в нынешнем году я хочу послать стоящих людей. Хочешь пойти за кормщика? У тебя ведь невод есть? Сговоришься с другими, и поезжайте. Работы хватит на всю зиму.

— В долю рассчитываете брать или будете платить поденно?

— Как сам захочешь. Если поедешь со своими сетями, я даю третью часть улова, харчи в оплату дорогу. Если с моими сетями — получаешь харчи и одни лат за тоню. Понятно, тебе, как кормщику, положу больше. О харчах не беспокойся, водки будет достаточно. Две тони за день шутя сделаете.

В предложении Гарозы не было ничего заманчивого. Оскар знал, что обычно давал подледный лов в озерах. Гнилушане одну зиму попробовали поехали. Поесть и повеселиться, конечно, удалось, но этим все и ограничилось.

— Не знаю, надо будет подумать, — осторожно сказал он. — Неизвестно, что скажут другие.

— А что им говорить? — Гароза уверенно откинулся на спинку

стула. — Раз я им скажу, они и поедут. Брать в долг — это они умеют, пусть их теперь отработывают.

С собой он захватил порядочную пачку векселей, у некоторых сроки истекали на днях.

— Тебе нечего беспокоиться, ты хорошо заработаешь. Мне бы очень хотелось, чтобы именно ты поехал за кормщика. Я тебе скажу, чьи у меня векселя, а ты выбирай, кто тебе нравится, и будь наготове. На этой неделе во что бы то ни стало надо выехать.

Это походило на строгий приказ. Оскар понял, что, если он откажется, Гароза шутить не станет. Вексель на тысячу латов лежал у него в кармане. С другой стороны, уехать, пожалуй, и стоило — дома делать нечего, большая часть зимы еще впереди. В тот же день он собрал артель; сам Гароза взял два пая, послав на свой счет поденщиков. Приведя в порядок неводы, рыбаки в конце недели уехали в Курземе.

2

Всего в артели Оскара было восемь рыбаков. Из хозяйских сыновей с ним поехали Индрик Осис и Кристап Лиепниек. У старого Дуниса сына не было, и он послал работника, семнадцатилетнего паренька Франца, который летом работал в неводной артели. Бангер свои неводы доверил Джиму Косоглазому; Янка Кривой поехал вместо старого Клявы; остальных двух прислал сам Гароза. Народ все был молодой и, за исключением Франца, закаленный тяжелой рыбацкой работой. Их не приходилось учить, как прорубать во льду проруби, как обметывать и притонять невод или чинить сети. Не подлежало сомнению и то, что все они знали толк в выпивке. Поэтому еще перед отъездом из Чешуй Бангер раскупорил две бутылки.

Приехав в Ригу, рыбаки сдали на хранение снасти и отправились к Гарозе. До отхода поезда оставалось несколько часов, и скупщик в доказательство своей щедрости сводил рыбаков в какой-то ресторан на набережной Даугавы, где угостил их обильным обедом: каждому достался кусок жареной свинины, а пива и водки — пей, сколько влезет. Некоторые напились до бесчувствия.

Оскар пил мало — ведь на нем лежала ответственность за людей и за снасти, кому-кому, а ему надо было оставаться трезвым.

— Тебе больше не о чем беспокоиться, я уже все устроил, — успокаивал его Гароза. — Лошади будут ждать на станции. О жилье тоже

заботиться не придется: стоять и кормиться будете у одного хозяина. Ящики для рыбы я позавчера еще отправил. А чуть что не так, звони мне по телефону.

Гароза проводил рыбаков до вокзала, купил на всех билеты и вручил Оскару авансом пятьдесят латов. Джима Косоглазого совсем развезло, и он сразу повалился на лавку. Другие расшумелись так, что вагон дрожал. Среди прочих пассажиров резко выделялась толпа рыбаков, в высоких сапогах, заячьих ушанках на головах, с медно-красными лицами; их тяжелая походка и громогласный хохот привлекали всеобщее внимание.

Оскар молча сидел в углу вагона и курил. Окружающая сутолока, новые впечатления и новые заботы на время вытеснили из его головы мучительные мысли о сложившейся в семье обстановке. Хотелось скорее очутиться подальше от дома, позабыть о том, что черной тучей висело над головой всю осень и зиму. Он с улыбкой наблюдал за товарищами, которые бродили по вагону и заводили хвастливые разговоры с пассажирами. Кривой Янка всех рассмешил невероятными историями из рыбацкой жизни. Однажды прошлой осенью он вытащил сетью живого осетра величиной со слона. Еле втащил в лодку... Потом сел ему верхом на спину, чтобы как-нибудь совладать с ним, а осетр как ударит хвостом, да как сбросит его в воду!

— Чертовски сильная тварь! Я оба весла сломал, пока его прикончил... — брехал Янка. Видя, что ему везет на слушателей, другие тоже начали привирать. Один поймал громадного угря в человеческий рост, который весил пятнадцать фунтов кого-то укусил в руку лосось, а Кристап Лиепниек рассказал, как он в позапрошлом году вытащил здорового сома, весом в два берковца^[13]. Голова была такая громадная, что восемь человек умещались на ней стоя.

Тут уж он пересолил, никто не хотел верить, что бывают такие сомы. Кто-то высказал сомнение, что даже у сома в два берковца такой головы не могло быть.

— Тогда ведь он должен быть не меньше кита.

— А вы думаете, он меньше был? — не сдавался Кристап.

— Скажешь тоже, восемь человек... А ведь, кроме головы, у него и туловище и хвост.

— У больших сомов совсем особенное устройство, — упирался Кристап. — Вы таких не видали. Приезжайте как-нибудь, я вам покажу эту голову. Она у меня высушена, в клетки хранится.

Незаметно подошел вечер. Поезд остановился на станции, где рыбакам надо было пересаживаться на поезд узкоколейки. До прихода его

оставалось еще полтора часа. Сложив багаж под навес, рыбаки стали приставать к Оскару, чтобы он дал им на водку.

— Не раньше, чем приедем, — решительно сказал Оскар. — Иначе мне одному придется заботиться о неводах: Вы уж и так через край хватили.

— Ну, я еще выдержу, — шепелявил Джим, качаясь, как сосна на ветру. — Слушай, кормщик, не будь ты таким твердокаменным, пожалей своих парней.

— Народ все взрослый — не дети же... — бормотал Индрик Осис. — Неужели мы заявимся к курземцам в трезвом виде!

— Ты за нас не беспокойся, — гладил Оскара по плечу Кристап. — Все равно тебе не удастся отделаться. Хоть ты тут в щель забейся, а мы тебя в покое не оставим, пока не дашь на бутылку.

Они били себя кулаками в грудь, божились и клянчили до тех пор, пока Оскар не уступил. Он выдал им десять латов, строго-настрого наказав, чтобы они не разбредались в разные стороны, а держались кучкой.

Рыбаки побежали в буфет за подкреплением. Франц еще не привык к таким большим порциям водки, но ему не хотелось отставать от других. Тут же у буфетной стойки он поддался приступу тошноты и испортил все закуски. Буфетчик разошелся и стал требовать, чтобы ему уплатили за испорченные булки и колбасу.

— Ха-ха-ха! Еще чего не хватало! — гоготал Джим.

— Заплатите вы мне или нет? — кричал буфетчик. — Иначе я позову полицию.

Слово за слово, обе стороны раззадорились, а Кривой Янка, не ограничиваясь словами, схватился за посуду. Зазвенели тарелки и стаканы, пустые бутылки летали над головами, и скоро от буфета остались только жалкие воспоминания. Когда Оскар услышал шум и поспешил к товарищам, было уже поздно.

Пока буфетчик бегал за полицией, подошел поезд и увез любителей приключений. Но в вагоне вдруг обнаружилось, что пропал Джим. Напрасно искали его по всему поезду. Парень, очевидно, остался на станции — без денег и, что называется, без головы.

— Теперь ему шею наkostenяют, — рассуждал Кривой Янка. — Чего доброго, и отсидеть придется. Но если он не будет дураком, догадается чесануть за нами по шпалам.

Оскар предвидел, что даром эта проделка не пройдет. Хорошо еще, что удалось уехать с неводами, иначе на них могли наложить арест, чтобы гарантировать возмещение нанесенного буфетчику урона.

— Теперь вы от меня целую неделю не получите ни капли водки, — сказал он.

Поздно ночью рыбаки достигли конечной станции: Там уже их ожидало четверо саней. На двое саней уложили неводы, Оскар и несколько парней потрезвее сели на третьи, а на четвертые повалились остальные. С песнями и криками мчались они в темноте холодной зимней ночи. Однако свежий морозный воздух и обжигающий ветер быстро отрезвили парней, но головы трещали с похмелья. Въезжая в тихий двор деревенской усадьбы, отстоящей на восемь километров от станции, рыбаки уже не шумели. Молча, с угрюмыми лицами они убрали в сарай снасти, затем вошли в отведенную для них комнату и, не раздеваясь, попадали кто куда — одни на пол, другие на лежанку, — не дожидаясь, когда принесут соломы на подстилку.

3

Утром Оскар поднялся вместе с хозяевами, которые встали затемно, чтобы напоить скотину. Его товарищи еще спали тяжелым, пьяным сном. На полу возле их сапог стояли лужицы от растаявшего снега. Янка бормотал что-то во сне; у Кристапа губы покрылись беловатым налетом, а Франц так стонал, словно его душил кошмар. «Какие уж они сегодня работники», — подумал Оскар.

Он вышел наружу. За ночь немного потеплело, но к утру начало мести. Весь двор занесло большими сугробами; женщины, идя с подойниками в хлев, проваливались почти по колено. Оскар зажег «летучую мышь» и пошел в сарай — проверить, все ли снасти доведены в сохранности. Что за чудо! Тюк с неводом был накрыт старыми попонами, подборы и тросы сложены отдельно, в углу сарая.

Во дворе Оскар столкнулся с хозяином. Это был мужчина лет за пятьдесят, с проседью в бороде, приземистый и плечистый. Хозяйка была на полголовы выше и несколько старше мужа.

— Никак уж на ногах? — удивился хозяин. — Лучше отдохните денек, а то кто же в такую погоду рыбачит.

— Да, видно, придется посидеть дома, — ответил Оскар. — Далеко ли до озера?

— Здесь два озера: одно тут же внизу — с полверсты до него будет; другое за лесом, версты за три.

— Мы будем рыбачить на обоих.

— Господин Гароза тоже так сказал.

Оскар стал расспрашивать, какая глубина в озерах, нет ли там коряг, но хозяин не был рыбаком и ничего толкового не мог сообщить. Лед действительно уже крепкий, хоть поездом поезжай по нему, — неизвестно, как еще они прорубят проруби в такой толще. Крестьянин был словоохотливый и, видимо, давно не имел возможности поговорить вволю со свежим человеком. Он сейчас же стал рассказывать о своем хозяйстве.

— В Калнбирзах^[14] — шестьдесят пурвиет^[15] земли. Две лошади, пять коров, дюжина ульев и небольшой фруктовый сад... Управиться нелегко. Сын ушел в город — не нравится ему обрабатывать землю. Дома осталась только дочка. Так мы и живем. Пойдем в дом, чего нам здесь мерзнуть, — пригласил он Оскара. — Ваши люди, наверно, еще не скоро подымутся.

— Да, им что-то нездоровится... — улыбнулся Оскар.

Калнбирзе повел его на свою половину. Кухня была просторная и содержалась опрятно. По печке не бегали прусаки, стол был чисто вымыт и выскоблен, каждая тарелка стояла на месте, — по всему было заметно, что домом управляла хорошая хозяйка.

Молодая девушка растапливала большую печь. Рядом стояла покрытая полотенцем квашня с тестом. При виде входящих девушка вся как-то подобралась, пригладила светлые волосы и обдернула зеленую блузку. Она была высокого роста, стройная и сильная.

— Только и осталось у нас детей, что дочка, — сказал Калнбирзе. — Марта, познакомься же с гостем. Он за хозяина у наших рыбаков.

Оскар подал зарумянившейся девушке руку.

— Теперь только побольше хлеба пеките, — сказал он, улыбнувшись. — Мы, рыбаки, едоки хорошие.

Ему понравилось и ее смущение и то, что она так скоро оправилась от него.

— Погляди-ка, Марта, не найдется ли для гостя пивца, в бочке ведь должно было еще остаться с именин, — сказал хозяин и пригласил Оскара в комнату. В дверях Оскар оглянулся. Его взгляд встретился с блестящими глазами девушки, невольно ему пришлось улыбнуться. Марта глаз не опустила; словно в забыты, она ответила улыбкой этому человеку — такому высокому, что, переступая порог, он должен был нагнуть голову.

В тот день с ловом действительно ничего не вышло. Сильный ветер бушевал весь день, превратившись к вечеру в настоящую метель.

— В такую погоду хороший хозяин собаку на двор не выгонит, — сказал Калнбирзе.

Когда рыбаки проснулись, он велел отнести им ведро пива. После

вчерашнего это пришлось как нельзя более кстати. Опохмелившись, парни начали петь и болтать с домашними. Янка опять рассказал историю про осетра, а Кристап еще раз удивил всех своим огромным сомом. В однообразную жизнь хутора приезжие внесли оживление и сразу стали героями дня. Весть о них быстро дошла до соседних хуторов, и вечером людская наполнилась народом. Видя, что им уделяется столько внимания, парни выставляли напоказ кто что умел. Оскар с улыбкой наблюдал своих людей. Сам он говорил мало, только когда его о чем-нибудь спрашивали, но это было не от самомнения — просто он давно так хорошо себя не чувствовал. Несколько раз он встречал взгляд Марты, полный тихого, задумчивого удивления, но подойти к ней, заговорить, что так легко давалось его товарищам, Оскар не мог.

Ночью ветер утих. Рано утром рыбаки погрузили неводы в сани и направились к озеру. Место для первой тони они выбрали в северном конце озера, где была небольшая заводь, чуть вдававшегося в редкую лесную поросль. Рыбаки сделали несколько прорубей по одной красиво изогнутой линии, с помощью длинного шеста протянули подо льдом от проруби до проруби бежной трос и обметали невод. Полотно живо обмерзло, а подборы стали до того жесткими и ломкими, что приходилось отмачивать их в воде. Работа была почти та же, что и при подледном лове в море. У главной проруби поставили неводной ворот, и несколько парней, взявшись за длинный шест, принялись его вертеть. Из ближайших усадеб сошлись любопытные, кое-кто даже взялся помогать у ворота. Работа была трудная, особенно когда приходилось голыми руками браться за мокрое полотно. Пальцы болели так, словно в них втыкали острые иголки. А рыбки похлопают только руками по бокам, закурят, и — ничего. Мерзнуть и мокнуть — дело для них привычное.

Первый улов притонили еще до обеда. Ничего хорошего не попало — несколько ящичков мелкой рыбешки, почти один сор. Часть ее выбросили обратно в озеро, чтобы подросла к будущей зиме, часть отдали помощникам-крестьянам, а что покрупнее — пустили в садок.

Второй залов решили сделать на середине озера. Дно там было неровное, глубокие ямы перемежались с мелями. Вытаскивать мотню пришлось уже поздно вечером. Только теперь рыбаки могли оценить по достоинству озерные богатства: одних лещей оказалось около полутора берковца, и все крупные, от шести до десяти фунтов каждый. Щук тоже набралось пуда четыре, не считая нескольких ящичков мелкоты. Рыбаки повеселели и еще проворнее принялись взвешивать рыбу, наполнять ящички и устанавливать их на санях, чтобы сейчас же отправить на станцию для

отсылки в Ригу Гарозе. Поручив Индрику Осису развесить невод, Оскар уехал с первым обозом рыбы на станцию.

— Смотри не забудь привезти водки! — крикнули ему вдогонку парни.

— Ничего не выйдет. Вы тогда весь дом перевернете.

Все же огорчать их Оскару не хотелось. Люди столько времени дрогли на льду, уж по глотку-то водки они заслужили. Когда он поздно вечером вернулся на хутор, никто еще не ложился, все ждали, не привезет ли чего кормщик. На обратном пути он действительно зашел в трактир и взял две бутылки. Калнбирзе сказал, что днем он заварил ячмень на пиво и через несколько дней можно будет устроить вечеринку.

4

В полночь раздался громкий лай. Какой-то высокий человек отбивался во дворе от собак. Он бросал в них комьями снега и устрашающе топал ногами, но собаки чувствовали себя в безопасности и все ближе подступали к чужаку. Наконец он догадался поползти на четвереньках, взяв в зубы шапку. В таком положении застал его у дверей сам Калнбирзе, который вышел взглянуть, кого там рвут собаки.

— Эй, гость, чего надо? — крикнул он сердито.

— Разве я виноват, что у вас тут такие звери! — отозвался человек, все еще не поднимаясь с четверенок. — Да прогоните их скорее, а то они меня живьем сожрут! Долго еще мне придется тут ползать? — руки совсем застыли.

Когда хозяин унял собак, человек поднялся на ноги.

— Здесь, что ли, остановились рыбаки с поморья?

— Да, здесь. А что вам нужно?

— Я тоже из артели. Они меня дорогой бросили.

— Так это вы, значит, отстали на станции? Тогда заходите.

Оказалось, что это прибыл Джим, пробродивший двое суток по курземским дорогам. Все неводчики в одну минуту повскакали с постелей и со смехом и шутками окружили Джима.

— Ты еще жив? — удивлялся Янка. — А я уже думал, давно на тот свет отправился.

— Почему не писал с дороги? — подтрунивал над ним Кристап. — Мы было хотели дать объявление в газету: не видал ли кто большого дога из поселка Чешуи, отзывается на кличку Джим.

— А ну вас! Чего пристааете! — досадливо ворчал Джим. — Думаете,

легко было вас найти? Хорошо еще, что полицейским в лапы не попался. Там уж искали, искали...

Ему пришлось рассказать о том, как он в первую ночь заблудился и пошел обратно в Ригу, потом выпался в сарае на сене, а утром стал разузнавать дорогу к озерам. Потом началась метель, и он просидел у какого-то портного до следующего утра. Дорогой отморозил ухо и растер до крови ноги.

Когда Калнбирзе рассказал, в каком положении он застал во дворе Джима, над Косоглазым стали смеяться еще пуще. С этого времени его прозвали: «Джим — гав-гав!» Он и на взморье вернулся с этой кличкой, и когда парни бывали в хорошем настроении, они всегда просили его рассказать, как это он прогуливался на четвереньках.

С ближним озером было покончено за пять обметов. Затем рыбаки перебрались на другое озеро, где работы должно было хватить недели на две. Там иногда удавалось сделать за день по два обмета, в другой раз приходилось довольствоваться одним.

Вечера на хуторе Калнбирзе проходили весело. После тяжелого трудового дня долго звенели там песни. Постоянно собиралась молодежь с соседних хуторов. У одного парня была гармошка, другой играл на скрипке. В большой людской расставляли вдоль стен скамейки, рыбаки снимали тяжелые сапоги и танцевали с девушками.

Вдали от дома, без надзора старших, парни быстро распустились. Почти каждый нашел себе невесту. Иногда по утрам, когда надо было отправляться с неводом на озеро, у Оскара оказывалось под рукой не больше двух-трех человек — нельзя же было отпускать девушек с вечеринки одних. Ничего удивительного, если проводы затягивались до позднего утра и кое-кто просыпался под чужой крышей. Всюду парней встречали гостеприимные хозяева, в каждом доме варилось пиво. «Пейте, ешьте, дорогие гости, не забывайте нас...»

Все выдавали себя за холостых и за сыновей зажиточных хозяев. У отца Джима на взморье была лавка и моторка — словом, выходило так, что он сын самого Бангера; Индрику Осису в Чешуях принадлежала консервная фабрика; Кристап должен был получить в наследство два парусника, и даже безродный Кривой Янка приобрел отца, у которого было большое хозяйство, несколько неводов и морских мереж. В Курземе они приехали вовсе не из-за нужды, не за хлебом насущным, а так только, поразвлечься немного, — у них там это принято.

У одного Оскара не было ни большого хозяйства, ни фабрики, он по-прежнему оставался простым рыбаком, которого ждали в родном поселке

жена с сыном. По вечерам, когда в большой людской играла гармоника и молодые люди, подогретые пивом, веселились напропалую, Оскар сидел в сторонке и наблюдал их с чувством щемящей боли. С какой радостью он присоединился бы к своим беспечным товарищам! Он никогда не мог быть с Анитой таким, какими были его товарищи с подругами. Ах, если бы она была простой девушкой-рыбачкой, которая не стыдится облипших чешуей красных рук, — насколько счастливее сложилась бы его жизнь!

Иногда в такие вечера Оскар шел к Калнбирзе послушать рассказы старого крестьянина. Все чаще глаза его останавливались на Марте, которая наблюдала за ним внимательным взглядом, выдающим робкое, еще бессознательное влечение.

Как хороша она была в этой простоте, в этом неумении скрывать чувства, какую ясную речь вели ее сияющие глаза, когда они встречали спокойный взгляд Оскара!

Индрик пытался приударить за ней, но безрезультатно; напрасно и Кристап постоянно рассказывал ей о семье кормщика, оставшейся дома, — кроме Оскара, она никого не замечала.

Однажды вечером, когда Оскар зашел на хозяйскую половину, Калнбирзе позвали в конюшню к заболевшему жеребенку. Хозяйка ушла вместе с мужем. Оскару и Марте впервые выдался случай поговорить наедине. Поборов робость, Марта спросила, почему Оскар никогда не участвует в общем веселье. Может быть, ему скучно здесь?

— Нет, мне вовсе не скучно, — ответил, он. — Просто я всегда был такой. У нас в доме редко смеялись.

— А много у вас братьев, сестер?

— Брат и две сестры. Но они уже обзавелись семьями. Да и я сам больше не живу с родителями.

Марта стала рассказывать ему про своего единственного брата. Вот уж кто не любит простой работы, а всегда старается залететь повыше!

— Даже в школу ходить ленился, а то бы отец дал ему хорошее образование. Правда, после он и сам жалел, да уже поздно было.

Брат Марты перепробовал разные занятия. Одно время был коммивояжером — распространял по хуторам и среди лавочников всевозможные новинки, а когда из этого ничего не вышло, стал доставать одному городскому фотографу заказы на увеличение фотографий. Конечно, на это не проживешь, и ему все время помогали из дому. Потом он забросил и эту работу и теперь, наверно, взялся за ум. Вот только давно писем от него не было, неизвестно, где он и находится. А дома нужен мужчина — отец стареет, некому взять хозяйство в свои руки. Вернуться

бы ему лучше и приняться за дело...

Долго никто не входил в комнату, и между ними постепенно завязался живой, непринужденный разговор. Оскару приятно было в обществе Марты, и она стала держаться с ним свободнее. Но ни тот, ни другой не понимали еще, что означает это неосознанное чувство, которое влекло их друг к другу все сильнее и сильнее. Может быть, это было и к лучшему.

Заключительный крупный улов пришелся на один из последних дней января. Калнбирзе только что сварил целую бочку пива, и вечером, пока Оскар с возчиками отвозил рыбу на станцию, рыбаки попробовали новую варку. Пиво получилось хорошее, крепкое, без горького привкуса хмеля. Кривой Янка, который во время мировой войны служил в каком-то сибирском пехотном полку кашеваром, нажарил на закуску лещей и щук. Пришли девушки, музыканты время от времени наигрывали какой-нибудь танец, ковш с пивом переходил из рук в руки.

После Дорожного похмелья Франц все время отказывался от выпивки. Такой головной боли, такой ужасной тошноты он не желал больше испытать ни разу в жизни. И как ни подзадоривали его старшие парни, пить он больше не соглашался. Оскар сердился на них, и в его присутствии подростка оставляли в покое. Но сегодня Оскара не было дома, и Джим опять принялся за старое.

— Какой ты мужчина, если не пьешь и не куришь, — приставал он к Францу. — Оттого тебя и девушки не любят. Чего ты слушаешь кормщика? Он сам иной раз так налакается, что ни утра, ни вечера не помнит. Давай сюда, к нам, Франц, не будь бабой!

В предвкушении потехи другие тоже помогали уговаривать Франца. Но он не отличался особым честолюбием, и уговоры на него не подействовали бы, если бы не девушки. То одна, то другая наполняла до краев штофный ковш и одним духом выпивала его.

— Вот как надо, Франц! — смеялись они. — Девушки и то больше тебя могут.

В конце концов уязвленный до глубины души паренек схватился за ковш:

— Что вы тут расхвастались! Думаете, я боюсь?

Решив показать, что он не хуже других, Франц уже не мог остановиться. Скоро была забыта боязнь похмелья, и он бродил в самом

веселом расположении духа из одной комнаты в другую, спрашивал чего-нибудь покрепче, чем это бурда. Парни перемигнулись. Индрик поднес ему бутылку — пусть его хлебнет вволю.

— Гляди, как малыш заливает! — слышались вокруг него удивленные возгласы.

В людской комнате и без того жарко натопленной, так надышали и накурили, что танцующие обливались потом и чуть с ног не валялись от духоты. Франц уже не сознавал, что с ним творится. Он то толкался в толпе танцующих, то останавливался и лепетал что-то бессвязное, даже несколько раз принимался плакать.

— Поди-ка лучше спать, — посоветовал Индрик.

— Сам спи! — грубо оборвал его Франц.

Видя, что остальные время от времени выходят наружу проветриться, он также вышел во двор. Ночь была ясная, звездная, снег громко скрипел под ногами, бревна в стенах строений потрескивали от мороза. Легкий ветерок, ударивший Францу в лицо, показался палящим пламенем, резкая перемена воздуха еще больше опьянила паренька. Как во сне, побрел он по рыхлому снегу через двор и вышел на дорогу. Вдруг он вспомнил о развешенных сетях... Днем в его куске оборвалось несколько грузил, надо было бы их привязать, а то Оскар будет утром сердиться. Да, надо сейчас же идти на озеро к неводам. Но уже через десять шагов он забыл о своем намерении и бесцельно побрел по заснеженному полю. Мурашки бегали по всему его телу, мокрая от пота рубашка леденила спину, голые руки щипало от холода. Но Франц ничего не чувствовал. Вдруг на него напала такая веселость, что он принялся хохотать, сам не зная над чем, а вслед за этим странная, непонятная тоска сжала ему сердце.

Франц заплакал и, остановившись среда поля, стал подыскивать местечко, где бы присесть. Впереди виднелся валун, темным пятном выдававшийся на снегу. Паренек, пошатываясь, направился к нему, рухнул наземь и мгновенно заснул.

В это время со станции возвращались отвозившие рыбу подводы. Резко скрипели полозья, скользя по укатанной дороге. Оскар сидел в последних санях, спиной к ветру. По обочинам стояли покрытые инеем деревья, километровые столбы и указатели дороги издали виднелись в лунном свете. Оскар, как всегда, думал о своем доме. Только что он отправил Аните письмо и немного денег, заработанных за первые недели лова. Через несколько дней можно ждать ответа. Оскар знал, о чем она может написать, догадывался даже, в каких выражениях, и все же это не совершившееся еще событие дразнило его воображение: как назовет его

Анита, какие слова найдет теперь для своего мужа?

Дорога повернула к хутору Калнбирзе. Проезжая полем, Оскар заметил недалеко от дороги какой-то темный предмет, скорее всего валун, только несколько необычной формы. «Почему я его не замечал раньше?» — подумал Оскар. Этой дорогой он каждое утро направлялся к озеру.

Скоро сани въехали во двор к Калнбирзам. Почуввав своих, собаки радостно заскулили и запрыгали. Людская была ярко освещена, из открытой двери неслись звуки гармоники. Прибытие кормщика всех подняло на ноги.

— Водки привез? — нетерпеливо спросил Кристап.

— Привезти-то привез, да, думаю, сегодня обойдется и без нее.

— Давай сюда, Оскар! — кричал, спеша ему навстречу, Индрик. — Франц весь вечер ждет не дождется тебя!

— Франц? — удивился Оскар.

— Посмотрел бы ты, какие этот мальчишка откалывает номера! Наконец-то и он напился, как полагается мужчине... Франц, куда ты уполз, паршивец?

Парни начали искать Франца. В комнате его не оказалось. Янка обшарил всю кухню. Джим вышел на крыльцо и несколько раз громко окликнул его по имени.

— Наверно, с какой-нибудь девкой полез на сеновал, — посмеялся Индрик.

— Вот ловкач! Любопытно знать, с кем же это он?

Но когда парни вернулись в людскую, все девушки оказались налицо.

Оскар нахмурился:

— Нашли тоже забаву! Сначала напоили парнишку, а потом оставили без присмотра...

Он снова оделся и вышел. Сначала он заглянул в сарай, открыл дверь сеновала и нажал кнопку карманного фонаря. Но Франца нигде не было. Наконец Оскар заметил свежие следы, которые вели со двора в поле. Он вспомнил виденный дорогой странный предмет, и сердце его сжалось от тревожного предчувствия. Все быстрее бежал он по снегу, пока следы не привели его к большому валуну. Да, там сидел Франц, скорчившись, свесив голову на грудь.

— Франц, что ты здесь делаешь! — закричал Оскар, с силой встряхнув его за плечи. Тот тихо застонал и ничего не ответил. Оскар взял Франца на руки, перебросил через плечо и быстро, как только мог, зашагал обратно к дому. Паренек был еще жив, хотя изрядно окоченел.

Не заходя в людскую, Оскар внес Франца в кухню и стал проворно

стаскивать с него сапоги, куртку, рубаху.

Из комнаты выглянула Марта.

— Снегу, принесите снегу! — крикнул Оскар девушке.

Марта, не задавая вопросов, схватила большую миску и выбежала во двор.

Когда она вернулась, Оскар уже раздел Франца. Он стал растирать его побелевшие щеки, уши и пальцы. Прошло довольно много времени, пока отмороженные места порозовели и кровь быстрее побежала по телу. Почувствовав жгучую боль в пальцах и кончиках ушей, Франц очнулся.

— Ой, как ноет, — стонал он, размахивая кистями рук. — Ой, господи, как больно!

— Ничего, пусть поболит, это к лучшему, — сказал Оскар, продолжая растирать его.

В доме нашлась какая-то мазь, которой смазали отмороженные места, затем Марта принесла бинты, вату, и вскоре забинтованное лицо паренька стало походить на маску.

— Зато теперь ты будешь меня слушаться, — сказал Оскар. — Ну, ничего, заживет. Только самое страшное у тебя еще впереди. Летом ты станешь пестрый, как дятел. Лицо все время будет лупиться, а уши загнутся.

Когда о случившемся узнали остальные, они несколько дней ходили с виноватыми лицами. Оскар ничего не говорил, но его хмурый вид действовал на них сильнее всякого упрека.

С той поры между Оскаром и Францем завязалась крепкая дружба. Парнишка привязался к Оскару, словно младший брат, и старался все делать так, чтобы тому было приятно посмотреть на его работу.

6

В конце недели началась оттепель. Лед на озере расплзлся, превращался в темную кашу, а местами появились большие полыньи. В субботу утром налетел теплый ветер с мокрым снегом. Рыбаки, которые в этот день были на работе, промокли до костей, и Оскар решил сделать лишь одну обметку. Улов достался плохой, на станцию везти было нечего.

Неводы развесили прямо на берегу, хотя нечего было и думать, что они просохнут в такую погоду. Но за воскресенье надо было починить порвавшееся в нескольких местах полотно, подвязать грузила и поплавки.

Было еще светло, когда рыбаки вернулись домой. Калнбирзе велел к их

приходу истопить баню. Приятно было смыть недельный пот, одеться в чистое белье и отдохнуть в теплом помещении, пока снаружи завывала метель. Парни побрились, Кривой Янка подстриг им волосы. У всех было праздничное настроение.

Из кухни доносился аромат свежее испеченного хлеба, а вскоре на столе появились пышки из пшеничной муки грубого помола и копченый окорок.

В тот вечер в Калнбирзах было тихо. Рыбаки разбрелись по ближним соседям, где кто завел знакомство, гармоника и скрипка звучали в других усадьбах. Там тоже можно было повеселиться не хуже, чем в Калнбирзах.

Из людей Оскара дома остались только Франц с Джимом. Оскар попросил у хозяина полученные за неделю газеты и стал просматривать их — в будние дни времени для чтения у него не оставалось. Но как странно: он всю неделю ждал момента, когда можно будет отдохнуть, без помехи, спокойно подумать, а теперь, когда в людской не слышно стало товарищей, он ощутил свое одиночество как тяжкое бремя. Ему все чего-то не хватало, и даже газеты не заинтересовали. Первый раз с момента отъезда из дому он почувствовал себя покинутым, захотелось услышать грубый говор и безудержный хохот товарищей. Да, видно, он размяк за последние годы.

Отложив в сторону газету, Оскар попытался рассеяться за разговором с Францем и Джимом, но и это не помогло. Он взял записную книжку и стал подсчитывать недельный заработок артели. Из этого тоже ничего не вышло, так как выручка за последние партии рыбы была еще неизвестна и деньги привезти собирался сам Гароза.

Послышался тяжелый топот подъезжающей лошади, и санки остановились перед домом. Это Марта вернулась из лавки. Оскар поднялся и вышел во двор. Калнбирзе уже распрягал лошадь, больше никого поблизости не было. Оскар взял какой-то узел, чтобы помочь Марте снести в дом покупки.

— Изрядно вас вымочило, — с улыбкой сказал он, глядя на мокрые щеки девушки, по которым скатывались тающие снежинки.

— Ничего, не холодно, — засмеялась Марта, отряхиваясь от снега. — Гостинца не ждали?

— Я? Какой же гостинец? Крендель, что ли?

— А может, найдется что-нибудь! Угадайте, что я вам привезла.

Они стояли в темных сенях. Улыбающийся взгляд Оскара скользил по фигуре девушки. Удивительно, до чего было хорошо стоять с ней рядом, видеть ее так близко от себя!

Несколько мгновений ему казалось, что это Анита, ему хотелось, чтобы это была она.

Положив на пол узлы с пакетами, Оскар взял руку Марты, сильно сжал ее и тут же отпустил. Чуть смутившись, она поглядела на него, точно ожидая, что он скажет. Но он не сказал ничего. Тогда она подошла ближе, совсем близко. Оскар почувствовал запах ее волос, ее теплое дыхание на своем лице. Голова его склонилась ниже, как бы невзначай его губы коснулись лба девушки. Марта не отпрянула, молча, серьезно глядела она на Оскара, и он чувствовал легкую дрожь ее тела. Внезапно он пришел в себя. Беззвучно шевельнулись его губы. Ничего не сказав, он быстро повернулся и вышел из сеней, не заметив, как побледнела Марта, каким взглядом она проводила его.

— Оскар, подожди... Я хочу тебе сказать... — промолвила она тихо. Но он уже захлопнул за собой дверь. Марта взяла покупки и вошла в кухню.

Оскар закурил папиросу и стал ходить из угла в угол. В голове не было ни одной ясной мысли, каждый нерв в нем трепетал от необъяснимого возбуждения. Как и тогда, в праздник рыбаков, когда они с Анитой и Сартапутном сидели в темной беседке, Оскар ощущал в себе какую-то судорожную силу, противоречивые чувства подымались в его душе, как волны во время прилива.

Анита... как ему не хватало ее сегодня... И как все было бы иначе... лучше, светлее, если бы она была здесь...

Он не слышал, как открылась дверь и вошла Марта. Обернувшись, он вздрогнул, увидев ее перед собой.

— Ты... вы что-то хотите сказать? — смущенно пробормотал он.

— Я вам письмо привезла, — сказала Марта, подавая конверт. — Вы так быстро ушли, что я и передать не успела.

— Спасибо, — сказал Оскар, опустив глаза. — Я не знаю, как это случилось... Вы на меня не сердитесь?

— За что же сердиться? — удивилась Марта. — Какой вы непонятный человек. Почему вы убежали?

— Сам не знаю...

Немного постояв у порога, Марта вышла. Оскар тотчас же разорвал конверт. Письмо было от Аниты, на марке стоял рижский штамп. Она сообщала, что снова приехала в Ригу и останется там на все время, пока Оскар пробудет в Курземе.

«Питерис обещает мне работу в государственном учреждении с окладом в сто пятьдесят латов в месяц, — писала Анита. — Родители понукают взяться за эту работу хотя бы временно, но я не решаюсь, не посоветовавшись с тобой. Каково твое мнение, Оскар? Напиши мне —

долго затягивать с ответом Питерису я не могу...»

Письмо не обрадовало Оскара. Оно только сильнее разбередило рану. Он сидел у стола, подперев голову руками, и сосредоточенно смотрел на развернутый листок. Мадам Бангер любой ценой хотела добиться своего... Что у нее еще было на уме? И к чему это приведет, если честлюбивая женщина будет продолжать устраивать жизнь Аниты по своему усмотрению? Что старухе Бангер ее зять казался слишком простым и незначительным человеком, это Оскар знал уже давно.

«С тех пор как ты уехал, в Чешуях мне делать стало нечего. Я еще не вполне здорова, мать советует снова обратиться к врачу...»

Оскар знал, кто был этот врач, к которому она обращалась... Лучше бы совсем промолчала, тогда бы хоть он ничего не знал, не думал.

— Джим, есть у нас там еще пиво? — спросил Оскар, пряча письмо в карман.

— Как нет, еще с ведро наберется! — живо откликнулся парень.

— Ну, чего же мы тогда сидим зря! Давай его сюда.

Они пили все трое — Оскар, Джим и Франц. Пили и болтали — все громче, все шумнее.

«Надо же было им как раз сегодня устраивать танцульку у соседей!» — думал Оскар. Пот градом катился по его лицу, как будто он только что кончил тяжелую работу. Глубоко запавшие глаза лихорадочно блестели, взгляд то вспыхивал, то снова становился усталым и сонным.

В сенях часто поскрипывала дверь, там кто-то ходил, но в людскую никто не заглядывал. Оскар поднялся и пошел позвать хозяина. Наружная дверь была открыта. Кто-то стоял на пороге спиной к Оскару. Это была Марта. Она испугалась и хотела уйти, но Оскар развел руки и загородил ей дорогу.

— Не удирайте, я ничего плохого вам не сделаю, — пошутил он. — Вы ведь меня не боитесь?

— Нет, — тихо начала она. — Это вы вот боитесь меня.

— Как боюсь! Разве я такой уж зайчишка!

Как ни старалась Марта сохранить серьезный вид, ей пришлось улыбнуться. Оскар подошел к ней ближе, взял в свои ладони ее голову и повернул к себе лицом.

— Ну, поглядите же, улыбнитесь хоть разок, ведь мы же друзья.

— Мне холодно, — сказала Марта, когда Оскар ее снова отпустил, — войдем лучше в дом.

— Да, да, верно. Нехорошо, что мы стоим здесь, в темноте.

Затаив дыхание, они стояли у дверей, и ни один не хотел уйти первым.

Тишину нарушила Марта.

— Почему... отчего вы не хотите зайти к нам?

— Уже поздно. Ваши, наверно, хотят отдохнуть...

— Мы их не потревожим. Можно зайти... ко мне...

Опять тишина. Наконец Оскар тихонько подошел к Марте и взял ее за руку.

— Ты хочешь быть моим другом?

— Да, другом... — шептала она, положив голову на плечо Оскара. — Какой ты странный... Оскар. Разве тебе неприятно, что я тебя... люблю?

Как охмелевшие, стояли они в темноте, прильнув друг к другу.

Бездумно шел он за Мартой в ее комнату. Горевшая на столе лампа разливала вокруг слабый полусвет. Здесь Оскар сразу пришел в себя, ясно понял и то, что произошло, и то, что должно произойти. Ему стало невыносимо грустно.

Как усталый ребенок, он опустился на скамью рядом с девушкой, прижал голову к ее груди и закрыл глаза. Марта погладила его по лбу, касаясь трепетно и легко, как теплый ветерок. Ну, что же, он еще жив и, как все живые люди, вправе испытать немного счастья. Немного, самую малость... Никакие силы земные, никакие божьи законы не могут ему это запретить... Даже Анита...

Когда Оскар проснулся, слабый свет уже проник в окно. Предметы были окутаны легкой тенью, тихо и спокойно было в маленькой комнате. Снаружи тоже не было слышно голосов — по воскресеньям рыбаки вставали позже. Только сквозь стену из кухни иногда доносился звон посуды и чьи-то легкие шаги — там, наверно, готовили завтрак. В первое мгновение Оскара удивила незнакомая обстановка. Да где же это он находится, что это за комната, как он попал на эту кровать? Он протер глаза и с удивлением осмотрелся вокруг. Так он не во сне пережил все это? Оскар улыбнулся. Светло и свободно было у него на душе в этот утренний час, угрызения совести его не мучили.

Марта проснулась спозаранку; по всей вероятности, она и хозяйничала сейчас в кухне. Оскар слез с кровати. Он спал одетый, но для рыбака это было делом привычным, тысячи раз он так дремал в лодке или на дюнах. Стараясь не шуметь, он подошел к окну и немного раздвинул занавески. Перед ним раскинулся заснеженный фруктовый сад. Метель улеглась,

настала тихая и ясная погода. Теперь можно будет сходить к неводу и починить продранные места, благо день такой солнечный выдался. Надо сказать Джиму, чтобы захватил несколько камней — их там за клетью порядочная куча.

Вспомнив про своих людей, Оскар спохватился: что они сейчас подумают, увидев его место пустым? И что он им ответит, если они начнут выспрашивать, разузнавать?

Позади тихо открылась дверь. В комнату вошла Марта.

— Ты уже встал? — сказала она, дотрагиваясь до его плеча. — Зачем ты спешишь? Здесь тебя никто бы не потревожил...

— Мне, пожалуй, надо сейчас уйти, пока не поднялись люди... Еще подумают что-нибудь про тебя...

С беспокойством глядел он на девушку. Она стояла перед ним свежая и розовая после недавнего умывания, в ее счастливой улыбке не отражалось и тени сомнения.

— За меня не опасайся. Если бы кто узнал, что ты здесь, ничего плохого не случилось бы. Мы люди простые и доверяем друг другу.

— Счастливыцы! — задумчиво ответил Оскар, привлекая к себе девушку.

— Оскар, почему ты меня не поцелуешь?

Он нагнулся, начал ее целовать, и его невеселые мысли мгновенно рассеялись.

— Мы большие грешники, — сказал Оскар, но в душе у него все ликовало.

— Нет, совсем малюсенькие, — шептала, прижимаясь к нему, Марта. — Кому же мы причинили зло?

Удивительно, как сладка была ее близость! Казалось, они давным-давно знали друг друга, и все, что с ними произошло, должно было произойти неминуемо, иначе и быть не могло.

— Ведь ты еще не уйдешь? Подожди, пока я приготовлю кофе. Мы здесь вместе и позавтракаем.

— Лучше нам этого не делать, будем немного поосторожнее.

Но сейчас же он устыдился своих слов. Таиться? Он учил ее таиться! Выходит, у него не хватает смелости отвечать за свои поступки, и в то же время нет сил, чтобы остановиться.

— Как знаешь, — сказала Марта. — Может, так будет и лучше.

— Нам можно встретиться и попозже, сегодня мы ведь на лов не выходим.

— Приходи, когда захочешь, во всякое время. Только держись смелее,

тогда и другие будут меньше на это обращать внимания. А сейчас мне надо идти в клеть. До свидания, Оскар.

Марта вышла. Оскар подождал с минуту, прислушался, нет ли кого в кухне, отворил дверь и остолбенел от удивления. Вся кровь отхлынула от его лица. Какой-то мужчина в черном стоял в дверях хозяйской комнаты и пристально глядел на него. Оскар сейчас же узнал этого человека. Это был брат Теодор, сектантский проповедник, которого он выгнал из дома зятя, любовник его сестры Ольги, провозвестник судного дня. И надо же было им встретиться! Теодор, оправившись от удивления, понял, в чем дело, и злорадно усмехнулся.

— Доброе утро, — выдавил из себя Оскар, закрыв дверь и выходя на середину кухни.

— Доброе утро, господин Клява! — подчеркивая каждое слово, ответил Теодор. — Какая приятная встреча!

Жмурясь, как кот, он смеялся ему прямо в лицо.

— Что вы здесь делаете? — спросил Оскар.

— Мне-то, положим, известно, что я здесь делаю, а вот скажите, как вы попали сюда?

— Перед вами мне ответ держать не придется, — отрезал Оскар и вышел из кухни.

— Ну, это мы посмотрим! — бросил ему вслед Теодор.

Оскар вошел в людскую с таким мрачным лицом, что рыбаки не стали ни о чем его расспрашивать. Кристап хотел было пошутить насчет того, как заблудился ночью кормщик, но, взглянув на него, счел за лучшее промолчать. Позавтракав, Оскар ушел к сетям и проработал там до самого обеда, не проронив ни слова. Он успел за это время привести в порядок свою часть невода и зачинил большую дыру в мотне, которая была порвана при последней обметке.

— Черт его знает, что с ним творится! Видно, кто-то дорогу перебежал, — шептали парни за спиною Оскара. — Наверно, не повезло.

Вернувшись в усадьбу, Оскар все послеобеденное время просидел в комнате, избегая встречи с Теодором. Наконец вечером он решился выйти в сени. Встревоженная странным поведением Оскара, Марта следила за ним весь день, и едва он вышел из людской, как она открыла дверь кухни.

— Оскар, — быстро подбежав к нему, спросила она, — что с тобой сегодня? Ты не сердись на меня? Может, твои парни сболтнули лишнее? Ну, скажи что-нибудь, я не хочу видеть тебя таким.

Он вздохнул.

— Марта, друг ты мой милый, если бы ты знала, как хорошо я о тебе

думаю! Ни в чем ты не виновата.

— Значит, еще кто-нибудь?

— Нет, другие тут тоже ни при чем. Это я сам...

— Уж очень ты все к сердцу принимаешь. Не надо так. Заходи на нашу половину, поужинай с нами. Отец хочет поговорить с тобой.

В открытую дверь он снова увидел Теодора. Тот ходил по двору, словно свой человек: уверенно заглянул в хлев и в конюшню, поговорил с одним из рыбаков у клетки; на каждом шагу он находил, что осмотреть, о чем спросить, словно был здесь не впервые.

— А что, этот тоже будет жить здесь? — спросил Оскар, кивнув на Теодора.

— Ну, конечно, — удивилась Марта странному вопросу. — Ведь это же мой брат Теодор, про которого я тебе рассказывала. Теперь он наконец вернулся домой.

— Твой... брат? — Оскар отступил на шаг. — Теодор твой брат?

— Ну конечно. Чему ты так удивляешься? Тебе надо будет с ним познакомиться, он все-таки занятный человек. Ты только подумай — оказывается, он стал каким-то там священником! Разве не смешно: был все время агентом, возился с фотографией и вдруг превращается в святошу. Сам бог знает что вытворял до сих пор, а теперь наставляет на путь истинный грешников! Ну, да к порядочному делу у него никогда душа не лежала... Так зайдешь, Оскар, да?

Как оглушенный, стоял рядом с девушкой Оскар. Его разум отказывался воспринять новое известие. Как насмеялась опять над ним судьба: он полюбил сестру врага! И разве это возможно, чтобы у этого человека была такая сестра!

— О чем ты задумался, Оскар? — спросила Марта.

Он долгим-долгим взглядом посмотрел на девушку:

— Я думаю, что сегодня мне не стоит заходить к вам. Вообще нам надо встречаться как можно реже.

— Почему? Разве я тебе уже надоела?

— Нет, ты не из тех, которые надоедают. Сейчас я ничего не могу объяснить тебе... Попозже когда-нибудь обо всем расскажу. До свидания, Марта! Не сердись на меня, ты мне все так же мила, даже милее, чем прежде... Мне пора идти, вот и брат твой идет сюда.

— Опять ты убегаешь, трусишка! Ну, поцелуй же меня.

Он заколебался на какой-то миг, потом стремительно обнял девушку и поцеловал в губы. Быстро отпрянув друг от друга, они разошлись.

В понедельник рыбаки решили обметать невода на дальнем конце озера. Надледная вода за ночь успела замерзнуть, луж не осталось. Солнце, отражаясь в снегах всеми своими лучами, заставляло их ослепительно сиять. Нетерпеливо каркала в ближней березовой роще воронья стая в ожидании часа, когда можно будет полакомиться у прорубей мелкой рыбешкой, — хитрые птицы уже пользовались опытом предыдущих дней.

Погода была тихая, безветренная; хорошо спорится работа в такое время. Шагая вокруг ворота, рыбаки рассказывали друг другу разные истории, балагурили и подзадоривали друг друга. Иногда Оскар подходил повертеть ворот, но ему больше приходилось наблюдать за выходящим из проруби неводом. Большая часть его была уже вытянута — еще полчаса, и должна показаться мотня. Внезапно парни почувствовали, что вращать ворот становится трудно, уже всем телом приходилось налегать на шест.

— Наверно, зацепился, — сказал Индрик. — Прямо сил нет вертеть.

— Попробуем еще немного, может, отпустит, — сказал Оскар, подойдя к вороту.

Медленно, тяжело выходил на поверхность льда невод. Подборы были натянуты, как струны у скрипки. По временам вертеть становилось легче, и тогда подо льдом раздавался треск.

— Это ловец, — сказал Оскар. — Загубит весь улов.

Покуда другие продолжали вертеть ворот, он подошел к проруби и осмотрел полотно. Скоро показались рванины. Невод терся о какой-то камень или корягу, а когда мотней охватило ловца, ворот больше нельзя было повернуть. Чтобы не оборвать подбор, надо было отвязать какой-нибудь уже вытащенный кусок и вытягивать невод за одно крыло. В воде оставалось еще восемь кусков, но улов все равно уже пропал.

Оскар велел немного раскрутить ворот, взял большой гвоздь и развязал туго затянутые узлы в том месте, где начиналась рванина. Это был один из кусков Гарозы.

Как раз в то время, когда расстроенные неудачным ловом рыбаки возились вокруг разорванного невода, вытаскивая куски, один негоднее другого, какие-то сани повернули к ним от берега.

— Бог помочь! — весело прозвучал голос Гарозы. — Ну, живей, живей тяните, чтобы я успел захватить с собой рыбки.

Его привез со станции какой-то крестьянин. Выскочив из саней, скупщик подошел к проруби.

— Это что еще за номер! — протянул он, растерянно глядя на кучу порванных сетей. — Это кто же так рыбачит?

— Напоролись на ловца... — пробормотал Оскар.

— Да это никак мои куски! — продолжал Гароза, рассматривая поплавки.

— Моим тоже досталось, — ответил Оскар. — Он меньше огорчился из-за порванного невода, чем из-за потерянного улова. За все время, пока он работал кормщиком, такая история случилась с ним впервые. Самолюбие рыбака было задето самым чувствительным образом.

— Вот, оказывается, какой ты у меня рыбак! — входя в раж, кричал Гароза. — Я думал, что посылаю порядочного кормщика, а он, извольте видеть, взял и порвал все неводы! Зачем же было браться за дело, если сам не знаешь, где можно и где нельзя ловить! Вот и доверяй этому дьяволу!.. Да вы тут, вижу, и рыбку пускали на сторону, я ведь на станции заметил, что в буфете у них полно лещей. Откуда им там взяться? Это не артель, а шайка воров и лентяев!

Губы Оскара подергивались от еле сдерживаемого гнева. Он только взглянул из-под насупленных бровей на Гарозу, но ничего не сказал. Скупщик продолжал орать, крики его далеко разносились по озеру. Собравшиеся на льду крестьяне и возчики с любопытством следили за разыгравшейся сценой. Гароза и раньше-то не стеснялся в выражениях, а уж на этот раз пустил в ход такие крепкие словечки, что даже рыбаков от них мутило. И Оскару пришлось все это принять на свой счет. В жизни еще над ним так не измывались, как сейчас. Он все молчал и только стискивал зубы, но в конце концов терпение у него лопнуло.

— Молчать, баба! — гаркнул он на Гарозу. — Убирайся прочь, покуда у тебя еще кости целы. Если ты сам такой всезнайка, зачем же ты прохлаждался в Риге, а на озера послал невежд, лентяев?

— Цыц, щенок! — закричал Гароза. — Видно, ты забыл, перед кем стоишь? Ты еще будешь у моих сапог ползать, обезьяна этакая!

— От обезьяны слышу! — отрезал ему Оскар. — В рижском зверинце уже две обитают, ты вполне сойдешь за третью.

Казалось, что Гарозу вот-вот хватит удар. Его бледно-желтое оплывшее лицо стало иссиза-багровым, он кричал что-то, размахивая во все стороны руками, но вместо слов изо рта у него вылетали какие-то булькающие звуки, словно из горлышка бутылки. Оскар повернулся к нему спиной и снова занялся сетями. Когда последний кусок изорванного невода был вытащен, он взял гвоздь и начал расковыривать узлы, чтобы отделить от невода куски своих сетей. Два были порваны ловцом, другие два

находились на концах крыльев и потому уцелели.

— Что ты там делаешь, Клява? — спросил уже гораздо спокойнее Гароза.

Оскар не отвечал. Крепко сжав губы, с мрачным и решительным видом он собрал свои мокрые сети и стал укладывать их в чьи-то сани. После этого он вынул из кармана записную книжку, вырвал из нее несколько листков и подал Индрику Осису.

— Здесь сделан расчет за все время. Посмотри, сколько кому приходится, и расплатись. А вот остаток артельных денег.

Его рука слегка дрожала, когда он передавал товарищу кредитки. Недоумевающе моргая глазами, Гароза наблюдал за странным поведением кормщика.

— Оскар, — сказал он почти мягко, — брось ты эти фокусы!

Но Оскар словно оглох. Попросив хозяина саней довести сети до хутора, он зашагал к берегу.

— Вот еще чудак! — пожал плечами Гароза, пытаясь засмеяться, но никто его смеха не подхватил.

К полудню Оскар приехал в Калнбирзы и немедленно начал укладывать в мешок вещи. Ничего громоздкого он с собой не брал, все имущество можно было легко унести на плечах. Пока он собирался, дверь распахнулась, и в комнату вошел брат Теодор, ухмыляясь во весь рот.

— Теперь нам пора поговорить, — сказал он. — Вчера никак не мог вас поймать — все занят да занят. Может, сейчас удосужитесь?

Оскар поднялся на ноги, держа обеими руками расправленные края мешка. Еще и этого не доставало! Он отрывисто засмеялся:

— Ладно, подходи. Одним подлецом больше, одним меньше, теперь это значения не имеет!

— Ого, мы еще важничаем! — хохотал Теодор. Стараясь держаться на приличном расстоянии от Оскара, он засунул руки в карманы и иронически поглядел на своего противника, могучая фигура которого до сих пор внушала ему почтение.

— Ну, чего тебе? — сердито спросил Оскар.

— Ты не очень-то фырчи, мой милый. И вообще в разговоре со мной тебе бы следовало отказаться от этого тона. — Язвительная улыбка исчезла с лица Теодора, с нескрываемой злобой смотрел он в упор на Оскара. — Не забудь, что теперь дела обстоят иначе — мы, так сказать, обменялись ролями.

— Ну, что же, пользуйся своим положением.

— Я это сделаю, когда найду нужным, времени у меня хватит. Кстати,

куда это ты собираешься? Видно, жарко здесь становится?

— Не твоя забота.

— А может быть, и моя! Раньше ты мне задавал вопросы — может быть, теперь и сам ответишь хоть на один? А ну, скажи, мой милый, что ты в прошлый раз ночью искал в комнате у моей сестры? Вот ты что за птица!.. Праведный судья, охранитель супружеской чести! Других выгонял из дому, грозился избить и уж сам не знал, что делать, а сейчас подбираешься к молодым девушкам? А что, если я тебе покажу на дверь?

— Покажи, — спокойно сказал Оскар, — покажи на дверь, пока есть возможность. Только имей в виду, что на этом тебе не удастся заработать. А если ты дашь волю языку, я здесь расскажу про тебя несколько таких веселеньких историй, что ты не обрадуешься.

— Никто тебе не поверит.

— Ничего, один человек мне все-таки поверит. С меня и этого достаточно. А что другие подумают, мне наплевать!

Оскар бросил мешок на пол и, глядя куда-то в пространство, двинулся к двери. Теодор стоял на его пути, но он, как будто не замечая проповедника, шел прямо на него. Тот от неожиданности отпрянул в сторону, но когда Оскар уже открыл дверь, бросился вдогонку.

— Куда ты несешься, сумасшедший! Уж и пошутить с ним нельзя!

Ничего не ответив, Оскар прошел на хозяйскую половину. Теодор, потоптавшись, как на горячих углях, шмыгнул к кухонной двери, стараясь услышать что-нибудь, потом выбежал во двор и стал прохаживаться возле клетки. Как бы только этот окаянный не набедокурил! Узнать бы, о чем они там разговаривают, но все-таки лучше держаться подальше.

Напрасно тревожился Теодор — Оскару и в голову не пришло что-нибудь рассказывать. Застав в кухне Калнбирзе, он сказал, что ему надо немедленно ехать домой, и попросил лошадь — отвезти на станцию сети.

— Вероятно, господин Гароза привез вам какое-нибудь известие? — спросил хозяин.

— Как же, привез... Потом вы сами узнаете.

— Лошадь дать можно, только кто же вас повезет? Мне надо быть в волостном правлении. Вот разве Теодор...

— Я могу отвезти, — вдруг прозвучал позади голос Марты. Она только что вышла из своей комнаты и услышала их разговор. — Заодно заверну в лавку, а то сахар у нас на исходе.

— Ладно, тогда я запрягу лошадь, — сказал Калнбирзе.

Полчаса спустя, дождавшись саней с сетями Оскара, они уехали. Рыбаки с Гарозой еще не возвращались.

Под дугой мелодичным звоном заливался колокольчик. Молодая лошадь рвалась в рысь, гладко наезженная дорога была легка, быстро скользили мимо тихие поля, окаймленные кустарником, и редкие рощи.

— Поезжай тише, Оскар, нам ведь спешить некуда, — сказала Марта. — Поезд уходит только вечером.

Оскар ту же натянул вожжи и немного осадил лошадь. Они сидели в удобных деревенских санях со спинкой. Укутав ноги домоткаными покрывалами в зеленую и красную полоску, молча сидели они рядом на мешке с соломой. Пока дорога вела открытым полем, мимо редких крестьянских хуторов, Марта задумчиво глядела вдаль, Оскар тоже избегал смотреть на девушку. Глазам было больно от яркой белизны снега, тихий ветер ласкал их лица, глухие удары подков отдавались в ушах, как монотонный шум далекой молотьбы.

Дорога свернула в лес. Серые ели стеной высились по обеим сторонам узкой просеки. Кроме них, на дороге никого не было видно. Как только поле осталось позади, Марта, стряхнув с себя оцепенение, обеими руками схватила руку Оскара.

— Поедем потише, Оскар, зачем ты спешишь? И почему ты все молчишь? Сам обещал мне вчера что-то рассказать, а теперь забыл?

— Нет, Марта, я все помню.

Но он не мог начать. Еще немного умерив ход лошади — сейчас она пошла шагом, — он задумался, как бы подыскивая слова, чтоб выразить идущие вразброд мысли.

— Почему ты уезжаешь, Оскар? — продолжала Марта, прижавшись к нему. — Не случилось ли что дома?

— Дома? Что дома случилось, тому уже много времени.

— Возчик сказал, будто там, на озере, вы повздорили с Гарозой. Говорит, что он очень ругал тебя.

— Больше он ругать меня не сможет. До сих пор на меня никто еще не кричал.

— Ты ведь уезжаешь не потому, что этот бесстыжий кабан обидел тебя? Подумай, Оскар, ты бы мог пожить у нас еще несколько недель. Ведь вы еще не на всех озерах побывали. Как нам обоим было бы хорошо все это время.

— Да, нам было бы хорошо. И все равно я не могу остаться.

— Ты недоволен, что брат приехал?

- И это тоже... Да и ему не очень приятно меня видеть.
- Он скоро уедет. Теодор никогда не гостит у нас подолгу.
- Ну, а теперь он торопиться не будет.
- Разве ты его знаешь?
- Да, нам приходилось встречаться в другом месте.
- Наверно, между вами началась вражда?
- Мне один раз пришлось проучить его.
- Оскар, почему ты мне не расскажешь все по порядку?

Во взгляде Марты было столько тревоги, страха и грусти, что Оскар вздохнул и слегка пожал ее руку. Он заговорил тихо, почти про себя:

— Несколько лет тому назад Теодор совратил мою замужнюю сестру. Я это видел и не мог допустить, чтобы этот бродяжка расстраивал ее семейную жизнь. Взял и выгнал его из дому... Потом появился другой мужчина и стал разрушать счастье другой семьи. Но я больше не стал вмешиваться, у меня не хватило решимости встать на свою защиту. Теперь бродяжкой стал я сам. Судьба, словно в насмешку, привела меня сюда, заставила нас с тобой встретиться, и вот... Теперь понятно? Мы с ним сравнялись: Может быть, моя вина еще тяжелее. Чем мне теперь перед ним гордиться?

— У тебя ведь не было дурных намерений, Оскар, ты ведь меня любил?

— Да... — тихо произнес он.

— А теперь любишь?

— Я не могу тебя разлюбить.

— Оскар, — Марта слегка замялась, — а если бы ты знал, что я его сестра, полюбил бы меня тогда?

— Не знаю. Наверно, да. Дорога круто повернула в сторону. Какая-то упряжка показалась впереди, и им пришлось замолчать. Когда встречные сани остались позади, Марта заговорила снова:

— Ты вовсе не так виноват, как думаешь. Я первая подошла к тебе. Ты обо мне ничего не знал, а я о тебе знала. Я знала, что ты женат, но жизнь у тебя сложилась плохо. Разве это справедливо, что самым лучшим людям чаще всего выпадает самая несчастливая судьба?

— Кто больше может вынести, на того больше и взваливается. Природа всегда действует правильно.

— А может, судьба и не посмеялась над нами. Может, мы нашли друг друга потому, что этому надо было случиться. Если уж природа действует всегда правильно, почему же она ошиблась сейчас? Любит еще тебя твоя жена?

— Не знаю. Раньше я для нее много значил.

— А теперь уже нет. Я думаю, такому, как ты, надо много перетерпеть, чтобы обратить внимание на какую-то девчонку.

Дорога опять шла открытым полем, потом опять начался лес. Медленно, но неотвратно приближался конец пути. Мысль о близком расставании больше не покидала обоих.

— Оскар, зачем... ну зачем нам сдаваться? К чему три человека должны мучиться весь свой век, когда все трое могли бы жить счастливо? Надо только исправить одну ошибку, и тогда началась бы совсем другая жизнь.

— Возможно, — улыбнулся он безнадежно.

— Ну, брось все, оставайся со мной, — шептала Марта, опьяненная этой открывшейся перед ней возможностью. — Ты увидишь, как мы хорошо заживем. Будем хозяйничать на хуторе, а Теодору до нас не будет никакого дела, он опять уйдет куда-нибудь. Если тебе тяжело расстаться с привычным делом, можно ведь арендовать озеро и рыбачить. Ну останься...

В глубине души Оскар чувствовал, что это было бы наилучшим выходом для всех троих, даже для Аниты. Но какое-то упрямство, какая-то непонятная сила заставила его побороть эту мысль.

— Надо еще повременить, надо себя проверить, чтобы вслед за одной ошибкой не сделать другую, еще худшую.

Молча проехали они остаток пути. На станции было безлюдно, поезд отходил только через несколько часов. Оставив вещи в маленьком зале ожидания, Оскар вышел проводить Марту до поворота, где дорога сворачивала от железнодорожной линии к лесу. Там они и расстались.

— Встретимся мы когда-нибудь, Оскар? — с мучительной улыбкой спросила Марта. — Мне не верится, что нам надо расстаться навсегда.

— Когда-нибудь и встретимся. А разве ты тогда захочешь меня видеть?

— Приходи, когда только вздумаешь, ты всегда будешь для меня желанным.

Такими печальными и все же такими сияющими были ее глаза, когда она стояла, не в силах оторваться от него! Оскар видел, как это сияние все ширилось и наконец излилось каплей влаги, скатившейся по щеке девушки. Или это была тающая снежинка?

Она уехала. Застоявшаяся лошадь нетерпеливо рванула вперед легкие сани, колокольчик под дугой звенел все тише, все глуше, потом уж только изредка доносились еле слышные звуки. Вот и они умолкли. Марта въехала в лес. И вдруг Оскару показалось, что вместе с этим металлическим звуком

колокольчика замолкло все и в нем самом. Горло у него сжалось. На обочине дороги он увидел два следа маленьких ног. Здесь она стояла. В каком-то непонятном волнении Оскар нагнулся, взял в руки ком примятого снега и, медленно отламывая от него по кусочку, подождал, пока он не растаял на ладони.

Здесь она стояла, глядела на него. Но где же тот воздух, которым она дышала? Ветер уже развеял ее теплое дыхание. Он повернулся и медленными шагами пошел к станции. Все ему стало безразлично. Он ничего не слышит, не видит, серая дымка обволакивает его мысли.

И тогда наступает вечер...

Глава восьмая «ВИЛЛА ФРЕДИ»

1

В Ригу Оскар прибыл ночью. До утра ему пришлось просидеть на станции, затем он пошел к Роберту и попросил позволения оставить у него сети, пока кто-нибудь из чешуян не приедет на моторке в Ригу. В автобус его с таким багажом, конечно, не впустили бы. Роберт с удовольствием согласился. Кладовка у него все равно пустовала, потому что дома он продуктов не держал — выгоднее было столоваться в ресторане.

Из города Оскар выехал только после обеда. Роберт постарался как следует угостить редкого гостя. Принес хорошей закуски и пива, а дома нашлись и коньяк и водка. Но Оскар был скуп на слова, на вопросы брата отвечал нехотя, а о размолвке с Гарозой и об истинной причине внезапного приезда и подавно ничего не сказал.

— Не стоит рвать невод. Работа все равно не окупается, лучше что-нибудь поделаю дома.

Под вечер, переправив сети на квартиру к Роберту, Оскар сел в автобус. Когда он вышел, в местечке уже спускались сумерки. Не встретив ни одного знакомого, Оскар вскинул на плечи мешок и двинулся домой пешком. Он нарочно шагал медленней, чтобы прийти, когда совсем стемнеет, — ему не хотелось возвращаться на виду у всего поселка и встречать удивленные взгляды чешуян.

На полдороге, когда он уже дошел до леса, его застиг снег. Сквозь густую завесу ничего нельзя было разглядеть и за два шага. Шапка и одежда Оскара быстро покрывались толстым слоем снега, с заплечного мешка за ворот стекали струйки грязной воды.

Какие-то сани нагоняли его. Это был Бангер, ездивший в местечко за возвращавшейся из Риги Анитой. Они встретились в чайной, где обычно останавливался лавочник, — владелец ее приходился ему дальним родственником.

Анита прибыла вскоре после Оскара, следующим автобусом. Недалеко от перекрестка, где шоссе сворачивало к Гнилушам, она заметила одинокого прохожего, который тяжело ступал по занесенной дороге, согнувшись под своей ношей. Темнота и падающий густыми хлопьями снег не позволяли яснее разглядеть очертания его фигуры.

Услышав позади звон бубенцов, Оскар подвинулся к краю дороги. Ноги его увязли в снегу почти до колен. Он стоял, обернувшись лицом к лесу. Лошадь, заметив темный предмет, перешла на шаг, стараясь протащить сани по другому краю дороги. Вдруг Оскар услышал за спиной голос своей жены.

— Папа, — негромко сказала она, — давай подвезем его, места у нас хватит.

— Кто его знает, что это за человек, — ответил Бангер. — Вдруг кто-нибудь из гнилушан, тогда ему надо сворачивать на шоссе. Ну, шевелись, шевелись, Машка!

Взмахнув кнутом, он промчался мимо Оскара, и скоро сани исчезли в снежной мгле. Оскар снова вышел на дорогу, стараясь ступать по свежему следу полозьев. Теперь идти стало легче. Он и сам не мог объяснить, почему не остановил тестя. Ну, ничего. Ему даже хотелось побыть еще некоторое время в одиночестве — еще не вполне сошел с него хмель от крепкого коньяка, выпитого у брата.

Было совсем темно, когда Оскар подошел к дому. Он был заперт, в окнах не было света. Оскар постучался в дверь, обошел дом кругом, стукнул в одну-другую ставню, но никто не отозвался. Никаких следов во дворе тоже не было заметно, все занесло снегом, тропинка к колодцу не расчищалась, видимо, несколько дней. Перед сараем нанесло высокий сугроб. Оскар нашел лопату и расчистил снег, чтобы можно было открыть дверь. Оставив мешок в сарае, он пошел к Бангерам.

Семью лавочника он застал за чаем. Анита держала на руках Эдзита, который после продолжительной разлуки с матерью не знал, как и приласкаться к ней. Анита привезла ему деревянную лошадку и губную гармошку, в которую малыш оглушительно дудел, заливаясь от удовольствия смехом и заставляя улыбаться взрослых. Маме теперь пришлось рассказать, что она делала в Риге, какой там дядя доктор и как гудят на улице автомобили. Когда вошел Оскар, веселые голоса сразу

умолкли.

Первым пришел в себя Бангер.

— Скажите пожалуйста, да это же наш курземец вернулся!

В его восклицании было больше удивления, чем радости.

— Да, приехал... — вяло ответил Оскар. Взгляд у него был усталый, тупой, как у пьяного. Поздоровавшись со всеми, он присел к окну. И то, что Оскар так тяжело опустился на стул, будто не владея телом, еще больше уверило окружающих в том, что он пьян.

Мальш высвободился из рук матери и подошел к отцу. А папа привез гостинец? Вот это — лошадка, а это — губная гармошка, это купила мама... Нет, отец ему ничего не привез, он приехал с пустыми руками и — никто только этого не заметил — с пустым сердцем. Остальные продолжали пить горячий чай с вареньем — ведь так приятно было погреться после долгого зимнего пути. Бангер изредка обращался к зятю с вопросами: как работалось в Курземе, на всех ли озерах порыбачили.

— Нет, половить еще есть где, — ответил Оскар, опустив глаза и сковыривая с голенища сапога присохшую смолу.

— Почему же вы там не остались?

— Другие остались.

— Ты, значит, один приехал? Наверное, дела были в Риге, рыбу отвозил Гарозе?

— Нет, я приехал совсем. Назад больше не поеду.

Наступило молчание. Оторопевший Бангер старательно прожевывал хлеб с маслом. У мадам нашлись дела в кухне, она вышла и не показывалась долгое время.

Анита вдруг засуетилась:

— Оскар, да присаживайся же к столу, ты, верно, проголодался и замерз в дороге. Я налью тебе чаю.

До этой минуты никто не подумал позаботиться о нем. А она все-таки вспомнила. Оскара так редко баловала жизнь, что даже этот ничтожный знак внимания растрогал его. Что-то сжало ему горло, и он вынужден был отвернуться и посмотреть на оленьи рога, висевшие на стене, чтобы другие не заметили влажного блеска в его глазах. Если бы не Бангер, он бы подошел к Аните, сказал бы ей что-нибудь ласковое.

— Мама, подложи немного варенья! — крикнула Анита, подойдя к двери. — Оскар еще не ужинал.

— И верно, — отозвалась мадам. — А нам и в голову не пришло, что он ничего не ел.

Понемногу и Оскар вступил в общий разговор. Только сейчас

домашние узнали, в каком состоянии он вернулся, — один, без товарищей, с порванными сетями, рассорившись с Гарозой. Ничего удивительного, что он походил на пьяного. Анита еще ни разу не видела его измученным до такой степени, и все же никогда он не казался ей таким живучим, полным трагической выносливости. Он походил на искалеченное бурей дерево: оно клонится под напором бури, но к земле пригнуть его нельзя — снова и снова подымается ввысь оголенная вершина. Молча, пристально следила Анита за Оскаром.

— Не пора ли домой? — обратился к ней Оскар, покончив с ужином.

— Куда же вы на ночь глядя! — забеспокоилась вошедшая в комнату мадам. — Оставайтесь здесь. У вас в доме холодильник, как в погребе.

— Я ведь и сама только что приехала, — тихо добавила Анита. — Но если тебе так хочется уйти, можно будет протопить печь.

— Да, я думаю, нам лучше уйти.

Оскар поднялся со стула. Анита начала собирать вещи сынишки. Мадам обидел тон, которым были произнесены последние слова зятя.

— Что за безрассудство среди ночи лезть в такой погреб, — сказала она дочери. — Если он хочет, пусть идет один, а ты с Эдзитом оставайся.

Оскар спокойно, но угрюмо посмотрел на тещу:

— У нас в доме еще достаточно тепла, как-нибудь не замерзнем.

Он взял на руки Эдзита и, подождав, пока оденется Анита, пожелал Бангеру спокойной ночи. Мадам продолжала убирать со стола посуду, повернувшись к зятю спиной: она не привыкла скрывать свои чувства.

Дорога была занесена еще сильнее, чем несколько часов тому назад, когда Оскар шел к Бангерам. Он шел впереди, проводя тяжелыми сапогами глубокую борозду в снегу. Анита шла по его следу до самого дома. Они молчали. Только Эдзит от радости, что отец несет его на руках и что на улице все так интересно, не переставая донимал их вопросами.

Через месяц прибыли и остальные рыбаки: снег уже таял и лед на озерах стал рыхлым, ненадежным. Большой корысти от этой долгой поездки они не видели. Неводы у всех поистрепались, некоторые куски ни на что больше не были годны, а сапоги и рабочая одежда вконец износились.

Индрик Осис порядком обозлился на Гарозу. Скупщик никогда не производил расчетов по рыночным ценам, и, хотя всю зиму рынок был

довольно беден рыбой, за озерного леща он больше сорока сантимов за фунт им не давал. Некоторые не привезли ни лата, а Бангеру и Дунису надо было еще расплачиваться с работниками.

Оскар за это время привел в порядок сыртьевые сети, и, когда береговик освободил залив ото льда, ему посчастливилось взять несколько богатых уловов. Против устья Зальупе хорошо шли сырть и таймень. Беда только, что не было постоянного напарника. У отца болели руки, Эдгар редко улучал время, чтобы помочь Оскару. Вышло так, что Аните пришлось сесть в лодку к мужу. Она на это не жаловалась, но рыбаки посмеивались за ее спиной: видно, здорово прижало, раз избалованной дочке лавочника пришлось взяться за весла! Их собственные жены и дочери тоже выходили в море, некоторые даже не стыдились притонять невод, но ведь на то они были обыкновенными рыбачками, в то время как Анита... Стоило ли ради этого столько времени учиться!

Оскар узнал об этих разговорах от мадам Бангер, которая прямо сгорала от стыда за дочь.

— Не знаю, долго ли ты намерена терпеть такую жизнь! — не давала она покоя Аните. — Что это за муж, который не может даже жене на хлеб заработать. На твоём месте я давно сбежала бы.

— Долго это не будет продолжаться, Оскар найдет себе помощника, — ответила Анита. — И что тут особенного, если я помогу ему? Ведь ты же работаешь в лавке.

— Ну, это работа чистая, тут нет ничего неприличного для женщины.

После поездки в Ригу Анита стала более серьезной; видимо, она примирилась с судьбой. Ее не отвлекали больше от домашних забот бесплодные мечты. Может быть, подействовало на нее и лечение. Но хотя она и не считалась с предрассудком, будто образованной женщине не под стать простая работа, — в глубине души Анита несколько тяготилась своим положением, поэтому она обрадовалась, когда Оскар взял себе в помощники Франца, который последнее время сидел без дела, потому что больших неводов еще не сшивали, а достать работу в Риге было совершенно немыслимо. Франц с радостью согласился на предложение Оскара, и теперь они целыми днями пропадали в море, выставляя и выбирая сети, и даже ночи проводили возле порядков. Остальное время уходило на починку неводов и мережи — словом, работы хватало обоим. Франц с каждым днем все сильнее привязывался к Оскару, а тот был не из тех хозяев, которые стараются только побольше выжать из работника, он всегда брал на себя самую тяжелую работу и не зубоскалил, когда парню не удавалось с первого раза сделать что-нибудь так же ловко, как выросшим

на море сыновьям рыбаков.

Когда они ночевали в лодке, Оскар стряхивал с себя мрачную задумчивость и долгими часами беседовал с ним, как отец с сыном. Франц и не подозревал, какое значение придавал Оскар этой дружбе. Ему нужен был человек, который бы хоть немного понимал его, верил в его работу, сочувствовал в неудачах и радовался успехам. Его собственный сын был еще слишком мал для этого. С тайной горечью Оскар наблюдал, как мадам Бангер отдаляла от него маленького Эдзита. У нее мальчишка всегда чувствовал себя лучше, чем дома. Чуть что, он рвался к бабушке и успел уже стать баловником и плаксой. Стоило отцу сказать ему строгое слово, он сейчас же ударялся в слезы, а мадам спешила выступить в роли единственной и постоянной заступницы.

— Все-то тебя обижают, мой цыпленочек! Ну не плачь, не плачь, поди ко мне...

Поэтому даже на мечту о воспитании сына Оскар до поры до времени махнул рукой. Может, позже Эдзит сам оценит своих воспитателей и найдет дорогу к отцу...

...Как только установилась теплая погода, Фред согнал на постройку гостиницы всех строителей, какие только нашлись в округе. Тес, балки, бочки с цементом, изразцы для печей — все было на месте. Оконные рамы и двери были заготовлены еще зимой. Новая постройка росла прямо-таки на глазах у гнилушан. Крыша была готова уже в конце марта, за какой-нибудь месяц покончили с обшивкой и полами, и печники сложили изразцовые печи.

— Все идет как по расписанию! — выразился по этому поводу американец. — По ту сторону океана так и принято — небоскребы вырастают в две недели.

Сам владелец нарадоваться не мог на гостиницу. Каждый раз, когда «Титания» возвращалась из рейса, Фред проводил на постройке все свое время. При этом он ничуть не важничал и радушно водил всех знакомых по стройке, подробно объясняя, где что будет. Все соглашались, что человек действовал с большим размахом.

К троице гостиница со всеми балконами и садовыми беседками была отстроена, а участок огорожен. Широкие ступеньки вели к главному входу. По обе стороны парадных дверей стояли белые гипсовые львы, а в саду на небольших столбиках ярко сверкали на солнце цветные стеклянные шары. Чтобы каждый знал, с кем он имеет дело, Фред велел установить перед гостиницей высокую мачту с реей, на которой красовался металлический флюгер в виде пятимачтовика — это был штандарт капитана Менгелиса.

Над парадными дверями золотыми буквами сияло с вывески название новой гостиницы: «Вилла Фреди». У ворот была прибита доска с адресом:

№ 1
АЛЬФРЕД МЕНГЕЛИС
Участок 94

Оборудование гостиницы, мебель, посуду, ковры и предметы роскоши привезли из Риги. Буфетчика и шефа-повара Фред подыскал тоже в Риге, оттуда же он привез несколько смазливых официанток.

Наконец ближним и дальним соседям разослали пригласительные билеты на торжественное открытие «Виллы Фреди»; к этому времени рыбаки успели обзавестись кое-какими деньгами после весенней путины. Событие это совпало с днем раздела участков лова, когда, по обычаю, собирались все рыбаки из Гнилуш и Чешуй. Прибыли также крестьяне с ближних хуторов, из Риги приехали представители власти, разные заинтересованные лица и среди них, конечно, Гароза. Рыбаки никогда не могли поделить эти участки мирным путем: неводчики упрекали владельцев морских мереж в том, что они занимают все море, а те, в свою очередь, доказывали, что неводчикам и без того оставляют слишком много места. В таких случаях спор решал арбитражный суд из Риги, который выслушивал доводы обеих сторон и определял границы для тех и других. Сейчас же после решения арбитров распределили участки для мереж. Несколько лучших участков назначили в порядке очереди тем, кто еще ни разу не промышлял на них, судьбу остальных решала жеребьевка.

Только успели с этим покончить, как Фред пригласил собравшихся на банкет. На первый раз угощение было даровое, и, конечно, требовать, чтобы всего было вдоволь, не приходилось: довольствуйся уж тем, что есть на столе. Питериса попросили произнести речь — для него ведь это было дело привычное, — а потом гостей повели осматривать оба этажа.

Оборудование поражало великолепием. Длинная буфетная стойка, резервуары с кранами для пива, мраморные столики, ниши с красными портьерами, патефон-электрола с репродукторами в каждом номере, на стенах картины — все больше лодки и корабли, несущиеся на всех парусах; отдельные кабинеты для любителей уединения, и так далее, и так далее. Не был забыт и швейцар с золоченой лентой на фуражке — он же замещал дворника и исполнял многие другие обязанности.

После банкета часть приглашенных немедленно разошлась, но

большинство осталось до поздней ночи. Все время играла музыка, в бильярдной парни учились гонять шары, а по залу быстро носились от столика к столику официантки. Это были шикарные девушки, все в одинаковых платьях. Они охотно болтали с посетителями и не обижались, когда какой-нибудь папаша, разойдясь, щипал их за бок. Они только посмеивались. Да, это было славное местечко, здесь каждый мог провести время в свое удовольствие!

— Разве я не говорил, что у меня все будет первейшего сорта? — улыбался Фред, выслушивая хвалебные отзывы гостей. — Вы у меня позабудете, что такое скука.

Он был прав — скучать здесь было трудно. Конечно, это стоило денег, но ведь всякое удовольствие стоит денег, иначе не бывает. Не беда, если дома станет одной прорехой больше, если рыбаки иной раз не смогут свести концы с концами и не успеют погасить в срок какой-нибудь вексель! Здесь ведь так уютно, так приятно уставшему человеку передохнуть после тяжелой работы, а то и до нее.

Гароза, давно предвидевший, что новое заведение еще сильнее укрепит его власть над рыбаками, весьма благожелательно отзывался о «Вилле Фреди».

3

Однажды в середине июня на взморье появился гладко выбритый, широкоплечий, коренастый человек с вытатуированным на правой руке красно-синим якорем. Судя по костюму заграничного покроя, он был моряк. Ему можно было дать лет тридцать пять или немного больше. Английская жокейка, которую он, по обычаю моряков, слегка сдвигал на затылок, молодила его.

Прибыв в Чешуи, незнакомец первым делом спросил о Фреде Менгелисе. Ему посоветовали пойти в Гнилуши — может быть, американец окажется на берегу. В Гнилушах он встретил на пляже Петера Менгелиса, Румбайниса, Крауклиса и еще нескольких рыбаков, которые снимали с вешал просохшие сети.

— Вы его сейчас не застанете, — ответил ему Петер на вопрос о Фреде. — Его нет дома.

— Разве Фред опять ушел в море?

— Почти что так, только он сейчас не служит на парходах.

— У него теперь свое собственное судно, — вступил в разговор

Румбайнис.

— Вот оно что! Ну, понятно, он-то имел возможность... — усмехнулся незнакомец.

Рыбаки оставили сети и окружили его.

— Вы, наверное, его друг? — спросил Петер.

Незнакомец снова усмехнулся.

— Да, когда-то мы были друзьями, а как дальше будет, трудно пока сказать. Досадно все-таки, что его нет дома, мне очень нужно его повидать. А давно его нет?

— С позавчерашнего дня, — сказал Петер. — Обычно он возвращается через неделю.

— Тогда я подожду его здесь, у меня времени достаточно. Можно тут где-нибудь поблизости остановиться?

— А «Вилла Фреди» на что? Там всегда можно достать комнату, — заявил Румбайнис.

— Что это, дача какая-нибудь?

— Нет, гостиница. Фред построил недавно — прямо заправский отель.

— И даже гостиница? — удивился незнакомец. — Ну, этого можно было ожидать, Фред всегда был ловкачом.

— Вы бы остановились у меня, — сказал Петер. — Я его брат.

— Весьма благодарен вам, но я лучше остановлюсь в гостинице. Надеюсь, что мой приятель не очень много сдерет с меня за номер и стол.

— Как вас по имени? — спросил Петер. — Может, я уже слышал про вас от брата.

— Наверяд ли он говорил. Меня зовут Карл Зиедынь. Когда-то мы с ним служили на одном пароходе, только он вернулся домой раньше.

— Вот приятно-то ему будет встретиться со старым знакомым, — сказал Румбайнис.

— О да, весьма приятно! — засмеялся Зиедынь.

Он рассказал, что оставил родину почти пятнадцать лет тому назад, побывал за это время во всех частях света, на всех морях, но сейчас работать за границей нет никакого смысла, поэтому он надумал вернуться домой. Родители его раньше жили в деревне, в северной части Видземе, а сейчас он их разыскал в какой-то богадельне.

— Вообразите только: Фред как-то зимой навестил их и привез в подарок денег. Ведь следует же отблагодарить друга за такую доброту сердечную, — смеялся Зиедынь.

У человека, видно, не хватало винтиков, если он о серьезных вещах мог говорить в таком тоне. Да и все они, кто столько времени шатался по

свету, становились чужаками. Спросив еще раз, где легче застать Фреда после возвращения, Зиедынь направился к «Вилле Фреди». После видели, как он прохаживался возле курорта и по дюнам, но от людей Зиедынь держался в стороне и в разговоры не вступал.

Ровно через три дня «Титания» рано поутру бросила якорь у Гнилуш. Находившиеся на берегу рыбаки собрались, как обычно, у моторки, потому что американец в таких случаях подносил им по стаканчику водки. На этот раз он тоже приказал Баночке развести спирт, а сам пошел достать на закуску копченой камбалы.

— Сходил бы ты в гостиницу, там тебя уже третий день ждет какой-то гость, — сказал Румбайнис.

— Да, он тебя ждет не дождется, — подтвердили другие. — Кто-то из моряков; говорит, вместе служили.

— Вот как? — удивился Фред. — А какой он из себя? Не сказал, как его зовут?

— Кажется, Страздынь, — старался припомнить кто-то.

— Такого не знаю.

— Какой тебе Страздынь! — закричал Румбайнис. — Я хорошо помню, он ведь мне сказал, что его зовут Зиедынь, Карл Зиедынь.

— Ах, вон кто! — лицо Фреда вытянулось. — Что ему здесь надо? — он поискал глазами Баночку. — Хеллоу, Банка, выставил ты на берег старый садок? Пошевеливайся, мы сейчас уходим. Вот что, — извиняющимся тоном обратился он к рыбакам, — сегодня у меня совсем нет времени, даже в поселок не пойду. Мы только мимоходом, чтобы выбросить на берег это старье. Совсем прогнил, никуда больше не годится.

Фред взялся за конец троса и вытащил садок на берег.

— Если хочешь, Петер, можешь его починить и пользоваться.

— Да он ведь еще совсем хороший, — сказал Петер.

— Дома он хорош, а для нас в море не годится. Там все должно быть первого сорта.

— А мотор-то я заглушил, — виновато начал Баночка.

— Кто же тебе велел? — набросился на него Фред. — Сейчас же запускай мотор, мы уходим! Ну, друзья, нам придется проститься, я хочу отодвинуть моторку от берега. Здесь еще повредишь винт.

— Сходить так сходить! — И рыбаки оставили «Титанию».

— Будь добр, Петер, выдерни якорь и принеси мне его, — сказал Фред, беспокойно оглядываясь по сторонам. Перетащив через борт якорь, он тотчас же бросился на корму и начал крутить маховик, но мотор еще не нагрелся. Рыбаки, удивленно гадая о причине его внезапного ухода,

вернулись к прерванным занятиям: Петер Менгелис подтаскивал к снастям садок, Крауклис снимал сухие сети.

Баночка тщетно старался оттолкнуться длинным веслом от берега, потому что «Титания» слегка врезалась носом в песок. Лампа подогрела шумела, из мотора изредка вылетало «пук-пук», когда Фред пытался снова запустить его. Наконец мотор заработал, сизый дым вылетел из выхлопной трубы, и корпус моторки дрогнул. Но было уже поздно. В тот момент, когда Фред хотел спуститься через люк к мотору и дать «полный назад», к берегу подбежал запыхавшийся Карл Зиедынь.

— Good morning^[16], Фреди! — крикнул он.

Фред вздрогнул и даже несколько изменился в лице.

— Морнинг, Чарли, — тихо ответил он, но тут же принял озабоченный вид. — Как видишь, мне надо спешить обратно. Ужасно жалко, что не удастся сейчас поговорить. Что там такое, Банка, отпихнешься ты когда-нибудь или нет?

Фред схватил другое весло и поспешил на помощь работнику. Зиедынь, улыбаясь, схватился за конец весла, не давая Фреду оттолкнуться.

— Куда тебе так спешить? Можешь немного и подождать.

— Перестань дурачиться, — досадливо сказал Фред. — Мне некогда.

— Никуда ты не уйдешь! — ответил Зиедынь уже более решительным тоном. — На разговор со мной у тебя время найдется.

Выпустив весло, он взял якорь моторки вынес его обратно на берег.

— Ты все такой же шутник! — Фред сделал вид, что смеется. Убедившись, однако, что уйти не удастся, он сошел на берег и протянул Зиедыню руку. Тот довольно неохотно подал ему свою.

— Ладно, — сказал Фред. — Только уйдем отсюда. Здесь нам не дадут поговорить.

И он поспешил увести друга подальше от людей, к дюнам.

4

Фред остановился в ложбине между двумя дюнами, склоны которых поросли частым ольшаником.

— Присядем, — предложил он, выбрав на песке ровную площадку.

Зиедынь присел в нескольких шагах от него. Наморщив лоб, с презрительной усмешкой глядел он на Фреда.

— Не ожидал я, что ты окажешься таким фруктом...

— Ты, конечно, на меня сильно сердишься? — начал Фред, отводя

взгляд в сторону.

— А ты что же, скотина, ждешь, чтобы я тебе руку поцеловал? — негодуяюще сказал моряк.

— Не кричи так громко, ничего особенного ведь не случилось, — успокаивал его Фред.

— Ах, ничего особенного! — Зиедынь действительно повысил голос. — Человек доверяет тебе трехлетний заработок, а ты пускаешь деньги по ветру и даже не видишь в этом ничего особенного? Хоть капля-то стыда у тебя осталась, подлая ты душа?

— Дай сказать, как дело было...

— Твои рассказы не стоят и цента, врать ты всегда был горазд. И не думай, пожалуйста, что тебе удастся втереть мне очки, я уже не прежний дурак!

Фред силился показать, что чувствует себя оскорбленным.

— Откуда ты взял, что я хочу врать? И вообще не следует так бросаться словами. Выслушай сначала, а потом кричи.

— Ты опять успел что-нибудь придумать? — засмеялся Зиедынь. — Еще бы, времени у тебя было достаточно — целых шесть лет. Ну, расскажи, расскажи, приятель, куда ты девал двести английских фунтов, которые я послал родителям? Какой благодетель выискался, осчастливил их двадцатью латами!.. А куда остальные девались?

— У меня украли...

— Ах, какое несчастье! Как же это произошло? Бандиты по дороге напали или иначе как?

— Перестань издеваться, мне это не нравится.

— Вполне понятно.

— В общем, это произошло на пароходе, по дороге из Лондона в Ригу.

— Ах, вот, значит, как.

— Ну, конечно, так. У меня была общая каюта с каким-то поляком, и до самой Гдыни мы спали на смежных койках. Он показался мне очень приличным парнем...

— Вроде тебя, что ли?

— Если будешь перебивать, я перестану рассказывать.

— Ну, говори, говори...

— Словом, я ему вполне доверял и даже иногда оставлял одного в каюте. А деньги у меня хранились в маленьком чемоданчике — помнишь, я в Ливерпуле купил, ты еще ходил со мной и помогал торговаться.

— Ну, дальше, дальше.

— Когда я выходил, то всегда запирали чемоданчик и старался

заметить, как он лежит, чтобы узнать потом, не трогали ли его. Все было в порядке, никто к моим вещам не прикасался. В Гдыне этот поляк сошел с парохода и уехал в Варшаву. Пароход уходит дальше, я сразу же берусь за чемодан и что же вижу? — все деньги пропали! Негодяй еще и ключ на столе оставил — точь-в-точь, как у меня. Лоцман не успел сойти с парохода, так что я сразу заявил о краже и дал объявление в газетах, но ничего не помогло. Поляк как в воду канул, и до сего дня никак не могу напасть на его след. Что же мне было делать, скажи пожалуйста? Разве я мог кому-нибудь об этом сказать? Все бы подумали, что я вру... А я, честное слово, не вру — у меня их украли.

— Ты бы мог отдать собственные деньги, даже обязан был сделать это.

— А много, думаешь, у меня было своих денег?

— Да где уж там! Ты ведь всегда любил весело пожить, у тебя больших денег и быть не могло. А что это я слышал от людей, будто ты по приезде начал ворочать крупными делами, что твой миллионер? Откуда же взялись эти деньги, которые ты тогда швырял направо и налево?

Фред закусил губу. Неужели Зиедынь знает, как он тогда бросался деньгами?

— Ты имеешь в виду моторку?

— Ну конечно. И гостиницу тоже.

Фред облегченно вздохнул.

— Это пришло позже... Начал рыбачить, зарабатывал все время хорошо... Понемногу встал на ноги.

— Три года работал, как каторжный, откладывал по центу, чтобы помочь старикам, и вот на тебе — все равно что в воду бросил, отдал какому-то прохвосту, — говорил сам с собой Зиедынь. — Правда, я знал, что ты отличаешься легкомыслием, но все-таки казалось, что положиться на тебя можно, что парень ты честный. Какой я был болван, какой простофиля! Тьфу!

— Что ты решил теперь делать? — спросил Фред.

— Как что делать? — Пришел требовать с тебя свои деньги. Ты что думаешь, я их тебе подарю?

Фред задумчиво смотрел на песок: «Двести фунтов... Это будет четыре тысячи латов. Так и отдать ни за что ни про что?.. И деньги-то давным-давно все истрачены, кому охота платить по такому старому счету?»

— Ну и что ты со мной сделаешь? — спросил он.

— Ты же не будешь отрицать, что получил от меня эти деньги?

— А у тебя есть доказательства?.. Ну, какая-нибудь бумажка, я хочу

сказать?

— Ты сам знаешь, что нет. Но ты же дал честное слово.

Фред усмехнулся:

— С честным словом в суд не обращаются. Свидетелей у тебя нет.

— Значит, ты будешь отпираться?

— Ну, не совсем так. Просто я хочу доказать тебе, что скандал поднимать не стоит. Если начнешь скандалить, ровным счетом ничего не добьешься. Я не потерплю, чтобы меня здесь позорили, — теперь Фред резко изменил тон. Он даже выпрямился и почти сурово глядел на своего собеседника. — Ты говорил уже с кем-нибудь об этом?

— Пока еще ни с кем, но если...

— Посмей только хоть одно слово сболтнуть! Этого я тебе не спущу. Слышишь? Со мной шутки плохи. Если ты меня рассердишь, не получишь ни одного цента.

— Я же требую только свои собственные деньги...

— Разве так надо было действовать? Разве ты не мог прийти, как порядочный человек, поговорить со мной по-хорошему? — Американец почти кричал на растерявшегося Зиедыня. — А он скорей бежит к моторке, петушится, хватается за якорь! На что это похоже! Люди черт знает что подумают!

— Ну, чего ты орешь, Фреди, я ведь ничего такого не сказал, — успокаивал, в свою очередь, Зиедынь разошедшегося приятеля. — Тебе уж и слова сказать нельзя. Ведь посуди сам, каково мне...

Он всячески успокаивал Фреда, пока тот не остыл. В конце концов американец объявил:

— Если ты будешь помалкивать, я верну тебе все деньги.

— И проценты за шесть лет.

— Что еще за проценты! Я на твоих деньгах ничего не заработал.

— Насчет этого я справлюсь у людей.

— Ну, сколько процентов ты просишь?

— Меньше чем по восемь дело не пойдет.

— Ты рехнулся! Восемь процентов ни один банк не платит.

— По таким долгосрочным вкладам — платят.

— Так это ведь было вроде как на неопределенный срок. Нет, больше чем по вкладу на текущий счет тебе не следует. Три процента годовых!

— Тогда уж пять.

— Четыре процента, и больше ни сантимата.

На этом они и сошлись.

— Сейчас я тебе верну десятую часть долга, это выходит двадцать

фунтов, то бишь четыреста латов. Больше сейчас дать не могу, у меня пропасть неотложных расходов. За следующей получкой приезжай позже, ближе к осени.

Эту сумму Фред имел при себе. Он велел Зиедыню написать расписку, отсчитал деньги, и затем они вернулись на берег.

— Банка, — сказал американец матросу. — Я думаю, сегодня нам спешить уже не стоит, останемся лучше на берегу. Мне, кстати, надо отдать кое-какие распоряжения по гостинице, иначе они там совсем от рук отобьются.

— Тогда мотор можно остановить?

— Ну конечно! Что ты вечно всему удивляешься, как теленок!

Это было не совсем точно — у них было дело в море. Но не мог же Фред оставить Зиедыня без присмотра. У парня четыреста латов в кармане, того и гляди побежит выпить и с пьяных глаз черт знает что наболтает.

В «Вилле Фреди» в это время было много посетителей. Фред приказал подать обед в отдельный кабинет, угостил Зиедыня на славу, а потом уж предложил довезти его до местечка на мотоцикле.

— Придется тебе поспешить, чтобы поспеть на автобус, — торопил он гостя.

Любезность друга произвела на Зиедыня известное впечатление. В самом радужном настроении уселся он на багажник мотоцикла позади Фреда и дал себя прокатить по гладкому шоссе до местечка. Фред не покидал его до тех пор, пока тот не сел в автобус и не уехал. Только тогда у американца вырвался вздох облегчения:

— Ну, слава богу, наконец убрался этот черт!

С легким сердцем пустился капитан Менгелис в обратный путь.

На Янов день Роберт Клява приехал погостить к родителям. На открытии «Виллы Фреди» он не был, да и вообще не проявлял большого интереса к этому увеселительному заведению. Домашним он привез хорошие подарки, и по всему было видно, что парню живется неплохо, так что старый Клява снова начал хвастаться ученым сыном.

Да, Роберту не из-за чего было вешать голову; это Оскара только угнетало множество забот. Уже истек срок выданного им Гарозе векселя, а погасить его не было никакой возможности. После скандала в Курземе о продлении срока нечего было и помышлять. Тысяча латов... Где их сейчас

взять? Половину Оскар мог бы как-нибудь наскрести, а остальные? Он уже прикидывал, не продать ли лошадь, раз в этом году особенной надобности в ней не предвидится. А если к осени дела поправятся, можно будет потом приобрести какую-нибудь клячу подешевле. Но вряд ли и продажа лошади даст нужную сумму. Вот-вот вексель будет опротестован, и опишут моторку и сети... Узнав об этом от отца, Роберт навестил старшего брата и осторожно намекнул, что ему было бы приятно отплатить Оскару за ту подмогу, которую он оказывал ему в университетские годы. Если Оскар нуждается, он с удовольствием его выручит. Но Оскар и слышать об этом не хотел.

— Не думай, что я тебе помогал ради будущей выгоды, — сказал он. — А деньги тебе самому еще пригодятся.

— Но сейчас мне ничего не стоит помочь тебе. Я был бы рад, если бы ты позволил мне погасить хоть часть давнишнего долга.

— Ты мне ничего не должен.

— Почему ты так упрямисься, Оскар? Тебе, наверно, приятно, когда другие остаются у тебя в долгу. Всегда ты хочешь быть выше других.

— Мне просто хочется стоять на своих ногах. Они у меня еще достаточно крепки, можно обойтись и без поддержки.

«Вот, черт, гордый какой, — думал Роберт. — От кого угодно примет, только не от меня».

Больше он к нему не приставал, но втайне переговорил с Анитой. Ей ведь было известно, что долг необходимо вернуть немедленно, что в этом и крылась причина угнетенного состояния Оскара. Она знала и то, что ей не уговорить Оскара принять деньги Роберта: старая неприязнь к брату не угасла. Но Анита не могла допустить, чтобы Гароза разорил их, и она на свой страх условилась с Робертом, что тот сам уладит дело с векселем.

Роберт вернулся в город, и через несколько дней на имя Аниты пришло письмо. Вечером она подала его мужу. В конверте находился его погашенный вексель. Правда, Оскар ничего не сказал, но по всему было видно, что он чувствовал себя униженным.

Неделю спустя он получил письмо от Марты. Посмотрев на подпись, Оскар, не читая, сунул его в карман и вечером, отправляясь в море, захватил с собой. Выставив сети, рыбаки остались возле них на ночь — салака шла густо, и часа через два можно было уже выбирать. Оскар нарочно откладывал чтение письма; неизвестность сладко волновала сердце. В эту тихую ночь, когда его окружало только кротко улегшееся море и теплый воздух, он отдался воспоминаниям о минутах, пережитых в Курземе. Он задрожал от щемящей боли, словно при мысли о волшебном,

неповторимом сне, тени которого скользят мимо, напоминая о какой-то таинственной были. Может быть, все рассеялось и пламя истлело? Может быть, случилось что-нибудь плохое и девушка написала ему эти строчки в минуту горя? Но, может быть...

Больше он уже не в силах был терпеть. Пока Франц спал на другом конце лодки, Оскар при свете фонаря стал читать письмо.

«Оскар, далекий мой друг! — писала Марта. — Странно, что я пишу тебе сейчас, а самым странным мне кажется то, что я не написала тебе раньше, сразу же после твоего отъезда... Может быть, ты спросишь, откуда я узнала твой адрес, но это очень просто получилось — здесь ведь остались твои товарищи. Теодор после твоего отъезда рассказал мне, что он был проповедником в ваших краях. Он все время ругал тебя, называл забиякой, безбожником и сказал, что будто бы несколько лет тому назад какой-то девушке пришлось покончить с собой, потому что ты якобы оставил ее в тяжелом положении. Я, понятно, не верю ему, я ведь знаю, почему он так говорит. Потом он принялся издеваться над нами обоими. Мне будто бы очень нравятся такие мужчины, которые в каждом новом месте заводят шашни с девушками, хотя у них дома семьи. Я нарочно все это рассказываю тебе. Знай, что он все еще зол на тебя и не забыл, как ты с ним тогда поступил. Мне кажется, он хочет тебе отомстить, но как, я еще не знаю. Всю весну он прожил дома, а последнее время ему опять пришла охота проповедовать, и вчера он уехал. На прощание он спросил меня, не желаю ли я передать кому-нибудь привет. Тебя он якобы обязательно постарается встретить. Поэтому я решила уведомить тебя об этом и написала это письмо. Ах, Оскар, если бы ты знал, как здесь все опустело с тех пор, как ты уехал. И как подумаешь, что ты, может быть, никогда больше не появишься в наших краях, а мне придется прожить весь век, не видя тебя, до того грустно становится, что я совсем не могу понять, для чего мне и жить... Не можешь ли ты изредка писать мне, чтобы только рассказать, как тебе живется? Я хоть знала бы, что ты делаешь, и тогда мы все равно что виделись бы издали друг с другом. Мне все хочется увидеть тебя во сне, вечерами я всегда об этом думаю, но ты никогда, никогда не приходишь, никогда не навещаешь — наверно, забыл уже меня. Не сердись, что я беспокою тебя. Живи так, как тебе нужно, а я желаю тебе всего самого лучшего. Если тебе это не покажется глупым, я хотела бы, чтобы ты исполнил одно мое желание. Через неделю после отправки этого письма, это, значит, первого июля, выйди вечером из дому и думай обо мне ровно в десять часов. Я тоже буду тогда думать о тебе и буду знать, что ты вспоминаешь обо мне. Мы словно немного побудем вместе. Я знаю, что ты

станешь смеяться, и мне стыдно, но ничего, пусть будет так. Будь здоров, мой далекий друг».

«Милое дитя, дорогое чистое дитя, — думал Оскар. — Какой же любви ты заслуживаешь! А что я могу тебе дать?»

Он отрывал от письма клочок за клочком и ронял в воду.

Брат Теодор собирается вернуться... Пусть его возвращается. Когда лодка идет ко дну, одной волной больше или меньше — значения не имеет.

6

Да, в жизни часто так случается, что пока одни отчаянно борются и идут против течения, затрачивая на эту борьбу все свои силы, другие отдаются ему и с беззаботной улыбкой плывут по волнам. Куда, навстречу какой судьбе — это их не тревожит. Под гору всегда легче идти.

В «Вилле Фреди» было шумно и весело, гостей там всегда хватало. Недаром американец выбрал удобную позицию — против границы участков неводчиков и владельцев мереж. На лов выходило сразу несколько карбасов. В ожидании очереди неводчики скучали на берегу, и тогда соседство ресторана оказывалось весьма кстати. По случаю удачного лова следовало промочить глотку кружкой-другой пива, и даже когда ничего не поймалось, где еще можно так унять досаду, как не в этом заведении? Владельцы мереж после проверки ловушек то и дело проходили мимо гостиницы. Вот оно и получалось, что один-другой лосось вместо рынка попадал в гостиницу. Фред принимал плату и натурой, а рыбакам это было на руку. Жены ведь не знали, сколько каждый раз поймано лососей, и разве надо им рассказывать, когда одного и пропьешь? Неводчики, те свои расходы старались покрывать за счет артели.

Особенно усердными завсегдатаями «Виллы Фреди» стали Осис и старый Дунис. На старости лет они вздумали выучиться игре на бильярде. Любителем этого спорта был и Бангер, и втроем они часто коротали за ним время до поздней ночи, так что стук шаров был слышен через открытые окна даже на шоссе. Молодежь больше привлекало общество бойких официанток. Индрик Осис с Екабом Аболтынем наперебой старались добиться благосклонности одной из горничных, но Леонтина была мила с обоими... до тех пор, пока у них водились деньги, а когда их кошельки опустели, она так же охотно стала флиртовать с другими. На сцену выступали ревность, упреки, а иногда и потасовки. Но и старики не оставались равнодушными к прекрасному полу. Некоторых отцов семейств

видели выходящими из отдельных кабинетов второго этажа. Поговаривали даже, что и Бангер любит уединяться с пухленькой буфетчицей. Одним словом, мужчины всякий стыд позабыли. Сети лежали в клетях нечиненными, сено гнило на лугу.

Чем веселее шли дела в гостинице, тем чаще возникали раздоры в семьях рыбаков. То Осиене пробирала своего старика, то Дуниене вцеплялась своему в бороду. Только мадам Бангер не хотела верить, что ее муж мог себе позволить такие глупости — он всегда вел себя примерно. Но когда об этом заговорили громче, спокойствие мадам было нарушено, и однажды вечером она двинулась к «Вилле Фреды», закрыв раньше времени лавку. Случилось так, что той же дорогой шла Дуниене, и обе рассерженные женщины появились в гостинице, когда это было менее всего желательно. Пьяного вдрызг Дуниса застали в какой-то нише: он обнимал сидевшую у него на коленях официантку, называл ее крошкой и требовал поцелуев. Дуниене смахнула со стола все бутылки и стаканы, отхлестала по щекам старика и заявила, что он здесь находится в последний раз. Бангер сидел за закрытой дверью, поэтому и позор его был обставлен несколько культурнее: мадам не уходила до тех пор, пока лавочник не вышел из кабинета, но он не был один, о нет — тогда бы он не запирали двери. Два дня лавочница не разговаривала с мужем и только беспрестанно вздыхала и сморкалась. Но когда она снова обрела дар речи, получилось и того хуже. «И как не стыдно так безобразничать на старости лет, — плакалась она. — Добро бы уж холостяком был, а то ведь дома взрослые дети, что они подумают про такого отца?»

Да, мир и согласие рушились во многих домах; казалось, какой-то злой дух вмешался в семейную жизнь рыбаков. Самые ужасные проклятия сыпались на голову американца и на его заведение. Однажды ночью в саду «Виллы Фреды» были перебиты прекрасные стеклянные шары, а через день в самое большое окно гостиницы влетел камень, так что стекольщику потом хватило работы. Но это не помогло, веселье в гостинице продолжалось. По-прежнему стучали шары в бильярдной, мужчины тайком ускользали из дому и пробирались сюда по вечерам. Но теперь швейцару был дан строгий приказ: не пускать на порог гостиницы ни одной жены рыбака. Заведение стояло на страже покоя клиентов.

времени года соответствует своя путина, своя добыча. За зимним оцепенением следует весна с нерестом салаки, затем появляется первый лосось, на Янов день идет мелкая сырть, потом наступает период знойного штиля с донным ловом камбалы и бельдюги, снова лосось и снова салака, и, наконец, осенняя путина с килькой и разной мешаниной. Только погода может несколько задержать или ускорить наступление того или иного периода. В этом отношении жизнь рыбака очень походит на жизнь крестьянина, с той лишь разницей, что крестьянин, посеяв весной, знает, что у него вырастет к осени, в то время как рыбак сеет на счастье. Он вяжет и готовит сети и неводы, строит мережи и прочную снасть, но случается, что сеть пропадает при первой же тоне, не дав ему ни одной рыбины. Нужен действительно выкованный многими поколениями упорный характер и необычайно живучая вера в будущее, чтобы при таких обстоятельствах находить удовлетворение в своей работе. И таков каждый истый рыбак, иначе ему надо искать иного способа пропитания. Он может иногда хорошо заработать за лето, но в его двери часто стучится и голод. Ему надо быть готовым ко всему. Тот не рыбак, кто, два раза вытащив пустые сети, не забрасывает их в третий раз. Не рыбак и тот, кто выставляет сети только после того, как повезло его соседу. Вновь и вновь прокладывает он свою борозду, чтобы устоять в борьбе за существование.

В начале каждого лета появляется мелкая сырть, если тому хоть немного благоприятствуют ветры. Чаще всего это бывает около Янова дня, поэтому ее и зовут Яновой сыртью. Этим летом она несколько запоздала, — всю вторую половину июня дул береговик. Но около дня Семи братьев ветер переменялся, и однажды поутру ставные сети Оскара засеребрились от сырти. На одну сеть пришлось по целой кале, а то и больше. Почти весь улов отправили в Ригу, но одну корзину Франц отнес в гостиницу «Вилла Фреди», где с открытием дачного сезона значительно увеличилось количество посетителей и буфет постоянно нуждался в свежей рыбе. Проходя курортом, Франц встретил много дачников, которые спрашивали у него рыбу. Он не мог удовлетворить их, потому что корзина целиком была обещана гостинице. Зато в следующий раз он захватил две корзины и, сдав одну повару, пошел с другой по дачам. Ему повезло. Почти в каждом доме покупали несколько фунтов и платили дороже, чем в Риге.

В корзине еще осталось несколько килограммов, когда Франц подошел к даче, стоявшей по соседству с «Виллой Фреди». Войдя во двор, он никого не застал: видимо, хозяева ушли на пляж купаться. Он уже хотел идти дальше, когда из окон дачи послышались звуки рояля. Паренек остановился и прислушался к нежным звукам. Никогда еще он не слышал такой музыки.

Была ли то песня, танец или что-нибудь другое, он не знал, но что-то невыразимо прекрасное, сладостно-печальное было в этих звуках. Вслушиваясь в них, Франц сам почувствовал глубокую грусть. Он подошел ближе. Двери и окна были раскрыты, в кухне не было видно ни души. Франц поднялся на веранду, немного постоял в нерешительности и подошел к открытым дверям комнаты. Неумытый, босой, со всклокоченной головой и выпачканными смолой руками, в старой куртке, на которой поблескивала кое-где присохшая чешуя, он казался дикарем в этой опрятной комнате, где всюду была хорошая мебель, пол устлала дорожки, а на столе в хрустальной вазе стояли свежие цветы. Рояль занимал угол комнаты против самой двери. На нем, сидя спиной к Францу, играла молоденькая девушка в зеленой с красным пижаме. На минутку она прервала игру, заложила за шею руки и выгнула спину, так что темные пышные волосы волнами рассыпались по плечам. Франц не смел пошевеливаться. Он затаил дыхание и не отрывал глаз от этого существа — он никогда еще не видел такой красивой девушки. Потом она раскрыла другую тетрадь и запела на незнакомом языке. Францу ее голос показался еще прекраснее, чем звуки рояля. Он был не в силах тронуться с места и только переминался с ноги на ногу.

Вдруг девушка захлопнула крышку рояля, встала и только тогда заметила в комнате чужого.

— Ах! — вскрикнула она от неожиданности. — Что вам здесь нужно?

Франц смущенно забормотал что-то про рыбу.

— Что вы говорите? — спросила девушка, придя в себя. — Как вы сюда попали?

— У меня свежая рыба... Может, пожелаете фунтик?

Франц был не из пугливого десятка, всюду он смело предлагал свой товар, но сейчас он чувствовал себя так, будто его поймали на каком-то проступке.

— Рыба? — девушка подошла ближе и посмотрела в корзину. — А она свежая?

— Утреннего улова... Сырть еще живая.

— Как хорошо, что вы пришли! — сказала девушка, коснувшись тоненькими пальчиками серебристой рыбы. — Пойдемте со мной, я позову маму.

Она вышла через веранду и повела Франца вокруг дома. По другую сторону дачи, почти у ограды гостиницы, стояла небольшая постройка вроде кухни или прачечной. Моложавая дама разбирала белье, а прислуга подогревала воду.

— Мама, здесь можно купить свежую рыбу! — сказала девушка. — Не взять ли нам к обеду?

Дама осмотрела рыбу и спросила, сколько Франц возьмет за нее.

— Мне все платили шестьдесят сантимов за фунт, — покраснев, ответил он.

— Ну хорошо, тогда я беру. Сколько у вас там всего?

У Франца был с собой маленький безмен. Он взвесил рыбу и подождал, когда принесут деньги. Почему-то ему страшно не хотелось уходить отсюда, хотя женщины больше не обращали на него внимания, а девушка даже ни разу не взглянула. Он долго возился у ворот, не мог закрыть щеколду и все время оглядывался назад. Но чудесное создание в зелено-красной пижаме уже исчезло за дверью дачи.

На следующее утро рыбы было немного. Оскар хотел пустить ее в садок и сохранить до четверга, когда на рынке стояли самые высокие цены.

— А вдруг она уснет, — сказал Франц. — Сейчас такая теплая вода. Не лучше ли ее опять разнести по дачам?

— Можно, конечно, — согласился Оскар. — Но тогда ты совсем не успеешь отдохнуть. Поди лучше сосни часок, после обеда нам надо проверить мережу.

— Мне это нипочем. Все равно спать совсем не хочется.

Теперь Франц каждый день прохаживался с корзиной по курорту. Повсюду он запросто предлагал и продавал товар, но, приближаясь к даче, где жила молоденькая девушка в зелено-красной пижаме, всегда испытывал необъяснимое волнение. При встрече с девушкой он краснел и опускал глаза, не осмеливаясь взглянуть на нее. Но для ее семьи он сберегал самую лучшую рыбу, и у него аккуратно через день брали ее. Над его застенчивостью начали посмеиваться, иногда его поддразнивали, но шутки были самые безобидные, а Францу было дорого каждое слово, произнесенное девушкой. Вскоре он узнал ее имя — звали ее Вильма. Ее отец был врачом в какой-то большой больнице, люди они были состоятельные.

Вильма иногда шутила с Францем, но это случалось редко, очень редко. А Францу ведь большего и не надо было — он довольствовался несколькими словами, одним ласковым взглядом, тогда ему было о чем думать до следующего дня.

— Да ты болен, Францик, — сказал однажды Оскар. — Почему ты почти ничего не ешь?

— В жару мне ничего не хочется, — отвечал тот.

Питерис еще с весны стал распространять лотерейные билеты «Рыбачьего фонда взаимопомощи». Розыгрыш был намечен на конец августа. В каждом поселке было по одному доверенному от рыбаков, который ведал их распространением. Раз в месяц депутат объезжал поселки и собирал полученные за билеты деньги, так как он сам был главным кассиром. Поговаривали, что в руках Питериса собралось уже больше двадцати тысяч латов и пора было подумать о розыгрыше. На билетах были перечислены главные выигрыши: восьмисильный мотор для лодки, новая рыбачья лодка, мотоцикл, несколько велосипедов и много других полезных вещей. Но «друг рыбаков» говорил, что спешить с их приобретением не стоит, сделать это можно в последнюю неделю, тем более что он уже все присмотрел. Это была правда — Питерис обошел в Риге ломбарды и аукционные залы, да и на барахолке кое-что можно было достать. Мотор он успел приобрести у одного эстонца, который, прибыв на моторке в Ригу, не мог вернуться назад из-за порчи этого самого мотора и рад был получить за него несколько сот латов. Правда, поставленная в счете сумма была на один ноль больше той, которую истратил Питерис, но разве мотор стал от этого хуже? Питерис прикупил несколько деталей, пригласил механика, велел исправить мотор, окрасил его в светлую, серебристую краску, так что он стал как новенький, и выигравшему его оставалось бы только радоваться. А покупать в магазинах новые вещи для какой-то лотереи было бы просто безрассудством.

В конце июля в кооперативе состоялось годовое собрание. Правление ничего утешительного доложить не могло: денег не было, строения требовали ремонта, на рынке дела шли все хуже. Предприятие находилось накануне банкротства. Кассир Осис не мог даже предъявить те суммы, которые значились в остатке по книгам. Куда они девались, объяснить он тоже не мог. Ревизоры полагали, что здесь большую роль сыграла «Вилла Фреди». Последний, метко нацеленный удар нанес Гароза. Он выбывал из кооператива и требовал, чтобы ему немедленно вернули весь его пай. То же самое сделали по его приказанию несколько хозяев из чешуян и гнилушан, которые были его должниками. Выплатить сразу такую большую сумму кооператив был не в состоянии.

— Тогда я вас пуцую с молотка, — объявил Гароза. — Со мной шутки плохи.

Он умышленно подготавливал развал кооператива, рассчитывая в

случае банкротства, когда вся общественная собственность пойдет с молотка, приобрести за бесценок рыбокопильный завод. А уж тогда он станет хозяином, дела примут другой оборот, и пачка векселей под чугунным прессом станет вдвое толще!

Новое правление на этом собрании выбирать не стали — никто не хотел становиться во главе разоренного предприятия. Полномочия старого правления продлили на два месяца, чтобы оно привело в порядок все дела и потом передало их новому правлению. Как удастся ему справиться с этим, никто себе не представлял.

Карл Зиедынь снова появился в поселке седьмого августа, в самый день именин Фреда. Американец ежегодно отмечал его торжеством, но на этот раз дела сложились так, что накануне ему надо было уйти в море.

Все же скрипач в сопровождении музыкантов духового оркестра сыграл перед «Виллой Фреда» торжественный марш, и перед отъездом Фред приказал угостить их. Ворота и парадная дверь гостиницы были убраны гирляндами ягодника и красными бумажными флажками, но утром прошел дождь и флажки начали линять. К приезду Зиедыня все великолепие этого убранства уже потускнело. Он опять остановился в гостинице, и ему пришлось прождать Фреда целых четыре дня.

Фреду сообщили о прибытии Зиедыня, когда он уже был на берегу. Это известие сразу испортило ему настроение.

— Опять приехал! И чего он так часто приезжает, чего ему здесь надо? Наверно, не найдет себе дела, вот и шатается.

При встрече со старым приятелем Фред держался крайне холодно.

— Глядите, он опять уже здесь...

— Видишь ли, друг, мы с отцом начали строить домишко, нельзя ли получить с тебя по второму платежу?

— Это становится смешным... — Фред усмехнулся. — У меня ведь здесь не банк, где в любой момент можно получить любую сумму. Нет, на этот раз помочь не смогу. Заезжай попозже, — ну, через недельку, а еще лучше, через две. У меня сейчас большие расходы. Предстоит застраховать гостиницу, а там и за участок надо платить.

— Не могу же я все время ездить взад-вперед... Немалое ведь расстояние.

— Ты можешь написать, перед тем как приехать, я заранее приготовлю

деньги.

— Ну, хоть немного-то дашь?

— Не могу. Ты слишком рано приехал.

— Тогда я подожду с неделю здесь в гостинице. Расходы можешь скинуть с долга.

— Пожалуйста. Три лата в сутки, а за напитки отдельно.

На этом и поладили.

Две недели заставил Фред прождать терпеливого Зиедыня; наконец уплатил ему четыреста латов и отвез до местечка. Но через несколько недель Зиедынь появился снова. Такая настойчивость не на шутку рассердила Фреда.

— Ты уж начинаешь мне надоедать! Что я тебе, дойная корова? Я надеялся, что ты окажешься более приличным парнем!..

Отчитав как следует Зиедыня, Фред снова ушел в море, а вернувшись, вел себя недопустимо надменно и несколько дней совсем не принимал его.

— После, после, мне сейчас некогда!

Моряк извинялся за беспокойство и терпеливо ждал, когда у американца улучшится настроение. Изредка Фред бросал ему какую-нибудь мелочь, каждый раз читая мораль о том, как неприлично честному человеку заниматься вымогательством. Казалось, что он вовсе и не должник, а что его самого просят о помощи. Он ведь мог и не давать ничего Зиедыню, но что поделаешь, если у человека такой мягкий характер!

Ни тому, ни другому не приходило в голову, до чего неестественно сложившееся положение вещей, — но так ведь всегда бывает, когда укореняется неправильная точка зрения.

10

Как-то в Чешуях появился Петер Менгелис. У него заболела заушницей купленная недавно корова. Бедная скотина так мучилась, что жалко было смотреть. Петер испробовал все средства: и шею прощипывал, и соленое питье давал — ничего не помогало. Тогда он попросил старую Клявиене, которая славилась умением заговаривать, поехать с ним и посмотреть корову. Клявиене не впервые приглашали к больной скотине. Она умела даже у людей заговаривать рожу. Попросив Лидию, чтобы та пришла в обед подоить ее коров, она накинула на голову большой платок и уехала с Петером.

Оскар свивал в своем дворе новый трос, так как старый уже совсем изорвался. Когда зять, проезжая мимо его дома, придержал лошадь, Оскар вышел к воротам поговорить с ним. Узнав, за какой надобностью едет в Гнилуши мать, он рассмеялся:

— Ты, видно, Петер, никак не можешь расстаться с суевериями. Я думал, что с отъездом Теодора ты эти глупости оставил.

— Это ты напрасно, — ответил Петер. — Твоя мать многим помогла, где уж ни один врач не хотел браться. Особенно ей везет на скотину. Помнишь, у Крауклиса совсем пропал бык, не мог ни есть, ни пить, а она вот подняла на ноги. Есть такие слова, которые помогают.

— Не верю я ни в какие слова, — усмехнулся Оскар.

— Мало ли во что ты не веришь, — вязалась Клявиене, задетая за живое словами сына. — У тебя давно надо было бы поводить по дому медведя, может, тогда наступил бы в нем порядок и согласие. Да разве тебе втолкуешь!

— Что это я хотел тебе сказать... — вспоминал Петер. — Да, ты вот завел речь про Теодора... Он ведь позавчера приехал. Остановился у Румбайниса. Что ни говори, а я такому праведнику не отказал бы в крове. Разве он причинил кому-нибудь зло?

— Как сказать, — лицо Оскара сразу приняло серьезное выражение. — Тебе-то уж меньше всех надо радоваться его приезду. Хорошенько присмотришься, как бы и по твоему дому не пришлось поводить медведя.

— А что такое? — удивленно спросил Петер. Слухи о связи Теодора с его женой в свое время достигли и его ушей, но это было давно, к тому же он не обращал внимания на людские пересуды, будучи уверенным, что гнилушане завидовали ему, потому что Теодор всегда и останавливался и устраивал собрания у Менгелисов.

Оскар пожал плечами и вернулся во двор. Весь день его грызла тайная тревога. С какими намерениями прибыл провозвестник судного дня? Будет ли он по-прежнему заниматься проповедями или у него другие цели?

Недавней бурей выбросило много разного мусора и дров. Взяв грабли, Оскар вышел на берег и нагреб две большие кучи водорослей для удобрения огорода. Кроме того, ему удалось собрать с воз дров. В это время по пляжу проходил брат Теодор и, увидя Оскара, сразу направился к нему.

— Бог помочь! — еще издали крикнул он, с нескрываемым удовольствием ожидая, какое впечатление произведет на Оскара его внезапное появление.

Оскар вздрогнул, бросил на Теодора быстрый неуверенный взгляд и, продолжая работать, тихо ответил на приветствие. Но грабли скребили по

голому песку в одном и том же месте: мысли Оскара были заняты другим.

Теодор усмехнулся:

— Ты, я вижу, здорово налегаешь на работу...

— Да, с неба нам ничего не валится, — проворчал в ответ Оскар.

— Ну да, ну да, кто сам себе помогает, того и бог не забывает.

И Теодор размеренным шагом направился к другим рыбакам, работающим на пляже. Смело, почти вызывающе сновал он среди них, нарочно стараясь попадаться на глаза Оскару. Теперь Теодор за себя не боялся: никому, кроме Оскара, не придет в голову препятствовать его деятельности, а Оскар... тот сейчас и пикнуть не посмеет. Как приятно чувствовать себя в безопасности! Он все больше смелел и уже открыто заводил на улице разговоры с пожилыми женщинами, заглянул даже и в лавку, где всегда толклось много народу, и посетовал на тот вред, который наносит семейной жизни рыбаков «Вилла Фреди».

— Я вижу, что во время моего отсутствия все пошло вспять. Пьянство и блуд, ненависть и зависть, подобно плевелам, пустили среди вас глубокие корни. Будет нелегко их выполоть, но я надеюсь, что господь мне поможет.

Он продавал сектантские брошюры, листки с псалмами и отпечатанные проповеди, призывающие к добродетельным пожертвованиям, а заодно разузнавал, где можно устроить сектантское собрание. Ему ответили, что самое большое помещение — это в кооперативе, но там едва ли разрешат. Вот у Клявов можно, если Оскар не отговорит свою мать.

— А, Оскар, — улыбнулся проповедник. — Ну, с ним-то мы наверняка столкнемся, мы же близкие друзья.

Выйдя из лавки, проповедник попросил показать ему дорогу к дому Оскара и направился туда. Анита в это время развешивала во дворе выстиранное белье.

— Здравствуйте, уважаемая госпожа Клява! — сказал проповедник, остановившись у ворот. — Скажите, пожалуйста, дома ваш супруг?

— Да, дома, — ответила Анита, узнав Теодора. Вспомнив о его отношениях с Оскаром, она удивилась приходу проповедника. — Позвать его?

— Будьте так любезны...

Теодор открыл калитку, но дальше не пошел, опасаясь собаки. Скоро показался и сам Оскар.

— Что вам угодно? — спросил он, еле сдерживая гнев.

— Да вот, дружок, зашел по пути, захотелось взглянуть, как ты живешь в своем доме. Ничего, довольно прилично устроился. Всегда как-то приятно видеть молодые, счастливые семьи. Когда между супругами

согласие и доверие, то и господь не отказывает им благословению.

Его улыбающийся взгляд перебежал с Оскара на Аниту... Она отвернулась и снова стала развешивать белье. Оскар, плотно сжав губы, смотрел в землю.

— Это твой сынишка? — продолжал Теодор, заметив Эдзита.

— Мой.

— Ну что за ангелочек! Прекрасное, уютное гнездышко, мир и благодать в каждом уголке!.. Ты должен быть хорошим семьянином... Мне что-то захотелось пить, принес бы ты воды, Оскар.

Почти полчаса проторчал Теодор во дворе у Оскара, не переставая болтать с самым развязным видом. Наконец он как бы невзначай обронил о своем намерении устроить собрание у Клявов. Оскар, конечно, не откажется замолвить перед отцом словечко, чтобы тот согласился на это.

— Не сможешь ли ты поговорить с ним сейчас? Я бы тогда сегодня же расклеил объявления...

— Вечером, — ответил Оскар. — Сейчас там никого нет дома.

— Благодарю. Я ведь знал, что ты по своей доброте мне поможешь.

Наговорившись вдоволь, Теодор наконец собрался уходить.

— Извини, что ухожу так скоро, сегодня у меня больше нет времени задерживаться. Но я еще зайду к тебе как-нибудь. Ты придешь на собрание?

— Неизвестно, удастся ли...

— Приходи, пожалуйста. Ты здесь один из достойнейших, тебе надо показывать пример соседям. И супруга, наверно, тоже придет?

С елеинной улыбкой Теодор смотрел на молодую женщину.

Как только ушел проповедник, Анита с удивленным видом повернулась к Оскару:

— Оскар, что это такое? Почему ты сразу не показал ему на ворота? С каких это пор он попал в твои друзья?

— Друг... — грустно улыбнулся Оскар. — Ну, чего же ты хочешь, чтобы я с каждым проходимцем ругался?

— Не понимаю, как ты можешь терпеть этого человека.

Оскар что-то пробормотал и ушел в сарай.

Не одна Анита удивлялась терпению Оскара. Он, которого все знали как самого яростного противника Теодора, теперь позволял ему говорить и делать все, что тому заблагорассудится. Действительно, чудеса творились на белом свете, если самые закаленные люди могли преобразиться до неузнаваемости.

Но никто не знал, какой мрак царил в душе Оскара, какая в ней подымалась тревога. И он еще не видел выхода из этой жизни.

Оскар чувствовал только, что дальше так жить нельзя, — что-то должно случиться. Как загнанный зверь, он не смел даже защищаться, он мог только всем своим видом взывать к нападавшим о пощаде. Но он вовсе не желал, чтобы его щадили. Пусть произойдет что угодно — так жить больше невозможно.

Глава девятая ПОСЛЕДНИЙ ТРИУМФ АМЕРИКАНЦА

1

Занятый регулярными выходами в море и оборудованием «Виллы Фреды» под образцовое увеселительное заведение, Фред в последнее время мог лишь изредка появляться в местечке и навещать Оттилию. Однако он ее не забывал окончательно и после каждого рейса или привозил сам или посылал с Баночкой то флакон духов, то колечко, то еще какое-нибудь украшение или лакомство... Само собой понятно, что, если время позволяло, Фред не прочь был и провести с ней несколько часов. Никто их тогда не беспокоил, в семье Оттилии всячески поощряли его ухаживания — такие зятя на дороге не валяются. Отец ее был хорошо известный всей округе мастер-плотник. Летом он редко бывал дома, так как в местечке ничего не строили, искать работу надо было где-нибудь подальше. Мать Оттилии была еще бодрая женщина, своего мужа она держала под башмаком, а миролюбивый плотник во всем ее слушался. Оттилия была их единственным отпрыском.

Сначала мать собиралась дать дочери образование, но та никак не могла осилить математику, и ей потребовалось целых восемь лет, чтобы окончить школу. Зато Оттилии легко давались изящные искусства: танцам она научилась в десятилетнем возрасте, а тайны косметики постигла в пятнадцать лет. Больше всего она любила бывать на людях, в веселой компании, кокетничать и танцевать с молодыми людьми. Поэтому Оттилия изучила парикмахерское дело и открыла в доме родителей собственную парикмахерскую. Когда в местечке началась фортепьянная эпидемия — почин сделала мадам мясничиха, а ее примеру последовали и другие именитые дамы с Большой улицы, — захотела иметь в доме рояль и Оттилия. Мясник купил подержанное фортепьяно — чего же ради выбрасывать бешеные деньги на новые инструменты! Скоро в местечке собралась целая коллекция старья, которая звучала иногда весьма странно. Рояль Оттилии был приобретен на каком-то аукционе и обладал скорее

исторической, чем музыкальной ценностью. Отец подновил полировку, приделал недостающую ножку, и громоздкая музыкальная машина водворилась в углу большой комнаты. Все было бы отлично, если бы Оттилия умела играть. Но ведь мясничиха и другие местечковые дамы тоже ничего не смыслили в музыке! Оттилия взяла несколько уроков у дочери учителя, получила кое-какое понятие о нотах, научилась брать в басах несколько аккордов и пользоваться педалью. На этом уроки закончились. Иная песенка или вальс выходили у нее довольно сносно. Оттилия даже пела под собственный аккомпанемент один романс. Когда у нее бывали гости, то ее всегда просили что-нибудь сыграть. Оттилия отказывалась, говорила, что не умеет, а гости не хотели этому верить, утверждали, что она притворяется. Тогда она уступала, и все уверяли, что выходит чудесно. Когда появлялся Фред, ей всегда приходилось садиться за рояль.

Плотник терпеть не мог поклонника дочери. «Какой это жених», — ворчал он, завидя Фреда. Но жена думала иначе: «Что ты понимаешь в таких людях? Приятный человек, умеет себя держать и к тому же не пустомеля».

Когда старик ворчал по поводу того, что Фред так затянул с женитьбой, она поднималась на защиту американца: «Сразу ведь нельзя. Пусть хорошенько узнают друг друга...»

Ей все еще было неизвестно, насколько близко они узнали друг друга.

Но когда американец стал показываться в местечке все реже и реже, а приятельницы Оттилии начали у нее спрашивать, «не кончилось ли у них», то парикмахерша стала задумываться. Со свадьбой Фред не спешил, он даже не желал, чтобы их считали обрученными.

— Нам незачем выставляться перед людьми, пусть думают что хотят, — ответил он, когда Оттилия нерешительно намекнула, что пора бы их дружбе придать официальную окраску. — Разве без этого ты не можешь любить меня?

Ему, наверно, и в голову не приходило, какой пустой казалась Оттилии жизнь, когда он пропадал на целые недели. Летние вечера были так хороши, все цвело и благоухало, голоса птиц и людей сливались в один ликующий аккорд... По улицам бродили парочки... Неужели ей одной торчать дома, никого не ждать, никуда не ходить? Нет, Фред не мог от нее этого требовать. А может быть, он вовсе не до такой уж степени был занят, как старался уверить ее? Оттилия усомнилась в его чувствах и, как только у нее возникло сомнение, снова вспомнила кое-кого из прежних друзей, которых было затмил американец: ведь когда заходит солнце, начинают сиять звезды. Один из них, Петер Ирбит, еще до появления Фреда усиленно

добивался расположения Оттилии. Теперь он с удовольствием занял утерянные на время позиции и после работы прогуливался с барышней по улицам или коротал вечера у нее в доме.

Фред об этом ничего не знал. Полагаясь на силу своего обаяния, он рыскал по заливу, устраивал дела в Риге и на побережье и только время от времени вспоминал, что в местечке его ждет невеста. Однако в один из субботних вечеров, соскучившись по ней, он сел на мотоцикл и покатил в местечко. Было уже довольно поздно, когда мотоцикл остановился перед домом плотника. Стараясь остаться незамеченным, Фред втащил мотоцикл в дровяной сарай, затем подошел постучать в окно Оттилии, чтобы даже ее мать не узнала о его приезде. Окно было освещено, и сквозь занавеску он разглядел две фигуры, сидящие на диване. Рука Петера Ирбита обнимала талию Оттилии, они смотрели друг на друга и смеялись, а на столе стояла ваза с апельсинами и виноградом и банка консервированных ананасов, присланных на прошлой неделе Фредом.

— Вон что! — тихо свистнул он сквозь зубы. — Вот ты у меня какая! — Оскорбленный до глубины души, он гордо выпрямился во весь рост и, не задумываясь, быстро нажал ручку двери. Она была не заперта. Войдя в темную переднюю, которая была ему так же знакома, как любой уголок в его «Вилле Фреди», он безошибочно нашел дверь в комнату Оттилии и без стука широко распахнул ее.

— Добрый вечер!

Вот это было зрелище!

Оттилия, вскрикнув, оттолкнула Петера Ирбита и вскочила с дивана. Растерявшийся Петер достал носовой платок и стал старательно сморкаться.

— Фред, ты... ты... как же так? — краснея, залепетала Оттилия.

Но Фред не сказал ни слова; настоящий мужчина всегда держится с надлежащим достоинством! Как изваяние, стоял он в открытой двери, презрительный взгляд его скользил по лицам преступников. Затем он погрузился в созерцание полупустой вазы и банки с ананасами — это были его фрукты, настоящий импортный товар.

— Приятного аппетита! — сказал он, мрачно усмехнувшись. — Хотя, пардон, я извиняюсь, мне кажется, что я пришел не вовремя. Если потревожил, могу уйти. Где двое, там третий всегда лишний, — выпятив грудь, он сделал полуоборот, словно собираясь уходить.

— Ах, Фреди! Да как же это ты... Присядь же! — Оттилия и сама не знала, что ей говорить.

— Нет, уважаемая барышня, в этом доме Фред Менгелис больше

сидеть не будет, и вообще ему здесь делать нечего. Он не уважает таких дам, которые знаются со всякими...

До этой минуты он еще кое-как сдерживал себя, но дальше уже не мог. Одним прыжком, как лев, выскочил он на середину комнаты, остановился против Петера Ирбита и скрестил на груди руки.

— Так вот он каков, мой преемник! Милостивый государь, будьте так любезны, спрячьте хоть носовой платок! Если у вас насморк, тогда прополощите ноздри йодом. Некрасиво, когда мужчина так долго сморкается. И если у вас имеется какое-нибудь представление о приличиях, то поймите, что вы должны сейчас же уйти. Мне необходимо поговорить с этой дамой наедине. В вашем присутствии здесь больше не нуждаются.

Если бы Петер был повыше ростом и имел немного больше опыта, неизвестно, долго ли продолжал бы Фред говорить в таком возвышенном стиле. Но Петер был довольно робкий парень. Вопросительно взглянув на Оттилию, он послушно встал с дивана и начал искать шапку, мямля про себя:

— Если нет — не надо, могу уйти. Не стоило бы из-за этого орать...

Петер ушел.

— Сидит здесь весь вечер, словно к дивану прикипел, никак не отделаешься от него... — сказала Оттилия, чуть-чуть овладев собой. — Хорошо, что ты пришел.

Фред скорчил ироническую гримасу.

— Во-первых, я для вас больше никакой не «ты». Вы мне зубы не заговаривайте, я все видел и понял. Довольно! Точка! Лучше скажите, что вы от меня за это время получили? Я хочу, чтобы вы мне все это вернули. Где кольцо, где медальон, где брошка с камешками? Духи можете оставить себе, душийте ими вашего друга.

Оттилия не могла поверить ушам. Неужели это конец? Неужели Фред мог так скоро утвердиться в своем решении? Она пыталась приласкаться к нему, плакать, оправдываться, но Фред был неумолим. Не помогло и появление матери, которая всячески старалась успокоить оскорбленного американца.

— Прощу без лишней болтовни! — сказал он. — Отдайте мне мои вещи, а затем — счастливо оставаться... Не могу же я одаривать весь свет! Нашли благодетеля...

Он получил обратно все свои подарки, рассовал их по карманам, а уходя, взял со стола банку с ананасами и прихватил кисть винограда.

— Для вас мне не жалко, но если вы скармливаете это кому попало, то уж дудки!.. Вы обо мне еще кое-что услышите.

Вздогнула с силой захлопнутая зверь.

— Дукси, сюда! — послышался со двора голос американца. Он звал собаку. — На, ешь! — затем затрещал мотор, и он уехал... Теперь уж навсегда!

«Вы еще узнаете, что за человек Фред Менгелис!.. — предавался он мстительным мечтам на обратном пути. — Не очень ты и нужна мне, парикмахерша. Скоро придется тебе локти кусать». Фред был не из тех людей, которые из-за всего вешают нос.

Да и может ли человек, обрыскавший все моря вселенной, бросить якорь в мелкой, тихой гавани и навсегда ограничиться ее узкими пределами? О нет! В его ушах все еще будут завывать ветры всех океанов, его душу будут волновать воспоминания о прекрасных днях, проведенных на просторе, а привычки прошлой жизни будут сопутствовать ему до гробовой доски. Чтобы Фред Менгелис, испытавший столько удивительных приключений, стал печалиться по поводу измены какой-то парикмахерши! Скажите, какое сокровище! Тоска его не терзала, а ревности он вообще никогда не испытывал, хотя мысль о том, что Оттилия могла обманывать его с Петером Ирбитом, немного раздражала Фреда.

2

Все, чего жаждала ветренная душа Фреда, — деньги, легкая жизнь, удивление людей, благоволение женщин, — было достигнуто. Он это чувствовал и понимал, что пора и успокоиться, потому что гнаться за большим блеском и властью — задача неблагодарная. Но даже на вершине благополучия, став первым лицом на побережье, он все еще не чувствовал удовлетворения: какая-то мелочь, незаметная, точно пылинка на зеркале, не давала ему покоя ни днем, ни ночью. Мысль, что эту пылинку нельзя стереть, что она всегда будет колоть ему глаза, неотступно преследовала американца. Много лет тому назад один человек дал ему пощечину, одну-единственную пощечину, но при воспоминании об унижении кровь прилиwała к его лицу. Эту пощечину он получил от Оскара! Все остальные, кто раньше смеялся над Фредом, так или иначе поплатились за прежнюю близорукость и теперь подхалимничали перед ним. Только Оскар остался в стороне и не изменил отношения к американцу! Даже попав в беду, он глядел на него свысока, и Фреду скрепя сердце пришлось признать его превосходство. Хоть бы разок его унижить, сделать маленьким и смешным в глазах людей, хотя бы один только раз... Много и часто думал об этом

Фред, но так и не находил способа подкопаться под Оскара. К тому же с ним надо было вести себя довольно осторожно — этот разбойник, видимо, что-то пронюхал насчет его делишек. Он еще не забыл, как Оскар намекнул ему на булькающую рыбу. И неизвестно, осмелился бы Фред что-нибудь предпринять, если бы не помог случай.

Это произошло в августе. Неводной артели, в которой кормщиком был Индрик Осис, Гароза прислал в субботу деньги за принятую партию лосося. Дележка не производилась уже две недели, и так как несколько паев в артели принадлежали гнилушанам, все уговорились произвести ее в «Вилле Фреди». Местечко удобное и, главное, под рукой. Кого-то из парней послали в поселок за хозяевами, и вскоре явились все, кроме Оскара. Но Индрик видел его на берегу у мережи, и Фред предложил послать за ним Баночку. На этот раз в артели решался вопрос о покупке нового карбаса, и должны были присутствовать все члены. При таких вот обстоятельствах Оскар и переступил впервые порог «Виллы Фреди». Неводчики уже заняли кабинет в нижнем этаже. Поздоровавшись с ними, Оскар присел в сторонке от остальных. Прошло довольно много времени, пока произвели все расчеты, а затем пошли долгие разговоры с приобретении карбаса: заказывать ли новый или купить подержанный. В комнату вошел сам хозяин гостиницы и присел рядом с Оскаром.

— Ну, как поживаешь, старина? — спросил он таким задушевым тоном, что у Оскара не возникло ни малейшего сомнения в дружелюбии американца.

— Сам ведь знаешь как, — ответил он спокойно. — По-прежнему.

— Да, нелегкая наша рыбацкая доля, — вздохнул Фред. — Попробуй сложить руки, и сразу клади зубы на полку. Я, правда, про себя не могу этого сказать, мне-то повезло, но ведь не у всех так...

— Нет, не у всех, — устало улыбнулся Оскар.

— Ты не зайдешь ненадолго ко мне наверх? Мне бы хотелось разок поболтать с тобой по-дружески. Если между нами когда и случалось что, то все давным-давно забыто.

Это было сказано опять-таки самым непритворно-задушевым тоном, так что Оскар не мог отказаться. В конце концов за что ему сердиться на Фреда? Он ведь ничего плохого не старался ему сделать, да и сам по себе был человек не злой, а только жуликоватый.

— Ладно, — согласился Оскар, — можно будет зайти.

— Ты ведь здесь в первый раз? Не желаешь осмотреть мое хозяйство?

— Отчего не посмотреть?

Они прошли по всей гостинице. На этот раз Фред был удивительно

сдержан, ничего не расхваливал, а давал самим вещам говорить за себя. Только раз не утерпел: заметив, что Оскар заинтересовался одной картиной, он тут же ввернул:

— Эта штучка мне стоила двести латов...

Наконец Фред привел старого друга в свою комнату, которая была убрана еще крикливее, чем остальные номера.

— Ты, наверно, еще не обедал? — заботливо спросил Фред.

— Мне уже пора домой.

— Нет, нет, побудь еще немного. Мне хочется, чтобы мы опять стали друзьями. Выпьем по рюмочке.

Он вызвал звонком официантку. На столе появились жареная утка, закуски и напитки. Фред был по-прежнему любезен и сдержан, предлагал гостю отведать то одного, то другого блюда, то и дело наливая водки и приглашая выпить.

— Эх, что это было за прекрасное время, когда мы работали сообща! — предавался он воспоминаниям. — Ведь никто не верил, что у нас дело выгорит, вдвоем против всех шли. Давай выпьем за это!

Маленькие стаканчики таким героям не подобали. Фред налил водки в пивные стаканы и опорожнил свой до последней капли. И странно, в то время как Оскар после каждого нового стакана пьянел все больше, глаза у него мутнели, язык заплетался, американец оставался трезвым. Оскару было и невдомек, что Фред подливал в свой стакан из другого графина, в котором был лимонад. Когда оба графина опустели, Фред позвонил, и официантка снова наполнила их. Когда и они были опорожнены, Фред увидел, что его гость пьян.

— Не сойти ли нам вниз к остальным? — спросил он Оскара. — Там веселее.

Оскар согласился. Он сейчас на все соглашался.

Закончив дележку, неводчики расположились в большом зале ресторана. Играл граммофон, все говорили, перебивая друг друга, — словом, пирушка была в полном разгаре. Фред и здесь не отставал от Оскара. Они подсели к большому столу, и хозяин стал угощать всех на свой счет пивом и водкой. Оскар уже пил безо всякого удержу.

— Почему больше не наливают, Фреди, разве это последняя?

И Фред не скупился.

— Молодец ты, я вижу, Оскар, — сказал он, ударив его по плечу. — Ни о чем не тревожишься. А то что это за люди — если приличный человек наставит рога, так сейчас же поднимать скандал! Настоящего мужчину они только красят.

Все засмеялись, засмеялся и сам Оскар.

— Я бы тоже так поступил, — продолжал американец. — Чего стоит такая жена, которая никому не нравится! Напротив, ты можешь гордиться, что твоя Анита имеет большой успех... И не то чтобы у какой-нибудь мелкоты. Выпьем... за рога и здоровье тех, кто их наставляет.

Фред становился все нахальнее. Заметив, что остальным эта шутка понравилась и, убедившись, что Оскар спяна ничего не замечает, он дал волю языку и прошелся насчет Аниты и Сартапутна. Оскар прошлую ночь провел за работой в море и теперь дремал, изредка бормоча что-то бессвязное. На него сыпался град насмешек и шуток, остроумам американца, казалось, конца не будет, а он тупо усмехался и одобрительно кивал головой.

Фред от удовольствия только руки потирал. Он знал, что завтра об этом заговорят по всему поселку. Поздно тогда будет, Оскар, кулаками махать, а если ты и вздумаешь что-нибудь выкинуть, над тобой еще больше будут смеяться.

Наконец Индрик Осис нашел, что шутка зашла слишком далеко.

— Что ты издеваешься над пьяным человеком! — прикрикнул он на Фреда.

— А разве я делаю что-нибудь плохое? — удивился тот. — Разве я неправду говорю? И в конце концов это только шутка.

— Так шутить нельзя. Он хороший парень!

После этого Фреду оставалось только придержать язык. Но вскоре он придумал новый номер.

— Ты устал, Оскар! — крикнул он, толкая его в бок. — Не пора ли тебе соснуть? Пойдем ко мне наверх.

— Я пойду домой! — пробормотал Оскар.

— Почему домой? Оставайся здесь на ночь.

— Нет, я хочу домой...

Фреду не удалось уговорить его, и великолепно задуманный план так и расстроился. Если бы Оскар лег в его комнате, можно было бы известить Аниту, чтобы она пришла за мужем. А когда она явилась бы, рядом с Оскаром вполне могла оказаться одна из хорошеньких официанток гостиницы. Интересно, какую мину скорчила бы тогда эта гордячка? Но раз дело не выгорает — обойдется и так.

— Ну, пойдем, — сказал Фред. — Я тебя провожу домой.

Он привел Оскара на берег, подогрел мотор «Титании» и доставил Оскара в Чешуи. Было еще светло, когда они рука об руку показались на улочке. Фред, ухмыляясь, повел Оскара через весь поселок, мимо лавки,

мимо открытых окон рыбацких домов, откуда выглядывали поверх горшков с цветами любопытные лица. Молодого Кляву еще ни разу не видели в таком состоянии. О господи, как нажрался! Ничуть не лучше других!.. Наконец Фред довел Оскара до дома и передал из рук в руки Аните:

— Получайте своего мужа! Ему, правда, что-то нездоровится, ну да вы его как-нибудь вылечите. Всего хорошего!

Презрительный взгляд, которым Анита смерила Фреда, показал, что она все поняла.

— Благодарю, — сказала она тихо, и при этом губы у нее задрожали. — Очень любезно с вашей стороны, что вы... привели его домой.

Это был последний триумф американца. Он и сам не подозревал, как неотвратимо близок час его падения.

3

Когда в стаю чаек залетит ворона, дело непременно дойдет до драки. То же случается и с людьми, хотя они часто этого и не понимают. Этого не понимал и разговорчивый господин с курорта, иначе в тот роковой вечер, с которого начался закат американца, его и силком не затащили бы в гостиницу «Вилла Фреди». Да если бы и сам Фред мог предвидеть последствия этого случая, он бы ни за какие деньги не впустил его в заведение. Но до сих пор там все шло как по маслу, и в тот вечер тоже сначала царило самое лучшее настроение. Парни играли на бильярде, шутили с официантками и время от времени выпивали по стакану пива. И вот какой-то дьявол занес сюда этого важного господина! Он сразу повел себя так, как будто бы вся гостиница была предоставлена в полное его распоряжение. Иронически улыбаясь, он подошел к бильярду и с презрительным видом стал наблюдать за движением белых и красных шаров, то и дело роняя критические замечания. Наконец он сам взялся за кий и при первом же ударе прорвал сукно.

Кристап Лиепниек чуть не заржал от радости:

— Вот так игрок! Думал, он один умный, а остальные ни черта не смыслят! Ха-ха-ха!

Но это бы еще полбеды. Господин уплатил за сукно и присел за столик. Скоро ему надоело одиночество, и он стал прислушиваться к разговорам парней, подавать реплики и даже кое-кого передразнивать. Такого попугая еще ни разу не видали в «Вилле Фреди». Наконец Екаб

Аболтынь посоветовал ему попридержаться язык, если он не хочет, чтобы по его спине прошлись чем-нибудь тяжелым.

— Ошибаешься, дружок, — ответил господин. — Это ты своих лососей можешь колотить веслом сколько тебе влезет, а до меня тебе не добраться. Я салакушников не боюсь!

И где только он подхватил это рыбацкое ругательство, зачем ему понадобилось бросить его в лицо этим загорелым дикарям? Те сразу поднялись на дыбы, готовые вступить за честь поселка. Хорошо понимая, что одному ему не справиться со всей этой компанией, даже если бы на него нападали поодиночке, болтливый господин все же продолжал поддразнивать молодых рыбаков, пока они не вышли из терпения. Никто после не помнил, как все произошло, но последствия оказались плачевными: господину проломили бутылкой голову, и он остался лежать на полу. Приглашенный врач велел вызвать из Риги карету скорой помощи. Возможно, что все кончилось бы без особого шума, если бы у этого господина был более крепкий череп; но когда Фред на следующий день справился по телефону в больнице, ему ответили, что пострадавшего навряд ли можно спасти. В гостиницу прибыла полиция, составила протокол, нескольких парней вызвали к следователю.

Теперь поднялась волна возмущения против увеселительного заведения Фреда. У избитого господина нашлись сильные друзья, которые начали докапываться, как это все произошло. Неизвестно, кто восстановил против гостиницы некоторых влиятельных курортников, но те стали собирать подписи под петицией о закрытии «Виллы Фреда». Гостиница-де нарушает общественное спокойствие, способствует порче нравов и расшатывает материальные устои рыбацких хозяйств. Под петицией подписались почти все жены рыбаков.

— Попробуй у меня только подписаться! — грозил жене старый Клява.

Но это не помогло. В один прекрасный день петиция была отослана в соответствующее учреждение, и сколько Фред ни носился от одного чиновника к другому, пытаясь спасти положение взятками и обещаниями завести в гостинице другие порядки, вскоре пришло распоряжение о закрытии «Виллы Фреда». Осис и Бангер поспешили выразить американцу соболезнование, но Фреду от этого легче не стало. Персонал гостиницы собрал пожитки и уехал. Грустно выглядела «Вилла Фреда» с заколоченными ставнями и дверьми, а многие ее завсегдатаи ходили вокруг вроде изгнанных из рая грешников.

Американец уже давно собирался застраховать гостиницу в каком-нибудь солидном страховом обществе. Сейчас он свое намерение

исполнил, причем застраховал ее на изрядную сумму — в пятьдесят тысяч латов, — так высоко был оценен этот сарай. Правда, это потребовало крупных расходов, но теперь по крайней мере можно было успокоиться хоть в одном отношении: ведь лето, жара, много ли нужно для того, чтобы вспыхнуть пожару. А новые постройки загораются часто.

Фред сердито расхаживал по поселку, совсем не замечая женщин, — они были виноваты больше всех.

Хорошо, что кое-что продолжало еще приносить доброе суденышко «Титания».

Карл Зиедынь не мог выбрать менее подходящего времени для предъявления надоедливых требований. Или у него мозги были не в порядке или ему хотелось подразнить Фреда, но он опять заявился к нему.

— Пошел ты к черту! — крикнул, завидя его, американец. — Что ты без конца требуешь денег, денег и денег? Что они, растут у меня? Сам видишь, как я из кожи лезу, чтобы как-нибудь свести концы с концами. Думаешь, большое удовольствие рыскать по морю?

Два дня Зиедынь, как собачонка, бегал по следам Фреда. То он провожал его к берегу, то терпеливо дожидался у дверей, когда тот заходил куда-нибудь.

— Ну дай же немного, мне на пропитание нужно...

— На пропитание! Что же ты за человек, если тебя должны содержать другие? Учись сам зарабатывать хлеб! Молодой, здоровый как бык, а разыгрывает инвалида. Я бы постыдился так попрошайничать...

Видя, что от Зиедыня не отвяжешься, Фред велел Баночке подогреть мотор — может быть, в море удастся ему обрести покой. Но в конце концов и чаша долготерпения Зиедыня переполнилась. Поняв, что Фред снова собирается удрать от него, он не захотел сходить с «Титании».

— Как же теперь будет, Фред? Заплатишь ты мне или нет?

— У меня сейчас времени нет, ты же видишь, что я ухожу.

— Значит, платить не будешь?

— Банка, отпихивай судно! Здесь даже позавтракать не дадут спокойно. Пристают, как католический монах!

— Ах, вот как! — озлился Зиедынь. — Ну, хорошо, я покажу тебе католического монаха! Можешь убираться. Я иду сейчас в поселок и стану всем про тебя рассказывать.

Зиедынь повернулся и сошел на берег. Фред мигом выскочил из моторного отделения.

— Эй, Карл, куда ты бежишь? — закричал он. — Давай поговорим!

Зиедынь, не оборачиваясь, шел дальше. Фред соскочил на берег и

бросился за ним вдогонку.

— Ну, чего ты ломаешься! Получай свои десять латов и успокойся.

Зиедынь не отвечал. Странно было глядеть на них со стороны. Один шел молча, наморщив лоб, другой говорил без умолку, подпрыгивая и забегая вперед.

— Ты что думаешь, десять латов — это мало? Ну, бери двадцать. Больше сегодня не могу. Ну почему ты ничего не отвечаешь, скажи хоть слово! У меня при себе всего пятьдесят латов, а еще предстоят кое-какие расходы. Но если тебе очень нужно, я отдам тебе все.

Зиедынь сердито отмахнулся.

— Может быть, мне одолжить у брата сто латов? — продолжал Фред. — Хватит с тебя тогда?

— Перестань торговаться! — оборвал его Зиедынь. — Ты сам знаешь, сколько с тебя приходится. Я требую, чтобы ты вернул весь долг.

— Ты с ума сошел! — Фред схватился за голову. — Больше трех тысяч латов! Откуда я столько возьму?

— Тогда продай что-нибудь! У тебя имущества достаточно — и гостиница и судно. А я больше ждать не намерен. Деньги мне причитаются, и я хочу их получить. Доставай откуда знаешь!

— Ну, миляга, это никуда не годится! Ты меня вконец разорить хочешь... Ну, хорошо, я заплачу тебе очередные четыреста латов.

— Чтобы мне опять, как католическому монаху, попрошайничать? Ты это верно давеча сказал! Нет уж, хватит с меня... Отдавай все и иначе я буду рассказывать об этом каждому встречному.

— Ну, давай помиримся на тысяче латов.

— Ничего из этого не выйдет.

— Две тысячи, больше не могу...

— Ты заплатишь мне сполна. Я у тебя не прошу, а требую.

Чем ближе они подходили к поселку, тем громче говорил Зиедынь. Через каждые сто шагов Фред набавлял что-нибудь. Но Зиедынь не сдавался.

— Говори же немного тише, — молил Фред. — В ушах звенит от твоего крика. Войди же ты в мое положение.

Наконец на самом краю поселка Фред окончательно выбился из сил, тем более что люди уже с любопытством выглядывали из окон.

— Ну хорошо, ты получишь все. А пока — заткнись!

Зиедынь сразу замолчал. И тут оказалось, что денег у Фреда гораздо больше, чем он сам думал. Фред уплатил Зиедыню оставшуюся часть долга, взял с него расписку и, кроме того, потребовал письменное

удостоверение в том, что с Альфреда Менгелиса Карлу Зиедыню ничего не причитается и что первый с ног до головы является честным человеком.

В этот раз Фред не стал отвозить приятеля на мотоцикле. У него теперь денег достаточно, и если он не желает идти пешком, пусть возьмет извозчика, вымогатель этакий!

Для американца это был тяжелый удар. Почти все его наличные средства ушли на уплату долга.

4

Дачный сезон близился к концу. Все тише становилось на курорте. Вода в море остыла, осенние ветры шумели в соснах, все чаще принимался лить затяжной дождь. Заботливым хозяйским глазом Фред смотрел на свое детище. Хотя стены здания и были покрашены, однако на обшивке местами появились темные пятна, в углах показалась плесень, крысы грызли роскошную мебель. С нетерпением ждал Фред момента, когда врач, живший в соседней даче, переедет в город. Но врач, как назло, не переезжал. Тогда Фред решил действовать. Большой грузовик, который Оскар видал однажды возле дюн, стал теперь каждую ночь появляться перед гостиницей; его нагружали мебелью и отправляли в Ригу. Так продолжалось целую неделю. Все ценное было уже вывезено, и однажды вечером, на глазах у всего поселка, американец ушел с «Титанией» в море. Отойдя ровно настолько, чтобы его не было видно с берега, Фред вдруг вспомнил, что оставил гостиницу незапертой. Он выругался по поводу своей забывчивости и остановил мотор.

— Дождемся темноты и вернемся к берегу, — сказал он Баночке. — Нельзя же оставить так «Виллу Фреди», еще стянут что-нибудь.

В темноте подошли к берегу немного западнее поселка, и Фред вброд достиг пляжа. На моторке огней не зажигали, она покачивалась на волнах за первой банкой. Спустя полчаса Фред вернулся, и они тотчас ушли в море.

— Ты, наверно, устал, Банка, — сказал американец. — Иди сосни несколько часов, а я постою у руля.

— Ничего, я уже днем соснул.

— Иди, иди, после полуночи тебе придется держать вахту.

Удивившись заботливости хозяина, Баночка залез в каюту и растянулся на койке. Фред стоял у руля в время от времени внимательно всматривался в берег. С моря Дул сухой северяк, над прибрежным лесом нависли светлые

облака. Потом они начали розоветь, к полуночному небу стало подыматься красное сияние, и вдруг в лесу на дюнах вспыхнул костер. Пламя быстро разрасталось, красноватые клубы дыма подымались к небу, огненные языки причудливо извивались во все стороны. Облегченно вздохнув, американец пустил мотор на полные обороты, и скоро «Титания» скрылась в морской дали. Все небо полыхало, высоко-высоко поднялось пурпурное сияние, и гнилушане, бывшие этой ночью в море, испуганно наблюдали за пожаром: казалось, горел весь поселок или курорт. Многие, оставив в море сети, поспешили к берегу, только «Титания» — это доброе суденышко — как черный призрак, полным ходом убегала к середине залива. Баночка сладко спал в теплой каюте и видел во сне рижские Красные амбары. И будто бы он сидит в высокой траве у железнодорожной насыпи и играет в карты со своими старыми товарищами.

«Вилла Фреди» горела. Огонь быстро распространился по всей постройке, скоро обрушилась крыша, и из провалов высоко взлетали снопы искр. Поднявшийся вихрь раздувал пламя; зловещим гулом наполнилась тихая ночь, изрядные головни носились в воздухе, как хлопья пепла. Но курорт был пуст, а запоздалые дачники спокойно спали. Вскоре запылала и беседка в саду «Виллы Фреди», огонь перебросился на забор; извиваясь, как змея, он пополз по кустарнику к даче врача. Одна головня упала рядом с прачечной, ветер раздул пламя, и скоро загорелись сухие, сложенные в поленницу дрова.

Две девушки, Вильма и прислуга врача, сидели в прачечной при свете керосиновой лампы и плели из ягодника гирлянды. На следующий день должны были праздновать именины врача, и Вильма хотела сделать отцу сюрприз — украсить дачу зелеными гирляндами. Нигде больше не нашлось такого укромного уголка, как в прачечной. Закрыв ставни, девушки вплетали в длинную гирлянду один кустик за другим. Рядом, в корзинке, лежали бумажные флажки. Снаружи завывал ветер, рвал с налету ставни, все строенье содрогалось от его порывов. Воздух в прачечной становился все тяжелее, запах гари наполнил помещение. Но погруженные в работу и оживленный разговор девушки не обращали на это внимания.

Вдруг за окном как будто засветили красную лампу, за ней другую, третью. У потолка сверкнули злобные глаза пожара, и языки пламени поползли по стенам. Загорелся, затрепал сухой ягодник, клубы дыма обволокли испуганных девушек. Они вскочили и бросились к двери, которая была заперта изнутри на ключ и на задвижку. В дыму прислуга не могла сразу разыскать ключа. Вильма метнулась к столу за лампой. Наполовину задохнувшись, ничего больше не видя слезящимися от едкого

дыма глазами, она запуталась ногами в гирлянде и упала. Лампа свалилась со стола, и струя керосина облила девушку. Мгновенно загорелись волосы, и все ее тело превратилось в факел.

Наступило утро. Толпа людей сбежалась к дымящимся, обугленным развалинам. Брат Теодор говорил о божьей каре и праведном суде, настигшем нечестивых. Он обещал поговорить об этом подробнее вечером на собрании верующих. Охваченные суеверным страхом, люди говорили полупшепотом. Никто не обратил внимания на скромного паренька, который проходил мимо пожарища с корзиной рыбы. Подойдя к толпе, он стал прислушиваться к рассказам. Больше всего говорили о том, как сгорели две девушки из соседней дачи — прислуга и господская дочка. Прибывшие фоторепортеры расхаживали с аппаратами.

Франц миновал толпу, потом свернул с дороги и вошел во двор. Ни один человек не вышел ему навстречу. Так же как и в первый раз, он обошел кругом дачу, поднялся на веранду, тихо проскользнул в комнату и остановился у двери. Она лежала под белым прозрачным покрывалом — обугленная, почерневшая...

Потрясенные родители склонились над трупом дочери. Долго никто не обращал внимания на Франца. Как застывший, стоял он возле дверей; лицо его подергивалось, губы растянулись в какой-то странной, глуповатой улыбке. Наконец его заметили. Врач махнул ему рукой, приказывая уйти. На цыпочках выскользнул Франц за дверь. Никто не глядел, куда он пошел; как тень, исчез он в это раннее утро.

Глава десятая ПИСЬМА И ЛЮДИ

1

Было время, когда Роберт Клява завидовал занятым людям, которые день-деньской, не зная отдыха, носятся по городу с портфелями под мышкой. А теперь, избавившись от положения безработного и участвуя в шумной деловой жизни, он чувствовал по временам такую усталость, что завидовал каждому празднующемуся, который может улечься где-нибудь в траве и наблюдать плывущие в голубой выси облака. Роберту хватало бы времени и на отдых и на чтение, если бы он оставил службу в конторе, но тогда бы вызвал подозрения его довольно широкий образ жизни. Служба была для него необходимой ширмой. Роберт надеялся впоследствии, когда денег наберется достаточно, самостоятельно основать

какое-нибудь солидное и легальное дело.

Рано утром он обычно спешил встретиться с многочисленными клиентами контрабандного предприятия, Затем — занятия в конторе. После трех часов снова собственные дела: черная биржа, встречи в кафе, разговоры по телефону, а иногда тайные ночные поездки в Гнилуши. И все время ему приходилось жить в состоянии обостренной настороженности и страха: а вдруг кто-нибудь узнает о его делишках! Это сказывалось на нервах: Роберт стал нетерпеливым и быстро переходил от возбуждения к подавленному настроению.

За день до пожара «Виллы Фреды», возвращаясь домой с работы, Роберт встретил на улице Сартапутна, которого он не видел с прошлой осени. Тесной дружбы между ними никогда не было, поэтому и сейчас он не испытал большой радости от этой встречи. Роберт думал отделаться поклоном и пройти мимо, но Сартапутну, видимо, захотелось поговорить с ним. Ничего не поделаешь. Роберт изобразил на лице приятную улыбку и остановился на краю тротуара.

— Ты очень занят? — пожимая ему руку, спросил Сартапутн.

— Да нет, сейчас вот думаю пойти пообедать.

— Чудесно, тогда нам по пути. Конечно, если тебя не ждет своя компания.

— Нет.

Они посоветовались, куда пойти, и решили направиться в ресторан-погребок гостиницы «Рим».

Сартапутн был в отпуске. Прошлую зиму он провел в Риге, а весной его командировали на курземское побережье руководить какими-то важными работами. Они уже были закончены, и молодой инженер собирался немного отдохнуть.

— Мы, как цыгане, все время кочуем с одного места на другое, — улыбаясь, рассказывал он. — Не успеешь как следует пригреться, а тебя уже снова заставляют собирать свой скарб и гонят дальше. Ну, а как дела в Чешуях? Держится еще мол или успел развалиться? Не слышал, как там отзываются о моей работе?

— Работой они довольны. Гавань удобная, а больше им ничего и не надо.

— Да уж какие средства отпустили, так и построил. А как мои старые, вернее сказать, новые знакомые — живы, здоровы?

— Кажется, все здоровы. А что, разве у тебя там завелись какие-нибудь особенные знакомства? — с сочувственной улыбкой спросил Роберт.

Сартапутн тоже улыбнулся.

— Как не быть. Но об этом сейчас говорить не стоит.

Официант принес заказанный обед и пиво. Несколько минут они ели молча, утоляя первый голод. Заговорил Роберт:

— На будущей неделе у меня выдастся несколько свободных дней, и я хочу съездить к старикам. Не желаешь ли составить компанию?

Желал ли Сартапутн? Он только о том и думал, как бы съездить в Чешуи, но не мог найти подходящего предлога. Случайно оброненное Робертом предложение было для него равносильно выигрышу в лотерее.

— Когда ты едешь? — спросил он деланно равнодушным тоном.

— Думаю, в пятницу, тогда можно будет воспользоваться воскресеньем и провести там целых три дня.

— Пятница... суббота... — Сартапутн даже есть перестал, словно углубившись в какие-то сложные расчеты. — Пожалуй, выйдет. Хорошо бы самому посмотреть, как там ведет себя мол.

— Значит, едем?

— Идет, договорились...

Они поболтали еще немного и разошлись, потому что у Роберта на пять часов была назначена какое-то деловое свидание.

«В следующую пятницу... — думал Сартапутн, бесцельно прогуливаясь по улицам Риги. — В следующую пятницу я снова увижу тебя, Анита, опять мы будем вместе...»

Ему казалось, что день стал светлее, что весь город полон тайного ликования, словно в канун большого праздника...

Вечером Роберт сообщил в письме родителям, что приедет на будущей неделе в гости с одним из друзей, которого знают и они.

«Приготовьте к этому времени свежей рыбы».

В этот раз Фред отсутствовал дольше обыкновенного. Выйдя на берег, он, как всегда, весело поздоровался с рыбаками.

— Никогда еще не везло нам так с уловом, — радовался он. — Если бы из-за этих баб не закрыли гостиницу, я бы вас угостил обедом в «Вилле Фреди».

Странными взглядами обменялись между собою рыбаки. Выходит, Фред еще ничего не знает о случившемся?.. Как же теперь сообщить такому хорошему парню печальную новость? А он, как нарочно, все время

смеялся и насвистывал.

— Ох, «Вилла Фреди», «Вилла Фреди»! — вздохнул его брат.

— Да, вот это был отель! — тихо добавил Румбайнис.

— Ну, ничего, со временем я все же добьюсь разрешения на открытие.

Вот увидите, будущей весной все пойдет по-старому.

— Наверяд ли выйдет по-старому, — еще раз вздохнул Петер.

— Ты думаешь, не разрешат? — хитро усмехнулся Фред. — В Риге у меня друзей хватит. Питерис ведь еще не сказал последнего слова. Могу поспорить с кем угодно, что он не примкнет к правительственной коалиции, пока они не позволят функционировать гостинице. Это он выставит главным условием. Разве рыбаки не нуждаются в приличной обстановке для отдыха? У нас будет музыка, бильярд, искусство и спорт!.. Одним словом — культура!

С нетерпением ждал он, чтобы кто-нибудь отважился объявить ему о случившемся, а сцена отчаяния была заблаговременно разработана им во всех подробностях.

— В этом-то можно не сомневаться, разрешение ты получил бы, — промямлил, глядя куда-то в сторону, Румбайнис. — Да какой в нем толк, когда отеля-то нету?

— Как нет? Куда же он девался? — засмеялся Фред. — Землетрясения здесь как будто не было...

— Да, брат, тебя постигло большое несчастье, — решил наконец сказать Петер. — Твой дом сгорел до самого основания. В ту самую ночь, как ты уехал.

— Сгорел? — Фред широко раскрыл глаза. — Ну, брат, так шутить нельзя!

— Иди сам посмотри. Поздно заметили, ничего спасти не удалось.

Вот тут-то и началось представление. Как он неистовствовал, с какими проклятиями бежал через весь поселок к пожарищу! Он и шапку оземь бросал и рвал на себе волосы. Вчуже жалко было видеть, что сделало с человеком несчастье.

— Моя вилла, моя прекрасная «Вилла Фреди»!.. А дорогая мебель, а ковры, посуда!.. Все пропало, я разорен теперь вконец!.. Придется наниматься в работники! О господи, как я это перенесу!

Но он перенес. И даже очень легко. Побесившись на глазах у людей, Фред целый день был нем как рыба, не отвечая ни слова утешавшим его соседям. Затем он поехал в Ригу — подавать в страховое общество заявление о случившемся. Однако получить пятьдесят тысяч латов оказалось делом нелегким. Страховому обществу потребовались

дополнительные сведения, оно обещало выслать на место комиссию, чтобы выяснить, при каких обстоятельствах возник пожар. Раньше Мартынова дня нечего было надеяться на получение страховой премии. Разозлившись на недоверчивых чиновников, он вернулся в Гнилуши. Разоренный человек... Что ему еще оставалось делать, как не взяться с новыми силами за лов в открытом море? «Титания» подняла якорь и ушла. В море по крайней мере Фреду не надо было строить печальную физиономию.

Пока всеобщее внимание было занято пожаром, никто не заметил исчезновения Франца. Оскар первый хватился его, но и он подождал несколько дней, думая, что паренек куда-нибудь ушел, а потом стал расспрашивать о нем рыбаков. Никто его не видел: Францу, по всей вероятности, надоело работать на побережье, и он потихоньку от Оскара, чтобы тот не стал его отговаривать, ушел в город к старым приятелям. Оскар заявил об этом в полицию, выписал его из домовой книги и подыскал другого помощника.

Прошло еще несколько дней. И вот какая-то влюбленная парочка нечаянно набрела на труп неизвестного юноши. Он лежал в заросшей кустарником ложбине, между дюн, недалеко от пожарища «Виллы Фреди», с перерезанными артериями обеих рук. В сторонке валялся нож для вырезывания поплавков. Как раненый зверь, приполз Франц в это укромное местечко и прилег на мох в ожидании конца. Корзина из-под рыбы находилась тут же, вороны ее опустошили, не пощадили они и глаз Франца.

Оскар еще раз направился в полицейский участок. Из города приехал следователь, осмотрел труп и составил акт. Все здесь говорило о самоубийстве. Но никто не мог объяснить, что заставило Франца наложить на себя руки, никто не догадался о тайной драме, которая разыгралась в сердце юноши.

Осматривая место, где был найден труп, один из чиновников обратил внимание на странное явление: на дне ложбины мох был гораздо светлее, чем в соседних местах, словно его перенесли сюда с другого места. Когда этот мох подняли, под ним обнаружили желтый сырой песок, видимо недавно взятый из более глубоких слоев почвы. Чиновник сообщил об этом следователю. Песок раскопали и скоро наткнулись на тайный склад контрабандного спирта. В яме было зарыто более ста бидонов. О находке никому из посторонних сообщать не стали, тайник замаскировали по-старому, а в дюнах оставили вооруженных наблюдателей, чтобы ночью накрыть контрабандистов с поличным.

Большая беда свалилась на «друга рыбаков». Срок розыгрыша лотереи давно уже миновал, рыбаки стали беспокоиться, а Питерис все еще не мог сказать ничего вразумительного. Тогда кое-кто из бывалых людей обратился в судебные инстанции. Следствие обнаружило любопытные факты: деньги-то Питерис собрал, но куда они делись, объяснить не мог. Разыгрался такой скандал, что сейм был вынужден предать «друга рыбаков» суду, а так как Питерис не смог в нужный момент внести солидную сумму залога, — в один прекрасный день ему пришлось сесть в тюрьму. Многих эта весть поразила, как гром с ясного неба.

Хотя на головы поморян сыпалась одна беда за другой, испытание за испытанием, проповеди брата Теодора не пользовались большим успехом. Он и собрания верующих созывал, и толковал все знамения последних месяцев: пожар, смерть Франца, разорванные бурей сети, выброшенные на берег парусники, провал Питериса и многие другие примечательные события — никто не принимал всерьез его проповедей. Даже самый ревностный его последователь, Петер Менгелис, признался как-то, что все это одна пустая болтовня, человеку-де лень приниматься за дело.

Люди пахали землю, целые дни проводили на лове в море, у них не хватало времени собираться под тихим кровом и слушать мудрые слова, имевшиеся у брата Теодора про запас на все случаи жизни. Да, за те годы, пока отсутствовал Теодор, народ глубоко погряз в прегрешениях. Тяжело, неопишимо тяжело приходилось духовному пастырю. Что значат тучные, взращенные в поте лица нивы, обремененные плодами сады и большие уловы, когда вот-вот наступит Судный день! Истинный христианин должен меньше заботиться о бранных благах, больше времени посвящать душеспасительным помыслам, не скупиться на лепту для беззаветного ловца душ, который тщетно стучится в закрытые двери!

А Ольга, эта благочестивая некогда женщина, с которой Теодор делился всеми планами, которая понимала его с полуслова!.. Напрасно старался он теперь приблизиться к ней. Поросята и телята интересовали ее куда больше, чем проповедник.

— ...Идите своей дорогой, а нас оставьте в покое, — ответила она ему, когда он попытался напомнить ей о былой близости.

Обозленный Теодор винил во всех своих неудачах Оскара. Это он заставил его несколько лет тому назад уйти отсюда, он расстроил его любовный союз с Ольгой, его влияние до сих пор сказывалось среди

рыбаков, хотя сам он уже не был прежним воякой.

После второй неудачной попытки подъехать к Ольге Теодор направился прямо в Чешуи. Не заметив Оскара ни на берегу, ни на улице поселка, он пошел к нему домой. Оскар стоял во дворе возле старых сетей с игличкой во рту и чинил их, как будто на свете не было дела важнее этого.

— Я пришел с тобою ругаться, — начал Теодор.

— По какому же случаю? — спросил Оскар гораздо более равнодушным тоном, чем ожидал проповедник.

— Ты мне совсем не желаешь помогать.

— А я, кажется, вовсе и не обещал.

— Обещал ты или нет, это другое дело, но тебе самому-то трудно разве сообразить? Почему ты не пришел на собрание верующих к отцу?

— Мне надо было ставить сети.

— Все сети да сети, как будто море куда-нибудь убежит. Я потому только молчал до сих пор о твоих похождениях, что надеялся из тебя человека сделать. Кому-кому, а тебе следовало бы поискать путей господних.

В глазах Оскара вспыхнул огонек.

— Перестань комедию ломать, мне это уже надоело! Если тебе что нужно, говори прямо. Опять пришел ко мне с вымогательствами?

— Нет, я пришел предупредить тебя. В прошлый раз ты восстановил против меня людей, которые мне доверяли. Теперь ты поможешь мне вернуть это доверие. Почему ты ни разу не замолвишь за меня доброго слова?

Оскар положил игличку на невод и подошел к Теодору.

— Ах, так ты вот чего от меня захотел, вот на что понадеялся! Чтобы я стал твоим агентом, заманивал людей на твои бредовые проповеди! Нет, приятель, на этот раз ты просчитался. Никаких общих дел у нас с тобой быть не может.

— А общий секрет у нас все-таки имеется, — ухмыльнулся Теодор. — Ты, наверно, желаешь, чтобы я заговорил о нем перед всем народом?

— И не подумаю стать куклой в твоих руках.

— А я уже давно держу тебя в руках, вот только ни разу не дернул за веревочку.

— А ну, попробуй дерни!

— Неизвестно, как ты тогда запоешь. Знаешь ли ты, какой позор падет на твою голову?

— Что там у тебя еще?

— Разве тебе этого мало?

Оскар открыл калитку и показал на нее Теодору:

— Вот тебе дорога. Ступай и болтай, что только тебе вздумается. И смотри, в моем доме больше не показывайся. Два раз я тебя отпускал небитым, но в третий раз целым ты от меня не уйдешь.

Теодор все еще не трогался с места, насмешливым взглядом окидывая вышедшего из терпения противника. Оскар подошел к нему вплотную и шепотом сказал:

— Знаешь ты, что делает попавшаяся в капкан лиса? Она перегрызает себе лапу и уходит. Уходит хромая и искалеченная на всю жизнь, но свободная.

И вдруг Теодору стало страшно оставаться возле этого человека — сумасшедших он всегда сторонился. Когда он ушел, Оскар взял игличку и продолжал прерванную работу, но мысли его были заняты другим. То, что он сгоряча сказал Теодору, не было вспышкой отчаяния, — Оскар давно думал о том, как разделаться с мучительным состоянием, и сейчас, отвергнув предложение Теодора, пришел к окончательному выводу, что единственный правильный выход — это обо всем рассказать Аните, а там — будь что будет! Жить в этой лжи, под бременем вечных угроз он больше не мог.

4

После разговора с Оскаром брат Теодор не стал задерживаться в Чешуях. Настроение у него так испортилось, что он уже ничего путного в тот день сделать не мог, поэтому он вышел на пляж и зашагал по направлению к Гнилушам.

«Еще храбрится, черт этакий, показывает на дверь! — При одной мысли об этом Теодор сжимал кулаки. — У самого кругом одни неудачи, вот-вот нищим станет, а еще нос дерет!.. Ну, смотри, немного полегче, уважаемый, так ты ничего не добьешься! Память у Теодора Калнбирзе неплохая, он обид не забывает. Чего бы ему это ни стоило, а он тебя одолеет!»

Теодор начал уже раскаиваться в том, что все это время был таким мягкосердечным и тянул с последним ударом по Оскару. Он думал поиграть с ним, как кошка с мышью, в полной уверенности, что мышь никуда не удерет, а потом, вдоволь натешившись, можно покончить с нею одним ударом. Но сейчас жертва готовилась выскользнуть из его рук. Надо было поторапливаться.

В голове его роились разнообразные планы действий, и он раздумывал, каким образом достичь наилучшего результата, — даже в таком грязном деле он думал об эффекте. Самый простой способ — это рассказать Румбайнисам о похождениях Оскара в Курземе. За несколько дней сплетня разнесется по всей округе, и можно не сомневаться, что какой-нибудь услужливый язык сболтнет ее Аните. Но Теодор скоро отбросил этот план: слишком медлителен такой способ нападения, трудно проверить его результаты. В конце концов Оскар может от всего отпереться, и неизвестно еще, поверит ли Анита сплетням. Гораздо вернее будет поговорить с Анитой самому. Плохо только, что тогда придется взять на себя роль доносчика, — к чести его это не послужит. А вдруг Анита не поверит его словам и потребует доказательств, неопровержимых фактов? Кто из артели согласится пойти тогда в свидетели? В конце концов это не такое уж простое дело. Погрузившись в размышления, Теодор прошел мимо нескольких рыбаков, работавших на берегу, не ответив на их приветствия, и чуть было не попал в лужу, оставшуюся после недавней бури. Только подходя к Гнилушам, он улыбнулся случайно промелькнувшей в голове мысли, тихо засмеялся, и лицо у него прояснилось. Он даже ускорил шаги, так ему не терпелось приняться за дело. Да, это в самом деле эффектно, настоящий фейерверк! И главное — сам он останется в стороне.

Придя к Румбайнисам, Теодор достал бумагу, чернила и попросил, чтобы его не беспокоили. Здесь, как у Петера Менгелиса, ему была предоставлена отдельная комната. Оставшись один, он сел за стол и написал следующее письмо:

«Возлюбленная моя Марта!

Прошло уже много месяцев с тех пор, как мы расстались. Невыносимо одиноко и тяжело было мне все это время. Каждый день я мечтал о тебе, жаждал тебя видеть или получить от тебя письмецо, но ты, наверно, уже забыла меня. И никто, никто не может мне рассказать, как ты живешь, что делаешь и вспоминаешь ли хоть изредка своего друга Оскара. Я ждал от тебя письма, я жил этой надеждой, но ты мне не написала... О, неужели я для тебя больше ничего не значу, неужели ты могла так легко забыть прекрасные дни нашей дружбы? Ах, как бы все было хорошо, если бы я не погорячился и не уехал от вас! Я уже давно сожалею об этом, все время думаю, что сам разбил счастье всей жизни. Я хотел написать тебе раньше, но потерял адрес...

Сейчас я его взял у твоего брата. Теодор снова в наших краях, и мы с ним подружились. Он оказался прекрасным человеком! Я тебе много чего наболтал про него, но сейчас хочу взять свои слова обратно.

Милая Марта! Может быть, ты мне и писала? Тогда определенно кто-то перехватывает твои письма. Я думаю, что это моя жена, от нее всего можно ждать. Она разбила мою жизнь, я сам не понимаю, как я мог так долго мучиться с таким человеком. Если у тебя еще сохранилась ко мне хоть капля нежности, то, прошу тебя, сжался над своим несчастным другом, покажись ему хоть разок. Ведь ты мне милей жизни!.. Я к тебе приехать не могу, у меня так сложилась обстоятельства. Но ты ведь могла бы приехать, у вас в усадьбе все главные работы окончены. Скажи, что ты хочешь съездить в Ригу, и тебя отпустят. А сюда от Риги всего несколько часов езды. Ну будь же добра, приезжай. Я хочу с тобой поговорить о многом таком, что нельзя доверить письму. Может быть, нам удастся окончательно решить нашу судьбу. Если приедешь (я надеюсь, это будет так!), не откладывай этого в долгий ящик, больше терпеть я не в силах. В Риге садись в автобус, а когда доедешь до местечка, там тебе каждый покажет, как попасть в Чешуи. Когда будешь здесь, не спрашивай, где я живу, а выйди на берег и подожди меня возле будок для сетей, — их ты сразу увидишь. О приезде извести меня письмом. В этот день я не выйду на лов, а буду дожидаться тебя. Пиши мне так: Н-ская почтовая контора, до востребования, предъявителю лотерейного билета № 24715. Тогда я наверняка получу твое письмо, и никто об этом не узнает.

Теперь я каждый день буду ждать от тебя вестей и ходить на почту. Не разбивай моих надежд! Все мое счастье теперь зависит от твоего приезда. Может быть, ты сможешь приехать на будущей неделе? До свидания, моя ненаглядная! До скорого свидания!

Твой несчастный бесконечно любящий Оскар».

В тот же вечер Теодор опустил письмо в почтовый ящик. Давно у него не было такого хорошего настроения, как сейчас. «Ну, теперь ты у меня попрыгаешь! — ликовал проповедник в предвкушении надвигающихся событий. — Теперь ты у меня запоешь по-другому!»

Каждую осень во время молотьбы в Калнбирзы съезжалось на толоку множество народу с окрестных хуторов. В этом году к молотьбе приступили позднее из-за дождливой погоды, которая задержала уборку урожая. Наконец в один из тех ясных осенних дней, равных которым не знают другие времена года, во двор к Калнбирзам въехала молотилка и остановилась у нового амбара. Вместе с ней прибыла большая толпа парней и девушек, соседи-хозяева с лошадьми, запряженными в низкие телеги.

Небо было ясное, в воздухе чувствовалась легкая прохлада, глубокая тишина царила над осенними полями. Лишь кое-где молча копошился возле копен пшеницы и ячменя какой-нибудь крестьянин. Далеко внизу лежало озеро, темное и спокойное. Высоко в поднебесье строилась в далекий путь стая журавлей, грустными криками прощаясь с северной родиной. С ними перекликались на болоте дикие гуси; скворцы огромными стаями перелетали с одного поля на другое, тренируя молодое поколение перед долгим странствием. Полевые мыши бегали в стерне, большие крысы и хомяки таскали в зубах тяжелые колосья пшеницы.

Монотонно гудела молотилка, нарушая покой тихого осеннего дня, зерно за зерном падало в мешки, быстро рос омет соломы.

По дому в тот день хозяйничала Марта, — матери впору было только управиться со скотиной. Марта еле успевала за всем приглядывать, но ей приятны были эти хлопоты, эта беготня из дому в клеть и обратно. Время бежало быстро, раздумывать было некогда.

Незадолго до обеда какой-то парень соскочил с велосипеда перед воротами хутора и направился к дому. Собаки, радостно повизгивая, запрыгали вокруг него. Не встретив никого во дворе, он зашагал в кухню. Марта подкладывала в плиту хворост и не слышала его шагов. Парень улыбнулся, подкрался к ней со спины и вдруг прикрыл ей глаза своими большими ладонями.

— Угадай, кто пришел? — сказал он, стараясь изменить голос.

Марта покраснела и стала вырываться, но он был намного сильнее ее.

— Не могу и придумать. Наверно, кто-нибудь из соседей.

— Это не ответ. Назови по имени.

Марта перебрала по именам несколько соседних парней.

— Не угадала!

— Ну, пусть теперь, ты же видишь, что у меня времени нет. Мясо

пережарится.

— Отгадай, тогда пущу.

— Ну, если уж так страшно хочется, чтобы отгадала, тогда скажу. Ян Илмат.

Парень, засмеявшись, отпустил Марту и сразу же как-то присмирел. Робко поглядывая на девушку, он перебирал пальцами пуговицы своей куртки.

— Я ведь сразу узнала, что это ты, — сказала Марта, подходя к плите. — Откуда ты сейчас?

— Отвозил брата на станцию, потому и не приехал с самого утра. Не знаю, примут ли меня сейчас в толочане...

— Да уж неизвестно, как на это поглядят. Такие работнички, которые знают только, когда садиться за стол, нам не очень-то подходят, — пошутила Марта.

— Может, на этот раз согласятся. Я ведь не с пустыми руками пришел. У меня для тебя гостинец.

Марта серьезно взглянула на Яна.

— Думаю, что он тебе придется по душе. — Парень вынул из кармана письмо и помахал им издали. — Был в волостном правлении и захватил.

Марта протянула руку за письмом.

— Спасибо, что догадался.

— Одним «спасибо» не отделаешься, — поддразнивал ее парень.

— Что же ты еще хочешь?

— Сама должна сообразить.

— Хорошо, я тебе дам целый лат...

— Деньги ты могла дать и почтальону. Раз я сделал это по дружбе, тебе тоже надо показать себя другом.

— Мне сперва надо узнать, стоит ли оно этого... Ну, хватит тебе баловаться, давай его сюда.

Притворившись, что письмо ее мало интересует, Марта отвернулась и начала расставлять посуду.

Видя, что она нахмурилась, Ян передал ей письмо.

— Ну, на же, на, не сердись только. Тебе, наверно, не нравится, что я захожу к вам?

Марта устало улыбнулась.

— Зачем ты так говоришь, — тихо ответила она. — Тебе ведь самому хорошо известно, что я думаю.

Ян еще немного помешкал, затем, словно в извинение, пробормотал что-то и вышел. Марта спрятала письмо на груди, не отрываясь от дела. От

кого же это? Лишь изредка присылал ей кто-нибудь строчку, подруг на стороне у нее не было.

Только после обеда, когда толочане снова взялись за работу, у Марты выдалась свободная минутка, чтобы прочесть письмо — письмо, написанное Теодором от имени Оскара. Она прочла его раз, другой, и ее спокойствие вмиг улетучилось. Вот оно — такое неожиданное и все же долгожданное! Снова ожила мечта о несбыточном, притихшая, затаившаяся в сердце. Печальный тон письма вызвал в девушке чувство невыносимой грусти, бесконечной жалости. Как тяжело ему живется на родине! До какого же он дошел отчаяния, если решился на такие откровенные строчки, заговорил словами, которые раньше осмеливался произносить лишь шепотом... Он ничего не забыл, все время думал только о ней, тосковал, мучился... И ведь это уже не сон, не безумная мечта: она ему нужна, он ее ждет, будущее манит тысячами прекрасных обещаний.

«Я должна поехать к нему, чем бы это ни кончилось... Обязательно поеду».

С этой минуты Марта стала сама не своя. У нее не нашлось ни одного ласкового взгляда для робкого парня с соседнего хутора. Она больше не замечала его, хотя вечером, после работы, Ян Илмат неотступно, как тень, бродил за ней, с молчаливым упорством ожидая от нее приветливого слова. Ах, она ведь знала его мысли, но что поделать, если иные чувства завладели ее сердцем.

На следующий день, когда в Калнбирзах снова стало тихо и безлюдно, Марта объявила родителям, что ей хочется съездить на недельку в Ригу, кое-что купить. Отец, правда, удивился внезапному ее решению, но возражать не стал.

— Ну, поезжай, если хочется. Дела покамест терпят.

Мать тоже не нашла в этом ничего особенного:

— Достаточно она насиделась в этой глуши. Молоденькая, хочется немного проветриться...

Марта не стала медлить и, как только представилась возможность, собралась в дорогу. Перед этим она сообщила Оскару о дне приезда. Письмо она адресовала, как ей было указано, на почтовую контору, предъявителю лотерейного билета.

В день отъезда Марта встретила на станции Яна Илмата.

— Смотри не убеги от нас совсем, — пошутил он. — Меня с собой возьмешь?

— В следующий раз, — ответила она шуткой на шутку. — Если уж я кого возьму с собой, так только тебя.

Радостное волнение царило в доме старого Клявы: пришло письмо от Роберта, из которого явствовало, что в будущую пятницу он приезжает в гости, — а что еще могло доставить столько удовольствия обоим старикам? С тех пор как дела у Роберта поправились, он снова приобрел благорасположение родителей. Да и как же иначе, если он и денюжат присылал им время от времени и без подарков никогда не являлся!

В пятницу утром Клява послал в местечко работника на лошади, чтобы встретить Роберта. Он бы поехал сам, да, кроме него, некому было позаботиться о свежей рыбе к обеду, как об этом просил Роберт, а женщины — разве они знают в этом толк? Артель, в которой участвовал Клява, притоняла невод с самого утра, и, как всегда бывает осенью, тайменей попало больше, чем остального добра. Клява принес двенадцатифунтовую мачку, округлую от икры, и несколько штук сырты.

— Думаю, что хватит, — сказал он, выкладывая на стол рыбу.

— Что ты, что ты, да они разве с голоду помирают! — вскрикнула Клявиене. — Им ведь только так, полакомиться!

— Смотрите, чтобы не пережарилась, как в прошлый раз!..

— Ты еще будешь учить, как рыбу жарить?

— Вы сами-то ни до чего не додумаетесь.

Мать попросила Лидию убрать комнатку Роберта, в которой надо было поместить обоих гостей. Лидия все утро провела в доме родителей — вымыла окна, смахнула пыль и паутину, застелила кровати чистым бельем. Пока женщины сустились по хозяйству, старый Клява все время мешал им. Он и не пытался помочь, а только всюду совал нос и давал советы.

Наконец Клявиене не выдержала:

— Лучше бы наколот дров или воды принес. Мы и уберем все и приготовим, а когда приедет Роберт, то он будет принимать на готовенькое.

— Да ведь мне он всегда был дороже, чем тебе!.. Пусть-ка кто-нибудь столько сделает для сына, сколько я сделал для Роберта! Я полагаю, он это и сам понимает.

— Ну да, как же, — отрезала задетая за живое Клявиене, — ты только один о нем заботился. А другие что — вроде лютых псов были?

— Чего ты на стенку полезла?! Я последние штаны готов был снять с себя, лишь бы он получил образование, вышел в люди. Сама теперь видишь, что я не ошибся... Ни у одного рыбака нет такого сына.

— Лучше бы болтал поменьше. До чего хвастливый старик, глядеть на

тебя тошно. Было время, когда ты вел совсем иные речи. Когда Оскар начал разживаться, ты о Роберте почти заботиться перестал. Пусть мальчишка живет как знает — есть у него там, в Риге, кусок хлеба, нет ли — тебя это нисколечко не беспокоило. Матери, словно воровке какой, тайком приходилось помогать ему. А теперь, где бы ни показался сын, старик тут как тут, уж не знает, как и похвалиться своей любовью. Думаешь, Роберту очень это приятно, когда ты пристаешь к нему?

— С чего это ему будет со мной неприятно? Мы разговариваем о важных делах, как подобает мужчинам. А того ты не понимаешь, что Роберту надоело твое вечное лизанье! «Сыночек, что с тобой? Роберт, деточка, не захворал ли ты, не болит ли у тебя горлышко? На, обвяжи шейку шарфиком, одевайся потеплее...» — передразнивал ее Клява. — Разве такое сюсюканье не опротивеет?

— Это-то еще можно стерпеть, а вот когда ты напьешься, да начнешь лезть со своей вонючей мордой да брызгать на него слюной, так прямо с души воротит.

— Никогда еще не замечал, чтобы я ему опротивел! — раздраженно крикнул Клява.

— Приходится терпеть, ничего не поделаешь, когда старикашка не понимает.

Лидия готова была расхохотаться, слушая этот нелепый спор. Старики перешли уже на ругань, и она начала тревожно посматривать на посудную полку — как бы отец опять не выкинул старый номер: разъярившись, он иногда бил посуду. Так и есть, первые признаки надвигавшейся грозы были уже налицо. Клява поднялся со скамьи и начал нервно расхаживать из одного угла в другой. Но ругань не прекращалась. Тогда Клява, проходя мимо стола, на котором стояла с самого краю глиняная кружка, будто невзначай смахнул ее на пол. Она с треском разлетелась на осколки.

— Опять, образина, за посуду принялся! — закричала Клявиене.

Этого он только и ждал. Былая удасть проснулась с прежней силой. Клява подскочил к полке, схватил тарелку и трахнул ее об пол так, что черепки разлетелись по всем углам. Конечно, Клявиене опроретью кинулась спасать свое добро. Любящий отец, оскорбленный в своих лучших чувствах, теперь уже отступить не мог — мужское самолюбие требовало, чтобы он доказал, кто здесь господин и хозяин. То по одной, то по несколько штук разом хватал он тарелки, кружки, стаканы и блюда и яростно бросал на пол. Когда на полках ничего подходящего не осталось, он пихнул ногой ведро с водой и опрокинул кадку с помоями. Клявиене стояла рядом с мужем и кричала пронзительным голосом:

— Погляди, погляди, дочка, какой умный у тебя отец! Боже ты мой, и где только такой скот уродился!

Кухня напоминала настоящий ад: везде валялись осколки посуды; помои лужей разлились по всему полу; подгоревшая на сковороде рыба невыносимо чадила; визгливые крики женщины и рычание разъяренного старика раздавались все громче. А тут еще из плиты выпала тлеющая головешка, дым немилосердно ел глаза, и всем поминутно приходилось вытирать слезы... И все-таки причиной этого переполоха была любовь. Да, странно проявляется иногда это чувство!

Лидия выбежала во двор, в то время как родители, стоя над грудой черепков, продолжали обвинять друг друга в учиненном разгроме. Рыба продолжала пригорать на раскаленной сковороде, головешка дымила, а в соседних дворах люди обменивались понимающими взглядами. Это могло продолжаться, пожалуй, до самого вечера, если бы в кухню не вбежала запыхавшаяся Лидия:

— Едут, едут! Уже в конце улицы показались!

Мгновенно все смолкло. Только сейчас они оценили все неприличие происшедшего. За Роберта можно было не беспокоиться, ему такие сцены были не в диковинку, но что скажет чужой человек, друг Роберта! Что он подумает!

Клява, стыдливо опустив глаза, выскользнул за дверь, а женщины опрометью бросились прибирать кухню. Надо было поторапливаться, так как Роберт мог появиться в любую секунду.

Когда черепки были кое-как сметены в один угол, Клявиене вспомнила о сковороде. Огонь в плите погас, дров больше не осталось, снова надо было чистить рыбу... Как ошпаренная, носилась Клявиене из кухни в кладовку, из кладовки в сарайчик. Лидия побежала к Бангерам занять что-нибудь из посуды, а то нечего было и на стол поставить.

— У нас несчастье, — сказала она мадам Бангер. — Во время мытья посуды опрокинулась лохань и все тарелки разбились...

Мадам хорошо знала, отчего они разбивались у Клявов. Счастье еще, что большие миски во время катастрофы действительно находились в лохани; Клява их не заметил, и поэтому они уцелели. Пока Лидия укладывала посуду в корзинку, рессорная тележка вкатилась во двор, и любящий отец поспешил принять в объятия любимого сына.

Всю неделю у Клявов ломали головы, стараясь угадать, о каком же это друге уведомлял в письме Роберт. Кого только они не вспоминали, но так и не могли догадаться, что приедет Сартапутн. Инженер с первого взгляда почувствовал, насколько неожиданным было его появление. Старый Клява, который в первые минуты свидания с сыном больше никого не замечал от радости, даже в лице изменился, когда тот представил ему «нашего общего друга и знакомого». Выражение умиления сразу сошло с его лица, он что-то забормотал и нехотя подал инженеру руку.

— Так это вы будете... Ну, здравствуйте, господин инженер. Давайте проходить в дом... Приятно, что вы вспомнили про наши края...

В кухне, где поджидала сына Клявиене, повторилось то же самое: появление Сартапутна всех озадачило и вместо ожидаемых радостных возгласов гостей встретило тягостное молчание. Казалось, инженер распространял вокруг себя леденящий холод, от которого застывали на губах ласковые слова, угасал блеск в глазах.

Клявиене, не найдя слов для разговора, посуетилась немного и ушла из кухни.

«Неважное начало», — с горечью подумал Сартапутн. Как человек воспитанный, он сделал вид, что не замечает всеобщей холодности, и старался держаться непринужденно. У Клявов он еще ни разу не бывал, потому что во время строительства гавани ему не приходилось иметь дела с отцом Роберта. Поэтому можно было, не насилуя себя, заинтересоваться устройством типичного рыбацкого дома, расспросить о рыболовных снастях, находившихся в комнате. Хотя ему отвечали достаточно вежливо и даже с улыбкой, но все объяснения были до того скупы, что Роберту часто приходилось самому дополнять их.

«Если бы я уехал нынешним вечером, — думал Сартапутн, — они даже не сделали бы попытки отговорить меня. Ну, ничего! Как хотите, друзья, а я убраться не намерен».

Он понимал, что ему будет нелегко скрыть истинную цель приезда и действовать придется с величайшей осторожностью.

Уплетая за обедом жареного тайменя, Роберт начал расспрашивать родителей о последних новостях.

— Эх вы! — пошутил он. — Дали сгореть такой прекрасной гостинице!

— И слава богу, что ее больше нет, — сказала Клявиене. — По крайней мере народ теперь опять начнет привыкать к дому.

— Гм-да, страшное происшествие, — пробормотал Клява. — Никто не может в толк взять, как это могло случиться. Осень была не из сухих. Кое-

кто думает, что огонь подложили в отместку.

— Разве у Фреда были здесь враги? — удивился Роберт. — Он ведь ухитрился со всеми ладить.

— Поди узнай про каждого, что у него на уме...

— А что сам Фред говорит?

— Что ему говорить? Страх как расстроился человек! Первое время боялись, что совсем рехнется.

— А чего уж ему так-то расстраиваться, — ввязалась в разговор Клявиене, — когда он застраховал гостиницу. Может, сам же ее и...

Она прикусила язык, вспомнив о присутствии Сартапутна.

— Я и мысли не допускаю, чтобы это сделал сам Фред, — нарочно продолжил разговор на эту рискованную тему Роберт, чтобы показать родным, насколько он доверяет Сартапутну. — Никакого расчета ему не было.

Но стариков невозможно было разубедить. Разговор не клеился. Тогда Роберт стал разузнавать о соседях, спросил, держится ли еще кооператив и не придумал ли чего-нибудь нового Оскар.

— Оскар ни во что больше не вмешивается, — ответил Клява. — Он уже перебесился, пусть теперь другие попробуют.

— Разве ему сейчас до того! — вздохнула мать и снова замолкла, вспомнив про Сартапутна.

— А что с ним такое? — спросил Роберт, который ничего не знал о неурядицах в семье брата.

— Да чего об этом сейчас говорить, — ответила мать и вышла в кухню.

— Надо будет вечером зайти к нему, — сказал Роберт.

— К Оскару? — отец посмотрел на сына. — Сегодня ты его не застанешь. Он еще утром ушел с Джимом далеко, к видземскому берегу, хочет попытаться там счастья. Домой вернется не раньше, как в воскресенье утром.

— По способу Фреда? — усмехнулся Роберт.

Сартапутн должен был сдерживать себя, чтобы не выдать радости, вызванной известием об отсутствии соперника. Оскар пробудет в море до воскресенья... Анита дома одна... Что могло быть удачнее такого стечения обстоятельств!.. Теперь не придется ждать случая и конфузливо прогуливаться по поселку. Сегодня же он может с нею встретиться... Мгновенно были забыты все неприятные впечатления от оказанного ему приема, инженер ожил, вступил в общий разговор, и обед закончился гораздо веселее. Возможно, что оказала свое действие и крепкая настойка,

которую вынес гостям старый Клява.

После обеда приезжие сходили на берег осмотреть гавань. Сартапутн взглядом знатока оценил свою работу. Нет, за нее краснеть ему не придется, мол держится хорошо, фарватер достаточно глубок. Да иначе и быть не могло: все делалось основательно и без спешки, ему в то время торопиться было некуда!

Увлеченные разговором о влиянии современной техники на духовную культуру (тема эта в последнее время стала серьезно интересовать Сартапутна), они несколько часов медленно прогуливались по пляжу и дошли до самого устья Зальупе. Когда вернулись к молу, ранние осенние сумерки уже окутывали дюны, в поселке там и сям замерцали огоньки.

— Придется вернуться домой, — сказал Роберт. — Что-то прохладно становится.

— Разве? — Сартапутн задумчиво всматривался в сумрак. — Я бы не прочь побродить еще немного. Ну да все равно, пойдем.

Он уже всеми помыслами был с Анитой. Наверно, сидит сейчас одна... Конечно, она уже знает о его прибытии — здесь все новости мгновенно передаются из дома в дом. Может быть, ждет его прихода.

Они свернули к поселку и некоторое время шли молча. Сартапутн достал папиросы и угостил Роберта. Они остановились закурить.

— Знаешь что, — тихо начал инженер. — Мне надо сегодня еще кое к кому зайти. Ты извинишь меня, если я тебя покину?

Они переглянулись.

— Уж не свидание ли? — с понимающим видом усмехнулся Роберт.

— Вроде этого... — ответил с улыбкой Сартапутн.

— Ох, какой ты нетерпеливый, старый повеса! Ну, что с тобой поделаешь! Конечно, иди и обо мне не беспокойся. Ужинать ты будешь?

— Скорее всего нет. Я, по всей вероятности, вернусь очень поздно! Нельзя ли устроить так, чтобы мне не пришлось будить твоих домашних?

— Пустяки какие. Стоит еще беспокоиться.

— Все же неловко как-то.

— Постучи тогда ко мне в окно. Третье со стороны лимана. Я тебя впущу.

— Мерси! — Сартапутн пожал Роберту руку. — Можешь сказать дома, что я пошел к Бангерам или что-нибудь в этом духе.

— Ладно, устрою. Только смотри, как бы тебя не разделали поселковые парни, — пошутил Роберт. — Они у нас бедовые.

Роберт ушел. Подождав, пока он скроется в темноте, Сартапутн свернул с дороги и направился через дюны к новому дому на краю поселка.

«Анита, — беззвучно шептали его губы. — Я иду к тебе, я уж близко... Чувствуешь ли ты это?»

Дома Роберту пришлось выдержать неприятную сцену. Лидия ушла, а отец с матерью сидели в кухне у печки и встретили сына тревожными взглядами.

— Ты один? — быстро спросила мать. — Куда же делся этот... друг-то твой?..

— Он ушел к Бангерам и, наверно, просидит там допоздна. Ужин оставлять не надо.

— Та-ак! — Мать с отцом обменялись многозначительными взглядами. — Значит, к Бангерам! Ну да, тогда она тоже туда придет...

— Кто это она? — спросил Роберт, снимая пальто.

Ему долго никто не отвечал. Затем мать вздохнула:

— На что тебе понадобилось, Роберт, привозить этого человека?

— Как на что? Разве он вам мешает?

— Неужели ты ничего еще не знаешь? — заговорил молчавший до сих пор отец. — Хотя, скорее всего, он тебе ничего не рассказывал.

— Да в чем дело?

Тут только Роберт узнал, зачем приехал в поселок Сартапутн. «Вот оно что, — удивленно думал он, услышав от родителей о связи Аниты с инженером. — Потому-то ты так быстро и согласился на эту поездку...»

8

Эдзит весь день провел на улице — строил с соседскими ребятами города из песка, прорывал русла для рек. Аните не удалось уложить его днем, поэтому за ужином он то и дело засыпал и без всяких капризов улегся в кроватку. Анита занялась мытьем посуды и уборкой комнат, а потом взяла начатое рукоделие и под села к окну. Медленно рос пестрый узор на сером сукне; вокруг было тихо и тепло. Настольная лампа с красным абажуром разливала мягкий свет. Углы комнаты утопали в полумраке.

Анита уже знала о приезде Сартапутна. Странно, что это известие ничуть ее не встревожило. С прошлой зимы она не получала о нем никаких сведений; по обоюдному согласию, они не переписывались, не напоминали о себе друг другу. И теперь Анита не могла постигнуть причину его внезапного приезда. Это ведь не соответствовало принятому ими решению. Значит, Сартапутн забыл обещание? Свое она все время выполняла честно.

Она не ошиблась в себе: незаметно проходило увлечение — мечты кончились, погасли радужные иллюзии. И ослепленные на короткое время глаза ее снова увидели землю и людей. Без мучительной борьбы, без колебаний и сожалений об утраченном она освободилась от власти манящих снов, обрела душевное равновесие и способность трезво судить о своих чувствах. Зачем же он все-таки приехал? Анита не боялась встречи — нет, больше она не повторит ошибки, — она только думала о том, какой трудный разговор предстоит ей. Что она ему скажет? Как это все произойдет? Как плохо, что Оскара нет дома. Нужно же было ему уйти так далеко!

Кто-то постучал в дверь. Тихо, несмело. Анита знала, кто это. Она вздрогнула и пошла открывать. За те несколько секунд, пока она проходила через кухню и нащупывала в темноте дверь, Анита ясно увидела всю бессмысленность создавшегося положения. Где-то далеко, в темном море, одинокий человек проводит ночь в лодке; может быть, он не спит, а сторожит сети, думает о ней. Тихо плещется волна о борта, чуть зыблется вокруг море, и сквозь тучи не светит ни одна звезда. Он курит, думает о семье и больше не чувствует себя одиноким. А в это время чужой человек стучит в его дверь, и жена идет ему открывать. Аните казалось, что на ее плечи взвалили непосильную ношу. Как это тяжело, как нелепо!

В дверях стоял Карл Сартапутн. Он улыбался и глядел на нее точно так же, как раньше, не скрывая радости. И вдруг эта улыбка показалась ей неприятной.

— Зачем ты пришел? — спросила она. — К чему все это?

— Анита, любимая, пойми, что иначе я не мог, мне надо тебя видеть... — быстро, словно испугавшись, что она уйдет, зашептал он.

В болезненно-восторженном тоне его слов было что-то театральное.

— Если бы ты знала, как я истосковался по тебе за это время. Больше я не в силах выносить это...

До чего знакомые слова! Сколько раз она их слышала со сцены и читала в книгах! Неужели так беден язык человеческих чувств?

— Ты ведь меня не прогонишь? Ты позволишь войти и поговорить с тобой?

— Заходи, пожалуйста, — сказала она.

— Ты недовольна моим приходом? Если так, я могу уйти...

«Если я скажу: уйди, ты станешь умолять, чтобы тебя не прогоняли, — подумала Анита. — А если бы я настояла на своем, сейчас же посыпались бы упреки в жестокости». Но она ничего не сказала.

Войдя в комнату, Сартапутн обвел стены вопросительным взглядом.

— Ты одна? — шепотом спросил он.

— Эдзит спит, — Анита кивнула на дверь. Сартапутн потянулся к ней, хотел поцеловать. Опять она подумала, что все это уже известно, уже надоело, и именно этого она ждала от него.

— Оставим это, не надо, — сказала она, освобождаясь из объятий. — Сядь сюда, на диван.

Теперь Сартапутн понял, что эта женщина больше никогда не будет принадлежать ему. Кончилась игра в любовь... И от этой мысли с него разом слетело все искусственное. Опять все стало гораздо проще, обыденнее. Он смущенно закашлялся и сел на диван.

— Значит, так... Ты не хочешь больше... — пробормотал он, но вместо трагической гримасы его губы искривила усталая усмешка.

— Тебе самому пора бы до этого додуматься, — холодно ответила Анита. — Мы же так решили.

— Да, конечно, я этого не забыл. Но я не думал, что ты так легко перешагнешь через это.

— Вот видишь, иногда мы, женщины, оказываемся сильнее вас, мужчин... — улыбнулась она в первый раз. — Не нужно только внушать себе мыслей о несбыточном, и тогда все будет легко.

Сартапутн долго глядел на нее испытующим взглядом, словно желая убедиться, действительно ли она так думает. Но в ее спокойствии было слишком много естественности, чтобы можно было в нем усомниться. Чужая, далекая женщина сидела против него. Он понял окончательно, что прошлого ему уже не вернуть.

— Жаль, что все это кончается таким образом... Остается думать, что ты меня никогда не любила.

— Мне только казалось, что я люблю. — Она спокойно посмотрела ему в глаза.

— Все-таки — нет?

— Да, это так.

— А я-то обольщался... Оказывается, на мои чувства никогда не отвечали так искренне, как я воображал.

— Ты первый стал искать близости... А потом уж я поплыла по течению.

— И все время оставалась безвольной, пассивной?

— Так оно и было.

— Как, вероятно, тебе теперь смешно вспоминать мою наивную самонадеянность! Вообразил-де бог знает что, а я только позабавилась.

— Ах, нет же. Ничего смешного в этом не было. Был прекрасный,

довольно опасный сон, который при других обстоятельствах мог претвориться в явь. Но над снами ведь не смеются.

— Какой ты стала рассудительной, — иронически заметил Сартапутн. Анита не ответила.

— Я, дурак, строил воздушные замки, воображал, что впереди нас ждет счастье, что мы преодолеем все преграды... И все это — только мираж.

— Ты об этом жалеешь?

— Мне стыдно за себя. Почему ты мне этого не сказала раньше?

— Раньше я и сама не знала.

«А может быть, она говорит так нарочно, чтоб скорее излечить меня от этого чувства, — подумал Сартапутн. — Чтобы я поскорее все забыл?»

— И ты думаешь теперь, что всю жизнь будешь довольна судьбой? Хватит ли тебе того счастья, которое дает тебе муж?

Анита пожала плечами:

— К чему думать о том, что еще неизвестно. Он первый человек, которого я полюбила, и пока единственный. Возможно, что он будет и последним...

— Да, в тебе действительно много рассудительности. Благодарю за откровенность.

— Ты сердишься?

— Разве у меня осталось на это право?

Жестоко обманутый в своих надеждах и все же до того спокойный, что даже ему самому в это не верилось, сидел на диване Сартапутн. Человек беснуется лишь до тех пор, пока у него есть хоть тень надежды. Но когда ее больше не остается, он унимается. Только тот, кто не в состоянии ничего понять, продолжает сопротивляться. Сартапутн притих и грустно опустил голову, чувствуя, что он здесь лишний. Молчала и Анита. Они сидели так близко друг к другу, оставаясь в то же время бесконечно далекими, чужими людьми. Таинственный красноватый свет, падавший на их лица, придавал им выражение счастливой истомы. Но и это был такой же мираж, как все их прошлое.

Часы пробили полночь.

Когда стих последний удар, Сартапутн поднял голову. В соседней комнате застонал во сне Эдзит.

— Пора уходить.

Его приглушенный голос странно прозвучал в тишине комнаты. Он тихо приподнялся с дивана.

Анита тоже поднялась. Ее рукоделие давно было отложено в сторону. Они улыбнулись, ни слова не сказали друг другу. Сартапутн взял шляпу и пошел к двери. Как тень следовала за ним Анита. Окна кухни не были занавешены, чуть заметный отблеск звезд падал на темные предметы. Сартапутн, вытянув вперед руки, как слепой, искал дорогу. Он забыл, в какой стороне была дверь.

— Немного левей, — сказала Анита и в темноте обогнала его. — Вот она.

Он повернулся к ней, но его нога за что-то зацепилась при повороте, инженер потерял равновесие и тяжело упал на пол. Невидимое препятствие продолжало удерживать его ногу, что-то хрустнуло, и он почувствовал нестерпимую боль в ступне.

— Что с тобой? — испуганно спросила Анита, нагибаясь к нему.

— Ничего, я немного споткнулся, — в изнеможении шептал Сартапутн, подавляя готовый вырваться стон. Сгоряча он попытался встать, но как только попробовал опереться на поврежденную ступню, острая боль пронзила все его тело и заставила снова опуститься на пол. Несколько мгновений Сартапутн ничего не помнил от боли — голова трещала, сознание затуманилось, и он только тяжело стонал, стиснув зубы, как истерзанное животное. Очнувшись, он увидел перед собой стакан с водой, который держала, нагнувшись над ним, Анита. Она уже успела вынести из комнаты лампу и поставила ее на табуретку. Лицо Сартапутна покрылось потом — и не только лицо, но и шея, грудь и все тело.

— Что с тобой случилось? — тревожно повторила Анита. — Ты сильно расшибся?

— Не знаю... — ответил он. — Наверно, ничего серьезного... только я на минуту потерял сознание. Будь добра, помоги мне приподняться.

Анита переставила лампу с табуретки на стол и поддержала Сартапутна, пока он привстал на колено и, опираясь на здоровую ногу, дотянулся до табуретки.

— Сними ботинок, или, погоди, лучше я сама разую, — сказала Анита.

— Не нужно... — Сартапутн отстранил ее руку. — Все пройдет, вот уже легче становится.

Но легче не стало. Ступня горела, как в огне, и голень начала быстро вспухать. Сартапутн осторожно ощупал поврежденное место. Не оставалось никаких сомнений, что нога вывихнута или сломана.

— Что нам теперь делать? — спросила Анита. — Тебе как можно скорее нужно к врачу. Вдруг что-нибудь опасное!

Он удивленно взглянул на нее:

— К, врачу? А как я к нему попаду?

— Я побегу к родителям, скажу, чтобы Эдгар запряг лошадь...

Она уже взялась за пальто.

— Подожди, — решительно сказал инженер. — Ты никуда не пойдешь.

— Почему? Тебе ведь нельзя ждать.

— Анита, — он попытался улыбнуться, — подумай, к каким это приведет последствиям. Как ты объяснишь, почему я очутился здесь в такое позднее время? Нет, ты никуда не пойдешь, никто не должен знать, что мы встретились этой ночью. Именно теперь они и не должны об этом знать.

— А что будет с тобой? Не сейчас, так утром тебя все равно увидят здесь. Чем это лучше?

— Никто здесь меня не увидит... Не должен видеть. До утра еще далеко, как-нибудь выберусь.

— Да ты ведь не можешь ходить.

— Смогу... поверь мне... Дай мне еще воды.

Он выпил весь стакан и стал обдумывать положение. Оно было действительно не из легких. Если его завтра увидят здесь, Аните житья не будет в поселке. Никто не поверит, что между ними все кончено, что они встретились лишь затем, чтобы проститься навсегда. Отовсюду потекут, грязные потоки сплетен, и Анита захлебнется в них.

— Не можешь ты мне достать какой-нибудь костыль, чтобы было на что опираться? — спросил Сартапутн.

— Ты... хочешь уйти? — смущенно шептала Анита. — Это же чистое безумие.

— Ну, не тяни же. Прости, что я так говорю, — я не могу допустить, чтобы из-за моей слабости пострадали другие. Ну, послушайся же меня, умоляю тебя.

Сартапутна невозможно было уговорить. Он больше не стонал. Собрав все свои силы, он притворился бодрым и даже веселым. Стоит ли из-за этого волноваться? Небольшой ушиб, растяжение сухожилий, больше ничего.

— Не будем создавать из этого трагедии...

Они обсудили, чем лучше всего воспользоваться вместо костыля. Оказалось, что у Оскара в клетки было несколько косовиц. Сартапутн

попросил их принести. Он срезал концы у двух косовиц, примерил, взяв их под мышки, и попробовал пройтись по кухне.

— Сойдет. Попрошу тебя еще об одной малости. Проводи меня до калитки, сам я вряд ли смогу ее закрыть.

Он даже повеселел. Но губы у него дрожали, предательская бледность не сходила с лица, и капли холодного пота выступили на лбу.

— Прощай, Анита. Ну разве это не смешно, что мне приходится уходить от тебя в таком виде? Слыхал я, что любовь делает людей слепыми и сводит с ума, но, наверно, впервые случается, что она сделала человека хромым. — И он рассмеялся, как мальчишка, над грустной шуткой.

Анита не смеялась. В раздумье глядела она ему вслед, пока он не скрылся в темноте, медленно волоча поврежденную ногу. Она закрыла калитку и вошла в дом.

Сартапутн не пошел к Роберту. Пересиливая невыносимую боль, он кое-как добрался до берега и прилег в самом конце мола на холодные камни. Импровизированные костыли он изломал и бросил в море. Теперь больше не надо было притворяться и скрывать мучения. Болела уже вся нога; казалось, что кто-то тупым ножом кромсает тело.

Он непрестанно стонал, однотонно, глухо. И, как будто передразнивая его, где-то далеко в темноте завывал на море плавучий буй. Бесконечно долго тянулась эта ночь.

Утром его нашел какой-то рыбак, возвращавшийся с лова. Инженер рассказал, что накануне, при осмотре мола, он оступился и, видимо, сломал ногу. Сейчас же дали знать в поселок. Приехал Бангер, и инженера немедленно отвезли на станцию. Ему посчастливилось попасть к утреннему поезду. Все жалели молодого человека, с которым случилась такая беда, только Роберт Клява никак не мог понять, чего ради вздумалось инженеру еще раз идти на мол.

Для Аниты это была тяжелая ночь. После ухода Сартапутна она даже и не пыталась заснуть, да и до сна ли тут было, когда из головы не выходил искалеченный, судьба которого внушала самые мрачные предположения. Дошел ли он до дому или лежит теперь где-нибудь на песке, беспомощный и всеми покинутый? Когда забрезжил рассвет, она готова была бежать к родителям — ведь новости раньше всего приходили в лавку, — но измученной неизвестностью женщине надо было терпеливо дожидаться

утра. Иначе самопожертвование Сартапутна пропало бы даром, — волнение Аниты разом выдало бы ее.

Она рано разбудила Эдзита и, одев его, спросила, не хочет ли он пойти к бабушке. Эдзиту только того и надо было.

— Смотри не пропадай там долго, скорей приходи домой, — наказала Анита, выводя мальчугана за калитку.

Но Эдзит долго не возвращался: наверно, встретился со сверстниками и заигрался с ними. Вдруг Анита увидела в окно Екаба Аболтыня, который почти бегом спешил от берега к поселку. Лицо у него было озабоченное и взволнованное. Аните захотелось выйти к нему навстречу, спросить, что случилось, но, пока она раздумывала, Екаб был уже далеко. Вскоре после этого к пляжу проехали Бангер с Эдгаром, погоняя во всю мочь лошадь. Обрато они ехали немного тише. Какой-то человек лежал в телеге, но вокруг теснилось столько любопытных, что Анита не могла разглядеть его. Прошел еще мучительный час. Теперь наступил уже день, поселок ожил, и около лавки столпились люди. Анита заперла дом и пошла к матери. Кучка людей что-то оживленно обсуждала у ворот Осисов, но при ее приближении все умолкло. Она пожелала им по возможности ровным голосом доброго утра и медленно прошла мимо. Но как она ни замедляла шаги и ни прислушивалась, люди смущенно переглядывались и не произносили ни слова. Только отойдя дальше, она услышала шепот за спиной и почувствовала на себе любопытные взгляды, которыми ее провожали издали. То же повторилось и возле лавки. Снова замолкли самые бойкие языки, снова люди переглянулись между собой и сдержанно ответили на ее приветствие. Наконец она узнала все от родителей: Сартапутна нашли на берегу со сломанной ногой, и Эдгар отвез его на станцию. Бангер тотчас же вышел в лавку с выражением невысказанного подозрения и озабоченности на лице. Мать хотела что-то спросить, но, видимо, не решалась.

Анита просидела у Бангеров несколько часов, пока приехал Эдгар. Он рассказал, что проводил инженера до самой больницы. Там ему сделали рентгеновский снимок и сказали, что кость цела, нога только вывихнута. Недели через две он опять сможет ходить. Внешне остававшаяся все время сдержанной, Анита теперь совершенно успокоилась и, разыскав Эдзита, ушла домой. Хорошо, что все обошлось благополучно и человек, которому она причинила столько боли, не останется калекой, не уйдет от нее с печальной отметиной на всю жизнь. Первый раз за долгое время она почувствовала какое-то облегчение. Сейчас она желала только одного — поговорить обо всем с Оскаром, первый раз открыто коснуться того, о чем

оба они молчали до сих пор. Как темная гора, не названное по имени, но известное им обоим и обоими выстраданное чувство лежало между ними. Сейчас все кончилось, и она могла радоваться, что не случилось худшего, что инстинкт самосохранения остановил ее в последний момент.

Меньше всего ей хотелось бы встретить сейчас брата Теодора. Но его-то она и увидела у ворот дома, где он, очевидно, кого-то дожидался. Тепло одетый, спрятав одну руку в карман, заложив другую за спину, он прохаживался мимо забора и поразил Аниту смиренным выражением лица. Завидев ее, Теодор еще издали приподнял шляпу и согнул в подобострастном поклоне спину. Взор его был кроток, вся фигура излучала безграничную почтительность.

— Приветствую вас, уважаемая госполо Клява.

— Здравствуйте, — сухо ответила Анита.

И, словно позабыв о его присутствии, она хотела пройти в калитку. Но Теодор, по всей видимости, собирался вступить с ней в разговор.

— Не слишком ли я вас затрудню, если попрошу пожертвовать несколькими минутками для важного разговора? — ловко подскочив к ней, спросил он.

— Вы хотите говорить со мной? — удивилась Анита.

— Да, именно с вами. Уверен, что этот разговор весьма заинтересует вас.

— Вы, по-моему, ошибаетесь, — равнодушно бросила Анита.

— Не думаю.

— Почему вы не обращаетесь к моему мужу? Оскар, возможно, помог бы вам.

— Вы меня не совсем верно поняли. На этот раз мне не нужно ничьей помощи. Это не относится к моему миссионерству, дело это совершенно частное. Но вы упомянули об Оскаре... Разве он дома?

— Нет, сегодня вы его не сможете видеть. Он вернется ночью или завтра рано утром.

— Ах, вон как! Ну, это ничего, в таком случае мы обойдемся и без него, — что-то фамильярное, словно намек на общую тайну, проскользнуло в голосе проповедника. — Если бы с вашей стороны не было возражений, я бы лучше поговорил об этом в комнате. В конце концов это слишком важное дело, чтобы объяснить его в двух словах. Вы устанете, стоя на улице, а мальчуган простудится.

Аниту удивила настойчивость Теодора.

— Как хотите, — сдержанно ответила она. — Должна признаться, что ваши дела меня несколько не интересуют.

Но Теодор сделал вид, что не замечает язвительности ее слов. Услужливо бросился он открывать калитку, пропустил Аниту с Эдзитом и последовал за ними сам. Так далеко во владения Оскара он еще ни разу не забирался. Подчеркнуто пренебрежительный тон Аниты его не оскорблял. Совсем наоборот, чем надменнее она с ним держалась, тем ему было приятнее, тем больший триумф был ему уготован.

Теодор, не дожидаясь приглашения, снял пальто и повесил на вешалку, словно готовясь к длительному пребыванию в этом доме.

— Как уютно вы здесь устроились, — умилялся он, оглядывая светлую, чисто убранную комнату. — Мне всегда доставляло удовольствие видеть молодые счастливые семьи, и я охотно помогал им добрым словом и поучением. Но, к сожалению, слова не всегда действуют. Брак слишком важное и сложное дело. Вы вдумайтесь только... Два человека, любящие друг друга больше всего на свете, заключают союз на всю жизнь, отдают один другому все свои лучшие чувства, жертвуют всеми своими удобствами и часто даже легким и счастливым будущим, дабы совершилось то прекрасное таинство, которое заповедал людям господь. И все же как часто случается, что один из супругов забывает свои обязанности, свой долг, свои клятвы и бредет тайной, греховной стезей.

Анита села против проповедника, приготовившись к схватке. Пусть только он не воображает, что она позволит ему читать мораль. Вероятно, с этим он и пришел. Ясно, что до его всеслышащих ушей дошли какие-то слухи, раз Ольге Менгелис все было известно.

— Как можно обманывать человека, которого любишь и который любит тебя! — продолжал Теодор. — Друга, который доверяется тебе, чье сердце бьется тобою, кто заботится о тебе, как мать о сыне! Если так поступает человек слабый, бесхарактерный, невоспитанный или, наконец, оскорбленный жестокостью и дурным поведением друга, — это еще понятно. Но когда это позволяют себе люди, которых мы считаем самыми достойными, которых общество ставит в пример, которых уважают и восхваляют за безупречное поведение, — этому нелегко поверить, это может огорчить каждого порядочного человека. И все же, как мне ни горько, приходится признать, что спотыкаются и эти достойные. Я сам видел это своими глазами.

Он умолк и пристально посмотрел на Аниту.

— Я говорю о вашем муже.

Анита вздрогнула от неожиданности.

— Об Оскаре? — не веря своим ушам, вскрикнула она. — Но при чем тут Оскар?

— Вот видите, даже вам это кажется невероятным, а ведь вам-то он больше всего и причиняет горя. Если бы вы знали, как тяжело мне говорить об этом, доставлять вам такое огорчение. Но моя совесть не дает мне права молчать, мой долг сказать вам об этом. Да, мадам, вы не являетесь примером счастливой жены.

Поднявшись со стула, Анита резко его оборвала:

— Вы совершенно напрасно берете на себя этот труд. Никто вас за это не поблагодарит. Я вам не верю, вы шантажист!..

Но Теодор обладал неистощимым запасом невозмутимости и смирения.

— Вы не сомневаетесь в верности мужа?

— Нисколько. Я его слишком хорошо знаю, чтобы вам поверить.

— Когда я вам расскажу о его прошлогодних похождениях в Курземе, тогда вы не будете так уверены в нем...

— Напрасный труд. Можете рассказывать что угодно, фантазия у вас, как видно, богатая, но я верю только доказательствам.

— Я вам их представлю. Только немного терпения — вам надо знать все с самого начала.

Когда Анита успокоилась и снова села, Теодор в кратких, но безжалостных выражениях рассказал, как он застиг Оскара в постели одной молодой девушки и как потом не раз видел их целующимися.

— Вскоре он уехал, потому что продолжать все это в моем присутствии было слишком неудобно. Они все время переписываются и, насколько мне известно, собираются встретиться на днях. Оскар хочет бросить все и уйти с ней. Теперь вы мне верите?

Анита страшно побледнела.

— Да где же доказательства? — вскрикнула она громко, срывающимся голосом. — Это только пустые сплетни. Давайте факты, если они у вас есть.

— Вот, получайте! — Теодор вытащил письмо из конверта и медленным, церемонным жестом подал его Аните. — Это ваш супруг как-то выронил из кармана. Я его нашел на пляже, возле вашей лодки. Счастье еще, что оно попало в мои руки... Чего только вам не пришлось бы послушаться, если бы его нашел кто-нибудь из чешуян.

Нервными пальцами развернула Анита лист бумаги.

«Здравствуй, Оскар, далекий мой друг!

Твое письмо я получила несколько дней тому назад. Сердечное спасибо за эти строчки, как хорошо, что ты меня не забыл. Твое письмо до того меня расстроило, что все эти дни я ходила сама не своя, и мне покоя не давали мысли о твоей несчастной судьбе. Все-таки это ужасно, что с некоторыми жизнь поступает так безжалостно! Я всей душой сочувствую твоему несчастью. Ведь если больно тебе — больно и мне, потому что я тоже в этом виновата. Но что поделаешь, видно, нам суждено было встретиться. Человеку трудно идти против судьбы.

Прошное лето было совсем особенным: я почувствовала себя чужой в отцовском доме. Мне и сейчас кажутся чужими люди, которых я раньше считала друзьями. В этом уже виноват ты. Одно время, пока ты не писал, я было успокоилась, думала, что мы пойдем каждый своим путем. Твое письмо все изменило. Прости, если я плохо о тебе судила, но мне думалось, что ты равнодушен ко мне. Теперь я вижу, что ошиблась, — ты еще помнишь обо мне и хочешь меня видеть. Ты пишешь, чтобы я приехала к тебе. Я понимаю, что это опасно — ведь нас может увидеть кто-нибудь из ваших рыбаков, и тогда будет трудно скрыть, зачем я приехала. Но ты, наверно, все уже обдумал и ничего не боишься. Теперь мне ясно, до какого состояния довели тебя, бедный мой друг. Так как же мне не послушаться, оттолкнуть тебя! Я приеду к тебе обязательно, дома у меня все улажено. Для того чтобы ты заранее знал, когда надо встречать меня, пишу тебе немного раньше — пишу, как ты мне велел, на почтовую контору. Я думаю, что самым подходящим днем будет воскресенье, поэтому приеду к тебе в будущее воскресенье после обеда. Не выходи встречать меня к автобусу, не встречай меня и в поселке. Как-нибудь я сама найду на берегу будки для сетей. Вечером, когда начнет смеркаться, я буду тебя ждать возле них. Ты хочешь поговорить о своих соображениях на будущее. Ах, друг мой, как-то грустно становится, когда подумаешь, что чья-то жизнь будет разбита. Я не хочу быть в этом повинной, но что поделаешь, если у меня нет силы противиться.

А теперь будь здоров, Оскар! До следующего воскресенья. До свидания у тебя на родине.

Марта».

Пока Анита читала письмо, Теодор, приняв задумчивый вид, деликатно уселся к ней боком, чтобы не стеснять ее. Наконец, когда листочки письма перестали шелестеть в пальцах женщины и наступила продолжительная тишина, проповедник тихо кашлянул и обернулся к Аните. Суровым взглядом она глядела куда-то мимо него, ее лицо ничего не выражало, она только нервно похрустывала пальцами.

«Да, тяжело тебе, бедняжке, — думал Теодор. — Но самое тяжелое еще впереди».

— Ну что, теперь вы поверили? — спросил он тихо.

Анита вздрогнула от этого вопроса, пошевелинулась на стуле и, не глядя на Теодора, ответила, как бы говоря сама с собой:

— Да, теперь приходится верить. Теперь мне все ясно.

Но никакой ясности в мыслях у нее не было. Застигнутая врасплох этим известием, она была не в состоянии с ним освоиться. У Оскара связь с какой-то женщиной, и это началось уже давно! Но как же у него хватило сил скрывать все это время свои чувства, ни одним движением не выдать свое состояние? Возможно ли это?

— Так вы, может быть, все еще сомневаетесь? — допрашивал Теодор. — Может быть, письмо это подложное, написано с умыслом, чтобы вызвать разлад в вашей семейной жизни? От шантажиста ведь всего можно ждать...

Он горько усмехнулся.

— Лучше бы мне этого не знать... — прошептала Анита.

— А долго бы вы прожили в этом заблуждении? Рано или поздно все равно бы все раскрылось. В таком случае лучше уж заблаговременно. Возможно, что еще не поздно это исправить.

— Исправить... — Губы Аниты искривились в горькой улыбке. Больше она ничего не сказала.

Теодор понял, что лучше всего оставить ее в покое. Он поднялся, надел пальто и протянул Аните руку.

— Не забудьте, что завтра воскресенье, — обернувшись в дверях, бросил он на прощание. — Под вечер возле будок можно будет кое-кого увидеть. Всего хорошего, уважаемая мадам. Если вы когда-нибудь будете нуждаться в дружеском совете, вспомните Теодора Калнбирзе.

Анита осталась одна. Никогда еще она не чувствовала себя такой одинокой. Несколько часов тому назад она отеклась от человека, который

предлагал ей свою дружбу на всю жизнь, прогнала его прочь. Теперь тот, ради которого она это сделала, сам собирается уйти от нее. И она чувствовала, что он имеет на это право, что она получает по заслугам за свое прошлогоднее увлечение. Значит, допустить, чтобы это случилось? Нет, этого она не могла. Только сейчас она почувствовала, что наполовину уже утраченный ею Оскар может быть утрачен навсегда, и лишь теперь она поняла, как привязана к этому человеку, как его любит, — поняла, что всегда любила одного его, а все остальное было только обманчивым миражем.

— Неужели это окажется мне не под силу?

Сдаться, отступить перед обстоятельствами? Нет, Анита была готова к борьбе.

Глава одиннадцатая ВОЗВРАЩЕНИЕ

1

В ночь под воскресенье погода переменилась. После тихих, пасмурных осенних дней наступило резкое похолодание. Утром вода в колодезных ведрах покрылась слоем льда, а стебли георгин, росших в маленьких палисадниках, почернели. Снеговые облака неслись над морем, поверхность его была черна, как смола.

В ту ночь сон Аниты был чуток: каждую минуту она ждала возвращения Оскара. Утром она вышла на пляж в надежде увидеть приближающуюся к берегу моторку. Но море было пустынное и тихое, на нем не было заметно ни одной лодки, не доносилось ни одного выхлопа мотора. Для тревоги оснований пока не было — погода последние дни стояла спокойная, ничего не могло случиться. Осис с сыном, вышедшие вместе с Оскаром, тоже еще не вернулись. Верно, улов был хороший, и они решили порыбачить лишнюю ночь, чтобы было что отправить в понедельник на рынок.

Анита старалась не думать о предстоящей встрече с мужем. Конечно, она будет отличаться от прежних встреч, но чем именно — покажет само будущее. Чтобы отогнать от себя эти мысли, она все время старалась быть на людях, говорить о разных пустяках. Придя к родителям, Анита застала у них Роберта и, хотя в этот раз он был очень сдержан, проболтала с ним почти два часа. Потом Роберт ушел, сказав, что ему нужно пойти в Гнилуши навестить родных, а заодно и несчастного погорельца. Бангера

вызвали в кооператив по случаю прибытия из Риги какого-то чиновника, которому поручили ревизовать полуразвалившееся предприятие. Для лавочника это был неприятный день, и он даже позавидовал Осису: ушел себе в море и знать ничего не знает!

Оставшись с матерью, Анита не спускала глаз с дороги. Скоро должна прибыть та, кого она так ждала. Дорога вела мимо лавки, в окна был виден каждый прохожий. Вот показались возвращавшиеся из церкви прихожане. Потом довольно долго дорога оставалась безлюдной. В телеге, которую тащила малорослая лошаденка, проехал тряпичник, справляясь возле каждого дома, не набралось ли для продажи рваных сетей и старых тросов. После этого затрещал мотоцикл, но это был не Фред. Наконец появилась незнакомая молодая девушка в новом осеннем пальто. И то, как она неуверенно оглядывалась по сторонам, не зная точно, идти ли прямо или свернуть у лавки вправо, и ее несмелый, робкий вид, и даже хорошенькое личико сейчас же убедили напряженно ожидавшую Аниту: она самая. Мать в это время вышла покормить индеек, и Анита могла спокойно наблюдать девушку. Странно, что, не видя еще Марты, она уже примерно такой и представляла ее себе. Конечно, молоденькая, но, при всей молодости, достаточно смелая и сильная, чтобы знать, чего она хочет, и идти прямо к цели. Ни вражды, ни зависти не почувствовала Анита к этой девушке — она наблюдала ее почти с дружеской симпатией, как будто узнала в ней какие-то родственные и милые черты. Не было ли то чувство общности их судеб, что вызвало в ней эту невольную симпатию? Хорошее впечатление не рассеялось и тогда, когда Марта — это действительно была она — исчезла из глаз Аниты. Повременив еще несколько минут, она выбежала из дому. Чужая девушка, дойдя до конца улицы, свернула к дюнам. Она шла к берегу... Теперь Анита больше не сомневалась. Она не пошла вслед за Мартой, а направилась прямо домой и стала дожидаться вечера, хотя у нее еще не было отчетливого представления о том, что должно произойти.

Марта рано выехала из Риги, чтобы засветло прибыть к месту свидания. В письме все было указано верно. В местечке первый прохожий рассказал ей, как дойти до Чешуй, а потом какая-то добрая женщина подвезла ее в телеге до перекрестка, где шоссе сворачивало к Гнилушам. Оттуда Марта быстро добралась до Чешуй. Разбросанные старые дома, незнакомые рыболовные снасти во дворах, неводные ворота, старые лодки и карбасы, растянутые на вешалах сети — все это произвело на нее неизгладимое впечатление. Как это не походило на крестьянские хутора с большими хлевами, хлебными амбарами и ометами соломы на полях. Дворы голые, всюду угрюмое запустение, и в то же время во всем

сказывалась какая-то дикая, притягательная сила. Море Марта до сих пор видела только на картинах, и доносившиеся сейчас из-за дюн размеренный рокот и могучие вздохи впервые дали ей почувствовать пленительную власть его просторов. Миновав дюны и увидев внезапно открывшуюся перед ней необозримую гладь, Марта оторопела. Вдалеке линия горизонта приподымалась, и маленькая парусная лодка, идущая со стороны Гнилуш, казалось, взбиралась в гору... И это величавое спокойствие, эти старые сосны, которые так одиноко шумели на песчаных холмах, это ощущение свободы — все ей напоминало какую-то сказку.

Здесь, в этих прекрасных пустынных местах, вырос Оскар. Изо дня в день он смотрел на синее море, слушал его несмолкаемый гул, рыскал по его просторам и боролся с морскими ветрами. Разве он захочет уйти отсюда, сродниться с другим миром? Всюду, всюду ему будет тесно.

Но он скоро придет, осталось ждать всего только несколько часов... Что он ей тогда скажет?

Марта легко нашла будки для сетей, их можно было заметить еще издали, от подножия дюн. Чтобы не попадаться на глаза людям, которые изредка показывались на пляже, она ушла подальше. Западнее берег был совершенно пуст — ни лодок, ни развешенных на просушку сетей. Марта коротала время, подбирая розовые ракушки, удивительно гладко отшлифованные камешки, а в одном месте нашла даже кусочек бурого янтаря. Песок пляжа был чист и гладок, только местами прибой и ветер оставили на нем узор волнистых линий. Озябшие чайки бегали по берегу, буревестники оглашали воздух печальными криками. Медленно надвигался ветер.

Марта время от времени оглядывалась на будки, но там никого не было видно. Оскар все не шел. Как темные горы, грозные и подавляющие своей громадой, подымались из моря облака, надвигались на землю, заволакивали на западе все небо. Нигде Марта еще не видела таких низких облаков.

В воздухе потемнело, и с наступлением сумерек начал падать снег — первый за эту осень. Редкие сухие снежинки опускались вниз, трогали холодком лицо, таяли на руках и грустно потухали в песке. Оскар все не шел...

Вдали зашумел мотор, серая лодка без огней приближалась к берегу, прямо по направлению к будкам. Но прошло еще достаточно времени, прежде чем она пристала. Марта подошла ближе к будкам. Сумерки уже так сгустились, что она могла смело подойти к самой дороге и никто бы ее не узнал. Но там были люди, большая толпа поджидала на берегу моторку, и Марта вернулась обратно. Почему же Оскар не идет? Неужели ему так

трудно выбраться из дому?

С наступлением сумерек Анита вышла на берег и сразу же заметила за будками девушку. Вскоре она услышала стук мотора. Это, конечно, Оскар. Решающий момент приближался. Еще несколько секунд — и что-то должно произойти.

«Значит, все-таки не забыл уговора... Приходит в последний момент. Но теперь мы ждем тебя вдвоем...»

Ее покинуло прежнее спокойствие; когда из поселка начали один за другим выходить на пляж рыбаки, Анита стала нервничать. Почему именно сейчас должна собраться эта толпа! Ей хотелось уйти куда-нибудь подальше от людей, но моторка направлялась как раз к этому месту. Вот уже можно различить форму и окраску лодки. Старый Дунис сразу же сказал, что это подходит Осис. Он угадал: это были Осис с сыном, которых ничуть не обрадовала встретившая их толпа. Теперь изволь рассказывать, сколько у тебя рыбы, есть ли что пустить в садок, как ловилось...

Анита подошла к Индрику, когда тот выносил на берег якорь.

— Оскара не видал?

— Да мы все время рядом рыбачили. Он остался еще на одну ночь, придет только утром.

— Было из-за чего выходить?

— А как же! Мы бы тоже остались, да старику что-то нездоровится, потому и вернулись.

Это известие поставило Аниту в тупик. Неужели Оскар мог забыть, что его ждут сегодня? Сам пригласил, добивался свидания, а теперь запропастился в море. Нарочно он так не поступил бы. Даже если бы он что-то передумал за последние дни, все же оставить здесь на всю ночь девушку, которая с отчаяния может бог знает на что решиться, он бы не мог. Нет, это уж слишком бесчестно!

Подождав, пока Осисы поставили моторку и все разошлись, она направилась к будкам. Девушка стояла позади них, не подозревая, как напрасны все ее ожидания. Снег падал все гуще, мокрыми хлопьями, земля местами начала белеть. Долго она будет так стоять? И куда ей пойти ночью, когда больше не останется надежды на приход Оскара?

Помедлив немного, Анита решительно подошла к Марте. Та испугалась и хотела было отбежать в сторону, но было уже поздно.

— Добрый вечер, — обратилась к ней Анита как можно более приветливым тоном, что у нее получилось без всякого усилия. — Вы, наверное, первый раз в Чешуях?

— Да, у меня... дела здесь.

— Вы здесь разыскиваете кого-нибудь? Не смогу ли я вам помочь?
— Нет... Спасибо.
— У вас есть в поселке знакомые?
— Кажется, никого нет.
— Где же вы остановитесь на ночь?
Марта смутилась.
— Я... Я ведь могу вернуться в местечко.
— В такую погоду? — Анита недоверчиво улыбнулась. — Скоро будет еще хуже, глядите, как все небо заволкло. Вы еще заблудитесь, дорогу, наверно, уже запырило. Все-таки я вам советую остаться на ночь здесь.
— Куда же мне пойти? Если бы еще знакомые были.
— Вы и в самом деле никого здесь не знаете?
Марта отрицательно покачала головой.
— Вы можете остановиться у меня. У нас в доме места достаточно.
— Мне как-то неудобно идти к незнакомым... Как еще на это посмотрят...
— Не стесняйтесь, у меня сегодня вечером никого нет дома.
— Я боюсь вас беспокоить.
— Да ничуть же. Если бы всегда так беспокоили... Право, мне будет приятно, если вы у меня переночуете. А теперь пойдете, иначе мы здесь обе замерзнем.

Желая убедить Марту в том, что ее не собираются донимать излишними расспросами, Анита до самого дома ничего больше не сказала.

2

Войдя с Мартой в комнату, Анита зажгла лампу и предложила гостье снять пальто. Намерзшейся за день Марте комнатное тепло показалось необыкновенно приятным. Эдзит был у бабушки — Анита еще днем подумала, что лучше оставить его на ночь у Бангеров.

— Будьте как дома, — сказала она, видя, что Марта все еще не может преодолеть свою робость. — Забудьте, что вы пришли к чужим людям. — И, загадочно улыбнувшись, добавила: — Может быть, мы вовсе уж не такие чужие.

Молча, словно притихший ребенок, сидела Марта на диване и осматривала комнату. Она мало походила на жилище обыкновенного рыбака. В углу стояла этажерка с книгами, на стенах висело несколько гравюр и небольших картин, написанных маслом. Все здесь было светлое,

чистое, от всего веяло свежестью и уютом.

Марта скоро почувствовала успокаивающее действие обстановки. Она стала непринужденнее, начала даже задавать хозяйке вопросы. Одна ли она живет здесь или с родными? Ах, замужем! А где же ее муж? Он всегда уходит на ночь в море?

Разговор становился все более оживленным и откровенным, хотя он вертелся вокруг самых обыденных предметов: держат ли рыбаки скот, сеют ли хлеб? Что они делают зимой?

Анита рассказала про свою семью и, в свою очередь, поинтересовалась, откуда Марта родом и что заставило ее приехать сюда.

— Так, по одному делу. — Марта снова примолкла.

Анита не спеша приготовила чай и пригласила ее к столу.

— Жаль, не знала я раньше, что будет гостья, — сказала Анита. — А то бы достала свежей рыбы. Но уж за завтраком, во всяком случае, угощу чем-нибудь из морской добычи. Муж должен привезти.

После ужина Анита на время оставила Марту в комнате, а сама вышла вымыть посуду и задать корм лошади. Выходя, она подала Марте несколько альбомов.

— Посмотрите пока фотографии, иначе вам одной будет скучно. Правда, некому объяснять, что это за люди, но ведь вам все равно — чужие остаются чужими.

Она поспешила выйти еще до того, как Марта раскрыла альбом, и долгое время не появлялась — гораздо дольше, чем требовалось на то, чтобы задать корм лошади.

Тем временем Марта занялась фотографиями. В первом альбоме были групповые снимки, относившиеся к школьным годам Аниты, портреты подруг, знакомых студентов, учителей. Просмотрев его, она взяла другой. Этот был поменьше, на каждой странице помещалось по одному снимку. На первой странице была фотография Аниты. Через несколько листов Марте бросился в глаза молоденький паренек с такими знакомыми чертами лица, что ей пришлось некоторое время порыться в памяти, чтобы вспомнить, где она раньше его видела. Но она еще не узнала его на этой фотографии — слишком непохож он был на Оскара, виденного ею в жизни, — в первый раз он оделся тогда, как мужчина, но костюм не успел еще превратить мальчика во взрослого. Дальше опять Анита и опять Оскар — на этот раз он был в форме матроса военного флота. Но лицо еще было гладкое, без характерных линий, которые великий безжалостный художник — жизнь — проводит своим острым резцом. Наконец Марта увидела того, кого она знала, — те же втянутые уголки энергично сжатых губ, тот же

спокойный взгляд. И здесь же рядом помещалась фотография гостеприимной хозяйки дома. Какая-то смутная догадка вкралась в ее сознание. Она продолжала перелистывать, и все ей стало ясно: стоя плечом к плечу, счастливая пара улыбалась навстречу неизвестной судьбе... Молодые, полные надежд и веры в свои силы... И это было совсем не так давно, всего несколько лет тому назад... Марте показалось, что она теряет силы, что все вокруг нее становится призрачным. Положив альбом на стол, она вся съежилась, почувствовала себя маленькой-маленькой, и ей ни о чем больше не хотелось думать. Но думать надо было. В сознании, как молнии, проскакивали обрывки воспоминаний, и ей казалось, что какое-то темно, невидимое существо, оскалась, хохочет за ее спиной: «Гляди, куда ты пришла! Как ты теперь отсюда выберешься, как выпутаешься?»

Теперь только поняла Марта, куда она попала. Догадывается ли эта женщина, приветливо, как старшая сестра, предложившая ей кров, кому она оказывает гостеприимство? Если бы она знала, если бы она только знала! Может быть, она даже не подозревает о существовании девушки, которая вторглась в ее жизнь? Но тут же Марта вспомнила последнее письмо Оскара, и заговорившее было в ней благородство сразу умолкло. Так это она превратила жизнь Оскара в ад, убила в нем всякую радость? Разве перед такой женщиной можно чувствовать себя виноватой?

Марта ни о чем не успела додумать до конца, как стукнула кухонная дверь и Анита, погасив «летучую мышь», вошла в комнату.

— Опять начинает лить, — сказала она. — Когда же мы дождемся настоящей зимы!

Их взгляды встретились в безмолвном обоюдном вопросе. Ни та, ни другая не хотела первой опустить глаза. Тогда Марта сказала каким-то странным голосом:

— Мне теперь придется уйти.

Анита в притворном удивлении сдвинула брови:

— Почему? Разве вы передумали?

«Неужели она еще ничего не знает?» — подумала Марта.

— Да, я не могу больше пользоваться вашим гостеприимством, вашей добротой... Неизвестно... — Несколько мгновений она помолчала и с внезапной решимостью закончила: — Приютили ли бы вы женщину, которая...

— Которая любит моего мужа? — перебила ее Анита. И она спокойно, без всякой враждебности взглянула на девушку. — Ведь я знаю, кто вы. Знала с того самого момента, как увидела вас на дороге.

Марта порывисто ухватилась за спинку дивана, словно боясь потерять

равновесие.

— Вы... вы знали и все-таки пригласили меня к себе?

— Ну понятно. Что же здесь особенного? Надо же нам когда-нибудь познакомиться.

«Хочет у меня что-то выведать, — подумала Марта. На минуту в ней заговорило какое-то упрямство. — Ну, попробуй, я все равно ничего не скажу». Но перед спокойным, дружеским взглядом Аниты ее упрямство мгновенно растаяло. Эта сильная женщина с серьезной, усталой улыбкой присела возле растерявшейся девушки, взяла ее руку и несколько раз легонько погладила — это подействовало, как ласка друга.

— Теперь поговорим, — начала Анита. — Мне бы хотелось, чтобы по отношению ко мне вы хоть на время отбросили все предубеждения и подозрения. Так же поступаю по отношению к вам и я. Я не хочу ничего говорить в свою защиту. Нам надо только понять друг друга и наконец убедиться, каково истинное положение вещей. Вы его любите? Сильно, по-настоящему, его одного?

Марта молча кивнула головой в знак согласия, — ее поразила неприкрытая откровенность вопроса.

— Могли бы вы из-за него отказаться от того, что считаете самым близким и дорогим? Уйти от родных, никогда больше к ним не возвращаться? Конечно, вряд ли это когда-нибудь потребуется от вас, но если бы так случилось?

Марта молчала.

— А как по-вашему, сможет он уйти от своего моря, забыть родные места, бросить привычную работу, которая ему так дорога, что он, кроме нее, ни о чем больше не в состоянии думать?

Она спрашивала и спрашивала, задавала вопрос за вопросом, совсем не дожидаясь ответов. Анита задалась целью развернуть перед девушкой во всю ширь перспективу сомнений, погасить в ней на время блеск иллюзий и потом уже заговорить с пробудившимся от сладкого сна человеком. Это ей удалось. Тогда Анита стала рассказывать о первых счастливых, светлых годах своей супружеской жизни. Убеждена ли Марта в том, что Оскару будет с нею лучше? Пусть она не забывает, при каких обстоятельствах он с ней познакомился. Он был тогда до того измучен и подавлен, что рад был всякому проявленному к нему участию. Первый же человек, который обратился к нему с ласковым словом, стал для него другом. Ведь он не рассуждал, не спрашивал себя, так ли это, он, точно утопающий, ухватился за соломинку.

Жестоко было говорить так, но это было необходимо.

— А вы... вы-то разве еще любите его? — в первый раз задала вопрос Марта. — Как же мог он написать мне спустя многие месяцы такое письмо?

Она поднялась, нашла в сумочке письмо Теодора и подала его Аните:
— Пожалуйста, прочтите.

Анита взяла письмо и начала читать. Что-то ее поразило уже с самого начала. Прочтя первую строчку, она перевернула второй листок, просмотрела конец. В лице у нее что-то дрогнуло, в глазах сверкнул веселый блеск, и вдруг она начала так заразительно смеяться, что Марте чуть не стало дурно.

— И вы думаете, что это написал Оскар? — спросила наконец раскрасневшаяся от смеха Анита. — Да разве это его почерк! Так он и не смог бы написать, если бы даже захотел. Подождите, я вам покажу его почерк.

Она вышла в соседнюю комнату и вскоре вернулась с письмом, которое Оскар прислал ей из Калнбирзов. Сличая оба письма, даже самый неопытный наблюдатель сразу бы обнаружил, что они написаны не одной рукой. Оскар писал крупными угловатыми буквами, без закруглений и росчерков. У Теодора был тонкий, почти каллиграфический почерк, заглавные буквы казались нарисованными и никогда не соединялись с последующими строчными буквами. Так красиво Оскар ни за что бы не написал. Но еще больше, чем почерк, убедил Аниту стиль письма.

— «Возлюбленная моя Марта!..» Возлюбленная!.. Вот уж таких слов Оскар никогда не употреблял — ни в разговоре, ни в письмах. И дальше: «Сжался над своим несчастным другом... Ты мне милее жизни... Твой несчастный, бесконечно любящий Оскар...» Нет, нет, так он никогда не говорил, свои чувства он выражал совсем другими, более простыми и естественными словами!

Сознание, что опять все дело только в недоразумении, в подлой шутке какого-то негодяя, наполнило Аниту такой радостью, что она готова была запеть, если бы рядом не сидела огорченная девушка, над которой так безжалостно подшутили. В порыве нежности она вдруг обняла Марту и заговорила с ней на «ты».

— Теперь мне многое-многое стало понятно, и я знаю, кто это сделал.

Только сейчас поняла Анита причину загадочного поведения мужа по отношению к Теодору. Но зато как же не повезло этому негодяю, как он оскандалился!

Сдерживая порыв эгоистической радости, Анита сказала:

— Не зря в письме упомянуто имя Теодора. Твой брат действительно

ловкий человек... Он просто-напросто шарлатан и шантажист!

Марта отодвинулась от Аниты и закрыла лицо руками. Плечи ее тряслись от глухих, сдерживаемых рыданий.

Острое чувство жалости к девушке охватило Аниту. Анита, только что пережившая все муки утраты любимого, сумела найти нужные слова. Она ласковой рукой, по-матерински гладила пушистые волосы девушки и говорила ей:

— Тяжело тебе, Марта... Это я понимаю... Но пойми и ты, если хорошо пригляделась к Оскару. Ему дорога семья, дорог наш сын. В ту пору, когда... это случилось меж вами, Оскару было тяжело. Ты знаешь о моей ошибке. Но тогда ни Оскар, ни я не понимали, что это только ошибка. Ты любишь Оскара, Марта. Но ведь не хочешь же ты, чтобы он, живя с тобой, тосковал? Не хочешь?

Марта перестала плакать, хотя и не отнимала рук от лица. Затаив дыхание, слушала она Аниту.

— Ты молода, Марта, — продолжала Анита. — Ты уедешь в Курземе. Может, ты и не забудешь Оскара, но неужели тебя там никто не ждет? У тебя еще будет своя семья, Марта...

Девушка глубоко вздохнула и встала, суровая, будто повзрослевшая...

В эту ночь Анита впервые за последние трудные месяцы уснула спокойно, сразу же, как только легла. Только Марта, сжавшаяся комочком на диване, до утра не могла сомкнуть глаз. Иногда и так случается в жизни.

3

Это произошло ночью, с воскресенья на понедельник.

Луна ни разу не выглянула сквозь сплошные тучи, не переставая лил холодный дождь, время от времени переходя в мокрый снег. Несколько человек, укрывшись в дюнах возле Гнилуш, плотнее заворачивались в дождевики, внимательно всматриваясь в темноту и прислушиваясь к каждому подозрительному звуку. Им уже надоело ждать так, ночь за ночью, уже две недели. Спрятав винтовки под дождевики, полицейские тихо прохаживались взад-вперед, каждый по своему участку. Раз они услышали на море выхлопы мотора, но моторка прошла мимо — это видно было по сигнальным огням. И потом снова потянулись до самой полуночи однообразные часы. Снова слышался стук мотора, но откуда-то издалека, так как огней не было заметно. Скоро опять все затихло.

Дойдя до вершины дюны, полицейский стал наблюдать за берегом

моря, который едва выделялся на черном фоне воды. На волнах подпрыгивало что-то, напоминающее большой карбас, хотя гнилушане держали свои лодки дальше, посреди залива. Вскоре стали заметны две темные фигуры, тяжело подымавшиеся по склону дюны. Полицейский спрятался за густой куст ольхи. Через несколько минут мимо него прошли два человека, одетых в длинные дождевики, с бидонами в руках. Внимательно вглядывались они в каждый куст, росший по краю тропы, затем перевалили через дюну и стали спускаться в ложбину. Полицейский с винтовкой на взводе крался следом за ними. Он знал, что в ложбине прячется другой полицейский.

Контрабандисты спокойно шли в расставленную для них западню. Полицейский дал им дойти до тайника и снять мох. Затем неожиданно блеснули яркие лучи карманных фонарей, и повелительный окрик заставил контрабандистов застыть на месте.

— Руки вверх! Ни с места!

У Баночки выпал из рук бидон, а его товарищ, шофер, закричал во все горло. Два винтовочных дула угрожающе глядели на них. Вот они приблизились, уперлись им в грудь. Один полицейский остался сторожить пойманных, другой пошел на дюны разыскивать своих, чтобы вместе с ними направиться к моторке.

Тем временем Фред Менгелис ждал помощников, сидя на корме «Титании». Суденышко не подходило к берегу, и мотор все время работал на малых оборотах: американец был слишком осторожен, чтобы дать себя застигнуть врасплох.

Баночка с шофером что-то долго не возвращались, и американец стал уже нервничать. Чего они там копаются? Времени для того, чтобы сделать большую дугу по морю и снова подойти к берегу против Гнилуш, оставалось в обрез. Шоферу, кроме того, надо было еще затемно дойти до местечка и с первым автобусом уехать в Ригу. Следующей ночью он должен был вернуться за товаром — такой у них был заведен порядок.

— Что они там прохлаждаются! — сердился Фред. Но те, видимо, уже возвращались, дождевики из промасленной ткани захлопали по ветру.

— Подходи ближе к берегу, — сказал один из них. Фреду показалось, что это был шофер.

— Разве ты не знаешь, что здесь слишком мелко? — ответил он. — Баночка, у тебя резиновые сапоги, подходи, я тебе подам бидоны.

Ничего не сказав, один из мужчин побрел по воде к лодке. Фред хотел уже пойти к носу, как вдруг ему показалась странной походка идущего. Баночка на ходу сильнее наклонялся вперед, и ростом он был пониже. Фред

нажал кнопку карманного фонаря и увидел направленное на него дуло винтовки.

— Руки вверх! Сдавайся! — крикнул полицейский. Он стоял всего в нескольких шагах от носа лодки.

— Дудки! — крикнул Фред, пряча голову в люк моторного отсека, и дал мотору полные обороты — полный назад! Загремели выстрелы, мимо летели пули, некоторые даже засели в обшивке моторки, но это было не страшно: «Титания» быстро удалялась от берега. До третьей банки Фред шел задним ходом, затем крутым поворотом направил форштевень в сторону открытого моря. Добротная посудина «Титания» действительно показала сейчас все свои способности. Как ветер, неслась она, поднимая высокие волны с белыми гребешками. Мотор работал почти бесшумно, скоро с берега перестали его слышать. Там еще постреляли, но Фреда уже нельзя было настичь: мрак морских просторов скрыл «Титанию».

Теперь дальше, дальше отсюда, к нейтральным водам открытого моря! Хватило бы горючего до какого-нибудь порта, тогда Фреду на все наплевать! А там далеко ли до Данцига, до островов Швеции, до больших мировых портов! Старый морской бродяга уж найдет себе подходящее местечко. Жалко только Баночку, хороший был парень! Теперь придется ему отсидеть несколько годиков. Ну да он сам виноват — почему не остерегался!.. И страховая премия за «Виллу Фреди» — пятьдесят тысяч латов — тоже ухнула. Ну ничего, разве Фред без нее пропадет? За «Титанию» он в любом месте выручит изрядную сумму. А может, этого и не придется делать — предприимчивому человеку дело везде найдется.

Оскар у не впервые случалось уходить так далеко от дома. Иногда целые рыбацьи флотилии носились от одного берега залива к другому; когда у курземского побережья появлялись угри, туда на целые недели отправлялись видземские рыбаки; иной раз и курземские рыбаки переплывали залив, чтобы брать улов у видземского побережья. В море места хватало на всех, люди попредприимчивее не ждали, пока ветер пригонит рыбу под нос, а сами пускались на поиски. Возле устья Даугавы было слишком много рыбаков, и, когда кончался лов лосося, ничего стоящего нельзя было достать. Тогда начинался лов севернее, около устья Гауи и других рек, впадающих в Рижский залив. Сырть и таймень предпочитают прозрачные воды небольших рек мутным, загрязненным

маслом и фабричными отбросами водам Даугавы.

В воскресенье, когда Осис с сыном ушли домой, Оскар остался. Все остальные лодки были из чужих поселков. После обеда они с Джимом выбрали сети и поставили их ближе к берегу, потому что в береговые сети рыбы попало больше. Уже начинало темнеть, когда они заякорили последний порядок. Предыдущие ночи они проводили в море, но сегодня погода вконец испортилась, надо было подыскать какое-нибудь защищенное от ветра местечко. Снег и дождь застлали берег, слани моторки покрылись снежной кашей. Выставив опознавательные буи, чтобы утром легче было найти свои порядки, они пошли в устье реки и остановились. Поблизости не было ни одного дома, но берег порос густым ивняком, и здесь можно было укрыться от ветра, как в гавани.

— Вот бы где нам выставить порядок-другой, — сказал Джим. — К утру сети бы стали серебристыми от рыбы.

— Возможно, — согласился Оскар. — Только ведь это заповедная зона, нарвешься еще на штраф. За нами наверняка кто-нибудь уже присматривает.

— Черт бы побрал все их заповедники! — Джим сердито сплюнул. — Чуть где можно взять хороший улов, там они тебе запрещают работать, а сами преспокойно тащат из этих заповедников, как из садка.

Они сидели в теплой моторной кабине, дожидаясь, когда вскипит чай, и обсуждали впечатления последних дней.

— Ну и народ же у нас в Чешуях, — сердился Джим. — До тех пор тебе не пошевелятся, пока кто-нибудь не найдет хорошее местечко. Сейчас тоже — ведь один только Осис пошел с нами. А завтра, как увидят полные садки, то все чуть не в драку, как чайки, бросятся. Я бы на твоём месте совсем не пошел в Чешуи, я подался со всей рыбой прямо в Ригу. Пускай эти лентяи полежат дома, пока им вши ноги не отъедят.

— Тебе хотелось бы, чтоб я действовал на манер Фреда? — улыбнулся Оскар.

— А что Фред? Разве он не молодчина? Я бы на его месте тоже так орудовал.

Оскар как-то странно усмехнулся:

— Все возможно. Только не все такие ловкачи...

— Главное, под него ни с какой стороны не подкопаешься. Кое-кого, конечно, досада берет, а он знай себе посвистывает.

— Если бы он рыбачил где-нибудь поблизости, ему бы помогли...

— Ты думаешь, тронули бы сети?

— А разве не трогают? Если у меня нет, то пусть не будет и у других.

Полоснул ножом по посадочным нитям или по тросу, а ты жди, когда какая-нибудь глупая рыбина полезет в твою снасть.

Джим удивленно посмотрел на своего собеседника.

— Ты разве замечал что-нибудь такое?

— А как же... Ты думаешь, с чего это прошлым летом у меня две мережи выбросило на берег? Якоря, тросы — все было в полном порядке. И стоило только подуть ветру, как моя снасть уже полоскалась у берега. А у других и старье выдерживало.

Джим хотел что-то сказать, но тут закипела вода и надо было заваривать чай. Только после того, как они утолили жажду, Оскар вернулся к прерванному разговору:

— Нет, я не слепой, чтоб не заметить, где работали ножом.

— А в нынешнем году твои мережи выстояли.

— Да я сам этому удивляюсь.

— Гм... Разное случается... Я, правда, не вижу в этом ничего удивительного.

— Как? — Оскар даже есть перестал. — Разве ты знаешь что-нибудь?

— Может, и знаю, — промямлил Джим, сконфузившись собственной болтливости. — Ну да уж если начал, придется рассказать. Только смотри ему не говори. Иначе заварится каша, а мне совсем неохота грызться со старым босяком.

— Неужели Баночка? — вскрикнул Оскар, вспомнив дружбу Джима с работником Фреда. — Фред разве подослал?

— Нет, Баночка честный парень, от него такого свинства не жди, — заверил его Джим. — Вот я на позапрошлой неделе был в Риге, поехал с Эдгаром за товаром. Он там заговорился с торговцами, а я пошел на толкучку, хотел купить штаны. Встречаю я там Симана — знаешь, этого чудака, который у нас все под окнами шатался... У меня еще осталось немного денег, мы пошли в трактир, взяли полштофа и распили вдвоем. Ну, Симану ведь много не надо, хлебнул раза два и сразу же размяк. Ну как, говорит, живете там, на взморье? Все ли здоровы, хорошо ли ловится? А потом спрашивает: как у этого молодого Клявы, стоят мережи? Ясно, отвечаю, стоят, почему им не стоять, разве Оскар какой-нибудь желторотый? А Симан как засмеется... Ему-то хорошо известно, почему они стоят. Останься он в Чешуях, этого не было бы. Я заказал еще четвертинку, и тогда он мне все выболтал. Понимаешь теперь, в чем дело? Оказывается, он по своей дурости подкладывал тебе свинью! Я дал ему как следует по уху и сказал, чтобы он больше мне на глаза не показывался.

У Оскара точно камень с души свалился: как хорошо, что это было

делом рук какого-то полусумасшедшего бродяги, а не своих людей. Бродяга уйдет дальше — и после его ухода можно забыть причиненное им зло. Но знать, что негодяй скрывается среди твоих собственных соседей, может быть даже среди тех, кого ты считаешь друзьями, — это гораздо, гораздо тяжелей.

С приближением утра, еще до рассвета, они снова вышли в море. Погода была плохая, ветер крепчал и крепчал, следовало ждать настоящей осенней бури. С трудом отыскав порядки, они стали поспешно выбирать сети, пока море еще не расходилось, — тогда уж оставь об этом и думать. Оскар не просчитался, когда вечером переставил свои порядки ближе к берегу: рыбы в сетях оказалось гораздо больше, чем накануне. Несколько порядочных тайменей попало в сыртьевые сети, но и остальные пустыми не остались. Сырть и лещей уложили в бадьи, чтобы доставить их домой живьем.

С богатым уловом возвратились они домой. Ветер был ужасный — боковик, и море становилось все беспокойней, но мотор работал исправно. Когда они достигли гавани, поселок только что просыпался. На берегу было пусто. Пустив рыбу в садки и заякорив лодку, Оскар с Джимом направились к поселку. Приятно в такую ненастную погоду очутиться под надежной крышей в теплой комнате и выпить кружку горячего кофе, которое приготовили для тебя заботливые руки. А потом сбросить тяжелые рыбацкие сапоги, снять мокрую одежду, которую не снимал уже много дней, и дать отдых уставшему телу. Никто тебя не станет будить до самого вечера. «Тише, отец спит! Дайте ему отдохнуть...» Так было раньше. Эх, рыбак, рыбак, ты думаешь, что и на этот раз так будет?

Первым в то утро встретил его пес. Радостно повизгивая, бросился он навстречу хозяину, запрыгал вокруг него, норовя лизнуть в красное, обветренное лицо.

— Ну, ну, уймись, а то еще живьем меня слопаешь. — Оскар с усмешкой погладил густую шерсть животного. — Ступай лучше в конуру, чего тебе мокнуть в такую непогоду?

Он захватил с собой кожаный фартук, пустой бидон из-под масла и закопченный фонарь, чтобы сменить в нем фитиль. Прежде чем войти в дом, он зашел в клеть и положил там вещи, а заодно осмотрел уложенную на зиму лососевую мережу. Крысы местами повредили полотно в одном из

крыльев. «Надо будет на ночь запира́ть кошку, — подумал Оскар. — Одними крысоловками не обойдешься».

Пока он возился в клетки, Анита вышла во двор. Она надела мужской полушубок, голову повязала платком и казалась такой миловидной в простеньком своем наряде — настоящая рыбачка. Она не пожелала мужу доброго утра, не подошла в ожидании ласки, а остановилась у калитки и спокойно сказала:

— Ты уже дома?

— Да, только что пришел.

Анита постояла еще немного, словно ожидая, не скажет ли он чего-нибудь, и потом тихо произнесла, глядя в сторону:

— Иди в комнату, Оскар, тебя там ждут.

— Да? — равнодушно отозвался он.

— Я пока схожу за Эдзитом. Он прошлую ночь ночевал у мамы. Завтрак в духовке. Гость уже поел, собирается отправляться обратно.

— Гость? — Оскар удивленно посмотрел на Аниту.

— Да, ты сейчас узнаешь, кто.

Ничего больше не объяснив, Анита вышла за калитку.

Какие же здесь скрываются секреты? Оскар вытер облипшие снегом сапоги, стряхнул с себя воду и открыл дверь.

Когда он вошел в комнату, кто-то приподнялся с дивана и, робко улыбаясь, двинулся к нему навстречу.

— Марта?! Ты!.. Ты здесь? — Оскар даже забыл притворить за собой кухонную дверь. Он вдруг почувствовал беспредельную усталость. Потрясение, вызванное неожиданной встречей с Мартой, было слишком сильным, чтобы он еще мог задавать вопросы себе или ей. Мысль о том, что она здесь, что она встрети́лась и разговаривала с Анитой, все ему объяснила. Теперь уже поздно что-нибудь предпринимать, Анита все знает. Многого ли стоит теперь его решение обо всем переговорить с ней? Он опоздал... На свою же погибель. Он может сейчас уйти — уйти навсегда, безвозвратно... И от этого никому здесь хуже не станет. Оскар вздохнул и протянул Марте руку:

— Ну, с добрым утром, Марта.

— Доброе утро! — Она ответила гораздо смелее, чем он.

Оскар снял верхнюю одежду, развесил ее у плиты и, вернувшись в комнату, присел к теплой печке. Забыв и про голод и про завтрак в духовке, он прижимал ладони к печке, постепенно приходя в себя. Молча, с напряженным вниманием наблюдала за ним Марта.

— Ну, расскажи, как же это получилось, — заговорил он наконец,

пытаясь улыбнуться. — Как ты надумала сюда приехать?

— А ты на меня за это не сердишься? — спросила Марта.

Она понимала, какой хаос царит в мыслях у Оскара. Не дождавшись ответа, она вдруг решилась на что-то трудное, и когда заговорила снова, голос ее изменился до неузнаваемости, да и все в ней стало иным. Это уже была не прежняя робкая, застенчивая девушка — казалось, в комнате появилось новое — легкомысленное, беспечное существо. И только по временам Марте как будто становилось трудно говорить, словно у нее перехватывало горло. Но Оскар этого не замечал.

— У меня были дела в Риге. Да, ты ведь ничего не знаешь. Можешь, меня поздравить.

— Поздравить? — спросил Оскар, разглядывая блестящий латунный кружок на изразце печки.

— Да, я выхожу замуж. На рождество будет свадьба. Он, правда, хотел раньше, на Мартынов день, но у меня не все еще готово с приданым, вот мы и отложили до рождества. А ты знаешь, сколько с этим возни и хлопот! Хотя мужчины в этом ничего не смыслят... То один материал нужен, то другой, а там кружевца для рубашек, там надо полотенца и наволочки переменить... У нас, правда, было несколько кусков домашнего полотна, и мать говорит, что оно еще лучше покупного, но я думаю, фабричная ткань тоньше. Как по-твоему?

Оскар пожал плечами:

— Лучше спроси об этом у жены, она в этих делах больше понимает.

— Мы уже поговорили обо всем, и она мне показала свои рукоделия. Я хочу такой же ковер к кровати, как у нее.

Она щебетала о всяких мелочах — только о мелочах. Казалось, ее больше ничто не интересует, кроме принадлежностей приданого. Где лучше венчаться, дома или в церкви? А может, лучше устроить в сочельник, у елки? Свет свадебного подсвечника ослепил ее глаза, ее мысли кружились вокруг сытого, зажиточного мещанского счастьяца. Плутувато улыбаясь собеседнику, она уничтожала одну за другой все его иллюзии. Что он на это скажет?

Но он молчал. Наконец замолчала и Марта, ей больше нечего было рассказывать про себя. Тогда она направила игру по другому руслу. Это, наверно, ужас как интересно рыбачить в море? Неужели ему ничуть не страшно? У нее никогда не хватило бы духу сесть в лодку и отъехать от берега. У нее даже на качелях кружится голова.

Она болтала, болтала без умолку, а Оскар с удивлением слушал знакомый голос, который сейчас произносил странные, пошлые слова. Что

же произошло с ней? Куда девалась простая, милая девушка? С каких пор превратилась она в такую егозу и ломаку? Если это всерьез, то как это понять? А если она умеет так играть, когда же она притворялась: в своем доме или здесь? Наконец он прервал ее щебетанье:

— Это все, что ты мне хотела рассказать?

Марта удивилась его вопросу.

— А что ты еще хочешь знать?

— Как ты надумала сюда приехать. Ведь не пришла же ты звать меня на свадьбу? — В его голосе прозвучало что-то похожее на упрек.

— Ах, тебя удивляет мой приезд? Видишь, у меня осталось свободное время, и потом я слышала, что брат сейчас находится в этих краях. Вдруг, думаю, встречу его. Заодно пришло на ум навестить старых друзей.

Оскар встал, прошелся взад-вперед по комнате, сбив своими тяжелыми сапогами в кучу половики. Затем он остановился перед Мартой и, угрюмо взглянув на девушку, спросил:

— Не кажется ли тебе неприличным вмешивать в это дело мою жену и прочих людей?

— Ах, ты все вспоминаешь про тогдашнее баловство? — Марта начала смеяться.

— Баловство? Это ты называешь баловством?

— Ну, а как же! Мне тогда хотелось подразнить немного жениха... Он стал вдруг важничать, воображать, что я им очень дорожу... Я и подумала, что лучше уж с кем-нибудь из чужих... чужой уйдет — и все. А свяжись с кем-нибудь из соседских парней — потом от него не отделаешься.

— А письмо, которое ты мне летом прислала?

Марта закусил губу.

— Ну, это просто так... — покраснев, пробормотала она, как ребенок, которого уличили во лжи.

Теперь Оскар не верил больше ни одному слову из того, что она ему наговорила. Он понял, что она притворяется, и все-таки оставил ее при убеждении, что ей удалось его обмануть: наверно, была какая-нибудь причина, побудившая ее к этой отчаянной игре.

— Ладно, пусть просто так, — сказал он. — Плохо только, что Анита может все это понять иначе.

— Конечно, плохо, Теодор ей невесть что наговорил.

— Теодор?

— Да, он приходил сюда без тебя. А ты сам не можешь ей рассказать, как было на самом деле?

— Кто мне теперь поверит? — Оскар снова сел у печки. Немного

помолчав, он сказал: — Если ты хочешь встретиться с Теодором, тебе надо пойти в Гнилуши, к Румбайнисам.

— Твоя жена объяснила мне дорогу. Пора уже идти... Надо застать брата, а то еще уйдет куда-нибудь...

Она встала и принялась собираться. Оскар не пытался ее удержать. Она еще щебетала что-то, еще улыбалась, но сквозь ее искусственную веселость он уже разглядел глубокую грусть. И когда они стали прощаться, ее улыбка была такой страдальческой, в глазах у нее было столько влаги — и ее становилось все больше и больше, — что Марте пришлось быстро вырвать руку и отвернуться. Оскар дал ей уйти. Он не глядел ей вслед, не подходил к окну. Он сел на стул и оперся головой на ладони.

6

Анита подробно объяснила Марте дорогу в Гнилуши: выйти к морю и потом вдоль берега до самого поселка. Путь был не из легких: дул встречный ветер, мокрый снег кружился в воздухе. Вода прибывала, и волны омывали подножие первых дюн, только узкая полоса песка оставалась для прохода. Марта не чувствовала, что ее одежда промокла от снега, что ноги начинают зябнуть. С покрасневшимся лицом она быстро шагала вперед против ветра, — раскрывать в такую погоду зонтик не имело смысла.

Дальше, только подальше отсюда, пока не пробудились сомнения и жалость к самой себе не заставила решиться на какое-нибудь новое сумасбродство! Откуда только взялось у нее столько сил, чтобы показать Оскару этот образ, которому суждено уничтожить все его прекрасные чувства к ней, если только они были!

Теперь он успокоится, забудет ее. А она... забудет ли она его? Если ей удалось обмануть его, то самое себя обмануть невозможно. И все же, вернувшись в родные места, она будет жить, сумеет дать счастье тому, кто дожидается ее там; может быть, и сама станет счастливой. Ах, если бы можно было поумнеть, настолько поумнеть, чтобы подчинить чувства рассудку, стать деловитой, послушной жизненным законам, без мыслей о совершенной жертве, без влечения к запретному.

Хорошо стать хозяйкой в родной усадьбе, вырастить новое поколение и научить его жить мирной, благопристойной жизнью, которая позволяет достичь глубокой старости и приобрести уважение общества!.. Но почему человек такое странное создание, что ищет разрушения там, где он так

легко мог бы найти благополучие? Почему это преследуемое вечной неудовлетворенностью существо, этот самоистязатель и упрямец пробирается нехоженными путями, не довольствуясь существующим, алча запретного? Как хорошо было бы стать другой!..

В это время другой человек шел той же дорогой, только в противоположном направлении. Брат Теодор... Теодор Калнбирзе, как было записано в паспорте и в других документах. Но его выгнала в эту непогодь иная забота. Он находился в самом приятном расположении духа, поминутно улыбался и прищелкивал пальцами.

Триумфатор, перед которым раскрывались человеческие души — эти таинственные крепости, — в ушах которого вой ветра звучал ликующими фанфарами, приветствующими победителя! Эх вы, гордецы и упрямы! Вы, зубоскалы и насмешники, усмирненные и униженные своим стыдом! Великий приближается к вам...

Да, Теодор внутренне ликовал. Перед его духовным взором проходили сцены, разыгравшиеся в Чешуях прошлой ночью. Все произошло так, как предрешил Теодор. Угрюмый, упрямый козел Оскар повержен в прах, его горячка жена — в отчаянии, а эта глупая девчонка, которая захотела стать умнее брата, совсем нос повесит... Желание как можно скорее узреть плоды победы заставило Теодора раньше времени покинуть теплую постель и без завтрака пуститься в путь, чтобы пораньше прийти в Чешуи. Дурная погода не могла остановить его. Стоит ли ее опасаться, когда на ногах теплые калоши, а меховой воротник поднят до самых ушей.

До Чешуй оставалось уже меньше километра, когда Теодор заметил какую-то женщину, которая упорно пробивалась навстречу ветру. Но снег сыпал так густо, что, только столкнувшись с ней лицом к лицу, он узнал сестру.

— Ну, подумайте, да ведь это моя сестренка! — вскрикнул он от неожиданности. Догадавшись по ее виду, в каком состоянии она находится, проповедник уже не в силах был скрыть радости, и улыбка расплылась по его упитанной физиономии. — Ну, с добрым добрым утром, милая странница!

Звонкая пощечина раздалась в ответ на его приветствие. И раньше чем он пришел в себя и смог защититься, маленькая сильная рука Марты еще несколько раз прошлась по его лицу. Это была не ласка, о нет, — лицо Теодора горело, как от ожога крапивой.

— Что с тобой, что с тобой! — зывал он. — Все ли у тебя дома, девчонка?

— Скотина! Убирайся с глаз моих, свинья! — крикнула Марта с таким

отвращением, как будто из снежного вихря на нее вынырнуло безобразное пресмыкающееся. — Я тебя видеть не хочу. Знать тебя не желаю! Ну, чего ты еще стоишь? Проходи, тварь!

— Да ты не размахивай так руками! — сердито крикнул Теодор. — Если когти чешутся, иди вон о деревья поточи. Все лицо мне изуродовала, дрянь этакая. Теперь тебе не поздоровится.

Он грозно выпрямился, готовый показать свою силу. Но только он шагнул к Марте, как та выставила вперед зонтик. Это было опасное оружие, и Теодору пришлось отступить.

— Ну чего ты безобразничаешь? — начал он более миролюбивым тоном. — Если тебя кто-то разозлил, чем же мое лицо виновато? Не забудь все-таки, что я твой старший брат. Во-первых, как ты сюда попала? Что ты здесь делаешь?

— Тебе самому лучше знать это! Сочинитель подметных писем!

— Ты, наверно, что-то выдумываешь! Хотя письмо-то мне теперь определенно придется написать. Надо будет спросить у матери, в каких краях разгуливает ее любимая доченька. К женишкам приехала? Осталась с носом? Верно ведь? Так тебе и следовало! Смотри еще, как бы дома не выпороли, когда я приеду в гости.

— Вот это зря. В усадьбе тебя больше и знать не захотят, когда я расскажу отцу, что ты вытворяешь! И ты мне больше не брат. Для того я и шла в Гнилуши, чтобы выложить тебе это. Теперь ты все знаешь, больше мне сказать тебе нечего.

И прежде чем Теодор успел что-нибудь возразить или задержать Марту, она убежала через дюны к лесной дороге. Теодор озабоченно посмотрел ей вслед, погладил свое изукрашенное красными полосами лицо, что-то пробормотал и тогда только двинулся вперед, но гораздо более степенным шагом. Неважное начало для триумфатора! Разве только продолжение будет удачнее? Он попробовал рассердиться на сестру, но и сам не мог найти оснований для злобы. Ему стало почти стыдно... А вот на это уже стоило рассердиться. Но он тут же вспомнил, что волноваться вредно, еще простудишься, и туже стянул вокруг шеи шерстяной шарф, — как бы не схватить ангину, иной раз так привяжется, нельзя ни есть, ни пить, а о пении и думать нечего.

...Оставшись один, Оскар стал размышлять над своим положением. В действительности это были даже не мысли, а мрачные, зловещие видения... Анита знает все, сейчас узнают Бангеры, Клявы, весь поселок. Последняя надежда на мирную жизнь рухнула. И вот для него пришла пора непогоды — гораздо хуже той, которая бушует сейчас. Все занесет,

засыплет, ни одному зеленому ростку не пробиться сквозь эти сугробы. Теперь она уйдет обязательно, в этом можно не сомневаться. И не то что она его бросит, нет, — уйдет она потому, что он ее прогнал, дал ей повод уйти. Как обреченный, будет он тогда томиться здесь всю жизнь. «Завтрак в духовке...» Почему она так сказала? Позаботься о себе сам, если голоден... Начинай привыкать... Никто тебе больше не подаст на стол... В трубе завывает ветер, рамы дрожат, собака заглядывает в окно. Ну, вой же, если тебе холодно, чего ты виляешь хвостом?

Тогда он вспомнил, что неводник недостаточно высоко вытянут на берег, а вода прибывала, и волны могли смыть лодку в море и разбить ее.

Оскар поднялся со стула, оделся, вышел во двор и пошел к берегу. Собака побежала за ним, он ее прогнал обратно.

На дюнах ему встретился какой-то человек; но если бы он не загородил ему дорогу, Оскар его не заметил бы.

— Эй, Оскар, разве можно в такую погоду пускаться в море? — крикнул Теодор.

Они были здесь только вдвоем. Поселок остался далеко позади, и ветер завывал с такой силой, что человеческого голоса никто не мог услышать из-за дюн. Оскар остановился и, как бы раздумывая над чем-то, посмотрел на Теодора.

— Пойдем! — сказал он, взяв его за локоть. — Нет тебе смысла болтаться здесь, ты тоже никому не нужен. — И он потащил за собой перепуганного проповедника.

— Сумасшедший, что ты беснуешься! Пусти меня! — Теодор кричал, брыкался и царапался, но его волочили по земле, как мешок. В голове его мелькнуло страшное подозрение, и тогда его крики перешли в дикий вой. Наконец ему удалось вырваться. Бледный, с посиневшими губами, он уже больше не кричал — он скакал, как серна, стараясь убежать подальше. Только достигнув улицы, Теодор отважился посмотреть назад. Оскар его не преследовал. Теперь триумфатор мог входить в побежденный город размеренным шагом. Он так и сделал.

Бангеров Анита застала уже на ногах. Отец, явно в дурном настроении, задумчиво прохаживался по комнате, мать, тоже чем-то озабоченная, готовила завтрак. Внизу был и Эдгар. Все они, видимо, обсуждали что-то серьезное, и приход Аниты прервал их разговор. Старый

Бангер рассеянно ответил на приветствие дочери.

— Что здесь случилось? — спросила Анита, внимательно посмотрев на их лица.

— Да ничего, — проворчал Бангер. — Так это.

— Можно подумать, что вы только что ссорились. Неприятности какие-нибудь?

— Гм... да, веселого, конечно, мало, — заметил Эдгар.

— Погулял муженек в «Вилле Фреди», — ворчала мадам, — а теперь вот приходится расплачиваться.

— Что ты там все болтаешь! — огрызнулся на нее Бангер. — Какое это имеет отношение к «Вилле Фреди»? Кооператив остается кооперативом, а если другие не умеют хозяйничать, я-то тут при чем?

Теперь Анита начала догадываться. Позавчера она слышала о начавшейся ревизии, но ей пришлось пережить за это время такие тяжелые часы, что она ни разу не поинтересовалась поселковыми новостями.

— Наверно, от ревизора неприятности? — спросила она отца. — Что он, строг?

— Строг, — горько усмехнулся Бангер. — Это уж не ревизия, а форменное следствие! Суший дьявол!.. Для чего надо было это, для чего то? Почему на этой квитанции нет всех подписей и где доказательства, что вам действительно было нужно оконное стекло?.. Словно больше у них некого было послать!.. С этим ведь никто сговориться не может. Он и не слушает нас, а только знай себе спрашивает да записывает. Вчера, например, весь день рылся в документах и книгах, привязывался из-за пустяковых формальностей. Разве он не знает, что здесь никто университетов не кончал? Люди мы простые, так что же тут удивительного, если получилось не совсем гладко, не по уставу...

— Что же будет дальше? — спросила Анита.

— А кто его знает? Вчера к вечеру ревизор совсем разворчался. Не исключена возможность, что кооператив будет прикрыт. По правде говоря, зря Оскар вышел тогда из правления. Если бы он действовал понастойчивее, остальные бы послушались. А сейчас, когда следовало бы помочь своим односельчанам, он и не показывается.

— Оскар только сегодня утром вернулся, он ничего не знает про ревизора, — сказала Анита.

— Да разве Оскар дома? — оживился Бангер. — Тогда скажи ему, чтобы шел в кооператив. Сегодня перед обедом будет общее собрание, там все решится. Гнилушанам уже сообщили. Если бы я знал твердо, что он придет, можно было бы переговорить с другими.

— Думаю, он не откажется прийти.

Лицо Бангера прояснилось. Эдгар и мадам тоже немного повеселели. Кофе был сварен, лавочник быстро позавтракал и стал одеваться.

— Мне-то еще не так достанется, — сказал он, уходя. — А вот как будет чувствовать себя Осис! Человек болеет, ему бы лежать да лежать, а этот сумасшедший не дает покоя: «Пусть придет и предъявит кассу со всей наличностью!» Бог знает, чем все это кончится...

Вскоре после ухода Бангера, когда Анита разбудила и одела Эдзита, появился Роберт. Он зашел проститься с родственниками и купить на дорогу папирос.

— Мне, правда, следовало уехать еще вчера, да уж очень погода была отвратительная. Думал, за ночь переменится. Ну, делать нечего — приходится и в такую ехать. Если я к десяти попаду в Ригу, будет в самый раз. Можно на часок и опоздать, у меня начальство на этот счет не очень строгое.

— Разве ты к Оскару не зайдешь? — спросила Анита.

— Как, он уже дома? Надо будет забежать хоть поздороваться, а то скажет — брат не хочет знать.

Он вышел за папиросами. В это время старый Крауклис завернул в лавку, по дороге в кооператив.

— Слыхал последние новости? — спросил он племянника еще с порога. — Прошлой ночью у нас что было-то...

— Что такое? — опередила Роберта вопросом мадам. — Снова что-нибудь сгорело?

— Нет, сгореть ничего не сгорело, — засмеялся Крауклис, — только прогорело. И надо сказать — опять с этим Фредом. Окончательно не повезло человеку.

— Ну? — Роберт так насторожился, что забыл поднести огонь к папиросе. Но Крауклис не спешил с ответом, и спичка, догорев до конца, обожгла Роберту пальцы. — Что там случилось, дядя?

— Теперь мы узнали, откуда Фред брал уловы апостола Петра. Все время водил нас за нос, прохвост этакий! Вчера поймали на дюнах контрабандистов со спиртом. И кто же это был? Оказывается, Фред со своей «Титанией».

— Что ты говоришь? — встрепнулся Роберт и стал торопливо застегивать пальто. — Фред, говоришь, схвачен?

— Ну, тот ведь скользкий, как угорь... Он один и удрал. Ушел в море, потому что не успел сойти на берег, когда подошли полицейские. Неизвестно, каково ему сейчас в такую погоду. Но Баночку забрали, потом

еще одного помощника, шофера какого-то. Слышать, в Риге у них имеются еще компаньоны. Может, тех тоже арестовали. Баночка их всех выдал.

— Сколько с меня причитается? — Положив на прилавок лат, Роберт не стал дожидаться сдачи. — Не стоит, пусть останется Эдзиту на конфеты. Мне надо спешить, чтобы не опоздать на утренний поезд. До свидания, госпожа Бангер! До свидания, дядя!

Быстрыми шагами он направился в жилую половину.

— Прощай, Анита! Передай привет Оскару! — Он подал руку невестке.

— А к нам ты не зайдешь? — удивилась Анита.

— К сожалению, нет, — только что вспомнил, что сегодня до девяти мне надо погасить один вексель, иначе пойдет к протесту.

Скорей, только бы скорей! Прочь из поселка, пока не начала разыскивать полиция! На почте, в сберегательной кассе, взять деньги — хорошо, что книжку захватил. Заграничным паспортом он уже обзавелся; в Риге, наверно, стоит какой-нибудь подходящий пароход. И тогда — ищи-свищи! Только бы скорей уехать! Проклятый Баночка — не мог попридержать язык. Разве ему от этого станет легче?

Но напрасно Роберт спешил так выкупить вексель. Срок его истек гораздо раньше, чем он ожидал. Едва он вошел в отцовский дом, не успев еще всполошить родителей и потребовать, чтобы скорее запрягли лошадь, как на улочке затрещал мотоцикл. Двое полицейских подъехали к дому Клявы и вошли во двор. Когда Анита через несколько минут проходила с сынишкой домой, она увидела деверя, усаживающегося в коляску мотоцикла, и по виду его нельзя было сказать, что он отправляется на прогулку. Угрюмо насупившись, сидел он рядом с полицейским, не глядя по сторонам, не узнавая соседей.

Теперь Анита поняла, чего ради так спешил Роберт, но сейчас ей самой надо было торопиться: два человека, которых она оставила дома, наверно, уже обо всем переговорили. Она должна прийти вовремя.

Дом был пуст. Завтрак остался в духовке нетронутым. Анита выбежала во двор, заглянула в клеть и сарайчик — Оскара нигде не было. Чьи-то большие свежие следы виднелись на тонком снежном покрове. Они вели к берегу, черные и зловещие, — сапоги протоптали снег до самой земли. «Только что вернулся и опять зачем-то ушел». Недоброе предчувствие овладело Анитой, она не хотела ему верить, и все же не могла пренебречь им. Сунув Эдзиту книгу с картинками — пусть сынок посмотрит и подождет возвращения мамы, — Анита заперла дверь и побежала к берегу. Ей показалось, что за дюной кто-то кричит. А может быть, это только воеет

ветер? Собака выскочила за ней на улицу и забежала вперед, скача от радости, что ее не гонят домой. Вдруг она остановилась и, сердито рыча, вытянула морду: из-за снежной завесы вынырнул навстречу какой-то человек. В глазах Аниты блеснула надежда, но сейчас же потухла: это был только Теодор, задыхающийся, перепачканный грязью и снегом. Узнав Аниту, он сладко улыбнулся ей и остановился посреди дороги.

— Доброе утро, уважаемая мадам! — Его голос еще дрожал с перепугу; он еще не отдышался как следует от быстрого бега. — И вы туда тоже? — спросил он, кивнув головой в сторону моря. — «Ваш супруг только что направился туда...

Видя, что Анита не хочет отвечать и собирается пройти мимо, Теодор загородил ей дорогу, расставив руки.

— Подождите немного, я хочу вас кое о чем спросить.

— Убирайтесь прочь, выродок! — крикнула Анита, отскочив в сторону, словно боясь испачкаться. — Прочь с дороги, довольно вы тут путались под ногами!

— Ого! — Теодор широко открыл глаза. — И вы тоже начинаете выражаться! Я надеялся, что хоть вы-то поблагодарите меня за то, что я открыл вам глаза.

— Прочь! — Анита быстро нагнулась, схватила пригоршню песку и швырнула прямо в лицо Теодору. Злобно зарывав, проповедник стал протирать ослепленные глаза. Собака, поняв, что хозяйка сердится на этого человека, бросилась на него и яростно вцепилась в ноги. Но никто не отзывал ее в сторону, ей позволили рвать чужого сколько влезет, что она с удовольствием и проделала.

«Какая муха укусила эту дамочку? — отбиваясь от собаки, думал Теодор. — Должна бы поблагодарить меня за то, что я ей открыл глаза, дал козырь в руки, а она словно взбесилась».

Наконец ему стало ясно, что из предвкушаемого им великого триумфа ничего не выйдет. А главное, придется навсегда исчезнуть из этих краев, и чем скорее, тем лучше.

Анита спешила. Поднявшись на дюну, она сразу увидела того, кого искала, — кроме него, на берегу никого не было. Оскар стоял возле неводника и смотрел на море.

— Оскар! — крикнула Анита, быстро сбегая с дюны. — Оскар, что ты делаешь?

Он вздрогнул и обернулся к жене:

— Я... хочу подвинуть немного дальше неводник, чтобы его не залило. А то может унести в море.

Разговаривая, он глядел куда-то в сторону. Анита подошла к нему, взяла его за руку и болезненно улыбнулась.

— Я не могу тебе помочь? Давай втащим нашу лодку повыше, где буря ее не достанет. Берись, Оскар!

Долго смотрели они друг на друга, как будто каждый старался разгадать самые сокровенные мысли другого. Глаза Аниты наполнились слезами. Оскар вздохнул и опять отвернулся.

— Не знаю и сам, стоит ли за нее браться, — сказал он наконец. — Она совсем разбитая... Беды большой не будет, если и пойдет ко дну.

— Мы ее поправим, и она опять станет целой... Я помогу как умею.

— Ты хочешь помочь? Теперь, когда тебе все известно?

— Ну конечно. Вот теперь-то и хочу этого... Именно потому, что я все знаю. Но и ты должен узнать все. Пойдем домой, Оскар, сегодня нам надо заново познакомиться, надо понять друг друга.

Домой... У него еще был дом, кров, где можно укрыться от мороза и разгулявшейся непогоды. И этот дом не опустел; человеческое тепло сохранилось в нем, веселый огонь потрескивал в очаге, согревал воздух и растапливал лед на замерзших окнах. И вновь становился виден весь мир и светлый, солнечный день.

— Возможно, что еще не поздно, — задумчиво произнес он.

Они вместе вернулись в поселок.

Два человека вели между собой разговор... Один рассказывал о своем долгом-долгом одиночестве, о том, как весь прошлый год его терзало отчаяние и он, замкнувшись в самом себе, позволял событиям идти своим ходом, пока сам не зашел в тупик. Ничего он не скрыл — ни безумного искушения, одолевавшего его, когда он вез Сартапутна в Ригу, ни случая с Мартой.

— Ты видишь теперь, что я совсем не такой сильный и безгрешный. Этими словами закончил исповедь Оскар и грустно улыбнулся.

— Я знаю, почему ты стал таким, отчего впал в отчаяние, — сказала Анита, рассказав Оскару все. — Ты думал, что твою встречу с Мартой я могу понять иначе, ты думал, что я полюбила другого, а я... я заблуждалась, Оскар. Мы оба заблуждались и оба были несчастны. Я первая поняла это... А тебе надо было понять это раньше. У меня нет твоей спокойной силы, а ты даже не пытался остановить меня. Ты сразу отошел в сторону. Вот тогда я и подумала: «Значит, ему безразлично, что со мною происходит». Если бы ты вмешался, сказал хоть слово, я бы проснулась до того, как начался этот черный сон...

Анита на минуту умолкла. Ее руки лежали в сильных руках Оскара. Не

опуская перед ним задумчивого взгляда, Анита медленно, слово за словом, высказала мысль, отчетливо оформившуюся только сейчас:

— А может, Оскар, мне и нужно было проплутать по узкой, неверной тропе, прежде чем я нашла правильную дорогу. Появились обманчивые мечты о другой, легкой жизни, их воспитывали во мне с детства... Мечты эти воскресли совсем неожиданно. Они могли держать меня в своем плену дольше... и тогда нам пришлось бы еще тяжелее...

Оскар прижал к груди голову Аниты.

— Вот я и нашел тебя, Анита, второй раз нашел.

Он еще не сдался — живуч сын рыбака. Вместе с верой в жизнь он обрел и прежнюю силу и веру в дорогое, разрушенное другими дело. Много еще предстоит сделать, ему надо своей страстью зажечь остальных! Чуть-чуть перевести дух — и снова за работу.

На дворе уже день, погода пасмурная и ветреная. Труженик моря, возвратившийся с тяжелой работы, может отдохнуть. Снова, спустя много ночей, он может надеть чистое белье и вытянуться в теплой постели.

В доме тихо, все ходят на цыпочках, жена бесшумно переставляет в кухне посуду. «Тише, отец спит», — говорит она сыну. Ставни закрыты, в комнате монотонно тикают часы, в трубе по временам завывает ветер. Как хорошо теперь дома!

Но пока он отдыхает, посельчане с тревогой рассуждают о судьбах кооператива... Один за другим лопаются блестящие мыльные пузыри, которые так тешили взоры легковерных людей.

Оскар еще не успел отдохнуть, когда толпа рыбаков остановилась возле его дома.

— Оскар дома?

— Тише, не разбудите! — шепотом останавливает их Анита. — Он устал, дайте ему хоть немного поспать.

Люди шепотом рассказывают, за чем они пришли. Аните не хочется будить его. Но неужели вы думаете, что сын рыбака обессилел и не слышит больше товарищей?

Он знает, как тяжел предстоящий ему труд. Знает, что он не будет принадлежать одному себе, что за каждую неудачу ему надо будет держать ответ перед всем обществом. Но кому-то ведь надо братья за эту тяжелую и почетную работу! И он протирает глаза, оставляет теплую постель.

Громадный, угловатый как сама природа взморья, сын рыбака идет к своей работе, к своему народу.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке](#)

[BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Анри Марто (1874–1934) — выдающийся французский скрипач и композитор.

2

Прошу извинения (*англ.*).

3

Пура — мера об'єма, около 70 литров.

Франк Ведекинд (1864–1918) — немецкий драматург-декадент, автор драм, посвященных преимущественно «проблеме пола», проникнуты идеологией индивидуализма и пессимизма; пользовались популярностью среди упадочнически настроенной молодежи.

Габриеле д'Аннунцио (1863–1938) — итальянский романист и драматург, ставший в последние годы жизни одним из литературных идеологов империалистической агрессии итальянского фашизма. Герой его произведений — аморальные «сверхчеловеки», полные презрения к народу.

Янов день — соответствует дню Ивана Купалы.

Айсарги — военизированная кулацко-фашистская организация в буржуазной Латвии. Айсарги были главной опорой фашистского правительства Ульманиса, а в годы Великой Отечественной войны стали агентурой гитлеровского гестапо.

Фриц Крейслер (род. 1875) — знаменитый австрийский скрипач и композитор, создавший свою школу исполнительного мастерства.

Амелита Галли Курчи (род. 1889) — знаменитая итальянская певица (колоратурное сопрано).

Даугавгрива — устье реки Даугавы.

11

О да, у нас нет бананов.
Сегодня у нас нет бананов! *(англ.)*

Янтарное море — народное латышское название Балтийского моря.

Берковец — единица веса, равная десяти пудам (160 кг).

Калнбирзы. — В старой Латвии название крестьянских усадеб, как правило, было второй фамилией их владельцев.

Пурвиета — латышская земельная мера, соответствующая примерно $1/3$ гектара.

Доброе утро (*англ.*).